

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Сборник материалов международной
научно-практической конференции молодых ученых

Белгород, 18–20 апреля 2024 года

2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Институт общественных наук и массовых коммуникаций

Журнал «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»

Институт философии Российской академии наук (сектор философии естественных наук)

Институт мировой литературы Российской академии наук

НИЦ «Русская литература и христианская традиция»

*В сотрудничестве с Высшей школой экономики (НИУ «ВШЭ»),
Российским новым университетом (РОСНОУ)*

При информационной поддержке журнала «Вопросы философии»

ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Сборник материалов международной
научно-практической конференции молодых ученых

Белгород, 18–20 апреля 2024 года

Белгород 2025

УДК 1(47+57)(092)
ББК 87.3(2)522-608
Г 94

Г 94 **Гуманитарная Россия: междисциплинарные исследования, образовательная мобильность и медиакommunikации, Белгород, 18–20 апреля 2024 года: сборник материалов международной научно-практической конференции молодых ученых / под редакцией П.А. Ольхова, Е.Н. Мотовниковой, Е.Ю. Чистяковой; техн. редакция О.В. Дикаревой, С.К. Зюгановой. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. – 387 с. – URL : <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/64797>. – Текст: электронный.**

ISBN 978-5-9571-3821-1

В сборнике материалов международной научно-практической конференции молодых ученых «Гуманитарная Россия: междисциплинарные исследования, образовательная мобильность и медиакommunikации». помещены программы и тексты выступлений (тезисные или полные) ведущих и молодых ученых – исследователей в области фундаментальных и прикладных проблем гуманитарного знания, истории отечественной и зарубежной гуманитарной мысли и актуальных образовательных практик. Конференционные дискуссии имели методологически открытый, междисциплинарный характер; основным проблемно-тематическим приоритетом участников конференции была герменевтическая («понимающая») традиция в русской философии, науке и культуре. Особая часть материалов конференции – приложение: альманах образует альманах исследований и исследовательских проектов молодых ученых «Гуманитарная Россия: история русской мысли XVIII–XXI вв».

Материалы сборника могут быть полезны исследователям истории и актуальных проблем русской мысли, аспирантам, студентам и всем, вновь открывающим для себя русскую мысль в её истории и современную гуманитарную культуру России.

УДК 1(47+57)(092)
ББК 87.3(2)522-608

ISBN 978-5-9571-3821-1

© НИУ «БелГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

ГОВОРЯТ НАСТАВНИКИ СЕМИНАР-МАСТЕРСКАЯ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ

Титов А.Ю.

Ностратические мотивы в методологии гуманитарных наук

М.М. Бахтина (опыт проявления) 10

Машевская С.М.

Мои наставники 12

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НИУ «БЕЛГУ»

Ба Амаду

СМИ: «Русское пространство» в Республике Мали 15

Ляхова И.Н.

Конструирование культурных ценностей в компьютерных играх

с нелинейным сюжетом 16

КОЛЛОКВИУМ I РУССКИЙ КАНТ: ЗАПИСИ, РЕКОНСТРУКЦИИ, МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Чистякова Е.Ю.

А.Т. Болотов и Им. Кант: к реконструкции возможных встреч 19

Орлова Д.Д.

Прекрасное, возвышенное... комическое? Биографические подступы

к эстетике смеха Им. Канта 21

КОЛЛОКВИУМ II ПОСТАНОВКА ГОЛОСА: ПЕРВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСКИХ РАЗГОВОРОВ И РАЗМЫШЛЕНИЙ

Титова С.А.

Понимание А. С. Пушкина

в литературно-философской критике (к заметкам Н.Н. Страхова) 24

СЕКЦИЯ I

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: МЕТАПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ, СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ГЕРМЕНЕВТИКИ ДЕТСТВА

Рычанский Д.А.

Разработка определения категории объект-система..... 26

Дроботова Н.А., Дмитриков Р.А.

Дискурс о порядке в отечественной философской мысли..... 29

Бычковский Е.В., Гайдуков К.И.

Феномен революции: между идеей конца
и присвоением обществом потребления 32

Говорун Е.Д.

Моральная экономика: концептуально-исторические смыслы
Н. Гётца и Э.П. Томпсона 34

Русинова Л.А., Ермаков Р.М.

Концептуальный персонаж Э. Бернейса:
о возможной антропологии пропаганды..... 35

Орлова Д.Д.

Философия для детей: актуальные проекты в России и за рубежом..... 37

Лотков К.В.

Образ Спинозы в Энциклопедическом словаре
Брокгауза и Ефрона (статья Э.Л. Радлова) 41

Савинов П.К.

Проблема воспитания в становлении и развитии человека
в творчестве А.Н. Радищева 42

Боболь А.А.

Критика Л.С. Выготским концепции эгоцентрической речи Ж. Пиаже 44

Адонин А.Ю.

Педагогическая антропология К.Д. Ушинского как путь развития
современной педагогики (опыт библиографического обзора) 47

И Тяньтянь

Размышления о значении марксизма в Октябрьской революции 48

Калитка С.В.

Гоголь и религия: критический взгляд на церковь, веру и духовность..... 49

Спицын Д.Р.

Смысловые образы и структурные характеристики
волшебной сказки (к исследованиям В.Я. Проппа)..... 51

Фатеев Е.Ю.

Технический прогресс и человеческое бытие: к основным понятиям
экзистенциальной философии техники Н.А. Бердяева 53

СЕКЦИЯ II
ЗЕРКАЛА СОЧУВСТВИЯ:
ВОСТОЧНАЯ МЫСЛЬ В РОССИЙСКИХ
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ –
ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ КИТАЯ

Макарова Е.Ю.

Кан Ювэй. «Полный свод истинных принципов и всеобщих законов»
 (опыт краткого герменевтико-библиографического комментария)..... 55

Чжоу Цзе, Гэ Цили

Новый взгляд и слух: о возникновении китайского кинематографа
 в контексте культурного заимствования..... 57

Жилина М.А.

Исламское каллиграфити (некоторые наблюдения) 59

Гусева О.Л.

Концепты насилия и ненасилия в религиозно-философской традиции
 Древнего Китая 62

Ван Лэй, Ху Лина

Восток в глобальной индустрии знаний и впечатлений:
 о практиках наставничества и туризма 63

Линь Чжэньхань

Китайское понимание романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь» 64

Чжао Цзюньмин

Популяризация китайской литературы среди российской молодёжи
 в рамках российско-китайского сотрудничества 66

Чжао Чэньян

Каллиграфическое письмо в русской и китайской культурах..... 67

Се Хао, Чэ Чжиянь

Нация и культура: критические размышления
 о возникновении двух феноменов 69

Чжао Цайюй

Лингвокультурологический и сопоставительный анализ поговорок
 о времени в русском и китайском языках..... 71

Цзинь Чжунхань

Социокультурный контекст в живописи русских
 и китайских художников XIX–XX вв..... 72

У Лимин

Русский национальный характер в китайских гетеростереотипах 73

Ли Цзиньян

Представления о загробной жизни в русской и китайской культурах 75

Фэн Цзыно

История развития российско-китайских отношений после 1991г. 76

Хуан Мэйюй

Исследование российских регионов:
географическое и культурное разнообразие..... 77

Се Цзайжун

Представление героев романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание» через призму китайского восприятия 79

Ли Юйчжэнь

Культурологический анализ картины И.Е. Репина «Бурлаки на Волге» 80

Цзян Цзялэ

Образ реки Волги в литературных произведениях
русских поэтов и писателей XIX века 82

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ (ПРОБЛЕМНЫЙ) СЕМИНАР «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ: ГЕРМЕНЕВТИКА, ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ИСТОРИИ В РОССИИ»

ЗАСЕДАНИЕ I

Ольхов П.А.

Историческое понимание: открытые вопросы 84

Чистякова Е.Ю.

Поиски рукописей «Детской философии» А.Т. Болотова:
ложные пути и неслучайные встречи 89

Перекрыстов В.В.

Познавательные ориентиры А.Н. Аксакова, Г.М. Дьяченко, А.Р. Уоллеса
в исследованиях спиритуализма и медиумизма XIX в. 91

Нарожный Т.И.

Интеллектуальная повседневность в театральной герменевтике
П.Д. Боборыкина (к маске А.А. Григорьева)..... 93

Чуева Ю.А.

Мистерии и христианство: к вопросу толкования паулианских идей
русскими герменевтами XIX-XX вв. 95

Шульженко А.А.

Символическое национальной памяти через грамматический метод
О. Розенштока-Хюсси 96

Гахова Д.В.

Междисциплинарные ориентации философии права
А.Ф. Кони (к исследовательским поискам 2000-2020-х годов)..... 98

ЗАСЕДАНИЕ II

Сорокина Д.Д.

Подготовка к новому изданию книги Н.Н. Страхова «Борьба с Западом
в нашей литературе» (некоторые текстологические вопросы) 99

Першина И.Л.

Герменевтика аттрактивности в архитектуре (дидактические аспекты)..... 101

Дикарева О.В.

Речевые формулы в эпистолярной Н.Н. Страхова (к переписке с Ю.Н. Говорухой-Отроком) 102

Ермолова Е.М.

Древнеэллинистический смех: семантика открытости в словарных построениях И.Х. Дворецкого, И.Ф. Синайского и А.Д. Вейсмана 105

Заброскова А.О.

Герменевтика и поэтика самопознания в философском опыте В.Н. Карпова..... 106

Гребенникова А.И.

А. Шопенгауэр в России XIX столетия (опыт хронологической характеристики)..... 109

Кальницкий А.А.

К вопросу о самобытности русской имперскости как черты национального сознания 110

Леонова Д.О.

Закон причинности и свобода воли в гипотезах русских психологов XIX века (диалогические контексты М.И. Владиславлева)..... 111

Болдырева А.А.

Образ философии в художественном опыте М.А. Врубеля (герменевтические подступы) 113

Зюганова С.К.

Семантика «Кольца Нибелунга» в мифо-музыкальном опыте Р. Вагнера (к размышлениям А.Ф. Лосева) 115

Титов А.Д.

Историзм философского мышления и «философское конструирование» (к основаниям философской эвристики И.И. Лапшина)..... 117

**Из архива III международного научно-практического симпозиума
«ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА В РОССИИ XVIII – XXI ВВ.:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

Вдовиченко П.И.

Из опыта работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья..... 121

Дёмочкина Е.А.

Из опыта работы с подростками в любительской театральной студии..... 124

ЧАСТЬ 2

СОБЕСЕДНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА

Ольхов П.А.

Русская мысль: актуальное прошлое (вступительные замечания)..... 130

Чистякова Е.Ю.

Национальные приоритеты гуманитарных исследований (опыт летописи
Международного научно-исследовательского центра НИУ «БелГУ»
«Интеллектуальная история России и региональные биографические
исследования») 136

РАЗДЕЛ I

«ДОЛГИЙ» XIX ВЕК – ВОЗВРАТНОЕ ПОНИМАНИЕ

Шульженко А.А. Общий взгляд на концепт национального характера
в «органической» традиции русской философии 180

Месяц К.В. «Задача жизни»: к телеологии «Русских ночей»

В.Ф. Одоевского 196

Коровина О.В. Религиозная жизнь А.В. Никитенко

(опыт антропологической реконструкции)..... 202

Нефёдова В.А. Проблема человека в литературно-философском наследии

Я.П. Полонского 211

Апатенко Д.В. Этико-философские инициативы А.Ф. Кони

в контексте русской философии права XIX столетия 226

Григорук Н.С. Антропологическая поэтика «Дневника писателя»

Ф.М. Достоевского 243

Хахалева В.Н. Критика философии нигилизма в творчестве Н.Н. Стрхова 248

Перекрыстов В.В. Медиумизм в тени оккультизма:

философско-антропологические поиски русских спиритов XIX века 252

Ковалевская Ю.В. Пристрастие к безумию: И.Я. Корейша

в символическом опыте русской культуры (некоторые наблюдения) 258

Нифонтова О.И. Интерес к человеку: философско-теологические перепоутья

русской мысли (первая половина XIX века) 264

РАЗДЕЛ II

ИНТЕРЛЮДИЯ. ВЕНОК ПУШКИНУ (2017–2021)

Кириченко Ю.С. Небесные светила в лирике А.С. Пушкина

(эмоционально-смысловые ореолы)..... 277

Нифонтова О.И. «Человек-избранник»: памятное слово

митрополита Макария (Булгакова) на открытии памятника А. С. Пушкину..... 284

Подгорная Н.Ю. «Простишь ли мне ревнивые мечты... »

(о вымышленном и подлинном в элегии А.С. Пушкина)..... 291

Чистякова Е.Ю. «Уроки чистого атеизма» в поэзии А.С. Пушкина: бунтарство или ирония?	297
Богатырёва Е.В. Русский национальный характер в творчестве А.С. Пушкина	301
Рощупкина Н.А. «Себе лишь самому...» (опыт перепрочтения «Из Пиндемонти»)	305
Арефьева В. Пушкиниана в исследованиях профессора М.Г. Халанского	309
Коровина О.В. Их познакомил Пушкин. творческое взаимодействие пушкиниста А.И. Гессена и художницы Н.Н. Рушевой (по материалам дневника Н.К. Рушева)	321
Апатенко Д.В. Древнерусская правовая реальность (опыт культурно- философского анализа)	326
Нефёдова В.А. «К добру или к худу человек рождается?». Этико-антропологические альтернативы А.П. Сумарокова	336
Литвиненко А.С. Отношение к семейной жизни и воспитанию детей архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).....	351
Мухортова М.А. Проблема соотношения языка и мышления в лингвофилософской теории А.А. Потебни.	356
Новак М.В. Перформанс как явление современной культуры	366
Шило Е.И. Диссертация Н.Н. Страхова в актуальном научно-историческом контексте	379

ЧАСТЬ 1

ГОВОРЯТ НАСТАВНИКИ

семинар-мастерская

с руководителями исследовательских программ и проектов

Титов А.Ю.

Орловский государственный институт культуры
(Орел, Россия)

НОСТРАТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК М.М. БАХТИНА (ОПЫТ ПРОЯВЛЕНИЯ)

Методология не берётся ниоткуда и не уходит в никуда: в её эмпирическом базисе и познавательной динамике важно различать не только личностное, «незримое» знание, когнитивные структуры опыта, но и то, что можно представить как некоторые эмотивные условия его возможности, проявляющиеся в гармоническом напряжении методологических смыслов, реконструируемых затем «извне вовнутрь». Изрядное множество поводов для опознания и исследования этих проявлений дает эмотивный комплекс методологии М.М. Бахтина, который можно попытаться представить как запрос времени на интервальный контрапункт абстрактно-рациональной методологии и методологической анархии постмодернизма.

Методология Бахтина интервально-диалогична: мышление – рождение смысла – безысходно персоналистично, оно совершается средствами речевой майевтики; единица «речевого высказывания» является своего рода интервально-контрапунктной линией между мышлением и языком, или, иначе, событием и его хронотопом; смысловым инвариантом и его событийной амбивалентностью, которая дает себя знать в объединении тем и «множественности ракурсов». Интервальный принцип аппроксимации в методологии Бахтина – приблизительное «сближение с далёким», незавершённость.

Я позволяю себе такую пространную реплику насчёт возможного понимания методологии М.М. Бахтина, её оснований, исходя из вполне практической ситуации, которую полагаю общей для тех, кто занят трудными вопросами биографии самого Бахтина: как представляется, решение этих вопросов следует искать на путях, которые предполагает его собственная методология.

Трудны вопросы об истории рода Бахтина и (в том числе) истории самого имени этого рода. Всматриваясь, насколько возможно, в зеркало бахтинской методологии, вполне допустимо, думаю, предположить ностратическую гипотезу – выявить, посредством «отдалённых сближений», событийно-родовую, корневую этимологию фамилии «Бахтин».

При всей многочисленности существующих на сегодня словарей и справочников по этимологии «русской древней фамилии» Бахтин единственно общее, что их объединяет, это типичная словообразовательная структура с одним из самых распространённых формантов русских фамильных образований -IN (после -ов и -ич). Этимология корневой основы «бахта» (bag/k/hta) в своих полисемантических интерпретациях либо уходит в область гадательного фантазирования (небезосновательную), либо однозначно причисляет к тюркской языковой общности (последнее верно относительно коммуникативного распространения именного арабизма «Бахта», но никоим образом не фамилии «тюркского происхождения» (Баскаков, 1979). В общем, историческая идентификация «древних русских фамилий» с нерусским происхождением заложена в генеалогической программе составления родословий. Уважающие себя лингвисты попросту стараются избегать обращения к фамилии Бахтин (яркий пример оксфордского языковеда-слависта Б.О. Унбегаун (Унбенгаун, 1989).

На мой взгляд, данный, во многом вульгарный, полисемантизм в разночтениях вызван, прежде всего, диалектной локализацией семантических вариаций самого противоположного толка значений слов с корневой основой «бахт». Топографическая же картина его пространственно-временного распространения по Евразийскому континенту весьма обширна, начиная с письменных свидетельств XI-XII столетий. Особое разнообразие представляет собой география топонимов и гидронимов «Бахта» различных водных бассейнов Енисейского плато, Южного Урала, Прикамья, Приочья, Вологодчины и Северского Донца. Подобная экстенсивность не может удовлетворяться локально-диалектными интерпретациями или простыми заимствованиями.

Казалось бы, что в данной ситуации этимологической экспансии было приемлемо прямое использование методологического инструментария самого М.М. Бахтина, особенно напрашиваются «хронотоп» и «топографическая картина», но это не даст ничего, кроме типологической систематизации. Эвристический выход на ностратическую концепцию «отдалённых сближений» позволяет выявить методологическую общность «глубины проникновения» в «могучие глубинные течения культуры», постулированные методологией М.М. Бахтина, – уточнить общее макросемейное родство целой группы языков и решить проблему не на уровне внешних заимствований, но внутриязыковых взаимодействий. Таким образом, мы получаем полигональную семантическую модель в совокупности его вертикальных (временных) и горизонтальных (пространственных) измерений, включая и контактные языковые связи, т.е. в общности ностратической и собственно бахтинской методологии гетерогенных структур.

Исследование многомерной этимологической специфики фамилии Бахтин позволяет заметить особую динамику её смыслового поля. Ономастический спектр глагольной индоевропейской основы bha- 1) «говорить» и древнеиндийского bha- 2) «сверкать», «светить» в развитии значений «говорить» и «делать ясным»; представлен как единое

процессуальное действие речевого высказывания. Тематическая система значений значительно расширяется при восхождении к праностратическому корню *bg-* «достаточно, чрезмерно» в исходном значении «быть в излишке») (Иллич-Свитыч, 1974: 193). Мы остановимся только на базовых значениях, но протоностратическая полигонально-семантическая модель может расширять и множить смысловые пересечения как ближних, так и дальних сближений до бесконечности в глубинном творческом потенциале значений слова «*bagta*» в различных протоязыковых группах макросемейной общности, включая *протославянский* и *древнерусский (ранний русский)* языки.

К сожалению, мы не можем сказать ничего положительного насчет конструктивной продуктивности методологии М.М. Бахтина, определенным образом «канонизированной», часто предстающей в рациональных системах научно-инструментального потребления. Впрочем, как и ностратическая концепция, бахтинская методология вполне «инонаучна»; интервальная эмотивность, которую можно в ней заметить, имеет свою образно-волновую (интонационную) и многомерно-символическую «нерациональность».

В 60-х–70-х гг. XX в. возрождение бахтинской методологии способствовало формированию своего рода онтологического иммунитета гуманитарных наук; и ее параметры учитывали персонально-нравственную императивность гуманитарных исследований (избегание механицизма, формализации и деперсонализации, формально-онтологического безразличия семиотики и структурализма, индивидуалистического «прогрессизма», коммуникологической дискурсивности и др.). Что «день грядущий нам готовит» в 20-е годы XXI столетия? Ожидает ли нас праздник нового возрождения – глубинных смыслов методологии М.М. Бахтина?

Литература

1. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, драведийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь. Т. I. М.: Наука, 1971. 412 с.
2. Унбегаун Б. Русские Фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

Машевская С.М.

Свободный исследователь (Иваново, Россия)

МОИ НАСТАВНИКИ

Вся моя жизнь протекала в педагогической среде. Эссе посвящено размышлениям о том, как влияли на становление личности и выбор стиля общения мои наставники и учителя. Учителей было много, наставники наперечет. Прежде всего, это две молодые учительницы, пришедшие в учебные учреждения сразу после окончания вуза. Татьяна Алексеевна Васетченкова стала моим учителем немецкого языка, когда мне было 12 лет. Затем коллегой в

этой же школе, когда я вернулась в неё работать старшей пионерской вожатой. Мы проработали с ней в тандеме – ст. пионервожатая и зам. директора по воспитательной работе – 4 года и дружили всю жизнь. Елена Михайловна Королева стала классным руководителем 3-го режиссерского курса Смоленского культурно-просветительного училища (сейчас Института искусств). Дружим до сих пор. Стиль общения с учениками у этих педагогов был очень схожим, хотя характеры различными. Только начав работу в университете, я поняла, что переняла многое от них в отношении к студентам. Исторический факультет Ивановского государственного университета повлиял на меня целостно, как коллектив ученых высокого уровня, к профессионализму которых надо стремиться.

Моими наставниками иного плана стали мои собственные дети. Воспитание детей без отвлечения на другую работу стало моим «университетом», подготовило к следующему этапу поиска и творчества. Я поняла, какой театр с детьми меня интересует. Это драматические игры, способствующие развитию детей. Родилась программа «Риторика + театр» для дошкольников. Я пришла в детский сад. Классические театральные методики тут не помогали. Мы начали играть, и сложилась авторская методика детской театральной деятельности. Как не хватало в это время наставников! Мне нужно было понять, почему работает моя методика, и я пошла в аспирантуру. Стала регулярно ездить в Санкт-Петербург в РГПУ им. Герцена на конференции доктора пед. наук Марии Павловны Воюшиной (Воюшина, 2007; 2010; 2022). Этому своему наставнику я обязана приглашением защищаться в диссертационном совете этого вуза.

Позже, в процессе работы над книгой «Очерки по истории детской театральной деятельности» (Машевская, 2015), я открыла для себя театр Яна Амоса Коменского. В дружеской беседе с Марией Павловной я предложила его принцип *играть все, что узнали на уроке*, применить в УМК «Диалог» для начальной школы, над которым она работала. Так появилось методическое пособие «Школа как игра: курс для маленьких творцов, которым хочется сыграть все, что они узнали на уроке» (Машевская, 2019). Наставником для меня был гениальный педагог Коменский. И до сих пор им остается. Новая книга «Театр Яна Амоса Коменского», написанная мною в соавторстве с З.А. Лурье, это не последняя работа, посвященная трудам и идеям необычайно важного для меня педагога.

Литература

1. Воюшина М.П. Модернизация литературного образования и развитие младших школьников. СПб.: Сударыня, 2007. 320 с.
2. Воюшина М.П. Способность к диалогу – основа профессионализма учителя // Вестник Герценовского университета. 2010. № 1 (75). С.99-102.
3. Воюшина М.П. Системно-деятельностный подход к диагностике и оценке метапредметных образовательных результатов (начальное общее образование). М.: Просвещение, 2022. 451 с.

4. Воюшина М.П. Реализация междисциплинарного взаимодействия в УМК «Диалог» для поликультурной начальной школы // Герценовские чтения. Начальное образование. 2010. Т. 1. Вып. 2. С. 69-74.
5. Машевская С.М. Риторика + Театр. Программа для дошкольных образовательных учреждений // Дошкольное образование. 2005. № 15. URL: <https://dob.1sept.ru/article.php?ID=200501511> (дата обращения 28.03.2024 г.).
6. Машевская С.М. Очерки по истории детской театральной деятельности. М.: Совпадение, 2015. 398 с.
7. Машевская С.М. Школа как игра: курс для маленьких творцов, которым хочется сыграть все, что они узнали на уроке. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2019. 150 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НИУ «БЕЛГУ»

Ба Амаду

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СМИ: «РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО» В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Сегодня СМИ являются инструментом «для построения образа мира и освоения жизненного пространства» общества» (Матвеева, 2017). В этом аспекте необходимо отметить, что малийские СМИ играют большую роль в продвижении в обществе знаний о России и русской культуре.

Дружба между Мали и Россией зародилась еще в начале 1960-х годов, во времена первого президента Мали Модибо Кейты, одного из немногих африканских лидеров, которых принимал в Москве Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев. Однако Мали и Россия никогда не были так близки, как сегодня, когда с 2020 года Москва является главным международным политическим партнером Республики Мали (Clifford, 2022).

СМИ Республики Мали акцентируют внимание на природных пейзажах, архитектурных достопримечательностях и национальных традициях, подчеркивают многовековую историю России, ее вклад в мировую культуру и науку, а также особую значимость российской литературы, музыки и живописи. СМИ Мали также отмечают уникальные культурные особенности различных регионов России, их традиции, фольклор, национальные праздники и кулинарные предпочтения. СМИ представляют Россию как страну, в которой живут в согласии разные национально-этнические группы, что делает ее уникальным местом на карте мира (Issaev, Shishkina, Liokumovich, 2023).

Благодаря малийским СМИ многие узнали о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине. Ежегодно 6 июня в Мали также отмечается Международный День русского языка (Немчинова, 2021; Полонский, Глушкова, 2021). Помимо этого события, в декабре 2023 года в Мали состоялась торжественная церемония открытия Центра русского языка и культуры "Русское пространство" в Университете литературы и гуманитарных наук Бамако (Республика Мали) при поддержке правительства Российской Федерации. Как отмечается, проект призван способствовать расширению гуманитарного сотрудничества между образовательными организациями России и Мали и дальнейшему развитию двусторонних отношений между странами. Как сообщили организаторы, постоянные курсы русского языка будут действовать на базе Центра "Русское пространство" при учебно-методической и технологической поддержке РУДН.

Образ России в средствах массовой информации Мали также связан с ее экономическими и научными достижениями. СМИ подчеркивают инновации и

технологические разработки, а также вклад России в международные исследования и сотрудничество.

СМИ Республики Мали формируют сугубо положительный образ России. Всемирный опрос, проведенный Gallup в период с апреля 2021 года по январь 2022 года, показал, что Мали является страной с самым высоким рейтингом одобрения российских лидеров в мире (84%).

СМИ являются важнейшим инструментом для развития взаимоотношений между Мали и Россией. Они позволяют выявить области совместных интересов, понять возможные проблемы и разрешить их. Отметим также, что диалог между представителями российских и малийских СМИ может способствовать улучшению взаимопонимания и углублению сотрудничества между странами.

Литература

1. Матвеева Л.В. Культура и СМИ: размышления о феномене «Разорванной коммуникации» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-smi-razmyshleniya-o-fenomene-razorvannoy-kommunikatsii> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Немчинова Т.П. Русский язык – полномочный представитель России // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 04 июня 2021 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 97-107.
3. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Русский язык в цифровой реальности // Современные вопросы модернизации высшей школы: материалы международной научно-практической конференции, Белгород, 17 марта 2021 года. Белгород: АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. С. 155-163.
4. Clifford C., Gruzd S. Russian and African media: Exercising soft power. South African Institute of International Affairs, 2022. 18 p. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2022/06/Policy-Insights-125-clifford-gruzd.pdf> (дата обращения 09.02.2024)
5. Issaev L.M., Shishkina A.R., Liokumovich Y.B. Russian Policy of Securitization in Africa: Features of Perception // Vestnik RUDN. International Relations. 2023. T. 23. №. 2. P. 322-338.

Ляхова И.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ С НЕЛИНЕЙНЫМ СЮЖЕТОМ

В культуре XXI века, в условиях активного внедрения медийно-цифровых технологий практически во все сферы жизни и деятельности человека и

общества (Дзялошинский, 2022) активно ведется поиск новых инструментов адаптации к условиям окружающей действительности «с учетом перспективы меняющейся практики жизни, динамики ценностных установок, мировоззренческих устремлений и многообразия требующих решения социальных задач» (Полонский, Глушкова, 2019: 630). В этом аспекте особую роль играют стремительно набирающие популярность видеоигры.

Видеоигры, несомненно, конструируют собственные системы ценностей, которые могут влиять на ценностные представления игрока. Системы ценностей в видеоиграх конструируются в соответствии с установленными человеческими ценностями, при этом ценностная система игры может меняться в зависимости от ее жанра, истории мира или сценария. В итоге, мы получаем взаимовлияние трех систем ценностей: ценностей игрока как отдельной личности, ценностей общества и ценностей, заложенных в самой игре.

Исследователи аксиологии видеоигр М.В. Сундикова и К.В. Фофанова отмечают, что адаптированная к игровому опыту теория моральных ценностей может способствовать пониманию влияния ценностей на игроков через исследование эмоциональной составляющей (Сундикова, Фофанова, 2020).

Внутриигровые ценности могут быть как положительными, так и отрицательными, то есть выступать в виде антиценностей. К некоторым примерам, которые используют для конструирования собственных систем компьютерные игры, относятся следующие: жизнь/смерть, победа/поражение, любовь/ненависть, знание/невежество и т.д. События в играх могут сдвигать эти ценности. Например, самая важная ценность – жизнь – в игровой системе ценностей может находиться как на вершине, так и перестать быть основополагающей. Это можно рассмотреть на примере игры с нелинейными элементами жанра «Выживание в открытом мире» «The Long Dark» (2014). Если выбрать режим истории, то смерть персонажа от нападения животного или понижения здоровья до критической отметки вернет игрока в момент автосохранения, и он продолжит проходить сюжет дальше. Если же мы выбираем режим выживания, то ценность жизни персонажа для игрока стремительно возрастает, поскольку его единственной целью становится именно жизнь, а со смертью персонажа заканчивается и сама игра.

Культурные ценности состоят не только из нравственных идеалов, но и из национальных традиций, обычаев, языков, элементов архитектуры. В построении внутриигрового пространства это не менее важно, чем базовые ценности. Например, игра «Shadow of the Tomb Raider» (2018) отражает культуру Южной и Северной Америки через репрезентацию мексиканских традиций, создание красочных пейзажей Перу.

Видеоигры способны оказывать значительное влияние на личность человека, его мировосприятие, мироощущение и миропонимание, способны менять его ценностные представления. Исследователи М.В. Сундикова и К.В. Фофанова справедливо замечают, что «человек должен четко осознавать характер воздействия игровых ценностей на свое сознание, осознавать их источник и уметь критически их оценивать» (Сундикова, Фофанова, 2020).

Литература

1. Дзялошинский И.М. Медиатизация культуры в цифровой цивилизации: Учебное пособие. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 477 с.
2. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Запросы общества в образовании: профессионально-педагогическая культура преподавателя современного российского вуза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 4. С. 629-638.
3. Сундикова М.В., Фофанова К.В. Структурирование и реализация ценностей в видеоиграх // Огарёв-Online. 2020. №9(146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturirovanie-i-realizatsiya-tsennostey-v-videoigrah> (дата обращения: 14.02.2024).

КОЛЛОКВИУМ I РУССКИЙ КАНТ: ЗАПИСИ, РЕКОНСТРУКЦИИ, МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Чистякова Е.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Белгород, Россия)

А.Т. БОЛОТОВ И ИММАНУИЛ КАНТ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЗМОЖНЫХ ВСТРЕЧ

Иммануил Кант (1724-1804) был на 14 лет старше Андрея Тимофеевича Болотова (1738-1833). Когда в 1758 году российские войска после сражения при Гросс-Егерсдорфе заняли Кёнигсберг, 34-летний Иммануил Кант в 1755 году (также это год основания Московского университета) уже стал приват-доцентом (без зарплаты, занятия ему оплачивают студенты) Кенигсбергского университета. Известно, что российские офицеры посещали лекции в университете и Кант даже проводил для них частные занятия. Русская знать также часто приглашала его на званые обеды и балы. Графиня Шарлотта Кайзерлинг бывала частой гостьей на балах у губернатора Н.А. Корфа, а она увлекалась философией и покровительствовала Канту.

Андрею Болотову было в это время 20 лет. Его назначают в канцелярию к губернатору в качестве переводчика. На удивление, штат губернаторской канцелярии позабыл взять с собой переводчика, и пришлось в срочном порядке искать его среди дворянских офицеров. Свободно владевший немецким языком А.Т. Болотов как раз приобрел возможность освободиться от тяготившей его воинской службы, у него появилось больше времени на занятия самообразованием. Он также часто посещал университет, слушал лекции оппонента Канта – крузианца Даниэля Веймана. Учение Христиана Крузия произвело на Болотова ошеломительное впечатление, перевернув его мировоззрение и предотвратив дальнейшее увлечение вольфианством и религиозные сомнения.

Учитывая эти обстоятельства, Болотов наверняка встречался с Кантом и в университете, и на званых обедах. Однако автор подробных мемуаров о своей жизни «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», в которых детально описана жизнь в Кёнигсберге, послужившая интеллектуальной школой для Болотова, имя Иммануила Канта не упоминает ни разу.

Арсений Владимирович Гулыга, автор книги о Канте в серии ЖЗЛ (Гулыга, 1981), издававший мемуары А. Т. Болотова в 1986 году (Жизнь и приключения Андрея Болотова...1986), выдвигает гипотезу об устойчивой неприязни крузианца Болотова к вольфианцу Канту. А.В. Гулыга предполагает, что единственный свободно владевший немецким и русским языком в губернаторской канцелярии А. Болотов мог сыграть судьбоносную роль в карьере И. Канта, когда «затерял» его прошение к императрице Елизавете

Петровне о получении должности ординарного профессора логики и метафизики Кенигсберской академии.

Однако, Алексей Николаевич Круглов выражает критическое отношение к этой гипотезе А.В. Гулыги (Круглов, 2006: 204-227). Он замечает, что увлечение крузианской философией у Болотова началось только в 1761 году, спустя год после принятия решения о занятии должности другим претендентом на нее – Фридрихом Буком. Неприязни по идейным основаниям у Болотова быть еще не могло. Также А.В. Гулыга переоценивает влияние Болотова в канцелярии. В другой ситуации, когда нужна была помощь не оправдавшему надежд русскому студенту Свищову, Болотов не смог помочь.

Более того, хочу отметить некоторое сходство характеров и образа жизни немецкого и русского мыслителей. Оба они были склонны к аскетическому, углубленному в исследования образу жизни. И Кант, и Болотов избежали вступления в масонские ложи, сторонились этого популярного течения. Ну и, конечно, высокая нравственность, воспринятая Кантом из семьи, от друга семьи Франца Шульца, немецкого богослова, роднит его с Андреем Болотовым, который впитал дух православной веры и укреплял его через самостоятельное чтение «Четых-Миней», «Камня веры» Стефана Яворского. Более того, Болотов в своих жизненных решениях был крайне осмотрителен и осторожен, как и Кант. Иными словами, нравственный портрет обоих мыслителей имеет существенные сходства и странно, что диалог между ними не состоялся.

Лишь однажды Болотов упоминает имя Канта в письме 1809 года своему родственнику, историку Николаю Сергеевичу Арцыбашеву (1773-1841), он пишет «... и мне случилось таки в свой век побродить по обширным степям метафизики с товарищи, и спознакомиться с Системами и мыслями славнейших философов последних веков, а великого или прямее сказать безтолкового Канта лично самому видать. В то время как я находился в Кенигсберге был он еще простым ничего не значущим магистром: но читая потом его умствования не могу довольно надивиться тому, что он имел такое щастие себя прославить и такое имя приобрести в свете, а кажется были люди несравненно его основательнее, глубокомысленнее и философскими умствованиями своими подходившими гораздо ближе к натуре и самой истине» (Болотов, 2002: 190). Но эти строки пишет уже 70-летний старик, а не двадцатилетний юноша, и пишет их уже убежденный крузианец, зная, какой величиной стал его идеологический оппонент Иммануил Кант.

Литература

1. Болотов А.Т., Арцыбашев Н.С. Переписка двух родственников живущих в отдалении незнающих друг друга лично // Вестник архивиста. 2002. №2 (68). С.167-221.
2. Гулыга А.В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1981. 303 с.
3. Круглов А.Н. Русские свидетельства об Иммануиле Канте // Историко-философский ежегодник. 2006. № 2006. С. 204-227.
4. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Современник, 1986. 766 с.

ПРЕКРАСНОЕ, ВОЗВЫШЕННОЕ... КОМИЧЕСКОЕ? БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДСТУПЫ К ЭСТЕТИКЕ СМЕХА ИМ. КАНТА

Смех – это многогранное явление, которое включает в себя физиологические, психологические и социальные аспекты. Смех является одним из наиболее эффективных способов улучшения здоровья и настроения человека. Он не только радует и развлекает, но и имеет множество положительных эффектов на физическое и эмоциональное состояние организма. «Казалось бы, философия и юмор – “две вещи несовместные”. Сколько наговорено и написано о трудности и скучности философских текстов, которые за это сами часто подвергались насмешкам» (Столович, 2011: 59). Что удивительно, о смехе в своих работах пишет и Иммануил Кант.

Иммануил Кант был немецким философом XVIII века, который известен своими фундаментальными работами в области эпистемологии, метафизики и этики. Его произведения обычно не ассоциируются с юмором или комическими элементами, так как он был скорее известен своим строгим, аналитическим стилем мышления. Однако, как и у многих других философов, иногда в его произведениях можно встретить некоторые иронические или косвенно комические моменты. Например, в его эссе «Очертания фундаментальных начал метафизики нравственности», можно найти пассажи, где он использовал юмор и сарказм для подчеркивания своих точек зрения. Сам феномен смеха он рассматривал как важный аспект человеческой природы: смех имеет благотворное влияние на здоровье человека, способствуя выработке эндорфинов и улучшению работы легких.

И. Кант не посвятил много времени в своих работах изучению смеха, но он высказывал несколько мыслей на эту тему. В частности, в своем трактате «Критика способности суждения» он утверждал, что смех представляет собой особый вид эстетического удовольствия, который связан с неожиданностью и несогласием между ожиданиями и реальностью: «Смех – это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» (Кант, 1994: 207). Как писал Л.Ю. Фуксон: «Кант открыл момент претенциозности смешного. Претензия и задаёт ожидание, которое обращается в ничто с обнаружением пустоты Претензии» (Фуксон, 1993: 11). Кант также считал, что смех может играть важную роль в освобождении человеческого разума от собственных ограничений и догматического мышления. Он выделял два вида юмора – шутку и сатиру, рассматривая юмор как способ выражения свободы и независимости мысли. Смех и юмор должны быть разумными и контролируруемыми, а не маниакальными. Он полагал, что человек должен управлять своими желаниями, а не подчиняться им. Таким образом, Кант придавал большое значение смеху и юмору, видя в них не только развлечение,

но и важные аспекты здоровья и свободы человеческого духа: «В шутке игра начинается с мыслей, а затем в эту игру вовлекается тело» (Чехина, 2020: 23).

На лекциях Кант часто демонстрировал «сухой юмор», что делало его популярным лектором. Его редко можно было увидеть улыбающимся, даже когда аудитория смеялась над его шутками. Ученик и биограф Канта Людвиг Боровский утверждает, что Кант вел свои занятия следующим образом: «свободно и остроумно», часто шутил, но «не позволял себе шуток с сексуальным подтекстом, которыми пользовались другие преподаватели». В письмах или в контексте определенных диалогов И. Канта с другими мыслителями можно было бы обнаружить намеки на юмор или игривые отступления от основной темы. Хотя в переписке Канта могли встречаться отдельные легкие и ироничные моменты, их общий тон оставался скорее серьезным и умственно напряженным. Кроме того, надо учитывать, что многие его письма были адресованы профессиональным контактам, ученым и философам, с которыми он обсуждал фундаментальные вопросы идеализма и эпистемологии.

Интересно, что несмотря на свою серьезность и глубину, работы Иммануила Канта иногда вызывают у современных читателей комические отклики из-за сложности и абстрактности его языка и мышления. Некоторые аспекты его философии могут быть «подвержены пародии», восприниматься с юмором или иронией, особенно в контексте современного понимания и способа изложения философских идей.

Иммануил Кант описывал смех как проявление радости от крушения ожиданий. В пример он приводил такой анекдот: Наследник богатого родственника хотел устроить пышные похороны, но сетовал на то, что ему это не удалось должным образом; «потому что чем больше денег я даю своим плакальщикам, чтобы они выглядели грустными, тем веселее они выглядят!» (Кант, 1994: 210). Но он также предостерегал от чрезмерной шутливости, осуждая грубость и аморальность в юморе. Кант утверждал, что истинный юмор должен сочетать в себе ум и доброе сердце, чтобы быть по-настоящему возвышенным.

Иммануил Кант высказывал различные мысли о смехе. Он отмечал важность приучения детей, особенно девочек, к непринужденному смеху в раннем возрасте, так как веселое выражение лица постепенно отражается на внутреннем мире. Кант также утверждал, что смех является аффектом, выражением эмоций, и подчеркивал его социальную значимость и влияние на человеческие отношения.

Кант отмечал, что смех является одним из самых загадочных явлений человеческого поведения, сопровождающим почти любую эмоцию, и ученые до сих пор не могут полностью объяснить его природу.

Феномен комического мыслитель рассматривал с разных точек зрения, так:

1. Кант пытался объяснить удовольствие от смеха его «благотворным влиянием на здоровье», но при этом его идея смеха отличалась точностью и остроумием выражения.

2. Кант рассматривал смех как одну из основных характерных черт души человека, указывая на связь с телесным здоровьем.

3. Кант пытался наполнить понятие комического философским содержанием и очертить его границы, внося значительный вклад в теоретическое описание комического.

Таким образом, Кант подходил к интерпретации феномена комического с точки зрения его влияния на физическое и душевное здоровье человека, а также пытался дать ему философское осмысление, несмотря на признание его загадочной природы. Однако в общем, Иммануил Кант не был философом, известным своим юмором, и его работы представлены как серьезные труды, посвященные фундаментальным вопросам философии. Его философия была напряженной и глубоко продуманной, и, хотя в некоторых моментах она может показаться трудной или аскетичной, она представляет собой значимый вклад в западную мысль.

Литература

1. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 368 с.
2. Столович Л.Н. Философия и юмор // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 58-68.
3. Фуксон Л.Ю. Комическое литературное произведение. Кемерово, 1993. 96 с.
4. Чечихина А.Н. Феномен смеха в философии И. Канта // МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 23-24.

КОЛЛОКВИУМ II
ПОСТАНОВКА ГОЛОСА:
ПЕРВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСКИХ
РАЗГОВОРОВ И РАЗМЫШЛЕНИЙ

Титова С.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Белгород, Россия)

ПОНИМАНИЕ А. С. ПУШКИНА
В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ
(К ЗАМЕТКАМ Н.Н. СТРАХОВА)

У Н.Н. Страхова, известного русского мыслителя XIX столетия, особое отношение к А.С. Пушкину. Это отношение можно легко заметить, исследуя сборник статей «Заметки о Пушкине и других поэтах» (в который вошли «Несколько запоздалых слов», «Главное сокровище нашей литературы», «Заметки о Пушкине», «К портрету Пушкина», «"Борис Годунов" на сцене»), иные его труды литературно-философского характера.

Николай Николаевич Страхов повсюду восторгается Пушкиным, его «языком, стихом, течением речи, тоном, формой произведений», – всей той конкретностью, «что может быть названо техникой искусства, его внешними приемами. У Пушкина совершенство этих приемов изумительное, и, конечно, тот, кто не умеет ценить его с этой стороны, никогда не может понять всего его величия и красоты...» (Страхов, 1897: VII-VIII). Вникая в устройство поэтического слога А.С. Пушкина, Николай Николаевич подчёркивает затем его онтологическое постоянство, которое замечается им прежде всего в простоте пушкинских поэтических форм, их «обычности»: «...Он писал точно такие же элегии, послания, поэмы, сонеты, романсы, какие обыкновенно писались тогда у нас в иностранных литературах». Пушкинский слог не стремится к нововведениям: «"Евгений Онегин" имеет форму произведений Байрона, форма "Капитанской дочки" взята с романов Вальтера Скотта, а "Борис Годунов" есть, по-видимому, прямой сколок с трагедий Шекспира...» (Страхов, 1897: 37); при этом Пушкин нигде не проявляет себя как «раб форм», «вливая» в свое творчество «столько содержания, что оно поглощало форму» (Страхов, 1897: 38). Можно думать, что Н.Н. Страхова интересуют практические смысловые начала художественно-поэтического мышления Пушкина, мера его неочевидной творческой свободы.

Свобода пушкинского творчества проявляется, по мысли Страхова, в особом подражательном таланте – подражать, не подражая, – быть «как бы подражателем»: «Иногда Пушкин <...> перенимал весь склад речи, все настроение и тон какого-нибудь поэта» (Страхов, 1897: 42), сосредоточиваясь при этом не на формах и тонах, а на содержании. Все слова, обороты и строй речи, несмотря на простоту и краткость, отражали необходимую картину, имели желаемые черты – будь то черты народной поэзии или классической латинской прозы – и создавали ясный и точный образ: «"У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись в одну речь и церковнославянская форма, и народное речение, и речение этимологически чуждое,

– цитирует статью из "Русского вестника" Н.Н. Страхов, – но усвоенное мыслью как ее собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всеми языками равно признанное выражение» (Страхов, 1868: 84). Подражания Александра Сергеевича, как замечает Н.Н. Страхов, отличаются своим разнообразием, но все также чуткостью, пониманием всех красот и безобразий «взятого предмета». Страхов обращается к пушкинскому «Подражанию Корану»: «Пушкин же, со своею невероятною гибкостью, старался уловить весь склад Корана, весь беспорядок, всю быстроту и силу переходов, и даже то, что он в другом месте называет "какою-то восточною бессмыслицею, имеющею свое поэтическое достоинство"» (Страхов, 1897: 48).

Вольная отзывчивость Пушкина, надо думать, не только эстетического, но прежде всего нравственного свойства и дает себя знать в его умении «прямодушно» писать «истинную поэзию»: «Необыкновенная сила пушкинского гения обнаруживается именно в этом прямодушии... Он никогда не выбирал того, что покрасивее и повеличавее; грязь Одессы и мощение в ней улиц он описывает также звучно, как море и горы» (Страхов, 1897: 56). «Пушкин был правдивейший и искреннейший из поэтов», который «всею душою стремился к правде»; даже в своих пародиях, как акцентирует Н.Н. Страхов, он не отступал от принципа честности: «Ложный тон Карамзина здесь разоблачен совершенно, – пишет Страхов о пародии Пушкина "Летопись села Горюхина", в которой Александр Сергеевич пародировал первые главы "Истории Государства Российского", – притом не вообще, а с точным указанием истинных свойств предмета, по отношению к которому этот тон ложен. Черты русской жизни, намеченные здесь Пушкиным, истинно драгоценны – и стоили бы подробного разбора <...> ибо верность этих черт и правдивость их освещения поразительны» (Страхов, 1868: 54).

Вопрос об отношении Н.Н. Страхова к трудам А.С. Пушкина открытый и весьма обширный. Уже при первом его предварительном продумывании предстает проблема особой парадигмальной установки мышления самого Н.Н. Страхова, «всепонимающего философа» (Григорьев, 1999: 261), как называл его А.А. Григорьев и «участника Пушкинской партии» (Страхов, 1897: 120), как он сам себя называл. Стремясь понять честную и подражательно вольную, умную поэзию Пушкина, Н.Н. Страхов уточняет свою познавательную позицию отрицательно: «Каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную стороны...» (Страхов, 1897: 38). Впрочем, и А.С. Пушкин, как замечает Страхов, не склонен к какому-то литературному сектантству, желая творчески полно отозваться на те разговоры, которые переосмысливаются им в его диалогической мастерской, перевоссоздаются в его речевом поведении. Какова же мера встречного понимания, «заметок о Пушкине» со стороны как будто совсем не чужого ему Н.Н. Страхова?

Литература

1. Аполлон Григорьев. Письма. М.: Наука, 1999. 473 с.
2. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. СПб. 1868. 73 с.
3. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев. 1897. 281 с.

СЕКЦИЯ I
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
МЕТАПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ, СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ, ГЕРМЕНЕВТИКИ ДЕТСТВА

Рычанский Д.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

РАЗРАБОТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТ – СИСТЕМА

Система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Претерпев длительную историческую эволюцию, понятие «система» с середины XX века становится одним из ключевых философско-методологических и специально-научных понятий. В современном научном и техническом знании разработка проблематики, связанной с исследованием и конструированием систем разного рода, проводится в рамках системного подхода, общей теории систем, различных специальных теорий систем, системном анализе в кибернетике, системотехнике, синергетике, теории катастроф, термодинамике неравновесных систем и т.п.

Первые представления о системе возникли в античной философии, выдвинувшей онтологическое истолкование системы как упорядоченности и целостности бытия. Воспринятые от античности представления о системности бытия развивались как в системно-онтологических концепциях Спинозы и Лейбница, так и в построениях научной систематики XVII-XVIII веков, стремившейся к естественной (а не телеологической) интерпретации системности мира (например, классификация К. Линнея).

Принципы системной природы знания разрабатывались в немецкой классической философии: согласно Канту, научное знание есть система, в которой целое главенствует над частями. Шеллинг и Гегель трактовали системность познания как важнейшее требование теоретического мышления. Определенный вклад в разработку философских и методологических оснований исследования систем внесла марксистская философия.

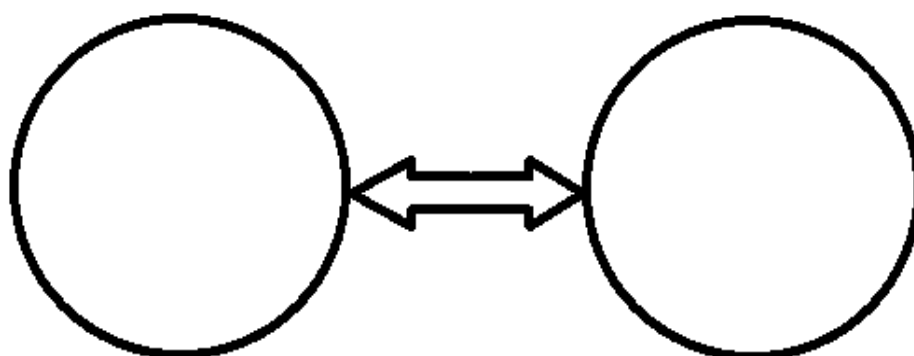
Для начавшегося со 2-й половины XIX в. проникновения понятия системы в различные области конкретно-научного знания важное значение имело создание эволюционной теории Ч. Дарвина, теории относительности, квантовой физики, позднее – структурной лингвистики. Возникла задача построения строгого определения понятия системы и разработки оперативных методов анализа систем. Бесспорный приоритет в этом отношении принадлежит разработанной А.А. Богдановым в начале XX в. концепции тектологии – всеобщей организационной науки. Эта теория в то время не получила достойного признания и только во 2-й половине XX в. значение тектологии Богданова было адекватно оценено.

Сам принцип системности является идеализацией. Как таковых систем в природе не существует. Их выделяет человеческое мышление для удобства рассмотрения динамических, находящихся в развитии объектов. В природной действительности существует только единство, всеобщее существование, универсум. Выделение систем производит исследователь в соответствии с задачами, решение которых он хочет найти (Атланов, 2021: 370).

На основе анализа термина система и при объективном философском восприятии материи, где объект – часть материи, имеющая в ней границы (Рычанский, 2018: 39), попытаемся все же найти «систему» в природе.

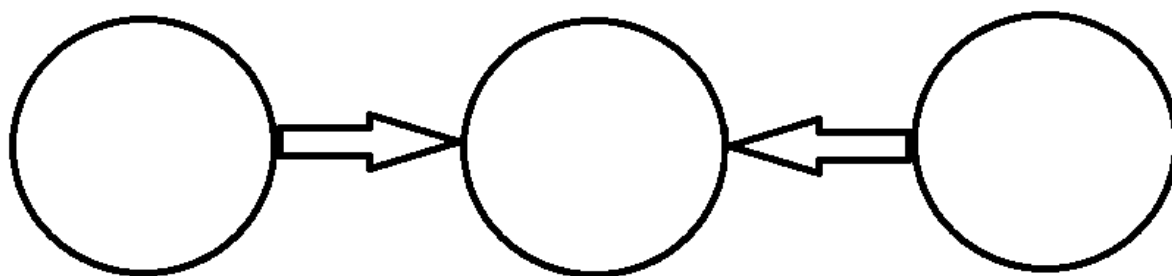
Переходя от исследования объекта структуры к материальному объекту система, обратимся к определению структуры. Структура – совокупность устойчивых связей объекта, (обеспечивающих воспроизводимость при изменяющихся условиях) обеспечивающих целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение свойств при различных внешних и внутренних изменениях. На первый взгляд определения не идентичны, но похожи. Тогда в чем же разница? В случае структуры – это совокупность связей, в случае системы – это совокупность элементов, взаимодействующих между собой. В первом случае акцент на связях, во втором – на элементах, но, к сожалению, объект, отвечающий по требованиям первому определению, будет отвечать и второму. Да, все могут указать на разницу объектов модели из детского конструктора и, например, органических систем, и эта разница будет всем очевидна и элементы другие и взаимодействия их разные, но тогда и определения их должны быть различны. А они одинаковы.

Различия вижу в первую очередь по типу взаимодействия. Обратимся к определению объекта структуры, выведенному нами ранее в предыдущей статье. Структура – множество соседствующих тел, взаимодействующих между собой (Рычанский, Берёзкина, 2022: 27). Если представить схему этих тел, то она будет выглядеть следующим образом:

то есть можно утверждать, что: «сила действия равна силе противодействия». Это известный закон физики. А можно изменить эту схему?

Да:

тогда сила действия будет направлена в одну сторону – центростремительной. Таким образом, материальным объектом «система» мы будем считать, объект в котором тела (его элементы) будут стремиться к его центру, то есть этот объект должен иметь ядро.

На основании вышесказанного сформулируем определение категории объект-система. Объект-система – это объект, в основе которого лежит объект-структура, связи элементов которой не просто взаимны, а центростремительны, образуют ядро. Ядро в свою очередь порождает такие феномены как притяжение, поле, подчиненный объект.

Теперь становится очевидным, какие именно объекты относятся к классу система – это живые организмы (условно), на макроуровне это планеты, звезды, галактики, на микроуровне это атомы, клетки. При изучении системы нас может интересовать потенциал ядра и поле объектов, в котором распространяется его потенциал, какие объекты притягиваются, а какие нет. Почему планеты солнечной системы движутся по орбитам вокруг солнца, а водород притягивается к ядру, вступает в термоядерную реакцию, оставаясь частью ядра в виде гелия и выбрасывая высвободившуюся энергию и излишки материи в космос.

Но обратимся к этимологии слова система – через франц. *systeme* из лат. *systema* от греч. *σύστημα* «составление». Да, на первый взгляд есть противоречие, составление есть продукт человеческой деятельности, а мы говорим об объектах, таких как солнечная система, атом, клетка, то есть об объектах, которые существуют помимо человека? Но рассмотрев пристальнее данную проблему, мы увидим, что объект, составленный человеком, – это некие элементы, объединенные человеком, его идеей, он выступает в роли ядра системы. Тот же автомобиль, самый сложный современный объект, остается грудой металла и пластика, объектом структура, до тех пор, пока человек не совершит на нем поездку – притянет посредством его (автомобиля) себя из пункта А к пункту Б. Все эти «сложенные» объекты являются синтетическими, по отношению к системам природным – планете, атому, клетке.

С точки зрения антропологии суть объекта-системы заключается в том, что человек, являясь подчиненным объектом системы высшего масштаба, – планеты Земли, также является системой, притягивая необходимые ему ресурсы. И более того множество людей могут объединяться в общества под некоторой объединяющей их идеей, и тогда уже идея становится таким своеобразным ядром.

Литература

1. Атланов Д.Ю. Философская антропология. Системный подход. М.: Ridero, 2021. 370 с.
2. Рычанский Д.А. Единое и многое // Интернаука. 2018. №3 (7). С. 39-41.
3. Рычанский Д.А., Берёзкина И.В. Философские и естественнонаучные аспекты в контексте анализа и поиска критериев определения категории объект– структура // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т.11. № 5. С. 27-32.

Дроботова Н.А., Дмитриков Р.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ДИСКУРС О ПОРЯДКЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Под дискурсом мы понимаем определенным образом организованную систему высказываний, в которую словно в «сеть» попадают или не попадают определенного рода объекты и субъекты. Такой подход мы заимствуем у М. Фуко, возможно, несколько упрощая его и ограничивая поле дискурса отечественными диссертационными исследованиями по философским наукам. Эмпирической базой данного обзора послужил каталог Российской государственной библиотеки, начиная с 2000 года. Оговоримся, что мы не ставим целью упомянуть все диссертационные исследования, а скорее стремимся выявить тенденции в понимании порядка.

При этом следует учитывать, что философский дискурс испытывает влияние дисциплины, проявляющееся в разделении на специальности. Соответственно, это вносит коррективы в аналитику и в некотором смысле предугадывает связь или характер отношений между объектами дискурса. Так, работы по истории философии не только соотносят порядок с идеями того или иного философа, что также локализует их временные характеристики, но еще заранее конструирует само понимание порядка, который становится концептом в авторской понятийной системе или метафорой структуры. Примером первого могут служить работы: И.С. Кауфман (Кауфман, 2000) или Н.А. Меркуловой (Меркулова, 2016). Где Меркулова анализирует идею нравственного порядка в философии Лейбница и отмечает, что для него нравственный порядок есть часть мирового порядка, всеобщей установленной Богом гармонии. Е.А. Баёва пишет о социальном порядке в контексте философии И. Канта и его идеи априорных этических суждений (Баёва, 2011). И хотя порядок здесь соотносится с общественным устройством или состоянием, нравственностью и феноменом познания, он не является объектом анализа сам по себе. Предстает как концепт и остается на периферии концептуализации.

Или же, как мы отметили, как метафора, указывающая на структуру самой авторской концепции, а также структуру вообще или определенность

чего-либо. В этом случае порядок не включен в название диссертации, но часто содержится в названиях параграфов или самом тексте. Например, в работе Рыбалка Е.А. мы встречаем упоминание о порядке общества, в котором личность институционально стремится занять свое место, а также о властных и коммуникационных структурах порядка (Рыбалка, 2010: 3,10). А.Ю. Шевченко использует слово «порядок» в названии главы: «Порядок любви и аксиологическая целостность человека», очевидно соотнося порядок и целостность человека (Шевченко, 2014: 19). Порядок в таких работах синонимичен определенности изучаемого объекта, самого текста исследования, равен по значению структуре.

Метафоричность порядка не является претензией, которую мы предъявляем к текстам. Скорее ее нужно понимать как характеристику самого объекта и отношений с ним. Порядок конструируется как открытый объект с одним неизменным или обязательным смыслом, определенности чего-либо. Порядок больше характеристика, чем что-то отдельное, существующее само по себе. Но открытость позволяет «населить» этот объект разными сущностями и прежде всего социальными. Большое число работ прибегают к формулировке «социальный порядок». Мы не будем углубляться в историю этого понятия, но отметим его популярность на протяжении как минимум двадцати лет, составивших нашу выборку. Например, социальный порядок как состояние общества в сопряженности с феноменами криминализации, устойчивого развития и глобализации рассматривается в работах О.В. Терещенко (Терещенко, 2020), Ю.А. Гнидиной (Гнидина, 2003), Е.Г. Ханзиной (Ханзина, 2019). И здесь порядок есть характеристика и состояние, но также то, что нужно поддерживать. Прежде всего политическими инструментами. Истоки этой идеи лежат в эссенциалистских учениях Нового времени, наделявших общество возможностью самоорганизации и саморегуляции, исходя из чего порядок также приобретал содержание. Во многом генетические смыслы порождения порядка самим обществом, его волей и целеполаганием. Другим полюсом является конструктивизм, который лишает порядок этого родового основания, но взамен постулирует тезис о деятельном создании порядка, необходимости его сотворения. К таким работам можно отнести диссертационное исследование Ю.В. Барбарук (Барбарук, 2011) и О.Б. Рыбаковой (Рыбакова, 2012). Порядок в данном случае пустой объект с предписанием его наполнения, конструирования порядка в дискурсе. Порядок – это то, о чем мы договоримся в самом тривиальном смысле.

Наиболее фиксированный смысл порядка мы находим в синергетике, которая также на протяжении всего изученного нами периода сохраняет свою актуальность как методологическая основа. Порядок в синергетике одно из ключевых понятий, причем укорененных онтологически, поскольку выступает в паре с понятием хаоса. В совокупности являющимися двумя состояниями реальности. Порядок как альтернатива хаосу рассматривается в работах И.И. Малышко (Малышко, 2004), Т.Х. Дебердеевой (Дебердеева, 2003), Х.Н. Ягафаровой (Ягафарова, 2008). Еще раз отметим, что порядок в трактовке синергетической парадигмы антитеза хаосу или беспорядку. Порядок возникает

в процессе самоорганизации и как организующий принцип распространяется как на природу, так и общество. Заметим, что если пара понятий порядок – хаос достаточно перспективна для системного анализа и нахождения структуры, то о самом порядке, кроме возникновения из своей противоположности, она малопродуктивна.

Подводя итог, можно констатировать, что философский дискурс, представленный в диссертациях за отмеченный период, большей частью оперирует порядком как пустым объектом, наполненным историко-философским, гносеологическим, социально-политическим и в меньшей мере онтологическим содержанием. Это некоторое состояние определенности, аналог структуры или даже метафора. Порядок как концепт охватывает сферы мышления, общественного устройства и мира, но не является частью человеческой реальности. Хотя на уровне обыденного мышления порядок занимает важное место.

Литература

1. Кауфман И.С. Порядок бытия и мышления в системе Спинозы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2000. 15 с.
2. Меркулова Н.А. Духовно-нравственный порядок в метафизике Г.В. Лейбница: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Курск, 2016. 22 с.
3. Баёва Е.А. Рецепция кантовского априоризма как условие обоснования социальной теории: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2011. 29 с.
4. Рыбалка Е.А. Пространственное бытие личности: социально-философский анализ: Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 48 с.
5. Шевченко А.Ю. Любовь как условие целостности человека: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2014. 26 с.
6. Терещенко О.В. Криминализация и социальный порядок российского общества в условиях глобализационных процессов современности: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2020. 27 с.
7. Гнидина Ю.А. Субъектность личности как условие развития государства и гражданского общества: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2003. 22 с.
8. Ханзина Е.Г. Проблема общественного порядка в истории философии: V в. до н. э. – начало XIX в.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2019. 32 с.
9. Барбарук Ю.В. Постмарксистская альтернатива либеральному социальному порядку: на примере эссекской и люблянской школ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. 28 с.
10. Рыбакова О.Б. Роль ортодоксии и гетеродоксии в процессе легитимации социального порядка: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2012. 20 с.
11. Малышко И.И. Синергетические проблемы эволюции социально-экономических систем: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2004. 50 с.
12. Дебердеева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003. 28 с.

13. Ягафарова Х.Н. Симметрия и самоорганизация: от античной натурфилософии к современной науке: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2008. 20 с.

Бычковский Е.В., Гайдуков К.И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ: МЕЖДУ ИДЕЕЙ КОНЦА И ПРИСВОЕНИЕМ ОБЩЕСТВОМ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В современной экономике знаний востребованность той или иной темы уже не столько зависит от ее социальной или экономической актуальности, сколько от собственных правил функционирования научного дискурса (Борисов, 2018: 14). И в отношении революции как объекта научного исследования это совершенно справедливо. Так Борис Капустин суммирует достаточно распространенные тезисы о конце революции, выделяя: аргумент о дисбалансе сил, о разочаровании в революции, о связи революции с отсталостью в развитии социально-политической сферы, а также аргументы об изменении международного баланса сил, глобализации и роли демократии. И большая, если не вся, часть тезисов опирается на понимание революции как феномена социально-политической реальности, связанного с борьбой за власть и ведущего к коренному изменению этой реальности. Отсюда вывод о невозможности революции в современности по причине радикального дисбаланса сил между властью и революционерами, совершенстве механизмов снятия противоречий в социальной жизни и как итог отсутствие революционного потенциала масс, утрате этого потенциала и вследствие краха социалистического блока, потере авторитета коммунистической идеологией, питавшей революционные настроения в мире.

Действительно, можно сделать вывод о несостоятельности революции, но если мы обратим внимание на феномен «цветных революций», то возникает сомнение в данном выводе. Революция, как и ранее имеет отношение к проблеме безопасности, власти и насилия (Борисов, 2018, 2016). Но несколько иначе соотносится с этими реальностями и самой жизнью, человеком. Жан Бодрийяр раскрывает суть изменений через трансформацию политической сферы, которая перестает функционировать через производство противоречий, борьбу за равенство, а переходит к производству и установлению различий. Соответственно, там, где ранее возникали противоречия и политическая борьба, появлялась идея и идеология, сегодня создаются различия и разделения (Бодрийяр, 2023: 151). Бодрийяр делает вывод, что революции невозможны, но они невозможны как политический феномен, в социально-политическом измерении. В других «реальностях» они не только возможны, но можно сказать, что само производство различий становится революцией. Сама реальность тем самым революционизируется на уровне символизации. Наиболее элементарным

образом мы можем наблюдать такое присвоение революции в кинематографе (Борисов, 2012). В котором революция не только репрезентируется как событие, но продолжает длиться и воспроизводиться вновь и вновь, с каждым просмотром и новым зрителем.

Связь революции с властью и насилием, таким образом, также не разрывается, но осуществляется иначе. Более тонко и разнообразно, физическое насилие уступает место символическому (Борисов, 2012: 232-234; Борисов, 2009: 13-15). Общество потребления присваивает революцию как образ, изымая ее из сферы политической борьбы, но платой за это становится революционизация самой жизни. Выражающееся в императиве изменений, коренной перестройке всего и вся, от высоких технологий до элементарного быта. Можно сказать, что перманентная революция, о которой мечтали революционеры в начале прошлого века свершилась, но гримаса истории заключается в том, что она свершилась совсем не так, как предполагали ее теоретики.

Литература

1. Борисов С.Н. Античный номос и актуальные проблемы исследования насилия // Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика: сборник научных статей / Белгородский государственный институт искусств и культуры; Южный федеральный университет. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2016. С. 168-175.
2. Борисов С.Н. Глобальный капитал и экономика знаний в современном мире // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского: Материалы докладов гуманитарных секций региональной университетской научно-практической конференции, Калуга, 01 февраля – 31 марта 2018 года. Калуга: ФБГОУ ВПО "Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского", 2018. С. 13-24.
3. Борисов С.Н. Концепт "безопасность" в философии эпохи возрождения и нового времени // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 1(17). С. 74-79.
4. Борисов С. Н. "Революция" после революции: символическое насилие в русском кинематографе 30-х гг. XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20(139). С. 136-143.
5. Борисов С.Н. Самосознание. Террор. Революция // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 8(63). С. 130-135.
6. Борисова О.С. Символическое насилие в практиках историзации и меморизации революции (на примере кинодискурса 30-х гг. XX века) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8(127). С. 230-240.
7. Бодрийяр Ж. общество потребления. М.: Издательство АСТ, 2023. 384 с.
8. Капустин Б. Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 144 с.

Говорун Е.Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Белгород, Россия)

**МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ
Н. ГЁТЦА И Э.П. ТОМПСОНА**

Концептуализация понятия моральной экономики, которая происходит в современных философско-антропологических и этико-аксиологических исследованиях применительно к устройству экономической жизни, пониманию различных аспектов её органического единства, благоприятна и для сравнительного анализа. Насущным в этой связи представляется уточнение исторических предпосылок понятия «моральная экономика», которые обстоятельным образом были выявлены и актуализированы в исследовательских проектах, связанных с проблемами моральной экономики в глобальном гражданском обществе и его истории (в т.ч. в России); на них суммативно указывает и крупнейший участник этих проектов Н. Гётц (Götz, 2015).

Обычно возникновение термина «моральная экономика» связывают с работами английского социального историка Э.П. Томпсона, который с некоторой эмпирической основательностью представил совместные, «народные» начала экономического мышления в Англии XVII столетия (Götz, 2015: 147). Исследования Э.П. Томпсона позволили ему выявить общие закономерности, причины и следствия народных восстаний в периоды голода и сделать выводы о необходимости особого равновесия между патерналистской властью и народом. Согласно Э.П. Томпсону именно «народная этика» санкционировала прямые социально-экономические действия масс. Это были представления о традиционных социальных нормах, о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Сумму этих представлений Томпсон и называет «моральной экономикой» (Thompson, 1971: 93).

Н. Гётц предлагает своего рода положительную критику суждений Э.П. Томпсона – находит возможным указывать на иные, конструктивно-созидательные, или, иначе, моделирующие смыслы концепта моральной экономики, актуальные для современного гражданского общества. Если Томпсон уточняет историзм моральной экономики в общем контексте классической политической экономии, с опорой на диалектику патерналистского контроля и народных восстаний, то Гётц указывает на потенциал термина «моральная экономика» как динамичного аналитического инструмента, способного пролить свет на работу гражданского общества в современном мире.

Концептуальная история термин «моральная экономика» демонстрирует большое разнообразие значений за период своего существования. «Их общим знаменателем была осознанная необходимость сочетать целенаправленную рациональность с соображениями, основанными на ценностях» (Götz, 2015: 158). Несмотря на такую стратегическую позицию, критически важную для

состояния человека, «моральная экономика» редко рассматривалась как концепция, связывающая две ее параллельные основы, то есть идеационные и утилитарные цели. Своего рода этико-экономическую герменевтику этой связи, её историзма, вполне, на мой взгляд, обоснованно предлагает Н. Гётц.

Литература

1. Götz N. «Moral economy»: its conceptual history and analytical prospects // Journal of Global Ethics. 2015. 11: 2. P. 147-162
2. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. 50. P. 76-136.

Русинова Л.А., Ермаков Р.М.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ Э.БЕРНЕЙСА: О ВОЗМОЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПРОПАГАНДЫ

Эдвард Бернейс является основателем рекламы и связей с общественностью как отдельных сфер профессиональной деятельности. Написанные в начале XX века работы «Пропаганда» и «Общественное мнение» стали классическими. В них дано определение профессиональной сферы специалиста по связям с общественностью, его деятельности, позиции в коммерческой организации и политической партии, основные техники пропаганды. Практически за век развития профессии она стала гораздо сложнее, а фигура рекламщика или специалиста PR многограннее, но тем интереснее вернуться к началу и выявить смыслы, которые Э. Бернейс связывал с ней.

В работе «Что такое философия?» Жиль Делез дает ответ как это сделать, выявить связь автора и его идей, которые получили самостоятельное существование в момент обретения ими публичности. Изобретенная методологическая конструкция – «концептуальный персонаж», связывает автора и антропологические фигуры им произведенные через ключевые концепты. Для Бернейса это концепт пропаганды, который он переосмысливает и желает очистить от негативных коннотаций: «Я отдаю себе отчет в том, что слово «пропаганда» имеет для многих негативный оттенок. Однако, качество пропаганды, будет ли она «хорошей» или «плохой», зависит исключительно от значимости продвигаемых идей и достоверности распространяемых сведений» (Делез, 2008: 19). Иначе говоря, пропаганда ценностно нейтральна и является необходимым и неизбежным инструментом для преодоления хаоса, существующего в обществе, которое не в состоянии регулировать себя, управлять собой и даже поддерживать порядок без регулируемой коммуникации.

Примеры, которые приводит Э. Бернейс в «Пропаганде», показывают, что эта деятельность включена в повседневность и является совершенно обыденной, а не чем-то экстраординарным. Он также дает определение пропаганде: «современная пропаганда – это последовательная и

продолжительная деятельность по созданию и трактовке событий с целью повлиять на отношение масс к тому или иному предприятию, идее или части населения» (Делез, 2008: 24). И как видно из определения, основной объект пропаганды, это массы. Феномен, сформировавшийся в эпоху модерна и оказывающий влияние на все сферы жизни. Бернейс пишет о том, что без поддержки общества сегодня невозможно осуществлять власть или создавать какие-либо значимые проекты. Масса и она же публика имеет решающее значение через выражение своего мнения, которое, в свою очередь, трактуется лидерами – «ключевыми фигурами внутри сообщества». Именно они выражают мнение большинства и их мнение значимо.

Масса и лидер представлены у Бернейса как пара, связанная и необходимая друг для друга. Можно сказать, совершенно естественно множественная и безмолвная масса порождает из своей глубины единицы лидеров и наделяет их голосом. Однако они сущностно едины и это один концептуальный персонаж: «Новая пропаганда берет в расчет уже не отдельную личность, не массовое сознание, а анатомию общества в целом со всеми взаимосвязанными группами и убеждениями. Она рассматривает индивида не только как ячейку социального организма, но и как отдельную единицу» (Бернейс, 2024: 28). Не личность, масса или общество, а единица – объект управления пропагандой. И, конечно, единица «без голоса» отличается от «единицы с голосом», лидера и выразителя мнения. Можно сказать выразителя, но не создателя, так как автором мнения, идеи он не является. Публика в целом и ее порождение, лидер мнения в частности, не производят идеи, поскольку, по Бернейсу, мыслят шаблонно и обобщенно. Новое и оригинальное, изменения не возникают в самом массовом сознании и должны быть привнесены извне.

Здесь как раз и возникает другой персонаж, Бернейс его называет агентом, который связывает правительство и общество. Пропагандист отвечает на запрос общества, которое нуждается в разъяснении происходящего, объяснении реальности, с одной стороны. С другой – на запрос правительства о поддержке со стороны масс. Консультант – агент работает с идеями, «стратегиями, доктринами, системами и мнениями, обеспечивает их публичную поддержку. Также ему приходится иметь дело с материальными ресурсами – готовыми товарами или сырьем. Круг его взаимодействий необычайно широк: и муниципальные службы, и крупные торговые компании, и даже объединения, представляющие целые отрасли промышленности» (Бернейс, 2024: 41). То есть консультант и есть тот, кого можно назвать субъектом, поскольку именно он создает идеи и активно их распространяет. Масса при этом не является совершенно пассивной, она так же, как и правительство формулирует запрос и имеет потребности, консультант должен выступить медиатором и переводчиком невыразимого языка толпы и властного дискурса правительства. Или языка производителя и потребителя с целью удовлетворения потребностей обоих.

Консультант по связям с общественностью как антропологическая фигура близок к трикстеру, также посреднику и медиатору. Можно предположить, что с разрушением традиционного общества в эпоху модерна функционал этого

мифологического «переводчика» был декомпозирован и перераспределен (Андреева, 2017). Вполне возможно, что потребность в порядке и формировании общей картины мира во все усложняющемся универсуме материализуется в консультационной практике, наряду с профессиональной практикой юриста, о чем упоминает Бернейс. Неслучайно он называет специалиста по коммуникации консультантом, но при описании его полномочий делает акцент на обязательности исполнения его решений и достаточно высокой позиции в организации. И основное, сутью его «работы» является преодоление беспорядка и преобразование хаоса. Конечно, для Бернейса социального, но в своем изначальном значении космического.

Литература

1. Делез Ж. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 2008. 288 с.
2. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Издательство АСТ, 2024. 192 с.
3. Андреева А.М. Рождение культурного капитала. Капитализация знания от средневековья до нового времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 24(273). С. 60-67.

Орлова Д.Д.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Традиционное образование принято считать устаревшим, требующим переосмысления. Чаще от учеников требуется сосредоточенность на усвоении программы, заучивание теоретической базы, но в современном мире возникает необходимость в развитии мыслящего, творческого начала в подрастающем поколении: «Более разумные школы означают более разумных будущих родителей, более разумных граждан и более разумные ценности во всем мире» (Lipman, 1991: 11). Полученные знания во время обучения, безусловно, имеют большое значение, но в практической жизни их применение не реализуется, поскольку творческий потенциал учеников не развивается. Здесь необходимым являются течения, в которых, в первую очередь, будет сделан упор на развитие личности, способной не просто впитывать информацию, но и уметь её анализировать, применять в собственном опыте. В рамках проекта «Философия для детей» созданы целостные программы, учитывающие особенности детской психики, которые нацелены на развитие мышления ребёнка с помощью философии.

«Ребенку свойственно природное любопытство, он, как губка, жадно впитывает все вокруг, застраивая свою картину мира кубиками реальности» (Кузнецова, 2020: 167), однако система образования и воспитания построена

так, что в первую очередь детей обучают письму, чтению и счёту, упуская момент научения рациональному мышлению. Школьники получают обширный набор знаний, связь которых зачастую не представляется видимой, ведь учебные дисциплины изолированы друг от друга: «Научившись пользоваться универсальными философскими категориями, возможно, дети будут воспринимать содержание различных школьных дисциплин более связным, а всю школьную программу более осмысленной и интересной» (Юлина, 1996: 5). Задачи современного образования должны строиться на помощи ребенку в раскрытии его потенциала, в развитии способностей и талантов, учить пониманию собственной ценности, осознанию, какую роль он хочет играть в обществе. Философия же предстает связующим звеном, помогает человеку построить цельную картину мира, в которой уместятся все полученные знания, которая задает им ценности и помогает найти применение. Умение рассуждать о смысле и ценностях нужно не только взрослым, но и для детей данные навыки будут полезны: помогут найти свое место, понять себя, что важно для развивающейся личности.

Философия подразумевает постановку проблемы и поиски ее решения путем логических построений и оценки возможных вариантов: «Инструменты философии действительно уникальны для выработки такого мышления, которое было бы и гибким, и доказательным, и строгим. Философские категории являются универсальными, и это может позволить преодолеть барьер фрагментарности школьных знаний» (Суханова, 2019: 44). Философия не просто направлена на то, чтобы дать человечеству ответы, но и на то, чтобы человек задавал себе новые вопросы и пытался найти ответы на них, развивая собственную мысль. Философия – есть средство познания мира через рефлексию; понимания мира сквозь призму собственных взглядов и оценок; самоопределения. К тому же, в наш век несложно и взрослому человеку потеряться в множестве мнений: «Для того, чтобы обезопасить ребенка от неподтвержденной информации, необходимо как можно раньше приучать его к критическому анализу ситуации» (Киселева, 2022: 514).

Безусловно, философия для детей должна быть ориентирована на особенности несформировавшейся психики и быть интересной ребенку, что учитывается в проекте «Философия для детей». Немало усилий было вложено и в создание философско-адаптированной детской литературы, над которой трудились такие зарубежные мыслители, как проф. М. Липман, проф. Э. Шарп, Ф. Осканян, Р. Рид, Г. Метьюс, М. Притчард, Ф. Кэм и др.

Сама программа «Философия для детей» была изложена Мэтью Липманом в Институте по развитию философии для детей (США) в 70-х годах XIX века. Стоит заметить, что многие заинтересовались данным проектом и создали активно действующие центры по изучению и распространению философии для детей на базе своих университетов; а также создано множество учебных пособий, адресованных детям всех возрастов. Идеи М. Липмана распространились по всему миру и получили свою адаптацию и в России: «Существует несколько международных ассоциаций в рамках движения, например, ICPIIC (The International Council of Philosophical Inquiry with Children)

и SOPHIA (European Foundation for the Advancement of Doing Philosophy with Children)» (Авдиева, 2020: 117). В настоящее время продолжается активная разработка идей «Философии для детей» как в России, так и за рубежом: «Центры «Философии для детей» созданы более, чем в 70 странах мира на всех континентах, большинство из них работает по программе подготовки тренеров, которые, в свою очередь, готовят учителей» (Ретюнских, 2019: 203), но передача и внедрение этих идей в образовательную практику зачастую осуществляется людьми, не сведущими в философии, что во многом приводит к утрате философского начала.

На отечественной почве идеи М. Липмана были подробно изложены и адаптированы в работе «Философия для детей. Обучение навыкам разумного мышления» Н.С. Юлиной. Российские программы начались с семейного клуба «Школа Сократа», созданного в 1992 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1996г. прошла первая конференция, посвященная теме «Философия для детей». С 2014г. начал работу кружок «В Поисках мудрости», реализуются клубные программы в РГДБ, Дворце творчества на Воробьевых Горах, а также выездные школы и др. Создан центр «Философия – детям» при Философском факультете МГУ под руководством профессора Ларисы Тимофеевны Ретюнских. Программа состоит из нескольких направлений: кружок «В поисках мудрости», направленный на развитие логического мышления и навыков ведения дискуссии, а также обсуждение этики и морали; семейный клуб под названием «Школа Сократа», нацеленный на объединение детей и родителей в поисках ответов на самые главные вопросы под руководством преподавателей-философов. В 2011г. открылся философский семейный лагерь, действующий по сей день, в рамках которого реализуется программа «Территория мысли». В 2011г. открылся философский семейный лагерь, действующий по сей день, в рамках которого реализуется программа «Территория мысли». Можно сказать, что факультет философии МГУ стал первым учебным заведением России, реализующим программу «Философия детям». Но частные философские клубы, занимающиеся тренингами, направленными на развитие мышления детей, существуют во многих городах России. Например, в Санкт-Петербурге исследованием и популяризацией преподавания философии для детей занимается Институт философии РГПУ. Помимо этого, в России продолжают ежегодные международные конференции «Философия детям», а также мастер-классы, тренинги и творческие вечера, посвященные данной тематике.

В России хоть и существует множество разработок, практических реализаций, но частью школьного образования программа до сих пор не является. Внедрение этих идей осложняется тем, что философия изучается лишь в вузах, в то время как во многих других странах это школьная дисциплина. Зачастую реализация проекта представляет собой не долгосрочные курсы, уместить в которые весь опыт философии затруднительно; к тому же русское общество потеряло свет философской мысли, лишив ее смысла в погоне за информацией. Конечно, в школах есть особая форма философии, заключенная в предмете «обществознание», в рамках которого ребенок

получает представления о разных сферах жизни человека, но в нем нет философского творческого начала, полёта идей и мысли.

Институтом философии Национальной академии наук Беларуси разработана программа «Зелёное Солнце»: «Одной из ключевых задач программы является формирование самостоятельности мышления школьников» (Ильюшенко, 2020: 92). Стоит отметить, что «российская и белорусская системы образования отличаются от общемировой тем, что философия, как предмет, изучается только в вузах, во многих странах мира она – школьная дисциплина» (Дудчик, 2022: 78). Если за рубежом борются за уменьшение возрастных рамок философии для детей, то в России и Беларуси по-прежнему проект не имеет массовой реализации, лишь некоторые школы и объединения стремятся к его осуществлению: «Во-первых, по причине отсутствия достаточного финансирования, а во-вторых (что более существенно), затруднение по внедрению программы связано со спецификой социокультурных условий и традиционным состоянием педагогических технологий» (Дронина, 2020: 70).

Подводя итоги, стоит отметить, что программа «Философия для детей» распространилась во многих странах и получила активное развитие теоретической части, а также разного рода практическую реализацию, доказывающую её ценность. Данный подход, хоть и имеет собственные интерпретации, учитывающие культурные ценности страны, несет основную идею, заключающуюся в том, чтобы развить самостоятельное, творческое и критическое мышление у детей.

В России данный проект был популярен в 90-х годах прошлого столетия. За последние 30 лет достигнуты определённые успехи в данной области. Так, например, появились философские клубы в некоторых городах, кружки в системе дополнительного образования, элективные курсы в школах, проводятся выездные философские лагеря и регулярно проходят конференции, посвященные данной теме. Идеи обсуждаются по сей день, но реализация является затруднительной в связи с отсутствием признания философии в качестве действенного способа развития мышления и основы образовательной программы для школьников. «Философия для детей» требует кардинального переосмысления традиционного образования, ведь подразумевает создание совершенно нового подхода, объединяющего школьные дисциплины в общую картину мира ребёнка, в которой он сам находит свое место и задает ценность собственной жизни.

Литература

1. Авдиева А. Применение инструментов практической философии для развития творческого и критического мышления у детей // Философская практика: самопознание посредством интеллектуального творчества: Сборник материалов онлайн-конференции по философской практике, Челябинск, 28–31 июля 2020 года. Челябинск: Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2020. С. 116-122.

2. Доронина С.Г. Философская практика в образовании: в контексте программы «Философия для детей» // Организация образовательного процесса в учреждении высшего образования: научные и методические аспекты: сборник статей, представленных на III международную заочную научно-методическую конференцию, Могилев, 01 мая – 30 июня 2020 года. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 2020. С. 67-71.
3. Дудчик А.Ю. Философское образование и олимпиады для школьников сразу и виртуальном пространстве // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2022. № 1(5). С. 82-88.
4. Ильюшенко Н.С. Философия для детей: эффективный инструмент развития самостоятельности мышления // Социум и власть. 2020. № 5(85). С. 86-94.
5. Киселева Е.С. Философия для детей и современные образовательные технологии // Державинский форум. 2022. Т. 6. № 3. С. 510-517.
6. Кузнецова А.Г. Философия для детей в школе и дома сегодня // VitaCogitans: Альманах молодых философов. 2020. № 12. С. 166-177.
7. Ретюнских Л.Т. «Философия – детям» в России и за рубежом. Размышления участника XXIV Всемирного философского конгресса // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 1-2(101-102). С. 197-205.
8. Суханова Н.П. Программа «Философия для детей» и её педагогические принципы // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 43-45.
9. Юлина Н.С. Философия для детей: обучение навыкам разумного мышления. М., 1996. 241 с.
10. Lipman M. Thinking in Education. Cambridge, N.Y., Melbourne, Sydney, 1991. 316 p.

Лотков К.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ОБРАЗ СПИНОЗЫ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ БРОКГАУЗА И ЕФРОНА (СТАТЬЯ Э.Л. РАДЛОВА)

Крутой маршрут складывался у Спинозы по путям русской философии и богословия. Его идеи известны в России по крайней мере с работы Ф. Прокоповича «Рассуждения о безбожии». Участники кружка Любомудров почитали Спинозу больше, чем Библию. Чаадаев выносил цитаты из «Этики» в эпитафии своих писем. Мыслители-кантианцы критиковали голландца за «догматизм и стремление постигнуть мир посредством чистого умознания, "голового понятия", без должного содействия чувств» (Майданский, 2012: 9). Известна полемика В.С. Соловьёва и А.И. Введенского по поводу Спинозы. Сам Радлов подчеркивал, что «литература о Спинозе чрезвычайно обширна» (Радлов, 2012: 183). В советское время этот интерес также не угаснет и актуальной темой дискуссий станет вопрос о материализме Спинозы.

Интерес к «научно-популярному» Спинозе кроется именно в плоскости противоречащих друг другу интерпретаций: «Судьба философии Спинозы очень странна и полна различных перипетий» (Радлов, 2012: 180). Большое количество разных работ по философии Спинозы обязует Э.Л. Радлова собрать наиболее компромиссный образ, с уточнением наиболее актуальных в то время комментариев и критики.

Согласно Э.Л. Радлову, философию Спинозы необходимо определять через ее отношение к философии Декарта, «ибо Спиноза постоянно исходит из Декарта и старается решить проблемы и апории, поставленные гением Декарта» (Радлов, 2012: 179). Более последовательный Спиноза для разрешения картезианских проблем выстраивает новую цельную систему, «в которой рационализм сочетался с пантеистическим мистицизмом и новые философские воззрения с древними элеатскими и стоическими» (Радлов, 2012: 179). Радлов также приводит и кантианскую критику объективизма и догматизма Спинозы, а «коренное отличие Канта от Спинозы заключается в том, что, по мысли первого, разум познает лишь явления, в то время как действительное бытие, *Ding an sich*, остается непознанным; по мысли же Спинозы, разум постигает самую сущность бытия и ничего непознаваемого в мире нет» (Радлов, 2012: 180).

Литература

1. Майданский А.Д. Вступление // Спиноза: pro et contra / вступ. статья, сост., коммент. А.Д. Майданского. СПб.: РХГА, 2012. С. 7-45.
2. Радлов Э.Л. Спиноза // Спиноза: pro et contra / вступ. статья, сост., коммент. А.Д. Майданского. СПб.: РХГА, 2012. С. 167-184.

Савинов П.К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. РАДИЩЕВА

В докладе проводится исследование размышлений А.Н. Радищева относительно понимания и необходимости воспитания человека. Хотя у Радищева нет отдельного труда, посвященного данной теме, мы взяли за основу его произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» и «О человеке, о его смертности и бессмертии». Выбор этих сочинений обусловлен не только их значимостью для русской философии и культуры, но и их значительным вкладом в проблематику воспитания.

В философско-антропологическом трактате Радищев, следуя идеям Жан-Жака Руссо (который разделял воспитание на три этапа: воспитание природой, воспитание вещами, воспитание человеком), подчеркивает важность как природного, так и общественного влияния. Говоря о значимости природы для человека, Радищев приводит пример племен туземцев, которых европейцы

пытались воспитать по своим стандартам, но в силу их природного происхождения у них ничего не вышло: «Случалось, что взятому в детстве дикому европейцы пытались дать сходное воспитание, но без успеха. Я видел многих тунгусов, воспитанных в русских домах, но умственная отсталость всегда была заметна» (Радищев, 1941: 67). Подчеркивая необходимость общества для человека, Радищев считал, что именно с него начинается воспитание человека, так как первыми учителями для него становятся его первое общество, т.е. родители. С возрастом субъекта растет и количество потенциальных воспитателей.

Исследуя в трактате «О человеке...» проблему человеческого развития, Радищев подчеркивает необходимость воспитания, начиная с момента первых шагов человека и заканчивая его становлением как самостоятельного индивидуума. Человек в начале своего пути «следует наипаче чувственности и примеру» (Радищев, 1941: 68), а также «рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном» (Радищев, 1941: 68). Постепенно субъект начинает проявлять всё большую самостоятельность: поначалу из-за неопытности и «чувственных страстей», а затем вследствие возмужалости, т.е. взросления.

В книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев рассматривает человеческое воспитание в отдельной главе «Крестьяны». Там он становится свидетелем расставания отца-дворянина со своими повзрослевшими детьми. Прежде чем его дети отправятся в новый этап жизненного пути, отец напоминает своим близким о ценностях, которые он вкладывал в их воспитание, подчеркивая то, что они не обязаны ему за это: «Но скажут обязаны вы мне за учение и наставление. – Не моей ли я в том искал пользы, да благи будите. Похвалы воздаваемые добродетели вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят» (Радищев, 1992: 287).

Способ воспитания, описанный в работе, является нетрадиционным для большинства дворянских семей. Здесь родитель выступает в роли наставника: «Никогда, наемная рачительница не касалась телеси вашего, и никогда, наемный наставник не коснулся вашего сердца и разума» (Радищев, 1992: 285). Подобный подход, где родитель берет на себя всю ответственность за обучение, способствует установлению взаимопонимания и дружбы между родителями и детьми.

Учение отца внушило детям различные добродетели, такие как умеренность, человеколюбие, искренность, скромность, трудолюбие и другие. А тела их были подвержены серьезным испытаниям: «Робкая нежность не присутствовала во мне, когда казалось, не радовал об охранении вас от неприятели стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящей болью, чем дебело пребывало в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение, на скамьи или на камени...» (Радищев, 1992: 288). В своих же наставлениях отец стремился не просто управлять своими детьми, а направлять их на правильный для них жизненный путь. Таким образом, этот

нетрадиционный подход к воспитанию позволил детям стать сильными и независимыми личностями, готовыми к жизни и ее вызовам.

Из вышесказанного становится ясно, что воспитание играет важную роль в формировании личности и развитии необходимых навыков для взрослой жизни. По мнению Радищева, через воспитание «потенциальный взрослый» усваивает моральные ценности, этику и социальные нормы, развивая при этом коммуникативные навыки.

Литература

1. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность. СПб.: Наука: С.-Петербург. отд-ние, 1992. 670 с.
2. Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 39-145.

Боболь А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

КРИТИКА Л.С. ВЫГОТСКИМ КОНЦЕПЦИИ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ РЕЧИ Ж. ПИАЖЕ

Важной частью в концепции формирования личности Выготского является понятие «эгоцентрической речи». Это понятие он берет у Пиаже, который, по словам Выготского, сделал великое и в то же время простое открытие, что «...ребенок вовсе не маленький взрослый человек и ум его вовсе не маленький ум взрослого. За этой простой истиной, которую в приложении к детскому мышлению раскрыл и обосновал фактами Пиаже, скрывается тоже простая, в сущности, идея – идея развития. Эта простая идея освещает великим светом все многочисленные и содержательные страницы исследований Пиаже» (Выготский, 2022: 33).

Имеется в виду развитие мышления, которое в онтогенезе проходит несколько стадий. Суть этого развития заключается в том, что ребенок постепенно переходит от бессвязной речи, когда он не осознает произнесенного и еще не понимает, что у всех вещей есть понятийное выражение (а по мнению Штерна, это открытие ребенок совершает в возрасте полутора лет) к осознанной речи, когда ребенок уже мыслит «про себя», не произнося вслух своих размышлений. Пиаже условно выделяет три главных стадии в онтогенетическом развитии мышления ребенка: «аутистическая» (понятие это он берет у Блейлера), «эгоцентрическая» и «реалистическая», или «социализированная». Аутистическая мысль представляет из себя неосознанную, ненаправленную, Пиаже о ней говорит: «она не приспособляется к внешней действительности... Она стремится не к установлению истины, а к удовлетворению желания и остается чисто индивидуальной» (Пиаже, 1932: 95). Мысль же реалистическая, или

социализированная – направленная и разумная, она не оторвана от окружающей действительности, а подстроена под нее.

Условной серединой, переходом между аутистической и реалистической стадиями является эгоцентрическая. «Мы назвали мысль ребенка эгоцентрической, – говорит Пиаже, – желая этим сказать, что эта мысль остается еще аутистической по своей структуре, но что ее интересы уже не направлены исключительно на удовлетворение органических потребностей или потребностей игры, как при чистом аутизме, но направлены также и на умственное приспособление, подобно мысли взрослого» (Пиаже, 1932: 374). Эгоцентрическая речь – это по сути «мышление вслух», когда мы говорим на языке образов, сокращений и парафразов, понятных только нам самим.

Этот переход, условная «середина» между двумя принципиально разными стадиями речи, открытый Пиаже, Выготский называет «важнейшим в генетическом отношении моментом перехода от внешней речи к внутренней» (Выготский, 2022: 141). Но Выготский не берет концепцию эгоцентрической речи целиком, он подвергает некоторые положения Пиаже критике и находит свои способы решения обозначаемых проблем.

Первое, и самое важное, что недопустимо для Выготского, – это то, что Пиаже не увидел, что ребенок, даже в самом раннем его возрасте, является частью социального целого, а не индивидом со своими потребностями и желаниями. «В сущности, это представление является общим для Пиаже и для психоанализа, в котором тоже внешняя среда рассматривается как нечто внешнее по отношению к личности, оказывающее давление на эту личность и заставляющее ее ограничивать свои влечения, изменять их, направлять их по обходным путям. Принуждение и давление – вот те два слова, которые не сходят со страниц этой книги, когда нужно выразить влияние социальной среды на развитие ребенка» (Выготский, 2022: 101).

Окружающий мир давит, принуждает ребенка свыкнуться с ним и ему подчиниться, усвоить его законы и по мере своего развития им все более внимательно следовать. «Ребенок не рассматривается как часть социального целого, как субъект общественных отношений, с самых первых дней своей участвующий в общественной жизни того целого, к которому он принадлежит» (Выготский, 2022: 102). Социальное рассматривается Пиаже как стоящее вне ребенка, как чуждая ему величина. Отсюда вытекает положение, которое отметил Клапаред и с которым согласен был сам Пиаже, что ребенок находится как бы в двух мирах, в мире субъективности, желаний, игры, капризов – в общем того, что является его индивидуальным, детским интересом; и мире объективности, речи, логики – то есть реальности, социальной действительности.

Выготский говорит, что эта идея базируется на теории удовольствия Фрейда. Сам Пиаже пишет, что аутистическая мысль, то есть самая ранняя, наиболее близкая к ребенку, без примесей социального давления подобна состоянию сна, она «стремится ... к удовлетворению желания и остается чисто индивидуальной» (Пиаже, 1932: 95). Выготский же говорит, что «стоит только от общих положений о примате принципа удовольствия, логики мечты и сновидения над реалистической функцией мышления обратиться к рассмотрению реального

хода развития мышления в процессе биологической эволюции, чтобы убедиться в том, что первичной формой интеллектуальной деятельности является действенное, практическое мышление, направленное на действительность и представляющее одну из основных форм приспособления к новым условиям, к изменяющимся ситуациям внешней среды» (Выготский, 2022: 55).

Допущение Пиаже, что логика сновидения является первичной с точки зрения биологической эволюции, что мышление возникло в биологическом ряду и развивалось при переходе от низших животных форм к высшим и от высших к человеку как функция самоудовлетворения, как процесс, подчиненный принципу удовольствия, является нонсенсом именно с биологической точки зрения. «Допустить изначальность принципа удовольствия в развитии мышления – значит с самого начала сделать биологически необъяснимым процесс возникновения той новой психологической функции, которую мы называем интеллектом или мышлением» (Выготский, 2022: 55). Но и с онтогенетической точки зрения Выготский считает недопустимой мысль, что «удовлетворение наступает до приема пищи», и реальному яблоку будет предпочтено воображаемое.

Получается, что эгоцентрическая речь является выражением борьбы внутренней потребности в удовольствии и внешней давящей среды. В таком случае, Выготский задает вопрос, а какому из миров принадлежит первенство? Пиаже дуалистичен, он отмечает взаимовлияние аутистического и социального, не отмечая какой же из этапов развития наиболее важен.

Третий недостаток в концепции эгоцентрической речи Выготский видит в отношении Пиаже к детскому опыту. Согласно Пиаже, детское мышление синкретично, оно не является способом приспособления к действительности. Говоря о примитивном человеке, Пиаже отмечает, что тот крайне ограниченно взаимодействует с окружающей средой, путем лишь охоты или собирательства. Но для примитивного человека такие «мимолетные» контакты являются основой всего его существования. В таком случае, возникает вопрос, как возможно детское приспособление?

Выготский указывает на неточность Пиаже в его идеях о синкретизме детского мышления. Мышление у ребенка синкретично лишь тогда, когда он на своем опыте не сталкивался с предметом (как, например, объяснение ребенка, почему солнце уходит, а потом снова появляется). Когда же ребенок самостоятельно столкнулся с проблемой, его объяснение логично и осознанно. Это положение связано с законом осознания Клаппареда, согласно которому осознаваемый, получаемый не механическим путем, специализированный опыт запоминается лучше всего.

По сути, все проблемные места концепции эгоцентрической речи, отмечаемые Выготским, сводятся к тому, что Пиаже не увидел, что ребенок – это часть социального мира, что он изначально, по природе своей социален, а лишь потом, под действием среды, обретает свою индивидуальность. Это заставило Пиаже занимать дуалистическую позицию, показывать борьбу двух миров внутри ребенка, упуская из виду филогенетическое развитие.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Москва: Издательство АСТ, 2022. 576 с.
2. Выготский Л.С. Педология школьного возраста. Лекции по психологии развития. М.: Канон + РООИ "Реабилитация", 2022. 320 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Со вступительной статьей проф. Л.С. Выготского. М.; Л., 1932. 410 с.

Адонин А.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ К.Д. УШИНСКОГО КАК ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ (ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЗОРА)

Константин Дмитриевич Ушинский, выдающийся русский педагог и писатель, родившийся 2 марта 1823 г., занимает значительное место в мировой истории образования. Путь Ушинского начался с исключительного окончания юридического факультета Московского университета в 1844 году. Его карьера ознаменовалась преобразовательной деятельностью в качестве профессора камеральных наук в Ярославском юридическом лицее, где он оттачивал и разрабатывал передовые методики обучения и воспитания.

Проверенная временем педагогическая философия и методология Константина Дмитриевича Ушинского и сегодня является важнейшим ориентиром в современной системе образования. Наиболее значительный вклад Ушинского заключается в пропаганде принципов, ориентированных на ребенка. «Напрасно человеку говорить: делай так, делай иначе; покажите ему законы ума, законы природы, законы истории, укрепите его волю самою жизнью, а действовать предоставьте ему самому; введите его в мир, откройте ему глаза, но если вы не хотите унижить в нём человеческого достоинства, то не ведите его, слепого и связанного, к той цели, которая для вас кажется лучше» (Ушинский, 1848: 23). Эти принципы, основанные на учете индивидуальных потребностей и возможностей каждого ребенка, легли в основу различных педагогических концепций, которые успешно применяются в современной образовательной среде.

Несмотря на непроходящую актуальность методик Ушинского, интерес к его работам тревожно замирает. Это создает серьезные проблемы, особенно в области педагогической антропологии – важнейшей области, требующей глубоких исследований и осмысления. Учитывая, что в 2023 году исполнилось 200 лет со дня рождения этого по праву выдающегося педагога, такое снижение интереса вызывает еще большую тревогу.

Цель данного доклада – привлечь внимание к чрезвычайно важному и актуальному, как никогда, аспекту исследовательской работы К.Д. Ушинского: педагогической антропологии.

Изучение этой стороны творчества Ушинского не только расширит наше представление о его личном педагогическом вкладе, но и позволит по-новому взглянуть на то, как дети учатся и адаптируются в культурно разнообразной среде. Его идеи в сочетании с современными научными размышлениями могут проложить путь к обновлению и более структурному подходу в современном образовании.

В заключение следует отметить, что развенчание тени забвения, покрывающей работы Ушинского, крайне важно для возрождения исследований и практики педагогики во всем мире.

Литература

1. Ушинский К.Д. О камеральном образовании: Речь, произнес. в торжеств. собр. Яросл. Демид. лица 18 сент. 1848 г. Москва: Унив. тип., 1848.с. 23.URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003561811 (дата обращения 27.03.2024).

И Тяньтянь

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗНАЧЕНИИ МАРКСИЗМА В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь теоретическим исследованиям, стремясь превратить социализм из фантазии в науку и тем самым стать революционным руководством для мирового рабочего класса.

Ленин же воплотил марксизм и теорию научного социализма в жизнь.

Каково всемирно-историческое значение Октябрьской революции под руководством Ленина?

1. Революция открыла новую эру в истории не только России, но и всего мира. Именно под влиянием Октябрьской революции ряд стран Восточной Европы, Азии и Америки встали на путь построения социалистического общества.

2. Изменила ход и направление мировой истории, сделав сосуществование двух систем новой мировой моделью. На уровне крупных исторических событий и социальных изменений социалистическая система показала свою жизнеспособность и даже превосходство в сравнении с капиталистическими производственными отношениями.

3. Открыла для мира теоретические принципы ленинизма как образец сочетания марксистской теории и практики, а также определила значимость марксизма в качестве теоретического руководства для осуществления мировой пролетарской революции.

4. На примере России обосновала использование марксизма как теоретической основы на пути модернизации, особенно эффективного для очень или относительно экономически и культурно отсталых стран.

Мао Цзэдун однажды сказал: «Октябрьская революция с грохотом послала нам марксизм-ленинизм» (毛泽东选集, 1949: 67). Ли Дачжао писал: «Только посмотрите на мир в будущем, это будет мир красных флагов!» (李大钊, 1918). Китай в период Октябрьской революции также находился на стадии внутренних и внешних проблем. От движения Четвертого мая до основания Коммунистической партии Китая и установления социалистической системы – все это воплощает исторический процесс китайского народа от признания марксизма, понимания марксизма и выбора марксизма (李大钊, 1919). Марксизм поднялся от теории к китайской реальности, что в итоге сформировалось в китаизированный марксизм с китайской спецификой.

Я считаю, что без победы Октябрьской революции Китай не познакомился бы с марксизмом, не говоря уже о том, чтобы встать на путь социализма, и китайская нация не добилась бы таких блестящих успехов.

Литература

1. 毛泽东选集：第四卷论人民民主专政.北京：人民出版社 1949 MaoZedongxuanjdisijuanlunrenminminzhuzhuanzheng.beijing: renminchubanshe 1949. 67 p.
2. 李大钊 (1918). 庶民的胜利, 布尔什维主义的胜利.新青年杂志第五卷第五期 . LiDazhao (1918).Shumindeshengli,Buershiweizhuyideshengli.Xinqingnianzazhi.diwujuandiwuqi. available at. URL: https://www.chnmuseum.cn/zp/zpml/gmww/202104/t20210402_249499.shtml (Accessed 15.04.2024).
3. 李大钊 (1919). 新青年 . 杂志第六卷第五号和第六号 LiDazhaoXinqingnian.(1919). Zazhidiliujuandiwuhao he dikiuhao. available at: URL:https://www.ccph.com.cn/rms_dsh/rms_dsh_gkk/202401/t20240112_371585.html (Accessed 15.04.2024).

Калитка С.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ГОГОЛЬ И РЕЛИГИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЦЕРКОВЬ, ВЕРУ И ДУХОВНОСТЬ

Николай Васильевич Гоголь, выдающийся русский писатель XIX века, известен своим проникновенным отношением к православной вере; каждое его произведение является уникальным образцом сложного взаимодействия между верой и сомнением, почитанием и критикой. В произведениях Н.В. Гоголя, таких как «Мертвые души» и «Ревизор», остро высмеиваются пороки духовенства и коррупция среди представителей церкви.

Хотя в творчестве Н.В. Гоголя присутствуют критические замечания по поводу церкви и религиозных институтов, важно отметить, что он не был атеистом или скептиком. Его критика скорее направлена на недостатки людей, злоупотребляющих религией ради собственных целей, чем на саму веру. Гоголь стремился к искренней вере и духовности, несмотря на присутствующие недостатки в церковных и общественных структурах (Воскресенская, 2023; Гоголь, 1990, Рау, 2023).

В письмах А.П. Толстому Николай Васильевич высказывался по поводу критики и нападков на православную церковь в Европе. Он отстаивает необходимость бережного и мудрого подхода к защите церкви, противостоящего активным реакциям и публичным выступлениям.

По мнению Н.В. Гоголя, духовенству не следует поддаваться панике, а нужно сохранять спокойствие и проводить работу в тишине и в молитвенной обители. Он отмечает, что в глубине монастырей и келий творятся работы, направленные на защиту церкви, но они делают это более осмотрительно и сосредоточенно, чем другие.

Также Николай Васильевич подчеркивает, что защита церкви должна происходить не в словах, но в жизни каждого верующего. Важно, чтобы каждый признал ценность и значимость Церкви в своей жизни и отразил это своими поступками. По мнению автора, наилучшая защита церкви – это правильное поведение и духовная практика каждого верующего. Живой пример истинной веры и смирения может быть более убедительным и вдохновляющим, чем простые слова и эмоциональные высказывания, к которым любит прибегать католическое духовенство.

К слову, о разнице в поведении католического и православного духовенства. Н.В. Гоголь подмечает, что католическое духовенство излишне светское, из-за чего оно стало «дурным», ведь участвует в различных интригах. А мнение о том, что для понимания человека надо быть среди людей, он считает ошибочным. Ведь путь понимания человека идёт через понимание самого себя. И только в отдалении от общества можно это сделать.

Также важным отличием считает одежду, в которой ходят священники православные и католические. Пока на западе служителям Церкви шьют платья по последнему писку моды, у нас носят простую одежду, по образу и подобию той, что носил Иисус Христос. Это демонстрирует ценность духовную, а не физическую. Такая одежда связывает тебя со Спасителем, вечно напоминает, Чей образ священнослужители представляют людям.

Н.В. Гоголь в этих письмах хочет сказать, что истинная защита церкви идет через внутреннюю работу над собой, через пример духовности и стойкости в вере каждого верующего, а не только через формальные обряды или внешние проявления. Подлинная ценность церкви проявляется в духовной глубине и осознанном поведении человека перед Богом и окружающими.

В письме Степану Петровичу Шевыреву Николай Васильевич размышляет о важности бесконечного обучения для христианина. Но бесконечного в смысле того, что его не стоит заканчивать. Ведь на протяжении всей жизни нужно учиться, так как нет той окончательной формы обучения,

когда можно сказать «я научился». Духовное просветление не знает границ, а потому и отличаются люди светские и христиане. Ведь с возрастом обычные люди теряют стремление к знаниям, а верующие до старости копят и хранят свои мудрость и духовную силу.

Также автор считает, что разум человека не есть та высшая способность, данная нам Богом, поскольку она крайне зависима от страстей человеческих. Да и цель разума состоит в том, чтобы привести в порядок то, что у нас уже есть. И поэтому высшей способностью считается мудрость. Но чтобы её получить, прежде необходимо разумом очистить себя и прийти в смирение с самим собой. И после этого остаётся молиться день и ночь, прося её у Христа. И если она придёт, то начинается жизнь небесная, всё становится твоим учителем, вся Вселенная станет ему учителем. Но нельзя думать, что ученье можно окончить, ведь если так подумать, то мудрость вся улетучится.

В каком-то смысле Н.В. Гоголь этим письмом призывает к постоянному самосовершенствованию, ведь только так можно продолжать путь к истинному познанию и духовной близости с Богом.

Литература

1. Воскресенская А.Ф. Христианские мотивы в книге Н. В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями" // Труды Барнаульской Духовной Семинарии. Вып.13. Москва, 2023. С. 46-51.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Сов. Россия, 1990. 428 с.
3. Рау И.А., Звонок Н.С. Православие русского писателя Н.В. Гоголя // Труды Таврической Духовной Семинарии. Сборник статей. Вып. 1. Симферополь, 2023. С. 77-82.

Спицын Д.Р.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СМЫСЛОВЫЕ ОБРАЗЫ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ (К ИССЛЕДОВАНИЯМ В.Я. ПРОППА)

В число самых популярных работ, относящихся к области изучения фольклора, входят труды Владимира Яковлевича Проппа – известного советского филолога, фольклориста, профессора Ленинградского университета, автора особенного методологического подхода к исследованию сказки (Пропп, 2000). Волшебная сказка – объект исследования Владимира Яковлевича – представляет собой тип сказок, перечень которых был составлен А. Аарном и С. Томпсоном, с 300 по 749 номера (Пропп, 1958). Проппом была выявлена структурная схожесть волшебных сказок, наличие постоянных элементов, называемых функциями. Функции действующих лиц понимаются обезличено, количество их в сказке ограничено и они последовательны. Изначально к изучению волшебной сказки Пропп подошёл с позиций структурализма для

последующей систематизации, но затем изменил направление работы ввиду тогдашней возможности перехода к историческому изучению сказки, вытекающей из работы под названием «Морфология волшебной сказки», содержащей в себе ответ на вопрос о волшебной сказке как таковой (ср. Бренифье, 2019).

Несмотря на морфологическую однотипность, волшебная сказка наполнена невероятным количеством образов, в которых отражается огромное количество социально-культурных явлений. Функции являются своего рода реконструкцией старинных обрядов и обычаев, совпадая с ними полностью или частично. Исследователь утверждает, что все сказуемые дают композицию сказок, а все подлежащие и другие части фразы в свою очередь – сюжет. Отдельно взятый сказочный персонаж обладает атрибутами и качествами, которые содержат в себе смысловые концепты, объяснение которых тесно связано с обрядами, бытом и культурой народа. Герои сказки могут выполнять разные функции: в одной сказке змей может быть дарителем, а в другой выполнять роль антагониста. Качественные характеристики привязаны к каноничному образу персонажа, к определённой закономерности элементов сказки. Соответственно, трактовка облика, жилища и прочих характеризующих персонажа деталей будет иметь в себе иные предпосылки, что говорит нам о необходимости посюжетного изучения сказок, если в приоритете у исследователя находится герменевтический аспект. Состоятельность данного метода в работах Владимира Яковлевича относительно изучения сказок ставится под вопрос, поскольку исследовательская гипотеза предполагает целостное и сравнительное изучения материала. Однако, в рамках педагогической рефлексии, используя сказку как площадку для диалога, посюжетное рассмотрение никак не противоречит методологии Проппа. Демонстрацию данного метода работы с текстом сказок мы можем видеть в практике, называемой «Сказкотерапия», а также в других направлениях, в основе которых лежит идея объяснения сюжета сказки.

Можно сказать, что волшебная сказка – творчество, которому свойственно изобилие жизненного материала. В то же время этот материал, объясняемый и поддающийся процессу интерпретации, своё проявление находит в различных структурных элементах, являясь основой для возникновения их в различных вариациях.

Литература

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
2. Пропп В.Я. Указатель сюжетов // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1958. С. 454-502.
3. Бренифье О., Черненко В., Миллон И. Развиваем мышление с русскими сказками. М.: Издательство Московского университета, 2019. 192 с.

Фатеев Е.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ: К ОСНОВНЫМ ПОНЯТИЯМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Николай Александрович Бердяев был выдающимся русским религиозным философом и мыслителем. Родился 18 марта 1874 года. В молодости, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, он начал интересоваться философией и теологией. Также он является одним из основателей религиозно-философского течения в русской мысли, известного как религиозный экзистенциализм.

Он говорил о человеке и человеческой сущности с глубоким уважением к свободе и уникальности личности.

Бердяев считал человека существом, обладающим свободой воли и способным к самосознанию и самосовершенствованию. Он противопоставлял человеческую индивидуальность коллективизму и материализму, которые, по его мнению, искажали истинное понимание человека. Бердяев полагал, что человек не является продуктом социальных или экономических условий, а обладает трансцендентальными качествами, которые позволяют ему преодолевать материальный мир и стремиться к духовному самосовершенствованию.

Он также подчеркивал важность личности в религиозном опыте, утверждая, что религия должна быть ориентирована на индивида, а не на всё общество в целом.

Бердяев считал, что человеческая свобода является одним из основных аспектов человеческой сущности. Однако технический прогресс может ограничивать эту свободу, делая человека зависимым от машин и автоматизации. Бердяев предостерегал от потери индивидуальности и автономии личности под влиянием технологий, которые могут устанавливать стандарты и ограничения для человека.

Вхождение техники в жизнь человеческих обществ Бердяев сравнивает с революционным переворотом (Бердяев, 1933; Вригт, 1995).

Бердяев выделял как положительные, так и отрицательные аспекты технического прогресса. Он отмечал, что технический прогресс способствует улучшению материального благосостояния людей, облегчает труд и повышает уровень комфорта. Однако Бердяев также указывал на опасности, связанные с техническим прогрессом, такие как потеря духовных ценностей, утрата индивидуальности, а также возможное использование технологий во вред человечеству.

Важно заметить, Н.А. Бердяев полагал, что техника не является ни добром, ни злом для человека, так как в ней отсутствует идея, и только человек способен придать технике смысл.

Бердяев считал, что с одной стороны, техническое развитие может способствовать улучшению условий жизни и расширению возможностей

человека. С другой стороны, оно может привести к дегуманизации, потере духовности и утрате свободы. Бердяев призывал к осознанному и ответственному использованию техники и подчеркивал важность духовного развития человека для сохранения его человеческой сущности.

Литература

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. №38. URL: <http://www.odinblago.ru/path/38/1> (дата обращения 20.02.2024).
2. Вригт фон Г.Х. Философия техники Николая Бердяева. Вопросы философии. 1995. №4. С. 69-78.

СЕКЦИЯ II
ЗЕРКАЛА СОЧУВСТВИЯ: ВОСТОЧНАЯ МЫСЛЬ
В РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ – ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ
ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ КИТАЯ

Макарова Е.Ю.

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

КАН ЮВЭЙ. «ПОЛНЫЙ СВОД ИСТИННЫХ ПРИНЦИПОВ
И ВСЕОБЩИХ ЗАКОНОВ» (ОПЫТ КРАТКОГО
ГЕРМЕНЕВТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ)

В работах Кан Ювэя «Да Тун шу» и его черновом варианте «Полного свода истинных принципов и всеобщих законов» (кит. 实理公法全书) [Перевод названия предложен Максимовым Д.А. в его диссертации на соискание кандидата исторических наук «Политические и правовые учения в Китае в конце XIX – начале XX века»] мы можем увидеть самые ранние его идеи, с которыми не ознакомились его современники и даже не знали о их существовании, кроме узкого круга людей, входящих в круг Кан Ювэя.

В 1913 году «Да Тун шу» была опубликована в журнале, издаваемом самим Кан Ювеем «Не могу терпеть!» (кит. 不忍) по частям в каждом выпуске. В 1935 году работы Кан Ювэя были собраны его учениками и опубликованы в Шанхае.

Время создания данной работы Кан Ювэя не определено, так как во всех найденных копиях не указана дата. Лян Цичао о «Датун шу» пишет также очень расплывчато. Можно сказать только то, что «Полный свод истинных принципов и всеобщих законов» был презентован миру позже. «Да Тун шу». Есть две версии книги: одна была обнаружена в 1976 году в Тайване, вторая – в Шанхае в 1984 году. Эти две версии были найдены исследователями творчества Кан Ювэя. Вплоть до настоящего момента не было подробного обсуждения взаимосвязи двух книг – «Да Тун шу» и «Полного свода истинных принципов и всеобщих законов».

В 1885 году начал исследовать математику, используя логику «Начал» Евклида, написал «Положения о человечестве» [公理 переводится на русский язык как «аксиома». Я использую перевод этого слова с древнегреческого языка на русский для легкого восприятия] (кит. 人类公理), в которой определил принципы общества Великого единения. В последующем году на основании «Начал» Евклида написал «Книгу об истинных утверждениях» (кит. 公理书). Также упоминает, что в 1887 году редактировал работу «Положения о человечестве». Либо это одна и та же работа, которая была отредактирована им самим, либо же это две абсолютно разные книги. До настоящего момента не было найдено рукописей двух этих работ (康有为著, 2012: 21).

Книга «Полный свод истинных принципов и всеобщих законов» не велика, не превышает 15000 иероглифов. Но структура и идеи самой книги для того времени были весьма новаторскими.

После предисловия есть два вводных раздела: 1. Разъяснение значения иероглифа ши (кит. 实字解) и кун (кит. 公字解), где Кан Ювэй даёт описание двум понятиям, которые он использует в данной работе – «实» истина и «公» общественный (всеобщий). Отсюда мы можем предположить, что самый главный пункт – отношение между естественным и человеческим. По его мнению, описанные в Евклидовых «Началах» математические аксиомы позволяют нам понять природные закономерности внутри общества, например, такие понятия как «Необходимая истина» (кит. 必然之实) и «Непрекращаемая истина» (кит. 永远之实). В обществе нет общепринятой нормы поведения, но есть «Общеутверждённый закон» (кит. 人立之法). Если сопоставлять с Евклидовыми «Началами», то есть общие точки соприкосновения, но есть и существенные различия. Принципы именуемые Кан Ювэем как «аксиомы» [Следую логике перевода с греческого языка на русский] (кит. 实理) необходимы к выполнению и строгому следованию обществом. Данная книга полностью соответствует логике повествования «Начал». В книге представлены 12 разделов, каждый из которых начинается с фразы «аксиома» (кит. 实理) и продолжается «всеобщим законом» (похоже по структуре и логике повествования на «предложение» в «Началах» (Начала, 1948:14)(кит. 公法), после чего следует «сопоставление» (кит. 比例). В большинстве разделов 公法 и 比例 сопровождаются комментариями.

Перевод оглавления книги:

凡例 Предисловие

实字解 Разъяснение значения иероглифа ши 实

公字解 Разъяснение значения иероглифа кун 公

总论人类门 Общие размышления о человечестве

夫妇门 Раздел о супружестве

父母子女门 Раздел об отношениях родителей и детей

师弟门 Раздел об учителях и учениках

君臣门 Раздел об отношениях государя и подчиненных

长幼门 Раздел об отношениях старшего и младшего поколений

朋友门 Раздел о дружеских отношениях

礼仪门 Раздел о церемониале

刑罚门 Раздел о наказаниях

教事门 Раздел об образовании

治事门 Раздел об управлении

整齐地球书籍目录公论 Список важных для общества «Всемирных книг»

附录一万身公法书籍目录提要 Приложение 1. Краткий обзор книг о всеобщих законах.

附录二公法会通 Приложение 2. Постигание всеобщих законов [Тут предлагаю свой вариант перевода глав. С другим переводом можно ознакомиться в статье Мартынова Д.Е. «Хронология создания «Книги о Великом Единении» Кан Ювэя в контексте интеллектуальной деятельности мыслителя»].

В данной книге мы не найдем реплик Конфуция, цитат из «Ли цзи» или из других конфуцианских источников, а лишь планы по организации общественного порядка. Кан Ювэй до последнего не публиковал свои работы и мало кому их показывал. Некоторым исследователям это кажется странным, ведь данная книга являлась одним из главных творений Кан Ювэя, где описывались грандиозные планы по изменению всего человечества. Могу предположить, что сам Кан Ювэй считал свои идеи слишком новыми для того времени, где царило консервативное конфуцианство и любое отступление от правил подвергалось жесткой критике и гонениям.

Литература

1. Максимов Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX – начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 222 с.
2. Мартынов Д.Е. Хронология создания «Книги о Великом Единении» Кан Ювэя в контексте интеллектуальной деятельности мыслителя //Общество и государство в Китае. 2012. С. 192-196.
3. Начала Евклида. Перевод с греческого и комментарии Л.Д. Модухай-Болтовского при редакционном участии М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского. Книги I-VI. Государственное издательство технико-теоретической литературы. 1948. 446 с.
4. 康有为著；朱维铮编校.(2012).康有为大同论二种.上海.中西书局. 21 页 Kang Youweizhe; Zhu Weizhengbianjiao. (2012). Kang Youwei da tonglunerzhong. Shanghai. Zhongxishuju. 21 p.

Чжоу Цзе, Гэ Цили

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Белгород, Россия)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД И СЛУХ: О ВОЗНИКНОВЕНИИ КИТАЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

История мирового кинематографа ведет отсчет с 28 декабря 1895 года. За это время «великий немой» обзавелся голосом, стал реалистичным благодаря технологии объемного изображения и по-прежнему остается самым популярным и массовым видом искусства. Уже в начале прошлого века кинематограф

становится объектом изучения западных ученых и философов. В частности, один из них, Вальтер Беньямин, отмечает неразрывную связь этого феномена с европейской культурой. Он пишет о том, что произведение искусства, созданное путем тиражирования, а также промышленно, не содержит уникальности и того непередаваемого содержания, которое он называл аурой произведения. То есть, кинематограф не только является творением западной культуры, но также отражает все ее тенденции, выражающиеся в технизации, отказе от традиционализма, анонимности и прочем (Беньямин, 1996).

Можно предположить, что такая характеристика помешает кинематографу распространяться и заимствоваться другими культурами. Однако, это не так. Кинематограф приобрел популярность во всем мире. В отношении Китая можно сказать, что уже 11 августа 1896 года в чайной «Yau Yat Tsuen» («деревня YauYat») в шанхайском саду «Сюй Юань» был показан западный фильм. Отметим, что это произошло всего лишь спустя год после показа первого фильма в Париже. Еще через год американец Ликлтон привозит в Шанхай фильмы Эдисона. И можно с уверенностью констатировать, что до 1949 года большинство фильмов, демонстрировавшихся в Китае, были иностранными (Семь факторов).

Изначально фильмы демонстрировались в чайных домах, а первый кинотеатр в Китае – Ping An Cinema (или же кинотеатр «Салют!»), был построен в 1907 году на проспекте Чанъань в Пекине и также управлялся иностранными компаниями (Чэн, 1963).

Рождение национального кинематографа можно датировать 1905 годом, когда Жэнь Цзинфэн снял самый первый китайский фильм «Битва при Динцзюньшань» или «Гора Динцзюнь» в своей фотостудии Фэнтай в Пекине. Фильм был создан в сотрудничестве с известным актером Пекинской оперы Тань Синьпэй (1847-1917) (Чэн, 1963). Мы считаем это важным моментом для понимания специфики китайского кинематографа, в отношении которого не применимы категории западного противопоставления «подлинного» искусства и технического искусства, естественности и искусственности, наконец, самого кинематографа и искусства, по Беньямину, обладающему своей «аурой». Уже первый китайский фильм был основан на традиционной форме искусства и отражал взгляд китайской культуры, конечно, с помощью новых технических средств.

Первым художественным фильмом в Китае стал снятый Чжэн Чжэнцю и Чжан Шичуанем в 1913 году «Трудный муж и трудная жена» (также известный как «Комната новобрачных в свадебных свечах»). Этот фильм стал первой работой после открытия кинокомпании AsiaFilmCompany и стал пионером семейной этической драмы. Причем сама кинокомпания являлась американской, поскольку ее основателем был Бенджамин Бродски. Это была первая в Китае компания по производству кинофильмов. В 1909 году студия сняла четыре фильма в Шанхае и Гонконге, единственный сохранившийся – «Кража жареной утки». В 1912 году Бродски покинул Шанхай и продал свои активы двум другим американцам. Компания была распущена в 1914 году из-за нехватки киноплёнки (Чэн, 1963).

В том же 1913 году китайский кинорежиссёр Ли Миньвэй (1893 – 1953,) и Бродски сняли первый фильм «Чжуан-цзы проверяет свою жену». Сюжет которого был основан на традиционных китайских мотивах. Позже Бродски привез этот фильм в США, и он стал первым китайским фильмом, показанным за рубежом (Чжун, 1965).

Китайский кинематограф начинает «говорить» гораздо позже. Первая песня звучит в фильме «Дикая трава и цветы» производства компании «Ляньхуа», который вышел на экраны 3 декабря 1930 года. В фильме использовался дубляж на восковую пластинку, что позволило создать первую в Китае песню для кинофильма «В поисках братьев». А 15 марта 1931 года появляется первый в Китае аудиофильм «Певица Красный пион». Он был также был выпущен с использованием технологии дубляжа на восковую пластинку. В нём рассказывается история Хун Пион (Красного пиона), певицы и автора песен, которая после замужества с развратным супругом Чен Фасяном не только терзалась и страдала, но и терпела закат своей артистической карьеры, однако в конце концов она сумела безвозвратно уйти от мужа (Чжун, 1965).

Очевидно, что китайское национальное кино возникло и развивалось на основе заимствованных западных кинотехнологий, идей и художественных методов. Можно сказать, что прогрессивное кино в Китае возникает в борьбе с западной кинематографической гегемонией и шире, гегемонией культурной. Национальное кино имело только одну возможность: в своем начале соотнести свое содержание с традициями, транслируемыми китайской оперой. Однако в условиях заимствования технологий, в том числе режиссуры, приемов сценарного искусства, актерской игры, сохранить культурное своеобразие было очень сложно.

Литература

1. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
2. Семь факторов, которые повлияли на становление китайского кинематографа. URL: <https://magazeta.com/chinese-cinema> (дата обращения 23.03.2024).
3. Чэн Цзихуа. Чжунгодяньинфачжань ши (История развития китайского кино). Т. 1. Пекин, 1963.
4. ЧжунЛэй Уши нянь лай дычжунгодяньип (Китайское кино за пятьдесят лет). Тайбэй, 1965.

Жилина М.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ИСЛАМСКОЕ КАЛЛИГРАФИТИ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

В наши дни мусульманское искусство включает в себя крайне широкий спектр визуальных проявлений, сочетающих в себе традиционные и

современные составляющие, новые материалы и технологии. Художники и дизайнеры все чаще применяют смешение традиционных элементов, сочетая их с новейшими идеями, стилями и техниками через использование устоявшихся мотивов в современных композициях.

Искусство ислама оказывает значительное влияние на современную культуру и искусство в целом. Часто элементы и мотивы исламской культуры, такие как орнамент и каллиграфия, применяются в моде, архитектуре, дизайне и многих других областях современного искусства, создавая прочное связующее звено между традиционной и современной культурой, способствуя пониманию и признанию ценности исламского искусства. Популярный уличный художник из Франции eLSeed говорит о том, что трудность чтения этих стилизованных посланий, написанных на арабском языке, художник считает минимальным препятствием, полагая, что эстетический эффект от сообщений – это и есть транслятор сути арабской души без необходимости дословно понимать послание (Саван Васим, 2021: 78).

Наиболее популярным современным направлением, выросшим из традиционного искусства мусульманского мира, является каллиграффити. Этот вид искусства, объединяющий традиционные каллиграфические элементы и граффити воедино, все чаще появляется на поверхностях общественного пространства. Можно сказать, что зарождение каллиграффити происходит в глубокой древности, когда еще египетские жрецы и мудрецы использовали символы и письменность для передачи своих знаний и наблюдений. Однако, есть мнение, что термин «каллиграффити», первый раз использовал в названии своей выставки «Каллиграффити огня» художник Брайон Гайсин в 1986 году (Сухарева, 2021: 144).

Каллиграфия, которая изначально использовалась для красоты и изящества письма, трансформируется в мощное средство самовыражения и иногда активного призыва. Каллиграффити позволяет художникам создавать произведения искусства, способные передать глубокий символический смысл и коммуницировать со зрителем на эмоциональном и духовном уровне, что наравне с мусульманской каллиграфией позволяет выразить свои мысли и идеи символично и абстрактно, уделяя внимание не только самим словам, но и их форме. «Арабское каллиграффити стало космополитической формой искусства. Это частично можно отнести к богатству восточной культуры по сравнению с другими. Использование арабской каллиграфии было типографическим решением многих художников, которые стремятся изобретать эстетику» (Тишунова, 2024: 335).

Особенно хотелось бы выделить русского художника, работающего в стиле каллиграффити – Покраса Лампаса (Арсений Сергеевич Пыженков). Его стиль каллиграфии отличается колоссальными и динамичными буквами, создаваемыми с помощью спрея и кистей. Покрас Лампас не просто воплощает слова и фразы на стенах города, он создает невероятные и масштабные композиции, заполняющие стены зданий, монументальные строения и другие объекты инфраструктуры. Художественный уровень его работ так высок, что его навыки были оценены не только на родине; он

известен по всему миру – выставка его работ проходила даже в выставочном центре Opera Gallery в Дубае (Pokras Lampas, 2024). При этом самым масштабным является его творение 2015 года – гигантская роспись на крыше завода «Красный октябрь», в самом центре Москвы, площадь которой составила 1625 квадратных метров. Невероятные размеры каллиграффити превратили его в неповторимое и впечатляющее художественное творение. (The Largest Calligraffiti in Russia and the World, 2015). Текст на крыше контрастный и динамичный, а расположение орнамента в виде спирали придает глубину, завораживая и гипнотизируя зрителя; каллиграффити, по словам художника, состоит из слов, которые его вдохновляют. «Он подчёркивает, что для него важно подобрать правильные слова для своих работ не только для правильной, хорошей композиции, в которой художник всё чётко измерил, но и для того, чтобы передать правильный смысл зрителю» (Сухарева, 2021: 145). Творческий вклад Покраса Лампаса в искусство простирается гораздо шире, чем просто стрит-арт. Он активно сотрудничает с различными брендами, работает над коллаборациями с дизайнерами и художниками, создает фотографии, выставки и фильмы, посвященные его творческому наследию. Более того, Арсений проводит мастер-классы и участвует в выставках, где делится своими знаниями и опытом с другими людьми. Его произведения, инсталляции и художественные объекты можно увидеть по всему миру.

Каллиграфия, которая являет собой древнейшее проявление искусства, активно согласуется даже с современными стилями дизайна, часто используется во многих современных видах типографского, ландшафтного и интерьерного оформления. В наше время, когда технологии окружают человека в любой сфере, людям не хватает произведений искусства, созданных рукотворно. Таким образом, можно сделать вывод, что каллиграффити является настоящим проявлением искусства, популярным во всем мире, имеющим многовековую историю становления; следует рассматривать данный феномен как важное свидетельство бессмертия арабской каллиграфии, поэтому можно утверждать, что этому виду изобразительного искусства не грозит забвение.

Литература

1. Саван Васим, Вильчинская-Бутенко М.Э. Ремейк арабской каллиграфии: каллиграффити в пространстве города // Артикульт. 2021. №3 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/remeyk-arabskoy-kalligrafii-kalligraffiti-v-prostranstve-goroda> (дата обращения: 06.04.2024).
2. Сухарева Е.И. Художники направления «каллиграффити» // ДИСК-2021: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 22–26 ноября 2021 года. Часть 3. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2021. 251 с.
3. Тишунова С.М. Каллиграффити Нильса Мельмана // Вестник НАСА. 2018. №1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalligraffiti-nilsa-melmana> (дата обращения: 29.01.2024).

4. Opera gallery // Pokras Lampas. URL: <https://www.operagallery.com/artist/pokras-lampas>. (дата обращения: 22.02.2024).
5. Pokras Lampas // The Largest Calligraffiti in Russia and the World. 2015. URL: <https://pokraslampas.com/the-largest-calligraffiti-in-russia-and-the-world-2015> (дата обращения: 26.03.2024).

Гусева О.Л.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

КОНЦЕПТЫ НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В религиозно-философской традиции Древнего Китая сложились различные концепции отношения к насилию и ненасилию, которые не только оказали значительное влияние на культуру и мировоззрение китайского народа, но и на культуру народов, проживавших на территориях, граничащих с Китаем.

Исследование концепций насилия и ненасилия в религиозно-философской традиции Древнего Китая актуально в контексте поиска путей достижения гармонизации международных отношений в современном мире, в котором насилие продолжает оставаться актуальной проблемой.

Целью нашего исследования является анализ концептов насилия и ненасилия в религиозно-философской традиции Древнего Китая. Достижение поставленной цели требует поэтапного решения научных задач: – анализ даосской концепции «у-вэй» («недеяние») в контексте оппозиции насилие/ненасилие; анализ отражения идей древнекитайской философии в творчестве русских философов рубежа XIX-XX вв.

Источниковой базой нашего исследования послужили классические тексты китайской философии (например, «Дао дэ цзин» Лао-цзы и «Цзэнь-цзы» Чжуан-цзы), труды представителей русской философии Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, а также современные исследования, посвященные исследованию проблематики насилия и ненасилия в учениях древнекитайских мыслителей.

Проведенный анализ учений древнекитайских мыслителей Лао-цзы, Чжуан-цзы позволил выявить концепты насилия и ненасилия, которые были выражены в таких категориях и концепциях как у-вэй, дао... Обращение к отображению выработанных в древнекитайской философии концептов насилия и ненасилия в творчестве русских мыслителей Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, позволило выявить степень влияния древнекитайской мысли на развитие проблематики насилия и ненасилия в отечественной философии рубежа XIX-XX вв.

ВОСТОК В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ ЗНАНИЙ И ВПЕЧАТЛЕНИЙ: О ПРАКТИКАХ НАСТАВНИЧЕСТВА И ТУРИЗМА

Сегодня мы живем в условиях глобального мира и рынка образования, который до недавнего времени был моноцентричен. По крайней мере, если рассматривать образование западноевропейской цивилизации как нечто единое. В настоящее время ситуация изменилась и целый ряд университетов восточных стран и КНР прежде всего занимают верхние строчки мировых образовательных рейтингов (University and the capitalization of knowledge in the modern era, 2016). Тому есть целый комплекс причин, связанных как с развитием национальных систем образования, так и динамикой университетов (Андреева, 2017). Университет сегодня становится глобальным игроком на глобальном рынке образования, и чтобы успешно конкурировать с другими, вынужден привлекать лучших профессоров и создавать уникальный образовательный продукт.

Причем иногда подобные трансформации находятся в контексте укоренных в культуре практик, а иногда входят с ними в противоречие. Так изначально западный университет создается вокруг профессора, известной личности и эксперта в определенной области знания. На тот момент, конечно, религиозного (Борисов, 2018). Студенты перемещаются из города в город или следуя за профессором, или от одного наставника к другому. Так или иначе, в начале европейского университета лежит практика наставничества, совмещенная с тем, что можно назвать прото-туристическими практиками, возможно вырастающими из паломничества, но отличными своим светским характером. Массовизация высшего образования в прошлом веке во многом прервала эту давнюю традицию, поскольку личность наставника стала не столь важна. Ведь массовому студенту должен соответствовать массовый наставник.

Однако, сегодня мы наблюдаем тенденции индивидуализации образования и, возможно, это станет возрождением наставничества (Римский, 2015). Успех китайских университетов связан с давними традициями образования и ценностью знания в китайской культуре. Традиционно практики наставничества занимают в ней важное место. Но в отличие от западной культуры, долгое время восток рассматривался как носитель духовных ценностей и традиционной культуры. Э. Саид в концепте ориентализма пишет о загадочности востока для европейского человека начиная с момента первых контактов и вплоть до современности (Саид, 2006). То есть, в дополнение к практикам наставничества в образовании необходимо рассматривать и практики туристические, когда восток воспринимается как место духовного роста, получения тех знаний, которые сохранила традиционная культура.

В частности, китайская традиционная медицина является ярким примером такого знания и примером сохранения практики наставничества вместе с туристическими практиками. И это специфическая ситуация, когда,

казалось бы, глобальный рынок образования не является гомогенным реально. Декларативно же универсальность является одним из основных признаков современного знания. А туризм является непризнанной частью образования как явления и не только в формате академической мобильности. Причем наш небольшой исторический анализ показывает, что практики наставничества и туристические практики изначально близки в западноевропейской цивилизации. Для восточных культур это также характерно.

Литература

1. Андреева А.М., Борисов С.Н., Римская О.Н. Рождение культурного капитала. Капитализация знания от средневековья до нового времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 24(273). С. 60-67.
2. Борисов С.Н., Андреева А.М. Глобальный капитал и экономика знаний в современном мире // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского: Материалы докладов гуманитарных секций региональной университетской научно-практической конференции, Калуга, 01 февраля – 31 марта 2018 года. Калуга: ФБГОУ ВПО "Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского", 2018. С. 13-24.
3. Римский В.П., Игнатова В.С., Борисов С.Н. Университет как институт производства и капитализации научно-инновационного знания в современном образовании и культуре // Образование и общество. 2015. № 6(95). С. 17-26.
4. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.
5. University and the capitalization of knowledge in the modern era / V. P. Rimskii, L. B. Ignatov, S. N. Borisov, I. G. Kolesnikova // The Social Sciences. 2016. Vol. 11, No. 4. P.487-495.

Линь Чжэньхань

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

КИТАЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ РОМАНА Н.А. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Западные страны одна за другой разрывали дипломатические отношения с Китаем. Только Советский Союз оказывал Китаю всестороннюю поддержку. Тогда в Китае еще не сформировалась своя литературная теория, зрелые герои из русской литературы стали образцами для подражания китайскому народу (陈建华, 2009). С октября 1949 года по конец 1953 года в Китае было переведено и издано 5183 книги по советской науке, технике и литературе. Советские литературные шедевры широко распространены в Китае.

В 1951 году «Как закалялась сталь» была включена в «Серию книг о литературе и искусстве китайского народа» и «Серию книг о советской литературе и искусстве» и оказала влияние на мировоззрение и жизненные устремления нескольких поколений молодых читателей. Эта книга стала настоящим бестселлером. Издательский тираж этого произведения в Китае в 1950-х годах составил 8 млн экземпляров.

Нравственные ценности, которыми руководствовался Островский при создании своей книги, не только в Советском Союзе, но и в Китае в 1950-60-е годы были восприняты как высшие и потому самые актуальные.

В 1998 году, чтобы ещё раз оценить советскую литературу, рассмотреть творчество писателей, увидеть соотношение между литературой и политикой, начался новый виток дискуссий вокруг романа Островского. Как оказалось, роман «Как закалялась сталь» не потерял своего значения.

В 2007 г. главный редактор китайского журнала «Литература и искусство России» Ся Чжунсянь отметила, что в Китае роман не потерял своего значения и в начале XXI века. В 2015 году при торжественной церемонии был открыт памятник Николаю Островскому в Университете Цинхуа (Ельчанинов, 2022: 8).

По словам исследователя Ли Юецзиня русско-советская литература стала для китайского народа «учебником жизни» и «практическим руководством», повлияла на эстетическую ориентацию новой китайской народной литературы (Ян Янь, 2016: 52-54).

Павел Корчагин – «стальной человек», образ которого повлиял на целое поколение китайских писателей. В современном китайском понимании образ Тони стал любимым, она воспринимается как положительная фигура. Любовный эпизод между Павлом и Тоней стал излюбленной темой для китайских читателей.

Литература

1. Ельчанинов А.И. Памятники известным советским и российским деятелям в Китае // Культурологический журнал. 2022. URL: http://cjournal.ru/files/file/10_2022_21_12_06_1664820726.pdf (дата обращения 10.04.2024 г.)
2. Ян Янь. Русская литература в Китае середины XX столетия в оценке китайских исследователей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016 (9). С. 52-54.
3. 陈建华, 沈喜阳.(2009)俄苏“红色经典”在当代中国. 282 页 Chen Jianhua, Shen Xiyang (2009).Esu“hongsejingdian” zaidangdaizhongguo. 282 p.

Чжао Цзюньмин

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В РАМКАХ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Молодежь является важной силой, способствующей социальному развитию, а также той группой людей, которая легко принимает новые идеи. Китайская литература и истории о быте Китая для российской молодежи является важным способом достижения дружбы между двумя странами на протяжении многих поколений. В этом контексте важно знать, как в России распространяются китайская культура, чтобы понимать подлинное отношение российских молодежных групп к Китаю.

По мере углубления отношений между Китаем и Россией культурные обмены между двумя странами стали более объемлющими. Россияне задаются вопросом: «А правда ли Китай такой же стереотипный, как в европейских и американских фильмах?» Конечно, эти стереотипы не соответствуют действительности. История, литература, кинематограф Китая приобрели все большее внимание и признание в России. Читатели и зрители в России очень заинтересованы долгой историей и богатой культурной традицией Китая (李惠子, 2023: 82). Классические китайские произведения, такие как «Сон в Красном тереме» (древнекитайский роман, первый из четырёх самых известных китайских классических романов, написан во времена эпохи Цин автором ЦаоСюэцинь), «Путешествие на Запад» (один из четырех самых известных китайских классических романов, является первым длинным романом в древнем Китае, написан во времена эпохи Мин автором У Чэньэнь) и т.д., имеют много читателей. Блогеры в коротких видео делятся своими историями о пребывании в России, а также распространяют знания о Китае, традициях, привычках и быте китайцев (Например, авторы «贝加尔阿楠» или «鹅国宇哥» в социальной сети Tiktok).

В ходе исследования было выявлено, что в наиболее распространенных социальных медиа в каждой стране публикуется много информации о Китае для местных пользователей, но большинство из них понимают Китай с точки зрения иностранцев, а не китайцев, представляющих себя. Проблема в том, что создатели подобных публикаций и видео имеют различный уровень культуры и образования, что приводит к различным ошибкам в содержании, многие не относятся серьезно к историческим деталям. Эта ошибка мешает людям по-настоящему узнать Китай, затрудняет установление подлинной эмоциональной оценки у российского населения (张严峻, 2021: 13).

Когда вы говорите о Китае иностранцам, большинство из них думает о некоторых традиционных китайских культурных символах, таких как драконы, чайные листья и так далее. Помимо этих знаний, люди должны также узнать и о

современной обстановке, например, технологиях, социуме, экологии. Современные достижения Китая стали заметными и показывают, что Китай – не просто крупная держава с тысячелетней историей и культурой, но и держава, обладающая значительными технологическими инновациями и всеми современными характеристиками.

Возможные пути решения проблемы:

1. На правительственном уровне необходимо не только укрепить цензуру в области культурного распространения, но и запретить распространять некачественные работы, расширить ряд официальных обменов, таких как проведение «китайско-российского молодежного форума 2019 года», с тем чтобы внести важный вклад в распространение китайской культуры для молодежи в России.

2. В социальных медиа, направленных на распространение «историй о Китае», среди молодежи России следует принять форму коротких видеороликов. Российская молодежь дружелюбно относится к Китаю и готова узнать «истории о Китае», что также является важным шагом по укреплению дружественных отношений между двумя странами.

3. Наконец, распространение китайской культуры за рубежом не должно ограничиваться только традиционными культурными аспектами, но и более широко отражать современное состояние общества, науки, экономики и так далее.

Литература

- 1.李惠子(2023). 中国文化类短视频在俄罗斯传播现状与优化路径.电影评价. 第 7 期 . 82 页 LiHuizi (2023). Zhongguowenhualaidianshipinzaieluosizhuanboxianzhuangyuyouhualujing. Dianyingpingjia. Di7qi.p. 82
2. 张严峻(2021). 对俄罗斯青年群体讲好中国故事—新形势下对俄精准传播的策略与路径. 对外传播. 第 9 期 . 13 页 ZhangYanJun (2021). Duieluosiqinnianquntijianhaozhongguogushi — xinxingshixiadaueijingzhunzhuangbodecelueyulujing. Duiwaizhuangbo. Di 9 qi. p. 13

Чжао Чэньян

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Культура каждого народа самобытна и основывается на уникальном мировоззрении конкретного этноса. Китайская каллиграфия – одно из значимых проявлений китайской национальной традиции. Китайская каллиграфия является важной частью традиционной китайской культуры,

описывается как бессловная поэзия, невидимый танец, картины без картины, тихая музыка, «сокровища восточного искусства».

Китайская каллиграфия использует иероглифы и уникальные навыки письма и компоновки с помощью кистей, чернил, бумаги, тушечниц и других инструментов, чтобы выразить коннотацию и красоту текста (Ан, 2014: с. 219).

Китайская каллиграфия имеет долгую историю, зачаточные формы мы можем наблюдать еще в период до эпохи Цинь. После, в различные эпохи, такие как Хань, Тан, Сун, Юань, Мин и Цин, сформировались различные стили:

- чжуаньшу – «иероглифы печати»
- лишу – официальное письмо
- кайшу – уставное, деловое письмо
- синшу – ходовое письмо
- цаошу – скоропись

Первоначально каллиграфия возникла для реализации потребности фиксировать точно и образно те или иные мысли и сообщения, чтобы передавать их другим. В современном Китае многие люди любят практиковать каллиграфию, считая, что она может развивать темперамент, помогает совершенствованию и улучшает эстетические способности (冯爽, 2023: 217-221).

Русская каллиграфия имеет определенную связь с западной каллиграфией, но она также имеет свои уникальные особенности. Она основана на древнеславянском алфавите, ее структура строга, линии плавны, с уникальным ритмом. Русская каллиграфия широко использовалась в церковных фресках, копиях документов, переплете книг и т.д.

История русской каллиграфии восходит к древнеславянскому периоду. Со временем буквы претерпели многочисленные изменения и стандартизацию. В XVIII веке сформировалась кириллица, которую мы сейчас знаем. В ранней русской каллиграфии каллиграфические произведения обычно имели великолепные украшения и сложные изгибы, демонстрирующие любовь и стремление славянского народа к искусству. Со временем начали изучать более свободные и индивидуальные способы письма, сформировав множество различных стилей каллиграфии.

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом стали происходить обмены между каллиграфами двух стран. Многие выдающиеся китайские каллиграфы были приглашены в Россию для проведения каллиграфических выставок и лекций, а российские каллиграфы отправились в Китай. Этот обмен не только обогатил искусство каллиграфии обеих стран, но и углубил дружбу и взаимопонимание между народами.

Литература

1. Ан С.А., Ворсина О.А., Песчанская Е.В. Иероглифическая образная письменность как главная причина устойчивости китайской культурной традиции. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. С. 217-221.

2. 冯爽(2023)中国书法的发展: 历史文化方面. 社会: 哲学、历史、文化.第 8 号. 第 217-221 页. Feng Shuang (2023) Zhongguo shufade fazhang: lishi wenhua fangmian. Shehui: zhexue, lishi, wenhua. Di 8 hao. P. 217-221

Се Хао, Чэ Чжиянь

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Белгород, Россия)

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА: КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДВУХ ФЕНОМЕНОВ

Небольшое письмо Луи Альтюссера «О Марксе и Брехте» содержит один важный методологический посыл, названный автором смещением: «Великий урок Маркса и Брехта заключается в том, что нужно сместить общую точку зрения, с которой до сих пор рассматривались все вопросы философии и театра. Нужно отказаться от точки зрения, служившей умозрительному объяснению мира (философия) или кулинарно-эстетическому наслаждению (театр), переместиться и занять другое место, которое, в общем и целом, есть место политики» (Альтюссер, 2019: 29). Смещение, происходящее в отношении театра и философии через признание участия в них обоих политики, изменяет практически все. Для нас важно то, что это действие может быть распространено на анализ других объектов. От театра к культуре в целом, которая в перспективе политики, рассмотренная как конкретно-историческая практика, будет являться национальной культурой, а не культурой вообще. Так же, как и культурой конкретного государства, проводящего свою культурную политику.

Относительно самого смещения, прежде всего, оно понимается нами как смещение по шкале времени или рассмотрение объекта исследования в исторической перспективе. Тогда мы можем предположить: культура и нация будут представлять собой два взаимосвязанных объекта исследования. И если культуру и изменения, в ней происходящие, сложно датировать, то возникновение такого явления, как нация, проще. Само слова нация изначально означает племя или род, то есть охватывает вполне понятную совокупность кровнородственных отношений и возникающих на такой основе сообществ. И только в период Нового времени приобретает значение гражданской общности. Л. Гринфельд указывает, что впервые этот процесс начинается в Англии XVI века, когда эгалитарное значение нации сменяется отождествлением с ней всего народа, жителей государства в независимости от их происхождения. Важно еще и то, что социально-политическая сторона происходящего имела и культурную, поскольку народ являлся носителем своей культуры, низовой или простонародной, а элита своей собственной. С.С. Черных отмечает: «... необходимо признать, что «очистка» самого понятия «нация» от этнических коннотаций не была полностью осуществлена в массовом сознании населения стран Европы и мира, поскольку конструировалась на основе уже существовавших базисных систем народной (в

широком смысле) культуры, ключевым и связующим компонентом которых выступал язык» (Черных, 2023: 11).

Исторический процесс возникновения наций как явления и национальных государств как формы их существования не был мирным. Череда революций, получивших название буржуазные, революционный террор и насилие сопровождали возникновение новых общностей (Артюх, 2015). В результате нация все более освобождается от значений этнических и наделяется гражданскими и политическими. А работу по конструированию самой общности берет на себя культура как совокупность общих ценностей и практик, прежде всего языковых, при трактовке языка как чего-то естественного и изначального. Соответственно в ходе революционных преобразований носитель языка – народ, вправе проводить границу государства исходя из языковых границ (Кедури, 2010: 70). И язык же является ядром культуры, которая собирает народ в нацию. Государство берет на себя функцию защиты этого образования. Естественность в отношении нации нужно понимать, как необходимость обоснования возникающих сообществ, стремление найти какое-либо начало, не вызывающее сомнений, будь то язык, общее происхождение или рациональный выбор.

При этом появление национальных языков представляется отдельной темой, выходящей за рамки нашего исследования. Для нас важно, что возникновение наций и той культуры, которая знакома нам сегодня, суть один и тот же процесс, связанный с разрушением традиционных сообществ и культур в пользу гражданских конструкций, основным элементом которых становится автономный субъект. И он же является творцом национальной культуры, о чем пишет В.М. Межуев: «Принципом существования национальных культур в отличие от культур народных является, следовательно, свободная в своем самовыражении и духовном выборе личность. Если народ можно определить как коллективную личность (здесь личность как бы одна на всех), то нация – это коллектив личностей, где каждый имеет свое неповторимое лицо» (Межуев, 2010:12). Субъект, который соотносит себя с общностью – нацией, но остается самим собой, творцом и автором. В этом кроется противоречие национальной культуры, которая создает представление о границе, часто совпадающей с границей государства, но также стремится преодолеть самой же установленные границы и стать глобальной.

Литература

1. Альтюссер Л. Об искусстве. М.: V-A-C press, 2019. 112 с.
2. Черных С.С. Нации и национализм: история и современность. М.: Ленанд, 2023. 200 с.
3. Артюх А. В., Борисов С.Н. Война и революция. Контексты насилия в работе Х. Арендт «О революции» // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 1(5). С. 174-179.
4. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010.136с.
5. Межуев В.М. Глобальное и локальное в культуре // Россия в диалоге культур. М.: Наука, 2010. С. 5-35.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГОВОРК О ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Поговорки передают культурные и национальные особенности стран, очень широко используются в жизни народа. Понимание различий между двумя языками помогает нам лучше понимать свои национальные особенности и облегчает общение друг с другом.

Китайские поговорки часто происходят из древней литературы, исторических событий, аллегорий, мифов и легенд и тесно связаны с традиционной китайской культурой. Русские поговорки также несут в себе элементы российской истории, литературы, веры и другие культурные элементы, отражают повседневную жизнь (柴梅萍, 2010: 47-48).

Китайские идиомы, как правило, представляют собой форму четырехслоговой иероглифной формы, в которой особое внимание уделяется координации слогов и гармонии звуков, что делает поговорки легко читаемыми и запоминающимися. Например: «Сторожить пень в ожидании зайца» (кит. 守株待兔 *shouzhudaitu*). Русские поговорки более гибкие по длине и структуре. Обладают формальной фиксированностью, смысловой целостностью, выразительностью, национальными особенностями, метафорическим и символическим, а также историческим и эпохальным характером. Русские идиомы иногда более интуитивны и передают смысл через яркие метафоры или описания. Например: «Время дороже золота» (张美佳, 2021: 130-131).

Китайские поговорки часто встречаются в литературных произведениях и повседневном общении для повышения яркости и имиджа языка, в то время как русские поговорки чаще встречаются в официальных случаях и официальных документах для повышения нормативности и строгости языка (张磊, 2008).

Хотя русские и китайские поговорки иногда выражают сходные значения, они все равно имеют разные акценты и иногда разные диапазоны использования.

Русская пословица «Один день год кормит» и китайский вариант «Летом как следует поработай и весь год будешь сыт». В русском варианте больше внимания уделяется важности трудолюбия, подчеркивается, что только постоянная упорная работа может обеспечить нашу жизнь, используется, когда акцент делается на постоянные усилия. В китайском варианте, если человек продолжает много работать в течение года, особенно в периоды большой рабочей нагрузки (например, летом), он может убедиться, что у него есть достаточно еды и других жизненно важных ресурсов в течение всего года. Подчеркивается ценность повседневной работы и важность планирования.

Литература

1. 柴梅萍 (2010). 论汉语成语的基本特征. 语文建设(11Z), 47-48 页. Chai Meiping (2010). Lun hanyu chrngyude jiben tezheng. Yuwen jianshe (11Z), P.47-48.
2. 张磊(2008). 俄汉成语语义及结构的对比分析. 吉林大学. 46 页.Zhang Lei (2008). Ehan chengyu yuyi ji jegoude duibi fenxi. Jilin daxue. 46 p.
3. 张美佳 (2021). 跨文化语境下汉俄成语来源对比分析. 大众文艺(15). 130-131 页. Zhang Meijia (2021). Kua wenhua yujingxia hane chengyu lai yuan duibi fenxi. Dazhong wenyi (15). P.130-131.

Цзинь Чжунхань

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ В ЖИВОПИСИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ XIX–XX ВВ.

Китайская живопись 20 века демонстрирует чередование старого и нового, смешение Китая и Запада, перехода к изменениям. В китайской живописи 20 века можно выделить некоторые особенности:

1. Появились новые виды живописи: масляная живопись, гравюра, комиксы, плакаты.
2. Китайская живопись имеет высокое и элегантное выражение и абстрактные приемы.
3. Акцент делается на поглощении иностранной культуры и искусства.
4. Большое количество студентов едут учиться в Японию, Францию и другие западные страны. После возвращения домой они становятся основными преподавателями, что заложило основу для развития китайской живописи.
5. Сопровождается волной социальной революции, искусство тесно связано с обществом и политикой.

В начале 20 века в конце династии Цин создаются ряд новых художественных школ и университетов (например, Шанхайский институт красоты, Бэйпинский художественный институт) (穆瑞凤, 2013: 40).

Тема традиций и новаций так же была в центре внимания русских художников. Знакомство с древнерусской иконописью помогло расширить сюжетный диапазон (например, у Васнецова) и дало новые перспективы в развитии техники. В последнее десятилетие 19 века происходит изменение в отношении к фольклору и древнерусской живописи, идёт поиск нового художественного идеала. В качестве художественного ориентира выступали имперский стиль (Бенуа, Сомов), допетровская Русь (Билибин, Рябушкин), купеческий быт (Кустодиев). Древнерусское искусство выделяется в самостоятельное, раньше его рассматривали лишь как ветвь искусства византийского (Мухина, 1984).

Таким образом, именно древнее национальное искусство выступило в начале 20 века основой для возникновения новых течений в России и Китае, в нем художники искали формы и техники для преодоления возникшего кризиса в художественной практике.

В конце 19 века стерлась грань между искусством и обществом, социум настойчиво вмешивался в художественное пространство, и наоборот. Подобный тезис характерен и для России, и для Китая. В частности, многие деятели русского авангарда, такие как Малевич, Кандинский, Чекрыгин, Филонов и др., писали о необходимости привнесения в искусство революционности. Творчество должно быть направлено на преобразование социокультурного пространства. Каждый из художников предлагал собственный проект по переустройству общества. В Китае, например, Чэнь Дусю (кит. 陈独秀) в издаваемых им журналах "Цзяинь" (кит. 佳音), а особенно в "Синь Циннянь" (кит. 新青年), отстаивал мысль о необходимости приобщения китайского общества к западной системе ценностей, выступал за индивидуализм и революцию в искусстве.

Литература

1. Мухина Т.Д. Русско-скандинавские художественные связи конца XIX-начала XX вв. //Изд-во МГУ, 1984. 110 с.

2. 穆瑞凤 (2013). 20 世纪二三十年代中国美术史著述中的分期问题. 清华大学美术学院, 北京. 40 页 MuZhuifen (2013) 20 shijiersanshinian daizhongguomeishushizheshuzhongdefenqiwen ti. Qinhua daxuemeishuxueyuan, Beijing. 40 p.

У Лимин

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В КИТАЙСКИХ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПАХ

У многих китайцев есть впечатление, что русские – это боевая нация, верящая в религию и имеющая прямой характер.

На первых порах отношения между нашей страной и Россией были напряженными. В 1950-х годах Советский Союз помогал развивать Китай. Предоставлялись кредиты, советские учёные и рабочие работали на китайских предприятиях, помогали развивать промышленность, китайские студенты обучались в вузах Советского Союза. В 1960-е годы отношения ухудшились. После распада Советского Союза отношения вновь возобновились и велись в положительном ключе. В 21 веке Китай и Россия имеют хорошие отношения, что способствует высококачественному развитию китайской и российской экономик. Культурные обмены между двумя странами проводятся все чаще и

чаще, это явление не только способствует лучшему пониманию культуры друг друга, но и обеспечивает прочную основу для дружбы.

Западные СМИ неоднократно меняли имидж России в период с распада Советского Союза до 1995 года, часто связывая русскую нацию с негативными образами, такими как: олигархи, бандиты, хакеры, коррупция и так далее. Статья «Западные журналисты смотрят на российскую преступность», опубликованная в 1995 году, стала самым ранним изменением имиджа России (思翰, 1995). Эти образы часто проистекают из изображений некоторых фильмов и сериалов, что приводит к негативным стереотипам о русской нации у некоторых людей, которые не имели дела с русскими. В публикациях часто игнорируется русская самобытность, история и культура. Поэтому мы должны сохранять объективность и рациональность, не вслепую принимать стереотипы, а улучшать понимание посредством многогранного понимания и обмена.

2004 год был «Годом дружбы между китайской и российской молодежью». В это время в Пекине были объявлены результаты масштабного анкетного опроса «Россия глазами китайской молодежи». Результаты опроса показывают, что студенты имеют высокий уровень правильных ответов на вопросы о физической географии, культуре и национальных лидерах России, но мало знают российскую историю, политическую экономику и китайско-российские отношения (Информационная организация, 2004). Меняется и развивается и современное китайское восприятие России. Согласно опросу, более 70% китайцев считают Россию дружественной страной (Газета «环球时报», 2018). В последние годы все больше и больше российских книг издаются в Китае, и мы все больше узнаем о России, мы понимаем российский национальный характер иначе, чем раньше.

Наша страна мало знает о России, в сознании китайцев есть как традиционные стереотипы, так и позитивное восприятие. Я считаю, что в будущем восприятие Россией китайцами будет более всесторонним и глубоким, а сотрудничество между двумя странами будет этому способствовать.

Литература

1. Газета «环球时报»/ Запись 29 июня 2018г. Электронный ресурс Режим доступа: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnK9UxB> (дата обращения 31.03.2024)
2. Информационная организация Коммунистической лиги молодежи Китая «中国共青团新闻机构» Запись 13 декабря 2004г. URL:http://zqb.cyol.com/content/2004-12/13/content_995761.htm (дата обращения 15.03.2024).
3. 思翰. 西方俄罗斯犯罪记者. 博兰群书. 1995.12 月 15 日. 70 页 Xi Han (1995). «Xifangeluosifangzuijizhe». Bolanqunshu. 70 p.

Ли Цзиньян

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Концепция загробной жизни является повсеместной темой во всех культурах. В разных культурных контекстах форма и содержание концепций загробной жизни различаются, отражая их уникальные религиозные, философские и социальные ценности.

Сравнивая и анализируя концепции загробной жизни в культурах двух стран, мы можем найти общие черты и различия, что даёт пищу для размышлений, помогает межкультурному общению и пониманию.

Русская культура находится под влиянием православной церкви, концепция загробной жизни отражается в религиозных учениях и убеждениях православной церкви. Она считает, что человек после смерти попадает в другой мир, рай или ад. Добрые дела вознаграждаются и позволяют человеку войти в небеса; Зло наказывается и ведет человека в ад. Религия оказала глубокое влияние на этику и русский этикет.

В российской системе народных убеждений, помимо православных и других религиозных убеждений, существует славянская мифология и русский фольклор. Этот мир концепций весьма красочен, представляет собой не только некоторые элементы христианского учения, но и взгляды на жизнь и смерть, социальную психологию, присущие исключительно русской этнической группе. Например, в русских народных сказках есть образ «острова», которому придают двойное значение, может символизировать как небеса, так и ад. Иногда остров изображается как идеальный мир, полный солнца, цветов и радости, а жители живут гармоничной и прекрасной жизнью, которая является видением и ожиданием счастливой жизни после смерти, а иногда представляет собой адский мир, полный страданий, где мрачные замки, горящее пламя и бесконечные муки являются метафорой карающей среды, с которой сталкиваются грешники. Этот символ единства противоположностей ярко отражает сложность и глубокую коннотацию концепции загробной жизни в русской народной культуре (Горницкая, Муругова, 2016). Существует много легенд и историй о посмертном мире, что еще больше обогащает концепцию загробной жизни. В основном, легенды рассказывают о том, что после смерти необходимо пройти путь, полный трудностей и препятствий, с которыми человек должен столкнуться и преодолеть их. Такие истории иногда предупреждают людей о том, что они должны противостоять соблазну со стороны злых сил, чтобы войти в небесный вечный дом после смерти.

В китайской культуре буддизм оказывает особенно значительное влияние на концепцию загробной жизни. Буддизм считает, что цикл жизни и смерти человека бесконечен, и после смерти он либо попадёт в нирвану, либо продолжит реинкарнацию. Накапливая заслуги, вы можете достичь состояния нирваны, выпрыгнуть из реинкарнации и получить вечное освобождение. Эта

вера оказала глубокое влияние на взгляды китайцев на жизнь, смерть и мораль (陈璐, 2004).

Даосизм как родная религия Китая также оказывает важное влияние на концепцию загробной жизни. Даосизм считает, что после смерти человек не умирает, а может стать бессмертным, призраком или переродиться. Китайские народные верования также содержат богатые концепции загробной жизни, такие как поклонение предкам и концепции подземного мира.

Концепция загробной жизни в русской и китайской культуре сходна во многих отношениях, таких как акцент на возмещении добра и зла и акцент на судьбе после смерти. Однако существуют и явные различия.

Литература

1. Горницкая Л.И., Муругова Е.В., Образ острова-загробного мира в русском фольклоре, Донской государственный технический университет, Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ostrova-zagrobnogo-mira-v-russkom-folklore> (дата обращения: 06.07.2024).
2. 陈璐, 2004. 唐五代民间命运观初探, 陕西师范大学(4), 26 页

Фэн Цзыно

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Изучение истории и реальности китайско-российских отношений имеет весьма положительное значение для укрепления добрососедства, дружбы и сотрудничества.

В конце 1991 года Советский Союз был распущен. Впоследствии благодаря совместным усилиям лидеров двух стран и соответствующих ведомств правительств, китайско-российские отношения продолжают развиваться и достигли наилучшего периода в своей истории. Страны вышли на новый уровень с точки зрения политического и правового позиционирования. Китай и Россия установили дипломатические отношения, что позволило двум странам избавиться от ощущения друг друга как потенциальных соперников.

По мнению профессора Института Дальнего Востока РАН Ю.М. Голеновича, в постсоветско-китайской истории российско-китайских систематических контактов (которые насчитывают, в общей сложности, около 400 лет) началась новая эпоха государственных международных отношений.

В 1996 году Китай и Россия приняли решение о создании механизма регулярных встреч глав государств и правительств, что помогло урегулировать оставшееся китайско-российские пограничные вопросы (Ли Фэнхуа, 2019: 119).

Векторы развития:

1. Мы должны продолжать расширять объем торговли.

2. Продвигать всестороннее энергетическое сотрудничество, чтобы способствовать энергетической безопасности и устойчивому развитию обеих стран.

3. Сосредоточиться на расширении инвестиционной деятельности и сотрудничества в такой области, как высокие технологии. Следует и дальше расширять совместные исследования и разработки и производство в области инвестиций, глубокой переработки, высоких технологий и инноваций (Си Цзиньпин, 2018).

4. Следует в полной мере использовать механизм регулярных встреч руководителей регионов России и Китая для расширения регионального сотрудничества (Чрезвычайный и Полномочный, 2014).

5. Необходимо оказывать поддержку и содействие на политическом и управленческом уровнях, в полной мере используя роль рыночного механизма (Ли Менлун, 2016: 26).

Партнерство – это чрезвычайно важные отношения между великими державами в современном мире. Так, наши две страны являются крупными соседями, они совместно поддерживают международную справедливость и стремятся к развитию нового типа международных отношений.

Литература

1. Ли Мэнлун. История в развитии российско-китайских отношений (1995-2015) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. С.171-173.
2. Ли Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. 2019. С. 118-134.
3. Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации Ли Хуцзя в интервью московскому журналу «Идеи столицы» 23.10.2014. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-09/09/content_33459439.htm (дата обращения: 15.04.2024).
4. Си Цзиньпин о БРИКС за последние 5 лет. 20. 07.2018.URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-07/20/content_57807177.htm (дата обращения: 15.04. 2024).

Хуан Мэйюй

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

От европейских равнин на западе до азиатских высоких гор на востоке, от холодной тундры на севере до теплых степей на юге, российский географический ландшафт захватывает дух. Здесь и Байкал, и Волга, и загадочный полярный круг с его ледниками и полярным сиянием.

Страна обладает богатым историческим наследием и уникальными культурными традициями. Русская литература богата литературными мастерами. Писатели и поэты, знатоки человеческой природы, имеют

уникальное представление о жизни. Работы таких художников, как Репин и Суриков, дают нам почувствовать любовь и благоговение перед природой и жизнью. Они стали важной частью русской культуры, добавив жемчужины в сокровищницу мирового искусства. Свою уникальность имеют музыка, танцы, театр. Известны во всём мире русская классическая музыка и балет.

Россия имеет долгую и богатую историю. Подъем Киевской Руси, установление татаро-монгольского ига, победы Александра Невского, правление династии Романовых, советский период истории России – эти исторические события не только сформировали уникальный национальный характер России, но и оставили большой след в культурном наследии.

О. Шпенглер выдвинул термин «парасимвол культуры». Характеристики культуры отражаются в языке народа. Так, парасимволом русской культуры является бесконечная равнина. Вспомним выражение Б. Пастернака «жизнь прожить – что поле перейти». Так же к каждой культуре подобран ряд характеризующих её слов. У России следующий словесный ряд: душа, воля, судьба, тоска, интеллигенция и др. (Юлдашева, 2011: 68-69).

Центром внимания русской общественной мысли является диалектика мира и войны, свободы и насилия. Ярче всего это отражено в художественной литературе и философии. Стоит упомянуть таких авторов как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Российский народ всегда придерживался духа упорства, смелости и бесстрашия. И в Великой Отечественной войне, в те трудные годы истории, и перед лицом различных вызовов современного общества русский народ проявил упорство и непреклонность. Этот дух существует и по сей день и стал важной частью русской культуры, он вдохновляет российский народ на постоянное стремление к прогрессу, исследование неизвестного, на стремление превзойти себя. Я думаю, что именно этот дух позволил России стоять на мировой арене.

Сейчас Россия сталкивается с беспрецедентными возможностями развития. С устойчивым экономическим ростом, непрерывными инновациями в области науки и техники, будущее России полно бесконечных возможностей. Российские ученые и инженеры внесли большой вклад в прогресс человеческой цивилизации. Российская система образования высоко ценится своим глубоким историческим наследием и превосходным качеством преподавания.

У нас есть основания полагать, что в ближайшее время Россия продолжит сохранять преимущества своего географического и культурного разнообразия, постоянно раскрывая и передавая собственное культурное наследие и духовное ядро. В то же время Россия будет активно участвовать в глобальных делах, укреплять сотрудничество с другими странами, вносить свой вклад в процветание и развитие мировой культуры.

Литература

1. Юлдашева М.Р. Русская культура и русский язык в диалоге культур. // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. С. 68-69.

Се Цзайжун

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИТАЙСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Раскольников утверждает, что есть два типа людей в мире. Обычные люди и необычные люди. Обычные люди – «твари дрожащие», люди способные лишь выживать и размножаться. Необычные люди, такие как Наполеон, – великие лидеры, те, у кого есть талант или способность выражать новые идеи в своей среде. Такие люди имеют характеры преступников, они саботажники или люди, склонные к саботажу. В своих различных заявлениях они призывают к разрушению настоящего ради лучшего будущего.

После смерти старухи, в споре, когда Разумихин спросил Раскольникова, что тот, кто действительно гений, тот, кто имеет право убивать, вообще не должен испытывать боль, даже если он убивает людей? Ответ Раскольникова заключается в том, что человек с открытым умом и глубокими чувствами всегда неизбежно будет испытывать боль и неприятности. Истинно великие люди должны испытывать великое горе в мире (张小鱼, 2020).

Несколько раз в романе упоминается Наполеон, что напоминает другую книгу – «Красное и чёрное» Стендаля, где герой также поклоняется Наполеону. Возможно, это была популярная мысль для авторов того времени, что молодёжь должна иметь большие амбиции и совершать бессмертные подвиги, такие как Наполеон. Раскольников – нервный, молодой и очень бедный. Страдание внушило ему мрачные мысли о преступлении. Как герой сказал, что даже если ему сойдёт с рук преступление, то его совесть причинит ему боль (金汐月, 2021).

Когда мы хотим достичь определённых целей, первое, о чем мы думаем – метод. Некоторые из методов определяются миром как грехи. Отвечая на вопрос о том, почему люди совершают преступления, я считаю, что в целом преступлением является не только деяние, но и цель. Нам нужно знать, какие методы являются преступлением. Но некоторые действия, которые в одном месте определяются как грехи, не считаются грехами в другом. Например, законы о двоежёнстве и наркотиках значительно различаются в зависимости от культуры и страны.

У Раскольникова есть проблема – возможность пренебречь предписаниями закона и морали, если того требует право «особенного». Предусматривается возможность отступления от морали для «особенных», если «цель оправдывает средства» (Машков, Руденко, Балаценко, 2011). Допущение возможности пренебречь законом и моралью, предполагает возникновение в определенных ситуациях права на преступление и иных аномальных «вещей».

Литература

1. Машков А.Д., Руденко Б.Б., Балащенко М.И. Критика Ф. Достоевским нигилистических взглядов на право (на примере образа Раскольникова в романе «Преступление и наказание») // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Юридические науки». Том 24 (63). № 2. 2011 г. С. 62-73.
2. 金汐月 (2021). 罪与罚：杀死了一个坏人，是否有罪？ available at: URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692657914176323148&wfr=spider&for=pc> (Accessed 15.04.2024)
Jin Xiyue (2021). Zui yu fa: shasile yige huairren, shifou you zui?
3. 陀思妥耶夫斯基著, 岳麟译 (2011). 罪与罚. 上海译文出版社. 350 页.
Tuosituoeyefusiji zhe, Yue Lin ze (2011). Zui yu fa. Shanghai zewen chubanshe. 350 p.
4. 张小鱼 (2020). 赎罪或自戕：关于《罪与罚》中拉斯科尔尼科夫和斯维德里加洛夫的生命选择的讨论. available at: URL: <https://book.douban.com/review/12600100> (Accessed 15.04.2024)
5. Zhang Xiaoyu (2020). Shuzui hui ziqiang: guangyu «zui yu fa» Zhong lisikeernikefu he siweidelijiagefude shengming xuangzede luntan.

Ли Юйчжэнь

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(Далянь, Китай)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАРТИНЫ И.Е. РЕПИНА «БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ»

Картина «Бурлаки на Волге» – один из шедевров русского искусства. На картине изображена группа рабочих, которые с трудом тянут судно на берегу Волги. Полотно показывает их тяжелую жизнь и бесконечные страдания. В этой картине Репин раскрыл трагическое положение трудящихся в русском обществе того времени и заставил людей глубоко задуматься о социальных проблемах. Он рассказал о простых людях, которые вели рабскую жизнь при царской автократии.

И.Е. Репин – выдающийся российский художник критического реализма и важный представитель школы Передвижников. Он написал её в 19 веке. Центром картины являются 11 мужчин, разных по возрасту, фигуре, характеру, физической силе. В композиции Репин использовал прием контраста. На переднем плане картины – рабочие, шагающие с трудом, наклоняются вперёд, делая усилие, а на фоне – широкая Волга и далекие города, формирующие сильное ощущение пространства. Этот контраст не только подчеркивает тяготы бурлаков, но и намекает на их отношения с обществом в целом.

И.Е. Репин использовал в основном темные тона, чтобы показать тяжелую атмосферу жизни бурлаков. Он также использовал яркие цвета в некоторых деталях, таких как одежда рабочих и поверхность Волги.

Художник глубоко отражает тяжелую жизнь русских бурлаков, демонстрирует их неукротимый дух в трудных условиях и выражает возмущение социальной несправедливостью и неравенством между богатыми и бедными. Картина является не только изображением жизни трудящихся, но и зеркалом истории, отражающим истинное лицо общества того времени.

Работу называют «Чудом русской живописи». Эта картина заложила основу для подъема русской масляной живописи в мировом искусстве. В 19 веке влияние русской масляной живописи постепенно расширялось, и она стала важной силой в европейском и мировом художественном мире. Он вдохновил художников из других стран и регионов на переосмысление и исследование местной культуры и традиций, а также способствовал развитию мирового искусства (Юденкова, 2020: 175).

Россия XIX века переживает период исторических перемен: переход от феодального крепостного права к капитализму. Социальные противоречия становились все более острыми. Авторитарное правление царя все больше ставится под сомнение и оспаривается. Развитие капитализма привело к повышению производительных сил и изменениям в социальной структуре. Различные течения, жанры, идеи сталкиваются друг с другом, что обеспечивает почву для процветания русской литературы и искусства (詹建俊, 2006: 28-29).

«Бурлаки на Волге» – это не только картина, отражающая тяжелую жизнь простых людей русского общества, но и шедевр, полный глубокого культурного содержания и исторического контекста. Благодаря глубокому анализу этой картины мы можем взглянуть на исторические особенности России в XIX веке и ее уникальное культурное очарование. Волга, известная как «Матушка», занимает ключевое место в русской культуре. Это не только самая длинная река в России, но и важный носитель российской истории и культуры. Картина – это не только симпатия и внимание к тяжелой жизни бурлаков, но и дань уважения Волге, символу русской культуры. Богатые природные и гуманитарные ландшафты бассейна Волги дают бесконечное творческое вдохновение русской литературе, живописи и другим областям искусства.

Литература

1. Юденкова Т.В. «Эра передвижников»: взгляд из XXI в. // Вестник Московского университета. 2020. С. 161-186.
2. 詹建俊(2006). 苏俄油画传统能响我们至今. 三月风. 第 5 期 28-29 页 Zhan Jianjun (2006). Su e youhuachuangtongnengxiang women zhijin. Sanyue feng. Di 5 qi. P. 28-29.

ОБРАЗ РЕКИ ВОЛГИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Волга породила русскую цивилизацию, она колыбель русской истории. Если Дон называют «Батюшкой», то Волгу – «Матерью». Дон олицетворяет силу русских, а Волга олицетворяет русскую нежность.

В объятиях великой реки-матери родилось много великих поэтов, писателей, художников. Их произведения наполнены любовью и привязанностью к Волге.

Вы можете увидеть её во многих литературных произведениях. Это может быть ода любви к Волге, красочные описания или использование реки как сцены, где происходит действие. Образы реки выражают различные эмоции и чувства автора, размышления о времени, об обществе. Пейзаж – это образ, который часто скрывает мысли поэта, и поэт выражает свои мысли через него. Поэт Некрасов писал:

Нет, – говорил я жизни той. –

Ничем не купленный покой

Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил

Или мой труд не нужен был,

Но жизнь напрасно я убил,

И то, о чем дерзал мечтать,

Теперь мне стыдно вспоминать!

Все силы сердца моего

Истратив в медленной борьбе,

Не допросившись ничего

От жизни ближним и себе,

Стучусь я робко у дверей

Убогой юности моей...(Некрасов, На Волге)

В русской литературе образ Волги богат и разнообразен. Но чаще всего она появляется в образе женщины. Она появляется как любящая мать и энергичная девушка. В стихотворении Самуила Маршака «Волга и Вазуза» Волга – мать:

Перед нею путь большой и долгий –

Из лесного края в край степной.

И зовут её рекою Волгой –

Матушкой, кормилицей родной (Маршак, Волга и Вазуза).

Лев Толстой написал сказку «Волга и Вазуза». В стихах Волга прощает Вазузу, и это как раз связано с тем, как Волга представляется в сознании россиян – нежной и доброй: «...Вазуза испугалась, чтоб Волга не наказала её,

назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынского царства. Волга простила сестру и взяла с собой» (Толстой, Волга и Вауза).

Для великой матери поэт Пушкин также написал много стихотворений, восхваляющих её:

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые (Пушкин, как по Волге-реке, по широкой).*

На протяжении долгой истории России Волга воспитывала поколения русских. В русской литературе Волга отражает грани русского характера, представляет собой женский образ, полный нежности, любви и всепрощения.

Литература

1. Маршак С.Я. Волга и Вауза. URL: <https://www.culture.ru/poems/42771/volga-i-vazuza?ysclid=lv9jyvqsb995496644> (дата обращения 13.03. 2024).
2. Некрасов Н.А. На Волге. URL: <https://www.culture.ru/poems/39704/na-volge?ysclid=lv9k1eiwpu731688124> (дата обращения 2.03.2024).
3. Пушкин А.С. Как по Волге-реке, по широкой. URL: <https://www.culture.ru/poems/5063/pesni-o-stenke-razine?ysclid=lv9kcsmuue413116010> (дата обращения 14.03.2024).
4. Толстой Л.Н. Волга и Вауза. URL: <https://www.litres.ru/book/lev-tolstoy/vtoraya-russkaya-kniga-dlya-chteniya-174890/chitat-onlayn/page-4/> (дата обращения 14.03.2024).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ (ПРОБЛЕМНЫЙ) СЕМИНАР «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ: ГЕРМЕНЕВТИКА, ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ИСТОРИИ В РОССИИ»

ЗАСЕДАНИЕ I

Ольхов П.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

Начиная новый гуманитарный семинар «Историческое понимание: герменевтика, поэтика, онтология истории в России», хорошо бы уточнить его своевременность и смысловые перспективы.

По большей части в семинаре принимают участие молодые ученые, мои аспиранты, магистранты, студенты, и те, которые были ими когда-то; стало быть, я предлагаю его как исследовательский и, собственно, как авторский, профессорский, – ориентируя на ту познавательную традицию, в которой сам, насколько возможно, продуктивен (со времени моего более или менее устойчивого профессионального становления, рубежа 80-х–90-х годов XX в.). Назову её *традицией междисциплинарного реализма*.

В России эта традиция так или иначе поддерживается несколькими научными сообществами: с наибольшей отчетливостью, на мой взгляд, – семинарами «Русская мысль» в РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург), «Историческая репрезентация» кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ (Москва), домашним семинаром В.Л. Махлина (Москва) и др. Среди семинаров, которые консолидируют молодых практикующих историков, ближайшими к этой традиции и весьма заметными в современной России являются семинары ИВИ РАН – по исторической антропологии Ю.Е. Арнаутовой и интеллектуальной истории Л.П. Репиной, «Ремесло историка» М.А. Юсима, «Люди и тексты» М.С. Бобковой, центр «Литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН М.И. Щербаковой, некоторые пилотные лаборатории и научные коллективы НИУ «ВШЭ», проекты библиотеки А.Ф. Лосева, библиотеки-музея Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», центры М.М. Бахтина в Саранске и Орле, проекты и группы исследований русской интеллектуальной провинции в Калуге и др. Активным и весьма плодотворным образом установка на междисциплинарный реализм в его культурно-исторической и гуманитарно-эпистемологической определенности дает себя знать в исследованиях и инициативных проектах А.А. Гусейнова, В.А. Лекторского, И.Н. Грифцовой, В.Л. Махлина, Л.А. Микешиной, Н.И. Николаева, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, В.А. Фатеева, Т.Г. Щедриной, М.И. Щербаковой, М.И. Микешина, И.А. Едошиной, Е.Н. Мотовниковой,

Е.А. Окладниковой, О.Е. Оссовского, С.А. Дубровской, С.М. Руповой, С.М. Машевской, И.И. Бендерского, А.В. Тоичкиной, Д.Д. Сорокиной, А.Ю. Титова, Е.Ю. Чистяковой, И.О. Щедриной, А.Г. Масалова, О.В. Дикаревой, С.К. Зюгановой и др.

Смею надеяться, что вновь начинаемый семинар окажется в преемственном отношении к неформальной школе эпистемологии и философии науки В.А. Штоффа – Л.А. Микешиной; эта школа *ценностно-эпистемологического мышления и диалога когнитивных практик* меня воспитала; к ней я принадлежу более всего. Свой круг интересов и исследований в границах этой школы (впрочем, весьма открытых) я определяю как *герменевтика и эпистемология истории* (или, точнее, *диалогическая эпистемология, поэтика и онтология исторического знания*). Перспективными полагаю здесь разработки в области отечественной и зарубежной исторической словесности XVIII – XIX вв.

Институциональная предыстория семинара – деятельность международного центра научных исследований «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (в т.ч. группы «Наследие Н.Н. Страхова», семинаров и экспериментальной группы студии практической философии, подразделения студии христианской антропологии и социального служения), коллег и студентов, которые входили в состав руководства центра и его исследовательское ядро, – Е.Н. Мотовниковой, Е.Ю. Чистяковой, О.И. Нифонтовой, О.В. Коровиной, С.С. Борисова, А.А. Бондарева, Н.С. Егорова, В.А. Нефедовой, К.В. Месяца, А.А. Смирновой (Михайловой), Д.В. Апатенко, Е.М. Макаровой, В.А. Зубарева, Е.Д. Говорун, Т.И. Нарожного, И.Л. Першиной, Л.Е. Кусковой, О.В. Козак, Е.М. Ермоловой, А.И. Гребенниковой и др.).

Целеполагание **(очерк концепции семинара)**

Историческое понимание после «послесовременности». Решаясь исследовать историческое понимание, стоит принять во внимание его особенный смысл, который все сильнее даёт себя знать после «послесовременности» (постмодерна, постструктурализма и т.п.), когда недостаточной является догматика историзма, его критическая деконструкция (локальная теоретизация всеобщей изменчивости, детерминизма, темпоральности и т.д.), или же предположения о «конце истории» и т.д. Кружение начал исторического понимания, которое происходило и происходит в различных эпистемологических и речевых формах и на разных уровнях онтологической глубины, само оказывается под вопросом. Историческое понимание имеет теперь, как представляется, особый смысловой предел – беспредпосылочность исторических познавательных практик, несводимых к двоичным установкам методологии исторического познания (субъект-объектной дихотомии познавательных форм или её альтернативам) (см. напр.: Ольхов, 2022: 58-62).

Практический спектр «вечных» вопросов. Смысловое поле истории как некоторого ансамбля познавательных практик обширно и очень подвижно. Без истории трудно обойтись в самых разных ситуациях – от как будто простых (когда история оказывается *синонимом памяти*, «логограммой», хроникой или летописью) до таких, в которых ей доверяют быть неким *гарантом благоразумия*, всеобщим условием возможности познавательного поведения, – учительной музой, наставительной речью, направляющей «идеей человечества». Контуры смыслового поля истории проступают в некотором *открытом множестве вечных вопросов*, обращаемых к истории, её *практическому достоинству*, – не столько к тому, что она есть, сколько к тому, *ради* чего она.

На мой взгляд, заслуживает обсуждения **герменевтическая мотивация** этих вопросов, желание и готовность иметь с ними дело вновь, исследуя *исходную событийность исторического понимания*, или, иначе, эпистемологическую фактичность участно-ответного и всегда *обращенного слова* историка.

Прежде всего дело следует вести о **поэтике**, *созидательном* речевом устройении исторического понимания, – его творческом минимуме, который остается неповреждённым после дискуссий о смерти эпистемологии истории, распада глобальных методологических программ и все более глубокой эрозии категориальных структур исторического сознания, скептического отношения к самой реальности истории как суверенной познавательной реальности, антропо- или нарратологического представления о неделимости её экзистенциальных ядер («гуманизма», «нарратологических субстанций») и т.д. *Парадигмальными* здесь остаются и неизменно переосмысливаются практики основательно-речевого устройства исторического понимания, предложенные классической эллинской древностью (Геродотом, Фукидидом, Ксенофонт и др.), александрийской и антиохийской школами толкования историчности событий в их символической определенности; летописной и критико-монографической историографией, философско-историческими проектами и новоевропейской историографией опыта и т.д. Наименее исследованной в этом отношении является поэтика исторического понимания в России (спорадичны и не имеют отчетливой исследовательской инерции работы, в которых представлена поэтика исторического понимания в античности (А.И. Доватура, Т.И. Кузнецовой, Т.А. Миллер, С.С. Аверинцева, В.В. Биbihина, Т.В. Васильевой, Н.В. Брагинской и др.), средневековой и новоевропейской историографии (труды Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосева, Я.Э. Голосовкера, С.С. Аверинцева, А.Я. Гуревича, Л.М. Баткина, М.К. Мамардашвили, Г.Д. Гачева, С.С. Неретиной и др.), отечественной исторической мысли (Н.М. Карамзина, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, В.В. Розанова, И.И. Лапшина, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина и др.).

Труднее всего теперь, на мой взгляд, исследования и дискуссии в области **онтологии истории**, где менее всего можно рассчитывать на познавательные «подарки и гарантии» (по слову М.М. Бахтина). Предположения о всецелом единстве или историчности всецелого бытия истории, возможности всеобщей или всемирной истории, исторического

промысла, судьбы или идеи истории, её экзистенциальной достоверности и т.д. проникнуты разного рода антиномиями; по большей части эти предположения теперь – достояние студенческих аудиторий и библиотек, нежели мастерских практикующих историков; они малоактуальны для эпистемологической оснастки исторических исследований. Между тем, их нельзя исключить ни из предметного поля истории мысли (какой бы вид она не принимала), ни из глубинных, предпосылочных слоев исторического понимания. Исследования в области онтологии исторического понимания позволяют искать ответы на вопросы об органическом единстве и преемственности в истории как познавательной практики, даже если дело здесь часто предстает в виде «театра памяти» (см. Кундера, 2022: 243-245), – позволяет высвободиться из-под власти рассказчиков в пользу той диалектико-диалогической топки истории, которая, не властвуя, укрепляет совместное речевое мышление, предметно ориентированное исторически. Исследования и познавательная мобилизация ресурса этой топки в герменевтико-диалогическом контексте чаще всего предстают в русских, переводных версиях работ П. Рикёра, А. Данто, Фр. Анкерсмита, Х. Уайта, Ст. Бенна, М. Кундеры и др.; между тем, внимание к ним даёт себя знать уже в трудах П.Г. Редкина, И.И. Лапшина, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосева и др.

Междисциплинарные вызовы уликовой парадигмы. Историк ХХI столетия всё меньше похож на парадигмального сказочного людоеда М. Блока: в ситуации эпистемологического выживания «упрямый антропологизм» исторического понимания всё настойчивее взыскует междисциплинарной, гуманитарной точности. Почти вся вторая половина ХХ столетия (с высокой степенью концентрации – от 60-70 годов) занята поисками парадигмы, которую прежде, вероятно, можно было бы квалифицировать как поэтико-риторическую – как оксиморонный порыв историографии, которая пытается быть предельно узкой, «микроскопически» достоверной («микроисторией») с междисциплинарными переходами между «частицами» и широкими обобщениями (см. напр.: Kozellek, 2004: 255; Козеллек, 2016; обширное рассуждение – в только что изданной на русском языке книге К. Гинзбурга: Гинзбург, 2024). Но дело идет не о парадигме, в котором царила бы привычная двойственность, оппозиции эмпирического и теоретического, рационального и иррационального, знака и значения и т.п. (сами эти оппозиции имеют больше модальный смысл, свою практическую меру трансцендентальности). В ценностном горизонте искомой парадигмы – «улики» целостного и открытого человеческого бытия, неповторимые, событийные, деятельные смыслы жизненного единства, узнаваемого и понимаемого в слове и через слово, исторически встречное – изыскиваемое и вновь создаваемое – «нечто большее, чем глухой коридор между нами и миром» (Гадамер, 1991: 59). Историю рождения новой парадигмы, как известно, чаще всего связывают с именем К. Гинзбурга; впрочем, странно было бы думать, будто междисциплинарные искания многих разрешаются в единственном, как будто преодолевающем междисциплинарность усилии одного (Бойцов). Это парадигма органической совместности различных

герменевтических подступов к историческому пониманию; её, вероятно, можно представить аллегорически, как ситуацию встречи рассуждающего о подложности «Константинова дара» риторически строгого гуманиста-историка Лоренцо Валлы (см.: Гинзбург, 2024:78-99) и, например, Уильяма Блейка, романтика исторического понимания, усматривающего в одном мгновении вечность. Но ситуация нашего времени не слишком благожелательна к аллегориям. Усмотрение оснований исторического понимания лучше вести на других герменевтических уровнях – через осмысление гуманитарной природы исторических понятий, через их обретение в жизненной определенности исторической речи – «в философской, религиозной и поэтической», прежде всего, – таком ответном слове, в котором «мы дома», которое – «ручательство и обеспечение того, о чем оно говорит» (Гадамер, 1991: 60). В некоторой современной нам парадигмальной реальности встречаются К. Гинзбург, Г.-Г. Гадамер, Р. Козеллек... и почему не Новалис, И.В. Гёте, или Т. Карлейль? Почему не попробовать и нам, совершенствуя наши исследовательские установки, отвечать на парадигмальные вызовы междисциплинарности, находясь в координатном отношении к той истории, которую нельзя властительно знать как некое абстрактное «на самом деле», или научиться ей пользоваться как некоторой истиной вещного бытия, но к которой мы идём – не в вечной темпоральности, но – «всегда домой» (Новалис)?

Литература

1. Бойцов М., Дубина В., Щербакова И., Зенкин С., Олейников А., Зорин А., Кошелева О., Бессмертная О., Тогоева О., Велижев М., Атнашев Т. Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках // НЛО. 2019. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/6/mikroistoriya-i-problema-dokazatelstva-v-gumanitarnyh-naukah.html> (дата обращения: 28.01.2024).
2. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.43-60.
3. Гинзбург К. Соотношения сил: история, риторика, доказательство. М.: НЛО, 2024. 184 с.
4. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 49-173.
5. Кундера М. Театр памяти // Кундера М. Занавес. М.: КоЛибри, 2022. С. 243-245.
6. Ольхов П.А. Топика эксперимента в исторических науках (герменевтико-эпистемологические контуры) // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 58–62.
7. Kozellek Rh. Futures Past. On the Semantics of Historical Time / Transl. and with an introduction by Keith Tribe. N.-Y.: Columbia University Press. 2004. 344 p.

Чистякова Е.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПОИСКИ РУКОПИСЕЙ «ДЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ» А.Т. БОЛОТОВА: ЛОЖНЫЕ ПУТИ И НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Исследования в области философии детства имеют свои истоки в отечественной философии XVIII века. Андрей Тимофеевич Болотов является автором первой специальной работы по философии для детей – «Детской философии». Книга эта не была опубликована полностью ни при жизни автора, ни посмертно. Архив А.Т. Болотова находится в разрозненном состоянии в различных хранилищах.

С VIII и VI частями рукописи «Детской философии» я познакомилась в свою первую поездку в архивы Петербурга в 2019 году. С VIII частью мне удалось познакомиться в отделе рукописей Пушкинского дома ИРЛИ РАН, а с VI частью в отделе рукописей РНБ. Прикоснувшись к прекрасным автографам А.Т. Болотова, я была поражена их состоянию: каждая часть переплетена в томик, оформлена как печатное издание и имеет подпись «издано в Дворянинове». Сын А.Т. Болотова Павел помогал ему переписывать набело черновики и «издавать» в таких томиках работы отца (Жизнь и приключения Андрея Болотова., 2021). Именно поэтому текст рукописей написан печатными буквами и легко читаем.

Первые издания «Детской философии» состоялись еще при жизни А.Т. Болотова, однако были изданы всего две части этой работы: при императорском Московском университете у Ф. Гиппиуса I часть в 1776 году (Блок, 1934: 13), II часть в 1779 году (Венгеров, Щепкина, 1897: 98) (не была распродана из-за банкротства издателя). В типографии у Н.И. Новикова II часть была переиздана 1784 году (Блок, 1934: 15). В 1779-1780 году Болотов пересылает Н.И. Новикову для издания третью часть «Детской философии», но из-за гонений тот не успевает ее опубликовать (Блок, 1934: 34).

В своей автобиографии, написанной для «Словаря русских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова) в конце 1821 года, Андрей Тимофеевич, приводя список своих работ, указывает, что написал X частей «Детской философии» (Болотов, 1821). Мне же были хорошо известны всего 4 части: две опубликованные и две в рукописях.

Реконструировать свидетельства о нахождении остальных рукописей помогло переиздание в 2012 году «Детской философии» Т.В. Артемьевой и М.И. Микешина (Болотов, 2012). Однако исследователи не ставили себе задачу опубликовать рукописные части этой работы, поэтому не знали о месте их нахождения.

Исследователь наследия А.Т. Болотова как театрального деятеля С.М. Машевская также не сталкивалась с этими частями рукописи (из личного разговора с С.М. Машевской). Складывалось впечатление, что они утеряны.

Рассмотрев отчеты РНБ о поступлении фондов, я обнаружила, что в 1891 году поступила собственноручная рукопись А.Т. Болотова «Детская библиотека

или книга, могущая для детей одна служить вместо многих и познакомить их со многоразличными вещами, лучшими для знания о них и могущим обратиться в существенную их пользу, посвященная младым россиянам сочинителем Детской философии. Часть I. Начата 1 мая 1781 года».

В предуведомлении «от составителя к своим согражданам» сообщает, что, не имея возможностей продолжить свою «Детскую философию» в том виде, в каком изданы первые две части, он решил «издать всю ту материю, которая назначена была для последующих частей, в другом виде и под другим названием, и на сей конец принять на себя труд и всю ее несколько переработать... Я старался колько можно сделать книжку сию полезнейшую для младших наших сограждан и будущих мест наших любителей, и для того и прежней, и более и одной физики относящейся материи присовокупить некоторые и другие, не менее им нужные, могущим не только просвещать их знания но служить вкупе к исправлению сердцу их» (Отчет РНБ, 1891 г.). Многое из I и II частей «Детской философии» тут повторяется.

В отчете РНБ от 1892 года отмечено, что рукописи А.Т. Болотова по частям распродаются в разные руки (Отчет РНБ, 1892 г.) Профессор, декан историко-филологического факультета Санкт-петербургского университета И.В. Помяловский передал в дар Императорской публичной библиотеке «Детскую библиотеку» А.Т. Болотова (Отчет РНБ, 1892 г.). В отчете также представлен обширный перечень писем и других материалов А.Т. Болотова, поступивших в этот год; но в нем не было искомых частей «Детской философии».

Далее мне удалось установить по свидетельствам Е.Н. Щепкиной и С.А. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», что рукописное наследие Болотова распределилось среди разных линий его родственников, а также его часть попала в коллекцию Е.В. Губерти (Венгеров, Щепкина, 1897: 105). В начале 1880-х годов он обнаружил на сухаревском рынке часть «Записок Андрея Болотова» и опубликовал их в журнале «Библиограф» в 1885-1886 гг. (Венгеров, Щепкина, 1897: 105).

Тот факт, что часть литературного наследия Болотова перепродавалась коллекционерам, на рынке, была в руках разных его родственников, поверг меня в отчаяние. Я начала искать части «Детской философии» у знаменитых коллекционеров конца XIX века Д.В. Ульянинского и Г.В. Юдина. Но это был ложный след. Оказалось, что я бродила вокруг да около, не уделяя должного внимания второй книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков...» (ко времени моих поисков уже изданной «Пушкинским домом»). Эта книга содержит вступительную статью, уточненный текст труда А.Т. Болотова, приложение (с полной библиографической описью местонахождения каждой части «Детской философии»!) и комментарии к первой части мемуаров – очень профессиональная и внимательная работа А.Ю. Веселовой.

Признаться, для меня было неожиданно, что исследователь, занимающийся мемуарами А.Т. Болотова, указал местонахождение всех его известных рукописей другой работы. Неожиданно, потому что именно эта работа часто обходится вниманием исследователей. Поэтому я крайне признательна А.Ю. Веселовой за эту находку!

Еще в начале исследования я видела, что рукописный фонд А.Т. Болотова распределен по многим архивам: РНБ ОР. Ф. 89; ИРЛИ ОР. Ф. 537; РГБ ОР. Ф. 475; ГИМ ОПИ. Ф. 349; РГАЛИ. Ф. 1346. Но просмотреть описи всех архивов мне не удалось. Благодаря работе А.Ю. Веселовой я теперь знаю, что те части рукописи «Детской философии», которые я искала (3,4,5,7), находятся в НИОР БАН, Ф. 69. № 30-33, части же 9 и 10 считаются утраченными.

Литература

1. Блок А.А. Болотов и Новиков // Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 11. Л., 1934. С. 7-81.
2. Болотов А.Т. Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 475. Карт.1.1. 8 лл.
3. Венгеров С.А., Щепкина Е.Н. Андрей Тимофеевич Болотов // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. V, Спб., 1897. С. 90-122.
4. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738-1757: в 2 кн./ подгот. текста А.Ю. Веселовой, А.Л. Толмачева; коммент А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина, А.Л. Толмачева; вступ.ст. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина. СПб.: Пушкинский Дом, 2021.
5. Болотов А. Т. Детская философия / Вступительная статья, подготовка текста, комментарии Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Петрополис, 2012. 854 с.
6. Отчет РНБ, 1891.
7. Отчет РНБ, 1892.

Перекрестов В.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ А.Н. АКСАКОВА, Г.М. ДЬЯЧЕНКО, А.Р. УОЛЛЕСА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СПИРИТУАЛИЗМА И МЕДИУМИЗМА XIX В.

Литература XIX века, посвященная толкованиям психотехнических состояний медиумической или спиритической формы, реабилитирует и трансформирует идеи о духах и сверхчувственном бытии через визионерские опыты. Претензии авторов духоведческой литературы на вербализацию и представление незримого мира духов или атрибутов бессознательного «Я» выражались не только в текстах, но и в материально-предметном бытии. Древние практики соприкосновения с инфернальными или дαιμονическими силами, в тени которых развивался медиумизм и спиритизм викторианской эпохи, вмещали в себя магические операции криптографии, кристаллоμανтии, катоптромантии и геомантии, упоминаемые в романе В. Брюсова (Брюсов, 1909: 40). Отфильтрованные и дополненные, эти процедуры магических практик составили доктринальный и экспериментальный аспект духовных манифестаций спиритов и медиумистов. Моральные постулаты визионерства преподносились духовидцами как элементы, которые делают возможным предположения, что спиритуализм обладает всеми желательными атрибутами религии.

А.Н. Аксаков, Г.М. Дьяченко, А.Р. Уоллес – личности с различными познавательными ориентирами, серьезно изучавшие психические явления в XIX столетии, отмечая их маркером деятельности духовного начала и бессмертия души. Среди них только А.Р. Уоллес полагал, что гипотеза спиритуализма не только согласуется с современной научной доктриной «непрерывности» (принципов сохранения и всеобщей связи), но и включает в себя все необходимые открытия для религиозного учения о духовных существах. Интегрируя свои эволюционные предпочтения в спиритуализм, А.Р. Уоллес упоминает закон «прогрессирования наиболее приспособленных» (Wallace, 1896), действующий в мире духов с естественной иерархией, разделяющей их пространственно, социально и морально.

Для медиумистов концепт бессознательного элемента человеческого организма, вырывающегося наружу через вербализационные и психокинетические акты, связывается с принципом гипотетического сохранения индивидуального «Я» человека в гипнотическом или посмертном существовании. По этому поводу А.Н. Аксаков заявлял, что «бессознательное – это внутреннее сознание, которого теперь мы не ведаем, но которое и образует ядро всякой индивидуальности» (Аксаков, 1910: 7). Доказательства пакибытия духов спиритуализм черпает в медиумических явлениях, где разумные черты оккультной индивидуальности оставляют свой почерк в физических и психических событиях с участием медиумов. Для протоирея Г.М. Дьяченко эта страница истории медиумических явлений не представляла важности; солидаризуясь с православными богословами, он подтверждает опасность медиумизма с его чаробесовским или демоническим характером. Основа для констатации существования личности после смерти и загробного духовного мира, кроме авторитетных источников Божественного откровения и голоса христианской церкви, для Г.М. Дьяченко может быть заключена в «опытных данных психологии и исторических явлений душ умерших людей» (Дьяченко, 1900: 6).

В бесконечном процессе познания два вопроса занимали философов, религиозных лидеров и ученых XIX века: «Как устроен мир?» и «Есть ли жизнь после смерти?». Исследователи таинственных явлений разумной и свободной души человека считали, что в результате открытия медиумизма и психизма был достигнут поразительный прогресс в понимании незримого бытия. Однако ответы на вопрос «Есть ли жизнь после смерти?» были в основном ограничены различными мистическими верованиями, где в большинстве случаев априорные убеждения преобладают над разумом, а духовность в значительной степени размывается. Тем не менее, даже отрицательные результаты исследователей духовных явлений смогли обозначить пути, по которым не следует искать «духовное».

Литература

1. Аксаков А.Н. Анимизм и спиритизм: Крит. исслед. медиум. явлений и их объяснение гипотезами «нервной силы», «галлюцинации» и «бессознательного»: В ответ Э.-ф. Гартману. 3-е изд. Уфа: Электрич. тип. «Печать», 1910. 679 с.

2. Брюсов В.Я. Огненный ангел, или правдивая повесть. М.: Скорпион, 1909. 326 с.
3. Дьяченко Г.М. Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной сущности. М.: тип. т-ва А.Д. Сытина, 1900. 742 с.
4. Wallace A.R. On miracles and modern spiritualism, 1896. URL: https://www.forgottenbooks.com/en/readbook/MiraclesandModernSpiritualism_10009364 (дата обращения: 20.03.2024).

Нарожный Т.И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ТЕАТРАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ П.Д. БОБОРЫКИНА (К МАСКЕ А.А. ГРИГОРЬЕВА)

Написанная в 1866 году и опубликованная впервые только в 2023-м, считавшаяся утерянной пьеса П. Д. Боборыкина «Скорбная братия» (Блок, 1916) становится значимым источником исследования литературного процесса 1860-х в России. Вкупе с такими текстами, как переписка Ап. Григорьева и Н. Страхова (Боборыкин, 2023), а также статья А. Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (Григорьев, 1990), «Скорбная братия» художественно подтверждает и оптимизирует те выводы, к которым ранее приходили исследователи русской герменевтической традиции – литературно-критического и философского творчества почвенников 1860-х годов. Выводы эти касаются, прежде всего, того, что творчество А.А. Григорьева и его «кружка», деятельность которого невозможно рассматривать в отрыве от биографии, личной жизни, поступков и слов участников.

Не стремясь к театрально-документальной подлинности – тому, что в XX веке назовут вербатимом, П.Д. Боборыкин, между тем, исторически репортажен. Он изображает своих персонажей и их поступки, особенно приближая к реальности их сферы разговора: «читая публикуемую впервые пьесу «Скорбная братия», можно даже не особенно затрудняться поиском прототипов большинства героев – они более чем прозрачны под другими именами» (Блок, 1916). Из известных русских мыслителей персонажно представлены Н.Н. Страхов (Сахаров), Ап.А. Григорьев (Кленин), И.С. Тургенев (Погорелов), А.Н. Серов (Бурилин), Н.А. Некрасов (Карачеев). Их речь, их взаимодействие друг с другом являет собой не просто отпечаток современной им культуры и той условной идеологии, которая была присуща их сообществу, – вложенные в их уста слова историчны и могут находить подтверждение в том литературном наследии, которое досталось современным исследователям литературного процесса 1860-х годов.

А.А. Тесля обоснованно предлагает не торопиться с жанровой фиксаций «Скорбной братии» – не «сводить пьесу к портретам», тем самым «сужая её содержание» (Блок, 1916). Прежде всего, это произведение не решает задачи

исторического документа или журналистской публикации в современном смысле, но представляется театральной пьесой с характерными для пьесы особенностями. Можно заметить, что мысль, как будто вложенная Боборыкиным в уста своих персонажей с некоторой документально-портретной дотошностью, отличается высокой смысловой, диалогической плотностью. Пьесе присуще доминирование речи и её формы над сюжетом, как будто незамысловатым, и, можно предполагать, – органическим иносюжетом трагедии русской мысли.

Уже первоначальное знакомство с пьесой позволяет заметить, что она является своего рода мастерской речевого мышления П.Д. Боборыкина. Он исследует русское почвенничество прилюдно, описывая бытовые встречи почвенников; их речевое поведение в пьесе отличается последовательной повседневностью и удивительно фрактально («самоподобно») биографически; при этом весьма характерен всегда яркий в поведенческом отношении Григорьев-Кленин.

Вчитываясь в позабытую на полтора века пьесу, мы обнаруживаем в ней уникальную герменевтическую позицию современника, который не был так же познавательно горяч и деятелен, как это было свойственно его искренним современникам «органического», «почвенного» склада; однако, распознавая их в театральной определенности их речевых масок, он *создал не психологическую* перспективу понимания этих современников (что привычно для биографов, как будто помещающих себя вовнутрь своих жизнеописаний), а, скорее, диалого-эпистемологическую, в которой даёт себя знать не жизнь, которая будто бы исчерпывающе понята биографом, а жизненные *ситуации*, о которых свидетельствует Боборыкин, невольно ли, или с неким документальным умыслом и комически, – в перспективе биографического опознания тех, кто говорит.

С полуторавековой дистанции «Скорбная братия» П.Д. Боборыкина представляется не только хорошим архивным материалом для исследования истории русского театра 1860-х годов, не сбывшегося в нём, но и для уточнения возможных герменевтических подступов к изучению русской литературно-философской критики, её смыслового «затекста» (В.Л. Махлин) и речевых практик.

Литература

1. Блок А.А. Судьба Аполлона Григорьева // Золотое руно, 1916. URL: http://dugward.ru/library/grigorjev/blok_sudba_ap_grigoryeva.html (дата обращения: 01.10.2022)
2. Боборыкин П.Д. Скорбная братия. Пьеса в пяти актах// ЛитРес: электронная библиотека, 2023. URL: <https://www.litres.ru/book/petr-boborykin/skorbnaya-bratiya-drama-v-pyati-aktah-69204361/> (дата обращения: 12.12.2023)
3. Григорьев А.А. Сочинения в двух томах. Том второй. Статьи. Письма М. // Художественная литература, 1990. URL: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0450.shtml (дата обращения: 01.10.2022)

МИСТЕРИИ И ХРИСТИАНСТВО: К ВОПРОСУ ТОЛКОВАНИЯ ПАУЛИАНСКИХ ИДЕЙ РУССКИМИ ГЕРМЕНЕВТАМИ XIX-XX ВВ.

Русская библейская экзегеза посланий ап. Павла с начала XVIII до первой половины XIX столетия представляла собой последовательный толковательный анализ (работы архим. Аполлоса Байбакова, архим. Мефодия Смирнова, архим. Ириней Фальковского и др.). Такая тенденция была продиктована выработкой собственной позиции по отношению к доминирующему тогда на Западе историко-критическому методу (Арапов, 2018: 26). Отечественные авторы вынуждены были больше заниматься полемикой с западными коллегами, чем развивать собственные оригинальные подходы, самостоятельные исследования. Западные исследователи отрицали "богодухновенность" Священного Писания и пытались низвести его на уровень компиляции ближневосточных мифов, греко-римских и др. источников (Ковшов, 2015: 139).

Наиболее развернутый и обстоятельный ответ западным исследователям был дан русским герменевтом Н.Н. Глубоковским. Библист строит свое исследование в форме ответа на историческую критику, последовательно разбирая все ее построения. Глубоковский рассматривает идеи сходства христианства с мистериями Элевсина, орфическими мистериями, культом Митры, зороастризмом, эллинистическим иудаизмом и приходит к выводу, что «христианство усвоило внешне формы языческого богочитания, но преобразовало и наполнило их своим содержанием» (Глубоковский, 1909: 494). Непреходящее значение исследований Н.Н. Глубоковского состоит «в последовательном и планомерном доказательстве того факта, что, хотя апостол Павел активно пользовался как своим иудейским “бэкграундом”, так и весьма хорошим знакомством с греко-римской культурой, суть его благовестия предстает уникальной и невыводимой из этих контекстов» (Ковшов, 2015: 139).

Первым русским библистом, составившим комплексное толкование на весь корпус посланий ап. Павла, стал св. Феофан Затворник. Отношение святителя к исследованиям западных богословов было весьма осторожное. В связи с этим и мистерияльные понятия в посланиях ап. Павла богослов толкует только в рамках ортодоксальной христианской мысли. Даже в наиболее часто упоминаемом апостолом мистерияльном термине «тайна» богослов не обнаруживает культового смысла и чаще всего понимает ее как боговоплощение Христа, непостижимое «для нас и по откровении, и по устройении самым делом спасения» (1-е послание...). В местах, вызывающих споры, автор приводит вариативность мнений святых и обосновывает свой выбор в пользу той или иной экзегезы. Феофан Затворник обращается к этимологии греческих слов, развивает свой терминологический аппарат, сопоставляет мнения учителей древности и современности (Пиковский, 2012).

Так русские герменевты XIX-XX вв. активно включались в общехристианскую дискуссию о влиянии языческих верований на христианское богословие. Отечественные богословы как полемизировали со своими западными коллегами, так и всячески актуализировали святоотеческое наследие в вопросе толкования богословских построений ап. Павла.

Литература

1. Арапов А.В., Дорохина Р.В. Критическая библейская герменевтика в России // Гуманитарные и социальные науки. 2018. №2. С. 23-28.
2. Глубоковский Н.Н. Благовестие св. Апостола Павла и мистерии // Христианское чтение. 1909. № 4. С. 475-499; № 6-7. С. 803-827.
3. Ковшов М.В. Наследие апостола Павла в историко-критическом и православно-богословском контекстах // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. М.; Сергиев Посад, 2015. № 2. С. 137-148.
4. Пиковский И., иеромонах. Толкование посланий апостола Павла в дореволюционной традиции Русской Православной Церкви // Богослов.ru научный богословский портал: 2012. URL: <https://bogoslov.ru/article/2454099> (дата обращения: 18.12.2023).
5. 1-е послание святого Апостола Павла к святому Тимофею, истолкованное святителем Феофаном // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-timofeju (дата обращения: 27.02.2024).

Шульженко А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ЧЕРЕЗ ГРАММАТИЧЕСКИЙ МЕТОД О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ

Нация в конструктивистской перспективе представима как реестр конвенциональных символов: они важны для национальной идентификации и обладают значимостью для всей группы. А.М. Панченко сформулировал это так: «Есть люди-символы и есть события-символы... Символов не может быть много, как не может быть много гениев и нравственных заповедей. Иначе они обесценятся» (Гумилёв, 1990: 11).

Участие в национальном предполагает понимание и своевременное припоминание символов. Символ – чрезвычайно ёмкий способ что-то сказать. С.С. Аверинцев подчеркивал, что для существования символа существенны предметность образа и глубинный смысл (Аверинцев, 2006: 386). В символ нужно погружаться до области многозначного, где генерируются смыслы и оттенки его содержания. Символ выполняет полезную функцию, он оформляет накопленный опыт и удерживает его, делает последующие обращения к нему доступнее (Лотман, 1992: 192).

Говорение в процессе национальной самоидентификации – это тематическая речь церемониально-политического характера, в ней возникают обращения к символам, которые отсылают к значимому. Национальные символы – мосты между настоящим и прошлым, они помогают сразу перейти к значимым событиям, минуя толщу исторической жизни. Розеншток-Хюсси подмечает, что не любое событие запомнится и станет частью идентичности, «Памятники воздвигают и устраивают церемонии именно для того, чтобы держать память в бодрствующем состоянии» (Розеншток-Хюсси, 2002: 561).

Когда человек замечает что-то имеющее национальное значение (шествие, памятник, картину и т.д.), в его голове вспыхивает формула «Мы это делали». «Это слияние говорящих со слушающими...Обыкновенное предложение с “мы” уже подразумевает историю...» (Шаповалова, 2007: 282). Так конкретный национальный символ становится точкой соприкосновения с другими в речи. Человек, насыщенный конкретным содержанием из прошлого, воспринимает призыв и входит в «Мы», становится интегрирован в группу причастностью к коллективному прошлому. Метод Розенштока-Хюсси позволяет через язык взглянуть на феномен исторического социального.

Похожим образом и Б. Андерсон говорит о коллективной реальности нации, поддерживаемой патриотическим языком (Андерсон, 2016: 254) – особенный «тон», в котором, пользуясь «грамматическим методом» Розенштока-Хюсси, мы можем усмотреть некую эпическую форму речи. В данном случае язык становится абсолютной необходимостью для существования нации.

За каждым «Я» находится конкретная общественная ориентация-принадлежность: этническая, национальная, культурная, социальная. Так «Я» выбирается из внутреннего к обращенному к нему «Ты», и теперь он понимает о себе больше, и прошлое сообщества ему яснее. Оформляется «Мы», что свидетельствует о свободном переходе между «стилями» речи, а гармоничный переход из внутреннего во внешнее – фактор благополучия нации (Розеншток-Хюсси, 2008: 112).

Литература

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. К.: Дух і Літера, 2006. 912 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Гумилёв Л.Н., Панченко А.М. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. 479 с.
5. Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2002. 648 с.
6. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 270 с.
7. Шаповалова О. В. Философия диалога Розенштока-Хюсси // Сумма философии. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал, 2007. С. 279-283.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА А.Ф. КОНИ (К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ПОИСКАМ 2000-2020)

Русская философия права остаётся областью, открытой для гуманитарных исследований. Помимо наиболее известных представителей русской философско-правовой мысли (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич, С.Е. Десницкий и др.) объектом исследования становятся мыслители практико-ориентированного склада. Наиболее ярким представителем русской практической философии права является Анатолий Фёдорович Кони, оставивший богатое наследие гуманитарных исследований в области юриспруденции.

В настоящее время происходит процесс пересмотра архивов учёными-конноведами, а также осуществляется постепенный пересмотр историографии научных работ, посвящённых исследованию трудов А.Ф. Кони. Последняя объёмная работа, посвящённая историографическому исследованию, вышла в Санкт-Петербурге в 2022 году, цель которой – не сделать акцент на юридической и судебной деятельности А.Ф. Кони, а представить его как мыслителя целостного, философски ориентированного. В монографии отмечается, что хотя история изучения А.Ф. Кони началась ещё в прошлом веке, качественного рывка в изучении его личности не происходило, поскольку исследователи «тщательно избегали архивы» и отдавали предпочтение изучению лишь опубликованных текстов (Кодинцев и др., 2022: 51). Авторы книги решают непростую задачу: внести некоторую эпистемологическую, систематическую ясность в многообразие трудов А.Ф. Кони и исследований, посвящённых изучению самого А.Ф. Кони, его трудов и идей. Авторы подробно исследуют дореволюционную, советскую и современную историографию трудов А.Ф. Кони. Мы поставили своей целью обратить внимание, прежде всего, на современную историографию. Примечательно, что до 1980-х годов не было опубликовано ни одной биографии А.Ф. Кони. Авторы монографии отмечают, что к этому времени в России была защищена лишь одна диссертация (Кодинцев, 2022: 51). После выхода в свет нескольких биографий А.Ф. Кони интерес к нему в исследовательской среде значительно возрастает. Однако, стоит отметить, что, прежде всего, этот интерес сконцентрирован в области филологии. Учёных привлекает преимущественно литературное наследие А.Ф. Кони, его риторика. Гораздо меньшим количеством исследований отмечено историко-философское направление. Тем не менее, нельзя сказать, что оно вовсе не развивалось. Один из наиболее известных исследователей А.Ф. Кони в данном направлении – С.А. Доманова, опубликовавшая ряд статей, посвящённых деонтологии А.Ф. Кони и защитившая диссертацию «Переписка А.Ф. Кони как исторический источник (Доманова, 1999). На философско-правовом аспекте воззрений А.Ф. Кони

останавливается А.Н. Яшин, также посвятивший ряд статей философско-этическим идеям А.Ф. Кони и защитивший диссертацию «Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX – XIX вв.)» (Яшин, 2019).

Основной проблемой, связанной с изучением наследия А.Ф. Кони, является равнодушие исследователей к архивным источникам. Большинство сосредотачивается лишь на переписании уже давно опубликованных работ А.Ф. Кони. По замечанию авторов монографии, нарративная тенденция в исследовании личности А.Ф. Кони продолжалась до конца XX в. и только с 1999 года исследователи приступили к разработке и уточнению понятия «феномен Кони» (Кодинцев, 2022: 63).

Учитывая собственный опыт работы в архиве ИРЛИ РАН Пушкинского дома фонда А.Ф. Кони с первоисточниками, стоит отметить необходимость продолжения изучения философско-правового, гуманитарного наследия А.Ф. Кони, сосредоточившись на материалах, хранящихся в архивах. При актуализации и исследовании материала, хранящегося в архивных фондах, станет возможным накопление, переосмысление наследия А.Ф. Кони, переход историографических и историко-философских исследований на новый этап развития.

Литература

1. Доманова С.А. Переписка А.Ф. Кони как исторический источник: дисс. канд. ист. наук: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 237 с.
2. Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В., Штыкова Н.Н. «Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони». СПб.: Нестор-История, 2022. 336 с.
3. Яшин А.Н. Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX – XIX вв): Дис. ... д-ра филос. наук. Мытищи, 2019. 403 с.

ЗАСЕДАНИЕ II

Сорокина Д.Д.

Российский новый университет (Москва, Россия)

ПОДГОТОВКА К НОВОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ Н.Н. СТРАХОВА «БОРЬБА С ЗАПАДОМ В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ» (НЕКОТОРЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)

Творческое наследие Н. Н. Страхова – выдающегося русского литературного критика, публициста, философа-почвенника, редактора, издателя и переводчика – является отражением целой эпохи развития русской мысли, непреходящим достоянием русской культуры.

На протяжении сорокалетнего творческого пути философ неуклонно отстаивал мысль о необходимости духовной самостоятельности России и пагубности слепого следования идеям Запада. Этот вопрос не потерял актуальности и сегодня. Сейчас труды философа как никогда важны не только с

исторической точки зрения, но и в свете все возрастающего интереса и внимания к духовным потребностям современного российского общества.

Неопровержимым свидетельством крепнущего интереса к творческому наследию критика являются все более и более частые обращения к произведениям Н. Н. Стрхова (Ильин, 1997; Мотовникова, 2016; Мотовникова, 2012; Ольхов, 2010; Ольхов, 2009; Фатеев, 2010; Фатеев, 2021; Щербакова I, 2004; Щербакова II, 2004). Тем не менее, до сих пор не существует полного собрания сочинений этого выдающегося деятеля XIX века. Совершенно очевидно, что назрела острая необходимость в научном издании литературного наследия Стрхова – полном по составу литературно-критических и научных статей, прозы, поэзии, дневников, писем. В настоящее время учеными Белгорода, Москвы и Санкт-Петербурга намечены пути и делаются первые шаги к осуществлению этого замысла.

Чрезвычайно важным в обширном литературном наследии Н. Н. Стрхова является трехтомный труд «Борьба с Западом в нашей литературе». «Борьба с Западом» дает возможность наиболее полно и точно представить философские взгляды и мировоззренческую позицию ее автора. При жизни Стрхова книги выдержали два издания. Они выходили с 1882 по 1896 г. После смерти Стрхова И.П. Матченко, наследник бумаг философа, предпринял еще одно издание «Борьбы». В настоящее время ведется работа над изданием этого капитального труда на основе научных принципов текстологической теории и практики. С самого начала перед исследователями встал ряд задач: провести критику текста (сверить последнее прижизненное издание с текстами предыдущих изданий, сохранившимися рукописями и наборным материалом; определить основной текст произведения; устранить случайные искажения), изучить историю текста и творческую историю произведения, выбрать тип издания, определить структуру научно-справочного аппарата и др.

От успешного решения этих и других поставленных задач будет зависеть успех предпринимаемого издания.

Литература

1. Ильин Н.П. Понять Россию: о жизни и творчестве Николая Стрхова (1828-1896). Молодая гвардия. 1997. № 4. С. 221-239.
2. Мотовникова Е.Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н.Н. Стрхова: историко-философский анализ: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2016. 288 с.
3. Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Полемика и понимание: Философские очерки мышления и личности Н. Н. Стрхова. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 198 с.
4. Ольхов П. А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Стрхова // Философия и культура. 2010. № 8(32). С. 103-109.
5. Ольхов, П. А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Стрхова "Вздых на гробе Карамзина") // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132.
6. Фатеев В.А. «...в Стрхове я вижу миниатюру современной России»: полемические заметки об отношениях Н.Н. Стрхова и Вл.С. Соловьева // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т.11. вып.1. С.111-127.

7. Фатеев В.А.Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 652 с.
8. Щербакова I: Щербакова М.И. «Вместо дневника – письма к вам»: из переписки Н.Н. Страхова с Иоанном Сквивским. Москва. 2004. № 10. С. 186-206.
9. Щербакова II: Щербакова М.И. «Радейте и не оскудевайте»: из переписки И.С. Аксакова и Н.Н. Страхова // Русский литературоведческий альманах. М., 2004. С.318-343.

Першина И.Л.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
БГТУ имени В.Г. Шухова (Белгород, Россия)

ГЕРМЕНЕВТИКА АТТРАКТИВНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ (ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Как архитектурные произведения становятся символами эпохи? Методологическая рефлексия сводит этот вопрос к пониманию их уникальности, которая предстаёт на пересечении контекстов, обеспечивающих особенную социальную пространственность архитектуры. Под «пространственностью» понимается не столько сложившаяся градостроительная ситуация, сколько её смысловой генезис – преодолеваемая ею «пустота» формообразования, когда эта «пустота» привносит новые семантические смыслы во внешний облик архитектурного сооружения. На мой взгляд, важны уточнения, которые позволяют понять «участный» (по слову М.М. Бахтина) творческий момент архитектурного символизма, его эстетико-художественную аттрактивность.

В связи с этим, важен анализ антропологической семантики аттрактивности, – того, что фиксирует некоторые смыслы видения «хорошей жизни» (Дайкхофф, 2023: 61) в чрезмерной насыщенности и эпатированности, «помноженных» на научно-технические возможности. Это создаёт эффект аттрактивности в архитектуре новейшего времени: «...она отправляет сложные месседжи, которые часто имеют ироничные, неортодоксальные или критические значения, ломающие стереотипы. Она может открыто черпать вдохновение в теории сложности или появляться из недр компьютера, неожиданно даже для архитектора» (Дженкс, 2021: 14).

Но архитектура исключительно медлительна. Смысловое пространство аттрактивности распределяется в самых разных временах и эпохах. Актуальными поэтому становятся внутренние, личностные смыслы аттрактивности.

Герменевтика аттрактивности в архитектуре есть, прежде всего, практика наставничества, вопрос о смыслах аттрактивности не есть вопрос знания, осмысленного преимущественно эпистемологически, – скорее, мастерства, того, что требует диалогически ответственного архитектурного мышления, личностного дидактического контакта в событии архитектурного творчества.

Архитектурно-педагогические воззрения ориентированы на вовлечение учащегося в художественный мир архитектуры, «погружение в среду профессионального – особых узко цеховых языковых диалектов и средств деятельности» (Мелодинский, 2018: 12-13), а также синтезированию многих объективных факторов (Барбышев, 1990: 77). Процесс дидактического вовлечения в осмысление архитектурного формообразования, одновременно материализующего художественные идеи и образы и выражающего эмоции и настроения, ложится в основу рефлексивного взаимоувязывания различных «материальных» и «духовных» обусловленностей.

Литература

1. Барбышев Е.Н., Сомов Г.Ю. Формообразующие структуры и архитектурная форма. // Архитектура СССР, 1990, №2. С. 74-79.
2. Дайкхофф Т. Эпоха зрелища. Приключения архитектуры и город XXI века. М.: Ад Маргинем, 2023. 356 с.
3. Дженкс Ч. Постмодернизм в архитектуре. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2021. 512 с.
4. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика: История, теория, практика. М.: Книжный дом «Либроком», 2018. 400 с.

Дикарева О.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
МАОУ «Образовательный комплекс «Лицей № 3» им. С.П. Угаровой»
(Старый Оскол, Россия)

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ Н.Н. СТРАХОВА (К ПЕРЕПИСКЕ С Ю.Н. ГОВОРУХОЙ-ОТРОКОМ)

Н.Н. Страхов – русский мыслитель «последовательно ответного философского склада» (Ольхов, 2023: 31). Эта последовательность имеет различные фактические проявления и особенно даёт себя знать в эпистолярной философии. Изучение многолетних переписок с Л.Н. Толстым, А.А. Фетом, В.В. Розановым и другими собеседниками позволяет уточнить диалогические моменты формирования личности Страхова, стилистико-эпистемологические структуры его мышления и т.д.

Из этой переписки сохранилось двадцать шесть писем Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку, отправленных адресату в 1891-1896 годах; вся она пронизана ощущением живого, непрерывного разговора, активно интересующего обоих корреспондентов. Так, несколько раз Страхов, занимаясь написанием ответа Говорухе-Отроку, замечает, что в этот момент ему приходит новое письмо от критика (Письма от 11 января 1891 года, 8 октября 1892 года). Показательной, как представляется, является особенная искренность, и даже откровенность, чувствуемая уже в самом начале переписки критиков. Страхов довольно резко характеризует, например, Тургенева и Достоевского,

противопоставляя им Толстого, замечая в письме от 22 января 1891 года: «Здоровый, чистый писатель – один Толстой. От первой строчки Вы чувствуете присутствие нравственных начал...» (Страхов-Говорухе-Отроку, 1891: Л.3 об.).

Личность Л.Н. Толстого, его художественное творчество и нравственные искания становятся магистральной линией эпистолярного разговора Страхова и Говорухи-Отрока на всем его протяжении, некоторым образом придающей ему законченность и цельность. В первом письме к Говорухе-Отроку Страхов, весьма высоко оценивший в целом подход критика к литературе, заявляет безапелляционно: «Книжку Вашу о Толстом я и прежде читал и вижу, что и в этом писателе, и в вопросах, которые с ним связаны, мы с Вами разойдемся» (Страхов-Говорухе-Отроку, 1891: Л. 1-Л.1об.). В последнем письме философа критику от 18 января 1896 года, написанном за шесть дней смерти, Страхов беспокоится о том, получил ли Говоруха-Отрок вышедшую в печати в конце 1895 года его книгу «Борьба с Западом в нашей литературе», замечая: «Кроме Вас я послал Гроту, Толстому, Александрову – пока, прошу Вас, возьмите у Александрова, во всяком случае, спросите, получил ли он» (Страхов – Говорухе Отроку, 1896: Л. 12). Такая заинтересованность суждениями о его работе Говорухи-Отрока показывает, насколько важным участником «сферы разговора» был для Страхова критик. Финальным страховским суждением о литературе, высказанным в последнем письме, где критик, давая оценку полемике, видимо, о Толстом, участником которой был Говоруха-Отрока, заключает: «Лев Николаевич вообще чрезвычайно чуток относительно требований художества, и не мудрено, что он согласился» (Страхов – Говорухе Отроку, 1896: Л. 12).

Исключительное значение, которое Толстой имел для Страхова, объясняет яркие эмоциональные реакции критика на суждения Говорухи-Отрока, с которыми он принципиально не согласен, что выражается на разных уровнях организации текста, в том числе на уровне речевых формул. Если во всех 26 имеющихся в нашем распоряжении письмах используются стандартизированные формулы приветствия: Страхов обращается к Говорухе-Отроку «Многоуважаемый Юрий Николаевич», выделяя обращение запятой (за исключением последнего письма, где оно выделено восклицательным знаком), то формулы прощания представлены более разнообразно: самая употребляемая – «Ваш искренно преданный Н. Страхов» / <простите> Вашего искренно преданного Н. Страхова» (22 раза), «Ваш душевно преданный Н. Страхов» (2 раза), «Простите Вашего искренно огорченного Н. Страхова» (1 раз в письме от 2 апреля 1891 года), «Ваш душевно благодарный и преданный Н. Страхов» (1 раз в последнем письме от 18 января 1896 года). Обзор эпистолярия Страхова с 1890 по 1896 годы показал, что формула «Ваш душевно благодарный и преданный Н. Страхов» употреблена философом единственный раз – в последнем письме Говорухе-Отроку. Похожий на нее вариант «Ваш душевно преданный и благодарный Н. Страхов» обнаружен в письме С.А. Толстой от 23 ноября 1891 года. В переписке с А.А. Фетом и в особенности с Л.Н. Толстым используются многообразные формулы прощания, однако выражение «Ваш душевно

благодарный и преданный Н. Страхов» до настоящего момента в других страховских переписках не найдено.

Речевые формулы, используемые Страховым в эпистолярном общении с Говорухой-Отроком, не только выполняют свою главную функцию этикетного общения, но обладают и стилистическим, выразительным ресурсом. Использование нехарактерных для устоявшегося общения с Говорухой-Отроком формул прощания («Ваш душевно преданный Н. Страхов», «Простите Вашего искренно огорченного Н. Страхова», «Ваш душевно благодарный и преданный Н. Страхов») передает живой характер общения критиков, эмоциональную включенность в разговор. Это и благодарность за благожелательный, «понимающий» отклик на важный для Страхова сборник его статей; и искренняя радость за разрешение сложностей с публикацией произведений Л.Н. Толстого; и негодование из-за ошибочного, по убеждению Страхова, отношения Говорухи-Отрока к морально-нравственным исканиям Толстого; наконец, это и измененная пунктуация (обращение выделено не запятой, как обычно у Страхова, а восклицательным знаком), и не употребляемая ранее формула прощания в предсмертном письме.

Сохранившаяся часть переписки Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока воссоздает картину заинтересованного обсуждения острых вопросов времени, становясь частью культурно-исторического контекста эпохи. В этом отношении переписка критиков значительно дополняет уже известные эпистолярные диалоги Страхова с другими его долговременными собеседниками. Попытка осмыслить художественное своеобразие переписки Страхова может дать представление о поэтике его речевого мышления, предопределяющей смысловую предметность рассуждений философа, уточняя тематико-смысловые структуры его «сферы разговора».

Литература

1. Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч.2. СПб, 1891 // ОР РГБ. Ф.178. Оп.1. № 9631. Ед.хр.2. 20 л.
2. Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч.3. СПб, 1892-1893 // ОР РГБ. Ф.178. Оп.1. № 9631. Ед.хр.2. 14 л.
3. Письма Николая Николаевича Страхова Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. [Рукопись] ч.4. СПб, 1894-1896 // ОР РГБ. Ф.178. Оп.1. № 9631. Ед.хр. 4. 13 л.
4. Ольхов П.А. Робинзоны русской философии (к записям П.П. Перцева о Н.Н. Страхове) // Гуманитарная Россия: герменевтика науки и литературно-философская критика XVIII-XXI вв.: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Белгород. ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. С. 30-34.

Ермолова Е.М.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**ДРЕВНЕЭЛЛИНСКИЙ СМЕХ: СЕМАНТИКА ОТКРЫТОСТИ
В СЛОВАРНЫХ ПОСТРОЕНИЯХ И.Х. ДВОРЕЦКОГО,
И.Ф. СИНАЙСКОГО И А.Д. ВЕЙСМАНА**

Философия смеха, которая в российской философии представлена трудами М.М. Бахтина, Л.В. Карасева, С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, не имеет отчетливой семантико-смысловой границы. Исследователи почти не обращали внимание на историю понятия смеха, ограничиваясь вниманием к некоторым ее эпизодам. Довольно много пишет М.М. Бахтин о гомеровском смехе богов (ἄσβεστος γέλως), который сообщается Гомером в конце I песни «Илиады».

Понятие смеха встречается как в литературе древней Эллады, так и в трудах древнеэллинических философов. Много пишется о философском смехе Демокрита, разных аспектах смеха Аристофана и Плавта; разумеется, привлекает внимание позднее Средневековье или Возрожденческий смех, который определенным образом преемствует древнеэллиническому и древнеримскому, но именно граничные смысловые характеристики смеха, его онтологическая семантика являются открытым вопросом исследовательской области философии смеха.

Для уточнения этой границы я предприняла небольшое исследование и обратила внимание на базовые словари, в которых задается основной семантический спектр понятия смеха, как понятия естественного языка, и таким образом попыталась уточнить порядок построения и структуру семантических полей смеха. Контекстуализация исследования происходила прежде всего по Оксфордскому словарю под редакцией Дж. Мюррея (Oxford English Dictionary, 1991) словарям И.Ф. Синайского (Синайский, 1869), И.Х. Дворецкого (Дворецкий, 1976), В.И. Даля (Даль, 1909), Э. Литтре (Литтре, 1886), М.И. Михельсона (Михельсон, 1866) и др.

Общие результаты исследования коротко могут быть представлены в следующем виде. Основных древнегреческих слов, связанных с понятием смеха и встречающихся в текстах греческих философов и поэтов, порядка четырех (γέλασμα (γελάω), ἔμωσ, μῶμος, εἶρων (εἶρωνεύομαι)). Все они указывают на социальный характер смеха. Одно из них (γέλως) было более распространено, о чем свидетельствуют ссылки на это слово в более современных словарях. Также по словарным статьям, относящимся к различным историческим периодам, можно проследить динамику рефлексивного развития понятия смеха – появляются новые формы его выражения, понятие смеха (и комического) связывается с другими (например, понятием иронии, обмана). Кроме того, можно отметить этический характер понятия смеха, с которым оно рассматривалось древнегреческими философами (Платон, Аристотель) в их трудах.

Эти базовые понятия естественного языка взаимодействовали друг с другом и изменялись с течением времени. История их преобразований отражает развитие представлений о «смешном». В последующем они станут своего рода базовой семантической матрицей для исследований смеха, философии смеха.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / собр. соч. Владимира Даля. В 4 т., т. 4. СПб-М.: т-во М.О. Вольф. 1909. 1619 с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
3. Литтре Э. Dictionnaire de la langue française / Словарь французского языка Р: Librairie Hachette et Cie. 1886. 472 с.
4. Михельсон А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. М.: Собственное издание автора. 1866. 771 с.
5. Синайский И.Ф. Русско-греческий словарь, составленный Иваном Синайским. М.: Университетская типография (Катков и Ко). 1869. 730 с.
6. Oxford English Dictionary / ed. By John Simpson and Edmund Weiner. 2nd edition, reprinted (with corrections). 20ty volumes. Vol 9. Oxf.: Clarendon Press. 1991. 1160 p.

Заброскова А.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ГЕРМЕНЕВТИКА И ПОЭТИКА САМОПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ОПЫТЕ В.Н. КАРПОВА

В большинстве случаев Василий Николаевич Карпов упоминается в качестве почитателя и переводчика Платона, последователя сократо-платоновской философии. А.П. Высокоостровский упоминает, что «Платона Карпов и прямо называет «любимым своим философом» (Высокоостровский, 1893: 389). А.И. Абрамов характеризует Карпова как одного из «самых «чистых» и последовательных платоников» в истории русской философии (Абрамов, 2005: 88).

Наибольшее внимание теме самопознания уделяется в работах: «О самопознании» (1861), «Вступительная статья в психологию» (1868). Также А.П. Высокоостровский упоминает три платоновских диалога («О бессмертии души против натурализма»; «Таинственная лампада»; «Лампадный елей») Карпова, в которых самопознание выступает средством обличения ложных убеждений (Высокоостровский, 1893: 391).

В.Н. указывает, что до Сократа философское познание развивалось от познания внешней природы к познанию человека, только с Сократа самопознание и познание человеческой природы и деятельности становится *основой философии*.

Начиная с Платона свое развитие берет **теоретическое самопознание**, которое уже приобретает контур научного самопознания (т.е. психологии). При этом сохраняются элементы практического самопознания «пифагорейского» типа, а именно «человек как охранник себя от дурного и постыдного». Карпов считает, что задача самопознания состоит прежде всего в открытии *недостатков* своей природы и, благодаря этому открытию, сможет заметить свое «крайнее бессилие, противность порочным стремлениям и через непроницаемую завесу лжи и обмана **усмотрит истину**» (Карпов II, 2013: 262).

Предмет и основание философии Карпов также относит к самопознанию, обращаясь к Платону. В примечании Карпов указывает конкретные диалоги Платона, в которых можно обнаружить подтверждение его словам. Особую роль в определении самопознания у Платона В.Н. Карпов отдает диалогу «Алкивиад I», откуда берет сам факт самопознания как *познания души*. Так Карпов противопоставляет эгоистичное знание себя и своих внешних характеристик: «мы, в экономии своей жизни, смешиваем две совершенно различные вещи – самопознание и самолюбие; во-вторых, оттого, что не знаем, в чем собственно должно состоять самопознание и как важно оно в нравственной жизни человека» (Карпов, II, 2013: 257). Карпов проводит различие между знанием «себя» и знанием «своего», которое человек ложно принимает за «себя». Так же и Сократ пытался показать Алкивиаду разницу между знанием «о себе», «своим» и «принадлежащем к своему» (Платон, 1863: 375). Восстанавливая линию повествования Сократа, Карпов приходит к заключению, что «Человек в собственном смысле есть только душа. <...> Заботиться о себе, как о человеке, значит, печься о своей душе...» (Платон, 1863: 375).

Именно эту идею В.Н. Карпов рассматривает в первую очередь в статье «О самопознании». Возврат к самопознанию, к настоящему «себе» автор сравнивает с возвратом домой (Карпов II, 2013: 256).

В этом же диалоге В.Н. Карпов выделяет и *единственный способ самопознания – рассудительность*. Через этот момент перебрасывается мостик к диалогу «Хармид», в котором подробным образом рассматривается понятие рассудительности (включая его роль в самопознании).

В дальнейшем самопознание, утвердив свою важность, приняло вид теоретической науки изучения человеческой природы (психология) и стало предметом изучения философии. В «Введении в философию» В.Н. Карпов старается представить «чертеж системы», для которого необходимо определить цель и предмет философии. Исходя из того, что «лучшее начало философии есть сознание» (Карпов I, 2013: 183), а так как наше сознание имеет лишь наше Я, то ее предметом будет являться самопознание, а первой наукой в системе философии выступит наука самопознания (психология).

Психологию В.Н. Карпов отождествляет с первым разделом философии, а именно с философией мыслимо-субъективного. В соответствии с логическим методом Карпова (подробно представлен в «Систематическом изложении логики» (1856), наука самопознания может развиваться двумя путями:

1. Психология синтетическая (наука самопознания/психология умственная)
2. Психология аналитическая (аналитика рассудка/логика; аналитика воли/ирика; аналитика сердца/ эстетика и философия естественной религии).

В трактовке Карпова логика «есть наука, показывающая, какие формы может приобретать наше мышление при всякой данной материи, чтобы потом видеть, какие из возможных форм оно (мышление) должно принять в известном случае, – согласно с направлением сил души, стремящихся познать какой-нибудь предмет и проявить свое познание о нем» (Карпов, 2019: 4). Таким образом, движущей силой познания выступают силы души, которые являются предметом психологии умственной. Как психология умственная самопознание выступает синтезом сознания и внутреннего опыта человека, Карпов отмечает, что она «основывается на идее и через то получает значение науки философской» (Карпов I, 2013: 226).

Анализируя развитие науки самопознания, В.Н. Карпов приходит к следующему выводу: «теоретическое самопознание в своем ходе никогда не следует закону постепенного развития, но всегда служит выражением нравственного состояния того народа, в котором появляется, и того времени, когда происходит» (Карпов I, 2013: 269). Развитие самопознания, по В.Н. Карпову, происходит прямо пропорционально развитию народной нравственности.

Таким образом, видно, что именно сократо-платоновская философия легла в основу учения о самопознании В.Н. Карпова. Наибольшее влияние оказало развитие темы самопознания Платона как основание философии. Так же Карпов развил платоновскую идею различения эгоистического познания и самопознания. Можно сделать вывод о том, что понятие самопознания связано как с практиками нравственной жизни, так и с теоретическими учениями философии и психологии.

Литература

1. Абрамов А.И. Духовно-академическая философия в России // Сборник научных трудов по истории русской философии. М.: Кругъ, 2005. С. 31-247.
2. Высокоостровский А.П. Покойный Карпов, как почитатель сократо-платоновской философии // Христианское чтение. 1893. № 3-4. С. 389-395.
3. Карпов I: Карпов В.Н. Введение в философию // Карпов В. Н. Сочинения: в 3 т. / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Поперечная Г.А. Мелитополь: Изд. дом Мелитопольской городской типографии, 2013. Т.1. С. 42-128.
4. Карпов II: Карпов В.Н. О самопознании // Карпов В. Н. Сочинения: в 3 т. / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Поперечная Г.А. Мелитополь: Изд. дом Мелитоп. гор. типографии, 2013. Т.1. С. 255-271.
6. Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либроком», 2019. 328 с.
7. Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карповым. Изд. второе, испр. и доп. Часть II. СПб.: Типография духовного журнала «Странник», 1863. 486 с.

Гребенникова А.И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

А. ШОПЕНГАУЭР В РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ (ОПЫТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

Интерес к творчеству А. Шопенгауэра возник в России вскоре после смерти мыслителя, в начале 70-х гг. XIX в., и, надо полагать, был обусловлен примерно теми же типическими причинами, что и в Германии в 50-60-е гг., – в связи с некоторым общим подъёмом антропологических настроений, своего рода антропологического историзма и широким распространением литературно-философского нигилизма. Шопенгауэр был всерьёз принят в России «властителями дум»; интерес к нему в русском образованном обществе был едва ли не выше, чем к другой немецкой философии, наследию Им. Канта, И.-Г. Фихте, Ф.-Й. Шеллинга или Г.В.Ф. Гегеля. Примечательно, что сам Шопенгауэр в предисловии «Мира как воли и представления» советует не приступать к изучению и прочтению его книги, если читатель не сталкивался с «Критикой чистого разума» и другими работами Им. Канта: «Хотя поэтому исходным моим пунктом и служит всецело то, что высказал великий Кант, но именно серьёзное изучение его творений позволило мне найти в них значительные ошибки... Таким образом, философия Канта – единственная, основательное знакомство с которой предполагается в настоящем изложении» (Шопенгауэр, 2023: 4-15). Но на первых порах его труды воспринимали как некоторую альтернативу немецкой философской классике: прежде читавшие Канта предпочли ему именно Шопенгауэра.

Философия А. Шопенгауэра своеобразно вписалась в жизнь и литературу России. Самыми распространенными публичными сторонниками, переводчиками и толкователями мысли А. Шопенгауэра можно считать А.А. Фета, Н.Н. Страхова, Д.И. Цертелева и Л.Н. Толстого. Впрочем, И.С. Тургенев говорил Фету о том, что именно он ввез Шопенгауэра в Россию («А Шопенгауэр, что же Шопенгауэр, ведь это я его вывез в Россию» – письмо Фета к Толстому от 3 февраля 1879 г.). Но исследовательски точнее будет сказать, что первым вдумчивым читателем Шопенгауэра в России был В.Ф. Одоевский. В целом, современное состояние шопенгауэроведения в России позволяет наметить хронологические контуры появления и присутствия философии А. Шопенгауэра в России. Суммативно, основными хронологическими рубежам присутствия Шопенгауэра в России можно считать следующие:

1850-е	Первое знакомство А.А. Фета с трудами А. Шопенгауэра
1860-е	Переводы произведений Шопенгауэра пока не появились, но уже можно было купить немецкие издания. В 1865 году Фет просит В.П. Боткина купить ему книги немецкого философа. В 1868 Л.Н. Толстой знакомится с творчеством Шопенгауэра.

1870-е Труды первых восприемников идей Шопенгауэра в России – писателей, литературных критиков, публицистов – вольных, а не университетских или академических философов, прежде всего, – В.П. Боткина, А.В. Дружинина, П.В. Анненкова. В 70-е годы занялся переводом этических работ Шопенгауэра. Н.Н. Страхов

1880-1890-е Пик популярности Шопенгауэра в России. Наиболее активен граф Дмитрий Иванович Цертелев – писатель, поэт, переводчик, друг Вл.С. Соловьева, популяризовавший учение Шопенгауэра и посвященную ему литературу в своих статьях и лекциях. Цертелев – автор первой в России работы об эстетике Шопенгауэра (СПб., 1890). Выходили переводы трудов Шопенгауэра, сделанные А.А. Фетом, которые активно покупались. В 80-е годы Н.Н. Страхов и Л.Н. Толстой подвергли критике шопенгауэровский пессимизм и «софистику», предпочтя ему труды Им. Канта.

Перспективным представляется уточнение различных творческих откликов русских философов вольного склада на познавательные инициативы Шопенгауэра; при этом наиболее актуальным, на мой взгляд, является особенное восприятие Шопенгауэра в герменевтической («почвенной»), («органической»), которая различным образом представлена в наследии В.Ф. Одоевского, А.А. Фета, Н.Н. Страхова, Л.Н. Толстого и др.

Литература

1. А. Фет и его литературное окружение: в. 2 кн. Кн.1. М.: Научное слово, 2008. 994 с.
2. Андреева И. С. Шопенгауэр. М.: Молодая гвардия, 2003. 367 с.
3. Фет А. А. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Художественная литература, 1982. 461 с.
4. Шопенгауэр Артур. Мир как воля и представление. Афоризмы житейской мудрости. Эристика, или Искусство побеждать в спорах. М., 2023. 246 с.
5. Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Köln: Bohlau Verlag Köln Weimar, 2002. 409 p.

Кальницкий А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ РУССКОЙ ИМПЕРСКОСТИ КАК ЧЕРТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Вопрос о самобытности русской имперскости как черты национального сознания остается актуальным и спорным в философии и политологии и поныне, пережив Российскую Империю и Советский Союз. Попытки дать

исчерпывающий ответ предпринимались со времен славянофилов и западников, и этот контур спора прослеживается и поныне. Например, Н.Я.Данилевский подчеркивал, что Российская имперскость отличается от других и является именно чертой русского сознания, так как русский народ – единственный из всех славянских, смог основать и расширить империю (Данилевский, 1991: 151).

Р.Э. Пайпс отмечал, что на Западе имперский дух со временем упал также естественно, как и развился в ходе эволюции политической мысли. В России же, однако, он остался на таком же уровне, на котором и зародился в национальную черту и стиль политического правления – вотчинность (Пайпс, 2012: 70).

М.А. Бакунин, видный деятель анархизма, подчеркивал, что имперское мышление пришло в Россию извне и укоренилось за счет трех пунктов: 1) Византийское христианство с его теорией симфонии церковной и императорской власти, в которой первая освящает и сакрализует вторую. 2) Европейская политическая культура, являющаяся наследником Римской Империи. 3) Татаро-монгольское завоевание Древней Руси и вхождение ее в состав Империи монголов, когда определенные имперские идеи передаются от победителей к побежденным. Именно эти внешние воздействия, по мнению М.А. Бакунина, привели к тому, что российская политическая элита приобрела со временем характерное «имперское мышление», главным носителем которого становится административно-управленческий аппарат (Бакунин, 2019: 60).

Вопрос о русском имперстве не обошел и Н.А. Бердяев. В книге «Судьба России» он констатировал, что в народе России заложена «империалистическая политика, а не националистическая» и что «народная Россия» внушает к себе любовь и посредством этого может расширяться в контексте империи» (Бердяев, web).

Литература

1. Бердяев Н.А. Русский народ. Богоносец или хам? URL: <https://fil.wikireading.ru/46272> (дата обращения: 28.03.2024).
2. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М.: АСТ, 2019. 320 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 577 с.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. 480 с.

Леонова Д.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ЗАКОН ПРИЧИННОСТИ И СВОБОДА ВОЛИ В ГИПОТЕЗАХ РУССКИХ ПСИХОЛОГОВ XIX ВЕКА (ДИАЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ М.И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА)

Вопрос о свободе воли остается спорным и актуальным в современной философии и психологии. Попытки его решения зависят от познавательного настроения каждой эпохи. XIX век характерен обращением к «причинности». В

работах Канта причинность и свобода получили значение антиномии. Шопенгауэр далее применяет причинность к воле, утверждая, что предположение свободы воли ведёт к понятию абсолютно случайного. Другим поводом применения этого физического понятия в психологии служило преобладание позитивизма среди первых научных психологов.

М.И. Владиславлев в своей «Психологии» (Владиславлев, 1881) не упоминает «закон причинности», но разбирает предопределённость воли в первоначальных хотениях. Он связывает разум со свободой, последняя недоступна воле без первого. Существование же права и нравственности предполагает свободу (Владиславлев, 1881: 535-546).

Н.Н. Страхов в работе «Об основных понятиях психологии и физиологии» (впервые изданной в 1886 г.) подошёл к проблеме со стороны логики самих понятий: свобода и воля синонимы, поэтому «несвободная воля» немыслима; касаясь причинности через Шопенгауэра, он показывает трудность объективации воли (Страхов, 1894: 81-84).

Развитие темы представлено в работах участников Московского Психологического Общества, где был выпущен сборник «О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса» (Грот, Лопатин, Бугаев, Корсаков, Токарский, Астафьев, 1889).

Н.Я. Грот в «Критике понятия свободы воли в связи с понятием причинности» (Грот, 1889) разбирает влияние Канта и последствия школы Шопенгауэра, формулирует проблему (по словам Н.Н. Страхова) как поиск «известного общего критерия или принципа отношения ко всем фактам внутреннего опыта» (Страхов, 1894: 11). Он выступает против бездумного переноса физических и отвлечённых понятий в психологию, отмечает бедность языка, невозможность правильно выражать различные соотношения в области внутреннего опыта. Как и Владиславлев, Грот рассматривает предопределённость воли и ее связь со свободой, считает, что доказательство свободы возможно только косвенно (Грот, 1889: i-xiv, 1-96, xv-xxiv).

П.Е. Астафьев в своей статье «К вопросу о свободе воли» (Астафьев, 1889) критикует учения детерминизма и трансцендентальной свободы. Он против подчинения воли этической, богословской, юридической точке зрения; против рассмотрения у свободы и необходимости степеней, так как это даёт им противоречивость; так же вредно смешение понятий принуждения и необходимости. Астафьев критикует применение закона механической причинности в психологии: человек свободен, когда мыслит усилие, подобное энтелехии Аристотеля, которое есть конечная самоопределяющаяся причина (Астафьев, 1889: 269-360).

Л.М. Лопатин в «Вопросе о свободе воли» (Лопатин, 1889) различает два общих типа взглядов на свободу – Сократовский и Канто-Шопенгауэрский. Он сопоставляет причинность физическую с духовной, признаёт бессилие механических методов в психологической жизни, которая предполагает своим условием элемент творчества. Самообман свободой Лопатин считает немыслимым, как и целесообразность без неё (Лопатин, 1889: 97-194).

Отсюда видны точки сближения русских психологов в вопросе о свободе воли: критика понятий и языка, обращение к предшественникам, непринятие физического понятия причинности в сфере психологии, утверждение тесной связи нравственности и свободы.

Литература

1. Астафьев П.Е. К вопросу о свободе воли // О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса / Грот Н.Я., Лопатин Л.М., Бугаев Н.В., Корсаков С.С., Токарский А.А., Астафьев П.Е. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. С. 269-360.
2. Владиславлев М.И. Психология: исследования основных явлений душевной жизни. Т. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1881. 564 с.
3. Грот Н.Я. Предисловие // О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса / Грот Н.Я., Лопатин Л.М., Бугаев Н.В., Корсаков С.С., Токарский А.А., Астафьев П.Е. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. С. III-VIII.
4. Грот Н.Я. Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности // О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса / Грот Н.Я., Лопатин Л.М., Бугаев Н.В., Корсаков С.С., Токарский А.А., Астафьев П.Е. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. С. I- XIV, 1-96, XV-XXIV.
5. Лопатин Л.М. Вопрос о свободе воли // О свободе воли: Опыты постановки и решения вопроса / Грот Н.Я., Лопатин Л.М., Бугаев Н.В., Корсаков С.С., Токарский А.А., Астафьев П.Е. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. С. 97-194.
6. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1894. 318, с. XVIII-XIX.

Болдырева А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ОБРАЗ ФИЛОСОФИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОПЫТЕ М.А. ВРУБЕЛЯ (ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ПОДСТУПЫ)

Михаил Александрович Врубель является ярчайшим творческим светилом русского Серебряного века. Из некоторого избытка своего творческого опыта он излучает собственные мысли, преобразуя ту смысловую атмосферу времени, в которой он творит своё. Для него, как и для многих значительных его современников, философия является неким символическим горизонтом художественного мышления, предстает в некоторой образно-символической собранности (женственном образе, намеченном в эскизе «Философия» декоративного панно 1899 г.), многочисленных сюжетно-структурных и колористических решениях и т.д.

Актуализируя вопрос об оптимальных методологических установках исследования философских начал художественного опыта М.А. Врубеля, важно, на мой взгляд, обратить внимание на те особенные, не всегда явные *личностные вехи*, которые давали себя знать в разнообразном творчестве

художника-мыслителя, художественно-смысловые образы близких и далёких собеседников, чтимых или возбуждающих интерес Михаила Александровича, перевоплощаемых им из буквальной достоверности в символическую достоверность художественных усмотрений.

Философские концепции и образы как будто «просвечиваются» сквозь людей, которые близко общались с Михаилом Александровичем и имели схожие ценностно-смысловые ориентиры, были так или иначе слышны ему и вызывали у него творческий отклик. Русская мысль рубежа XIX и XX веков, которая дает себя знать в творчестве Врубеля, стремится к некоторым предельным определениям и характеристикам человеческой чувственности – под влиянием Фр. Ницше (Беляев) и А. Шопенгауэра (Филичева, 2017: 127) или, с другой стороны, М.Ю. Лермонтова (Дурылин, 1948: 549) и Л.Н. Толстого (Ключарева, 2023: 40); рефлексия над этими стремлениями соотносит их и порождает новые синтезы: мышление как будто начинает питаться собственными интуициями и принимает как будто единственно возможные в этой ситуации визуальные формы (речь для этого оказывается слишком дискурсивна, не чутка, неуклюжа в своей дискурсивности). Таким образом оказывается недискурсивен и «новый человек», или «сверхчеловек»; называть его так – означает делать уступку языку дискурса, различающего или формализующего оппонирующие друг другу смыслы и значения чувственного опыта нового человека, для которого досадны дискурсивные самоограничения; его вера все сильнее укрепляется в искренности чувств, воспаляющих разум, первичных по отношению к нему. Принимает ли новые визуально-синтетические установки серебряного века М.А. Врубель? Ничто не мешает предположить положительный ответ на этот вопрос. В ярко-экспериментальном, колористически вспыхивающем и переливчатом «демоне» проступает эта исконная для эпохи Врубеля и, можно думать, для него самого символическая первичность и синтетизм чувственного. «Демон» – путеводная, пламенеющая «красная нить» (Домитеева, 2014: 158), сквозной и самостоятельный врубелевский образ, который в конечном счете пишется не на заказ, а во исполнение некоторого чистого желания, чувственно-смыслового порыва художника. Можно видеть изменения и преобразования различных идей и мыслительной чуткости художника-творца в «Демоне»; при этом они различны в разные периоды истории опыта Врубеля; говорить о каком-то вечных смыслах, семантических «ходячих мертвецах» его художественного мышления, одном-единственном круге значений, символов и философских идей, воплощённых в некотором семантически завершённом персонаже, будет просто неправильно.

Литература

1. Беляев Д.А., Строкова А.В. Философские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова: пролегомены к ницшеанству и идее сверхчеловека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 73. Т. 11. С. 27–29.

2. Домитеева В.М. Врубель. М.: Молодая Гвардия, 2014. 477 с.
3. Дурылин С. Врубель и Лермонтов // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 541-622.
4. Ключарева А.В. М.А. Врубель и Л.Н. Толстой как «гении-охранители» Русской культуры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 33-43.
5. Филичева Л.Д. Михаил Врубель: демонический аспект свободы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 126-127.

Зюганова С.К.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СЕМАНТИКА «КОЛЬЦА НИБЕЛУНГА» В МИФО-МУЗЫКАЛЬНОМ ОПЫТЕ Р. ВАГНЕРА (К РАЗМЫШЛЕНИЯМ А.Ф. ЛОСЕВА)

Музыкальная драма Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» (*Der Ring des Nibelungen*), которую композитор писал в течение 26 лет (с 1848 по 1874 г.), впервые полным циклом представлена публике на открытии Байройтского фестиваля в 1876 году. Это поистине огромное произведение, состоящее из четырех эпических опер. В их основе – реконструкция германской мифологии, исландских саг и средневековой поэмы «Песнь о Нибелунгах», что в совокупности своей предстает в некотором творческом музыкальном единстве согласно принципу музыкального универсализма, к которому Р. Вагнер призывал уже в первой своей статье «О сущности немецкой музыки» (1834 г.). Сюжетная форма «Кольца» имеет предельно-обобщенный вид без внимания к мелочам «бытовой жизни» – ради «предельного обобщения всей человеческой жизни, взятой целиком» (Лосев, 1991: 298).

Вполне возможно заметить, что в этом цикле дает о себе знать установка Р. Вагнера на «произведение искусства будущего» (*Gesamtkunstwerk*) (Вагнер, 1978: 159) в его тотальном виде. Замысел искусства будущего в «Кольце» реализуется через слияние поэзии и музыки, которая воплотилась «с помощью использования *лейтмотивов*, когда каждая идея и каждый поэтический образ тут же специфически организованы при помощи музыкального мотива» (Лосев, 1991: 298).

Многие современники Р. Вагнера не принимали этого «творческого тоталитаризма» композитора. И даже А. Шопенгауэр, который произвел на Р. Вагнера огромное впечатление, пишет, что «музыка в отличие от поэзии должна сохранять безразличие к событиям, которые есть в партитуре» (Шопенгауэр, 2001: 376). Эстетика «Кольца Нибелунга», конечно, очень схожа с эстетическими взглядами А. Шопенгауэра, но здесь нельзя говорить о влиянии философа на композитора, скорее о «самостоятельном шопенгауэрианстве Вагнера» (Лосев, 1991: 300). Общими моментами эстетики композитора и философа были «ощущение мировой основы как чего-то

неблагополучного и даже бессмысленного», «необходимость отречения от этого вечного и бессмысленного волевого процесса и потому отказ и полное отречение от этой мировой воли и жизни» и «стремление найти последний выход путем погружения в чистый интеллект» (Лосев, 1991: 304). И все же главное отличие заключается в том, что, несмотря на пессимизм, самоотречение, огромную роль судьбы – мировая катастрофа, показываемая Р. Вагнером, «открывает путь новому развитию человечества и к новым его достижениям уже без роковой погони за золотом» (Лосев, 1991: 305).

В русском обществе Р. Вагнер воспринимался как крайне противоречивая личность; многим нравились его произведения, другие же, как например Л.Н. Толстой, восклицали: «Какая гадость!» (Танеев, 1981: 120-121). Метод лейтмотивов, который разрабатывал Р. Вагнер, очень часто использовался русскими композиторами (например, П.И. Чайковским и Н.А. Римским-Корсаковым) и пришли они к этому принципу независимо от Вагнера.

П.И. Чайковский был одним из представителей русского музыкального общества, кто посетил открытие вагнеровского оперного театра в городе Байрейт (Бавария) и присутствовал на премьере оперной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга». Для «Русских ведомостей» композитор написал ряд критических статей, в которых читателям рассказал о представлении этой «исполинской оперы» (Чайковский, 1953: 302). Чайковский считает, что он «по собственной вине не возрос еще до полного понимания этой музыки», но после изучения её надеется примкнуть «к обширному кругу истинных ее ценителей» (Чайковский, 1953: 327). По словам автора, большое внимание стоит уделить пониманию того, зачем писал Р. Вагнер это произведение: «Вагнер писал свою музыку для того, чтоб ее слушали, а не пропускали мимо уха, как нечто побочное, второстепенное» (Чайковский, 1953: 326). Русский композитор, которому очень часто приписывают не любовь творчества немецкого композитора, считает, что «пусть “Перстень Нибелунгов” кажется местами скучен; пусть многое в нем на первый раз неясно и непонятно; пусть гармония Вагнера подчас страдает запутанностью и изысканностью; пусть теория Вагнера ошибочна; пусть в ней немалая доля бесцельного донкихотства; пусть громадный труд его обречен на то, чтобы покоиться вечным сном в опустелом байрейтском театре, оставив по себе сказочную память о гигантском труде, сосредоточившем на себе временно внимание всего мира, – все же “Нибелунгов перстень” составит одно из знаменательнейших явлений истории искусства» (Чайковский, 1953: 328). Однако, «преданно склоняясь перед пророком, я не исповедую религии, которую он создал» (Чайковский, 1953: 330).

Записей Н.А. Римского-Корсакова о творчестве Р. Вагнера, к сожалению, нет. Однако есть очень интересная статья В.В. Ястребцева «Римский-Корсаков о Вагнере (по личным воспоминаниям)», изданная в 1911 году в «Русских Ведомостях». Ястребцев утверждает, что Римский-Корсаков высоко ценил гений Вагнера, восхищался вагнеровскими инструменталками, находя их «чрезвычайно яркими и блестящими <... > вдохновенными и поразительно оригинальными» (Ястребцев, 1911: 123). Николай Андреевич так же, как и П.И. Чайковский, говорит о «музыкальной совести» (Ястребцев, 1933: 124).

Чайковский говорит нам о «музыкальной безнравственности», которая предстает в избытке музыкальной красоты, то есть некотором превышении надлежащих музыкальных пропорций. Римский-Корсаков утверждает, что Вагнер утратил совесть «в погоне за величию и новизной» (Ястребцев, 1933: 124).

Значимость «Кольца Нибелунга» в истории музыкальной мысли признают все ранее упомянутые личности: однако смотрят на эту значимость они по-разному: Лосев с эстетико-философской точки зрения, а композиторы с эстетико-музыковедческой. Вагнер присутствует в русском музыкальном мышлении различным образом, и исследования этого присутствия далеко не завершены, но уже теперь некоторые архивные материалы позволяют предположить особенное отношение А.Н. Серова к Р. Вагнеру.

Литература

1. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы / Пер. с нем. / Сост. И.А. Барсова, С.А. Ошерова. Вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С.142-261.
2. Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М. Политиздат, 1991. с. 275-314.
3. Танеев С.И. Дневники в 2-х книгах: Кн.1 / Под ред. Л.З. Корабельниковой. М.: Музыка, 1981. 181 с.
4. Чайковский П.И. Музыкально-критические статьи / Вступ. статья: В.В. Яковлева. М.: Музгиз, 1953. С. 302-330.
5. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6т: Т. 2 / Пер. с нем. / Под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2001. 560 с.
6. Ястребцев В.В. Н.А. Римский-Корсаков о Вагнере // Русские ведомости. 1911. №13. С. 122-125.

Титов А.Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Белгород, Россия)

ИСТОРИЗМ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ И «ФИЛОСОФСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ» (К ОСНОВАНИЯМ ФИЛОСОФСКОЙ ЭВРИСТИКИ И.И. ЛАПШИНА)

У философии есть свои специфические функции (как у области научного знания), которые и должны быть раскрыты путем анализа природы философского изобретения. – Так, не меняя привычной И.И. Лапшину лексики и стилистико-синтаксического устройства его речи, можно сформулировать его общее представление о назначении философии.

Эту лапшинскую формулу философии требуется уточнить: рассуждение И.И. Лапшина ответно не только существовавшему в его время техницистскому стилю высказываний (маркерами которого становятся «функции», «наука», «изобретение», «элементы» и т.д.) но и тем стилистическим перипетиям,

которые дают себя знать в истории отечественной и зарубежной философии конца XIX – первых десятилетий XX вв. (Ольхов, 2010: 410-421; Эпистемологический стиль, 2013: 154-165). И.И. Лапшин, как можно предполагать, выступает тогда под маской своего стиля «чужой одушевленности» – принятия всерьёз тех форм речевого мышления, которые для многих были своего рода формами эстетической игры или мистико-онтологического поворота в сторону невыразимого в философии. Характерной здесь является установка на мысль, взрослеющую в игре: «Познание “чужого я” для взрослого имеет различные степени полноты и целокупности, с одной стороны, абстрактности – с другой. В этом смысле я установил бы *четыре вида познания чужой одушевленной жизни*, которым располагает человек. Все “чужие я”, известные мне, так сказать *dramatis personae* моей личной жизни суть: *главные действующие лица, эпизодические личности, статисты* и абстрактно мыслимые духовные единицы» (Лапшин, 1999: 274).

Уместно, приступая к некоторой фактической расшифровке стиля И.И. Лапшина, уточнить те общие смыслы, которые проступают у него под стилистической маской «чужой одушевленности». Важнейшим здесь является смысловое поле исторического знания. История для И.И. Лапшина находится внутри каждого познавательного течения – погружена в жизнь, и жизнь без истории существовать не может, поскольку каждое действие уже имеет за собой определенную жизненную историю. «Своеобразие философского творчества в этом вопросе заключается в образовании целостной концепции мира, где специальные аспекты приведены во внутреннюю гармонию» (Лапшин, 1999: 295); эта гармония исторична, несводима ни к эмпирико-фактическим, ни к теоретико-схематическим представлениям. Лапшин не собирается видеть в истории придаток, обычную абстракцию, то, что постоянно находится в подчинении. История для него – это сложное пересечение действий человека и влияния окружающих событий, которое приводит к положительному результату, – отнюдь не придаток, не раб структуры, общества и т.п. Польза истории для философии, стало быть, уже в том, что она ограничивает и укрепляет познавательное своеобразие философии некоторой мудростью исторического бытия. В главе «О скептицизме» Лапшин указывает на то, что исторический скептицизм занимателен, но не является глубоким, собственно историчным в силу своей «безвыходности» и познавательного «бессилия», чреватого «самоироничным застоєм» (Лапшин, 1999: 72). Подлинно исторично в познании теснейшее соотнесение интересов, которое философски можно представить как «изобретение» (для лучшего усмотрения лапшинского понятия вполне уместен дефис).

Пусть философы исторически предстают как некие «школьные мыслители»; всякая школа – это прежде всего историческая удача, единство мыслителя и обобщение интересов, приводящих к некоторой устойчивости движения, тому, что различается затем как некоторый дуализм, материальное олицетворение дуалистической системы, в которой происходят и скачки (платонизм, классическая немецкая философия) и падения (античный скептицизм и последующий Релятивизм). Философия как изобретение знает

свои прерывные и непрерывные моменты в процессе изобретения. Прерывный момент, по Лапшину, связан с вторжением творческого начала; личность гения пересобирает изобретение, оставляя себя в его началах. Гений в философии не есть нулевой пункт изобретения, но тот, кто готов взять на себя ответственность. Философ, который хочет стать крупным, стать классическим, как Кант, которого Лапшин ценил выше всех, должен пройти через главную трудность – собственный страх, даже трусость. Трусость не потому, что он слабый или ничтожный, а потому что обычный страх может быть даже в ситуациях, где мы повлиять не в состоянии, а вот трусость... Это наш акт *свободной* воли, наш *отказ* от действия, поэтому Лапшин пишет в данной статье о «страсти»: только по-настоящему страстный философ готов повлиять на эту ситуацию, только у «горящего» своим делом мыслителя может найтись смелость, которая позволит пройти к истине, сокрытой от тех, кому на деле нужно что-то иное.

Истина в философском познании предстает как нечто исторически «многогранное и многоцветное» (Лапшин, 1999: 280). Но для того, чтобы не струсить, пребывая в этом многоцветии, «необходимо философу дать себе отчет в том, что Кант называет горизонтом знания» (Лапшин, 1999: 280). Это отчёт требует этико-диалогической конструктивности. Начиная устанавливать его как будто в себе, как точку зрения «на мир, заключающей в себе известный запас знаний» (Лапшин, 1999: 280), требуется укрепить её на некоем четвероюком основании. Именно, «необходимо: 1) установить свой собственный горизонт, дать себе в нем ясный отчет, 2) стремиться по возможности увеличивать его, 3) считаться с горизонтом другого, 4) определить абсолютный горизонт знаний и поставить его в отношение к своему, учтя при этом свои способности. Этот абсолютный горизонт и образует то, что я назвал бы параллельно идее полноты знания идеею его широты» (Лапшин, 1999: 280).

Трактуя философскую эвристику как акт некоторого философского изобретения, или конструирования философской системы, Лапшин – отнюдь не техник, как можно предположить при беглом взгляде на его работы, как, впрочем, и не органицист или скептик. Речь, судя по всему, следует вести об особом рода герменевтико-историческом его настрое: «История философии может являть картину бессвязности для скептически настроенного дилетанта. Усвоение ее без углубленного перевоплощения в многообразные точки зрения не только бесполезно, но прямо вредно» (Лапшин, 1999: 280). При историческом вникании или реконструкции «конкретного целостного "чужого я"» (Лапшин, 1999: 274) важна практика заботы об отваге собственного мышления, но только постольку, поскольку «*трусость в мышлении* есть забота о сохранении в *неприкосновенности* своих теоретических построений в связи со *страхом перед новизной*» (Лапшин, 1999: 282). Добротность конструктивной философской мысли («огнеупорность» философской системы» (Лапшин, 1999: 282)) становится возможной при «счастливым сочетании» «высокоразвитого чувства действительности, логической остроты мысли и изобретательности» (Лапшин, 1999: 282) и наличии «*бескорыстного сверхличного мотива*» – «найти в данной научной теории или философской системе для человечества

надежное орудие для постижения и *преобразования* действительности» (Лапшин, 1999: 282).

Герменевтика И.И. Лапшина исторична и существенно диалектична, полемически и творчески внимательна к предельным смыслам конструктивно-философского познавательного действия, сочетая при этом общие места и образные смыслы философского изобретения. «Полемиическая жилка составляет неременное условие диалектической гибкости мысли и представляет существенный момент в процессе выработки литературного стиля философской системы, другим моментом в выработке стиля является способность становиться на чужие точки зрения» (Лапшин, 1999: 282). Лапшинская диалектика, иными словами, имеет вполне фактическую диалогическую перспективу, – указывая, как минимум, на абсолютно-ценностный, нравственный момент «философской конструкции» и его речевую, стилистическую определенность. «*Философский стиль есть равнодействующая искусства перевоплощаемости и искусства внушать* другим свои идеи, искусства проявлять в своих творениях в яркой форме *типически индивидуальные* черты. Преувеличение одного из этих моментов неизбежно ведет или к половинчатости скептицизма и эклектизма, или к фанатизму догматиков... Во всяком философском доказательстве есть момент *объективной* принудительности, проистекающий из *достоверности* или *вероятности* приводимых фактов, ясности понятий и строгости доказательств, и *субъективный* – чувство *очевидности*. Те приемы изложения, которые повышают последнее, являются важным добавочным условием для усвоения ясного достоверного знания, которое, таким образом, сверх того, что становится *понятным*, делается и *убедительным*... Философская мысль должна быть *внушительной*» (Лапшин, 1999: 288).

К сожалению, в нашей исследовательской литературе практически отсутствуют работы, посвящённые герменевтико-диалогическим установкам И.И. Лапшина, их нравственной и стилистико-познавательной фактичности. Между тем, потребность в такого рода исследованиях, на мой взгляд, составляет ключевое условие понимания историзма мышления этого крупнейшего русского философа и историка философии.

Литература

Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.

Ольхов П.А. Стиль как *modus vivendi* Г. Г. Шпета // Густав Шпет и его философское наследие. М.: РОССПЭН, 2010. С.410-421.

Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX веков. От личности к традициям. М.: Издательство: РОССПЭН, 2013. 448 с.

**ИЗ АРХИВА III МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СИМПОЗИУМА
«ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА В РОССИИ XVIII – XXI ВВ.:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

Вдовиченко П.И.

Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования
Центр развития детей и юношества «Советский» (Липецк, Россия)

**ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ДЕТЬМИ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**

На сегодняшний день перед преподавателями театральных дисциплин стоит задача углубленной и расширенной адаптации своих рабочих программ и непосредственно проведения самих занятий для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. И главным стимулом, и двигателем этой адаптации служит прежде всего опыт практической деятельности, без которого невозможно овладеть навыками работы с такими детьми.

Научно-теоретическая составляющая рабочих программ, несомненно, необходима и обязательна, но важнее всего остается индивидуальный подход к каждому ребенку в его уникальности, даже если она обладает спецификой отклонения от нормы.

При формальном разделении по внешним проявлениям преподаватели театральных дисциплин ориентируются или должны ориентироваться не на то, что разделяет, но, что объединяет по внутреннему содержанию всех детей без ограничения. Детство для всех одно во внутреннем проживании, но не все его одинаково полно проживают во внешнем выражении.

Несомненно, следует учитывать, что при обучении детей с ограниченными возможностями здоровья существует ряд проблем, обусловленных психофизическими особенностями: стойкое нарушение познавательной деятельности, недоразвитие высших познавательных функций, конкретность и поверхностность мышления, несформированность всех операций речевой деятельности, нарушение словесной регуляции поведения, незрелость эмоционально-волевой сферы, несформированность произвольности и целенаправленности всех видов деятельности, низкая работоспособность. Это то, на что стоит обратить внимание различным творческим коллективам, которые готовы принять в свою команду детей с ОВЗ.

На занятиях поведение детей с ОВЗ может быть сходным, а может и отличаться. Одни могут быть вполне активны и общительны, как другие в свою очередь будут пассивны и замкнуты. Одной из таких причин является темперамент ребенка.

Возьмем в качестве примера такую ситуацию: девочка с аутизмом имеет общительный, активный темперамент, но когда оказывается среди толпы шумных детей, то не может совладать с этой ситуацией. Тогда она начинает

кричать и набрасываться на других детей – тем самым показывая свою растерянность и неумение справляться с подобным стрессом.

Или, например, мальчик-аутист, напротив, очень спокоен и замкнут в себе, но в аналогичной ситуации, он пытается убежать от шума и спрятаться как можно дальше. Шумные звуки и чрезмерная активность остальных детей, его очень пугают, оттого ему становится некомфортно находиться в одном помещении с такими детьми (Уилльямс, Робертс, 2021: 46).

Подобные особенности на занятиях педагог должен учитывать и учиться находить индивидуальный подход к каждому ребенку. Тем более, если на занятиях группы не имеют детей одного типа заболевания, а смешанные группы – аутисты, слабослышащие, ЗПР, синдром Дауна и пр.

Если педагог замечает, что ребенку сложно осваивать образовательную программу в группе, то следует рассмотреть вариант индивидуальных занятий. При разработке подобных занятий педагогу следует учитывать особенности заболевания конкретного ребенка, с кем предстоит индивидуальная работа. Но также не стоит забывать об уникальности каждого ребенка и адаптации упражнений для их более легкого понимания.

Помимо педагога, при работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в образовательном учреждении должен работать следующий персонал: ассистент (помощник педагога) и тьютор. Последний должен иметь профессиональное психолого-педагогическое образование.

Сам же педагог, который работает с данной категорией детей, должен иметь профессиональное педагогическое образование по преподаваемому предмету, а также он должен быть достаточно проинформирован об особенностях работы с такими детьми. Более того, преподавателю, работающему с детьми с ОВЗ, нужно пройти должное повышение квалификации или профессиональную переподготовку, чтобы овладеть определенными навыками и информацией по работе с данной категорией детей.

На примере театральной студии «Артист» г. Липецка можно сделать выводы, что успешная работа с детьми с ограниченными возможностями здоровья вполне возможна, если помнить о том, что объединяет всех детей – игра. А через игру они учатся познавать мир и социализироваться в обществе.

В театральной студии «Артист» занимаются дети разных возрастных категорий, в том числе в коллективе занимаются и ребята с ограниченными возможностями здоровья. Некоторые ребята с такими диагнозами, как ЗПР, дислексия и аутизм в зависимости от степени заболевания занимаются в общих группах, что несомненно сказывается на дальнейшем развитии таких ребят.

В общих группах к детям с ОВЗ предъявляются те же требования, что и ко остальным, но с одним различием: задания для особенных ребят немного облегчаются, но спрос одинаков для всех участников группы.

Также в театральной студии «Артист» с начала 2023 учебного года была сформирована одна группа из десяти детей с ограниченными возможностями здоровья. Большая часть группы участников имеет следующие диагнозы: расстройство аутистического спектра (РАС), общее расстройство психологического развития, аутизм с проблемами в развитии (АПР), синдром

Аспергера, дети с нарушением слуха, синдром Дауна и детский церебральный паралич (ДЦП) средней степени.

Все дети со своими особенностями здоровья и педагогу приходится находить индивидуальный подход к каждому участнику. Чтобы быть более компетентным в своей работе, руководитель студии проводит занятия под наблюдением профессионального тьютора и находит индивидуальный подход к каждому участнику.

К самим занятиям руководитель готовится заранее, разрабатывая план, адаптируя и придумывая упражнения по актерскому мастерству и сценической речи и занимается поиском новых форм проведения занятий, при всем этом учитывая особенности каждого ребенка в группе. Особый акцент на занятиях делается на помощь в социальной адаптации детей. Это дается им не просто, не все дети в группе привычны работать в коллективе, кто-то испытывает во время подобных занятий особый стресс, проявляя его агрессией по отношению к другим детям и педагогу.

Поэтому для более быстрого понимания и анализа каждого обучающего, которого только привели на первое занятие в студию, руководитель рекомендует использовать следующее упражнение: рисование на заранее подготовленную тему. Рисунок, который предстоит нарисовать детям, должен иметь легкую форму для рисования, это может быть сказочный герой с крупными частями тела, например, Чебурашка, Колобок или представитель животного мира: заяц, корова, собака и т.д. Подобное знакомство через рисование поможет более быстро понять детей, которых привели на занятие. Например, с помощью рисования можно обратить внимание на такие особенности как усидчивость, воображение, развитие мышления (способность определять цвета), самостоятельность, умение работать в коллективе и с мелкими предметами. При этом педагогу следует задавать вопросы детям, пока они рисуют. Вопросы должны быть простыми, но подразумевающими развернутые ответы ребенка, а не односложные «да» или «нет». Через беседу, пока ребенок рисует, педагог сможет сделать для себя дополнительные выводы, обратить внимание на нарушение речи, излишнюю застенчивость или агрессивность. Данный метод дает возможность уже при первой встрече разобраться в способностях детей и определить вектор дальнейшего плана занятий исходя из особенностей каждого участника учебного процесса.

Стоит отметить, что неумение общаться лежит в основе многих проблемных моделей поведения, поэтому, если с раннего возраста развивать у ребенка навыки коммуникации, вполне вероятно, что он станет вести себя лучше, а его способность к обучению возрастет (Уилльямс, Робертс, 2021: 63).

Исходя из этого, преподаватель шаг за шагом пытается помочь детям скорее адаптироваться в новом пространстве и коллективе через определенные упражнения и игры, нежели обучить их театральному искусству.

Каждое занятие начинается с обязательного пожатия руки каждого участника. Далее передавая по кругу мяч, каждый ребенок должен произнести какое-нибудь доброе слово, если у ребенка это не получается самостоятельно, тогда помогает педагог. Дети, у которых нарушена речь, преподаватель

предлагает невербальное общение, а точнее через пластику – помахать рукой с улыбкой, послать воздушный поцелуй или обнять соседа справа.

Таким образом занятия проходят по принципу от легкого до более сложного. Когда дети усваивают выполнение одних упражнений, то постепенно переходят к выполнению более сложных. Здесь главное, чтобы дети учились контактировать друг с другом, тренировать усидчивость и, насколько это возможно, работать с речевым аппаратом.

Между выполнением упражнений обязательно предусмотрены небольшие перерывы для отдыха, т.к. для детей с ограниченными возможностями здоровья характерна повышенная утомляемость. Они быстро становятся вялыми или раздражительными, плаксивыми, с трудом сосредотачиваются на выполнении поставленной задачи. Ребенок начинает нервничать, суетиться, усиленно жестикулировать и гримасничать (Олешкевич, 2005: 21).

Из всего вышеописанного следует, что дети с ограниченными возможностями здоровья уникальны и внутренне они такие же дети, как и все. По внешним признакам они могут отличаться, но внутренне они остаются детьми, и мы должны постараться обеспечить им счастливое детство. Через игру дети познают мир, а театральные занятия со своими многочисленными играми-упражнениями способны объединить и помочь детям с ОВЗ социально адаптироваться в обществе.

Литература

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 368 с.
2. Кузнецова Е.В., Костяева Н.А. Проектирование дополнительных общеразвивающих программ для детей с ОВЗ на основе реализации разноуровневого подхода // «Внешкольник», № 1, 2017. 25 с.
3. К. Уилльямс, Ж. Робертс Понимание аутизма: руководство для родителей / Ростов н/Д : Феникс, 2021. 183 с.
4. Особенные дети: как подарить счастливую жизнь ребенку с отклонениями в развитии / Наталья Керре. М.: Альпина Паблишер, 2018. 335 с.
5. Олешкевич В.И. Сопровождение и социализация школьников с особенностями психофизического развития в условиях интегрированного обучения / В.И. Олешкевич // Дефектология. 2005. № 5. С.16-25.

Дёмочкина Е.А.

филиал МБУК «Культурно-досуговое объединение»
Колюпановский сельский культурно-досуговый центр (Калуга, Россия)

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ПОДРОСТКАМИ В ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ

Особенностью студий является то, что они возникли на основе общности интересов, душевной близости и гражданского единства. Студийная режиссура

рождалась на стыке театра и школы: студии и студийцам нужен был не просто театральный постановщик или педагог актерского мастерства, и даже не режиссер «широкого профиля» (Золотницкий, Миронова, 1983: 10), студии был нужен духовный наставник. Для Первой студии МХТ таковым стал Леопольд Антонович Сулержицкий – человек-артист, человек-театр, человек, больше чем театр.

Первый перспективный принцип студийной педагогики заключается в том, что спектакль является органическим развитием рабочего процесса творчества – в работе над собой, над пониманием и самопониманием. Процесс творческого поиска себя в роли был более важен, чем результат – спектакль. Спектакль был естественным и органическим продолжением творческого процесса. Например, важной творческой задачей Вахтанговской студии, следуя заветам Сулержицкого, была попытка создать сообщество, в котором участники могли бы выявить свои личные качества и способности и найти почву для их развития. Тем же путём шёл Михаил Чехов в своей – Чеховской студии.

Второй принцип – это педагогический, а не эстетический подход, охватываемый этическими принципами воспитания человека.

Третий принцип – однородность творческой среды (атмосферы) и её участников.

Такое понимание театральной студии было в первом, изначальном, значении, которое складывалось исторически и сыграло огромную роль в истории театра.

В основе театральной студии лежит процесс не только обучения таким дисциплинам, как актерское мастерство, сценическое движение и сценическая речь, но и художественно-творческое и художественно-нравственное воспитание студийцев.

В процессе организации творческого процесса и художественного коллектива важная роль отводится репетиции. Репетиция является основным составляющим звеном целой организационной, просветительской, а также воспитательной деятельности. Репетиция открывает большие возможности не только с точки зрения художественно-эстетического влияния, но и с точки зрения педагогических аспектов воспитания и обучения. В творческом процессе можно полностью повторить каждый фрагмент пьесы, отрывка, спектакля. В содержании поменять акценты, добиться нужной выразительности речи, звучания, слова, движений. Каждый нюанс и штрих тщательно запоминаются и проверяются на репетициях. Помимо этого, участники впитывают богатый эмоциональный и нравственный опыт, который заложен в произведении.

В данной статье мы рассматриваем личный опыт работы с подростками в любительской театральной студии «Эмоция» города Калуги на примере репетиционного процесса в работе над спектаклем по пьесе И. Тануниной «Я всех вас люблю».

Педагогическая работа начинается с составления психолого-педагогической характеристики подростков в творческой деятельности. По-разному определяют исследователи суть периода, связывающего детство и взрослость. К нему относят средний школьный возраст: 11-13 лет (5-7 классы) и

13-15 лет (7-9 классы). На это требуется обратить особенное внимание, поскольку знание возрастных особенностей играют существенную роль в организации рабочего процесса.

Развитие творческих способностей тесно взаимосвязано с таким психическим процессом, как воображение. Существенные изменения в развитии воображения у подростков были отмечены Л.С. Выготским. Он говорил о том, что под влиянием абстрактного мышления воображение «уходит в сферу фантазии» (Выготский, 1984: 250).

К главным возрастным особенностям подростков относят формирование характера:

- 1) перестройка психофизического аппарата;
- 2) пик эмоциональной неустойчивости, снижение самооценки, перепады настроения;
- 3) ломка формы сложившихся взаимоотношений со сверстниками и со взрослыми;
- 4) неспособность контролировать, управлять, не возможность организовать самодисциплину;
- 5) неосознанное развитие абстрактного мышления;
- 6) потребность в новых знаниях и впечатлениях.

Во время репетиционного процесса важно, чтобы подросток чувствовал, что у него получается, тогда будет постоянная заинтересованность в дальнейшем освоении процесса обучения. Ни в коем случае нельзя нацеливать подростков на определенный результат любым способом. Выстраивать процесс необходимо всегда от «простого к сложному» (от простых элементов школы актерского мастерства к более сложным).

Общение со сверстниками и осмысление, каким видят подростка его ровесники – это основное направление интересов. Однако именно общение со взрослым является для подростка скрытым желанием, так как именно через «общение на равных» повышается самооценка подростка и его роль в коллективе.

Необходимо в репетиционном процессе смягчать требования, если есть ощущение внутреннего протеста у учащегося. Важно найти компромиссное решение, не критиковать, предоставлять право выбора ученику. Необходимо, чтобы дети чувствовали доверие со стороны преподавателя.

Для работы с подростками в театральной студии «Эмоция» была специально выбрана пьеса, которая является актуальной для постановки с детьми возраста 13-15 лет – пьеса липецкого драматурга Ирины Тануниной «Я всех вас люблю».

Действие пьесы происходит в детском доме. В ней рассказывается о жизни 5 девочек-подростков. Главная тема пьесы – подростковая жестокость, эгоизм, неумение полюбить и принять другого человека. В данной пьесе исходным предлагаемым обстоятельством является то, что все героини – воспитанницы детского дома, что еще больше обостряет их взаимоотношения друг с другом. Но разве в жизни нет проблемы подростковой жестокости? Она есть. Каждый раз, к сожалению, мы

наблюдаем в средствах массовой информации случаи вопиющей жестокости подростков по отношению друг к другу.

Выбрав данную пьесу для работы в театральной студии с подростками, хочется, в первую очередь, этим же детям показать, какими они бывают по отношению друг к другу. Постараться с помощью работы над спектаклем решить некоторые психолого-педагогические проблемы самих подростков. Взять их на установку «Посмотрите на себя, начните с себя». Воспитывайте понемногу в себе любовь, это необходимо делать хотя бы для того, чтобы нормально жить друг с другом. Сбегать и прятаться – это не выход, это лишь протест, который имеет малую результативность. Необходимо уметь говорить друг с другом, договариваться, уметь слышать и слушать друг друга.

Репетиционный процесс в работе над спектаклем в театральной студии «Эмоция» начинается с застольных репетиций.

Этап № 1: «Застольный период». В нем происходит первая читка, первое знакомство участников театральной студии с пьесой. Первая реакция на прочтение выявляет смешанную природу чувств, вызванную глубинными переживаниями личного характера: слёзы сочувствия, сопереживания, недоумение, смех. Главное для домашних девочек вжиться в предлагаемые обстоятельства детей, проживающих в детском доме.

Для подкрепления эмоционального переживания был найден короткометражный документальный фильм про устои и порядки детского дома и несколько видео-интервью выпускниц детских домов, которые рассказывают о том, как когда-то жили в стенах таких учреждений.

Во время застольного периода очень важно увлечь подростков выбранным материалом для постановки спектакля, раскрыть смысловое содержание пьесы, тему, идею. Сказки ребятам давно не интересны, они «выросли» из них. Им интереснее играть про жизнь, про таких же девчонок, как они, у которых даже есть похожие проблемы, как у них в жизни.

В застольном периоде разбирается образ-характер каждой героини пьесы, выявляется индивидуальность. Происходит определение логики действий и цель каждого персонажа.

Руководителю кажется, что необходимо показать в спектакле разноплановость характеров каждой из героинь, они существуют, как единый организм, потому что это обусловлено детдомовской группой и внутренними распорядками и правилами, но нужно показать то, что внутри они все разные. За масками той самой «взрослости» и «крутости» скрываются недолюбленные дети, которые когда-то были искренними, добрыми, но закрыли в себе навсегда эти качества, чтобы выжить в данных им реалиях. Для этого с каждой из героинь по логике действий и целей, которые изначально написали, мы постарались найти именно те черты характеров, которые были бы соответствовали именно каждой определенной героине. Нашли в тексте те зацепки, за которые можно ухватиться и развить индивидуальные черты каждой из героинь. Более того, мы продумали ситуации, при каких обстоятельствах каждая из героинь могла оказаться в детском доме. Нам показалось это также важным, потому что основной фундамент характера

закладывается еще в детстве, потому что все зависит от условий, в которых рос ребенок, жил он когда-то со своими родителями, общался с ними или не видел их вовсе. Так, мы придумали каждой из героинь историю «до» того, как они попали в детский дом, для того чтобы лучше раскрыть индивидуальность и характер каждой из героинь.

Эта работа также пошла на пользу каждой из участниц, потому что теперь им было уже не смешно, как при первой читке, а жалко каждую из своих героинь. Они начали понимать «природу» озлобленности их героинь по отношению друг к другу и к миру. Так происходили начальные этапы работы над ролью.

Этап № 2. «Тренинги и упражнения». Прежде, чем перейти к этюдным репетициям и репетициям «в выгородке» с подростками в театральной студии «Эмоция» обязательно проводится разминка и тренинги на освобождение мышц от зажимов, на внимание, фантазию и воображение, особенно уделяется внимание упражнениям на память физических действий. Это необходимо для того, чтобы настроить подростка на работу, потому что, как правило, они приходят на занятия после школы, репетиторов, перегруженные. А разминка отвлекает, тренинг выступает в форме некоего игрового момента и сразу переключает внимание со школы на занятие.

Упражнения на память физических действий необходимы, потому что зачастую подростки начинают заниматься обозначением физического действия и беспредметка позволяет удерживать внимание на процессе.

Этап №3: Следующий этап работы над спектаклем – репетиции «в выгородке». На данном этапе репетиций накопленная информация о роли переходит в сценическое действие. Мы проверяем, правильно ли мы нашли действие в застойном периоде. Обязательно продумываем физические действия каждой героини, потому что существует неоспоримое единство психического и физического, выявленное К.С. Станиславским, та самая неразрывная связь. Раскрываем индивидуальность каждого персонажа. Маленькими шагами направляясь и к сверхзадаче роли, и к сверхзадаче спектакля. Все вместе продумывая, создавая форму спектакля, плавно переходя к репетициям на сцене в условиях декораций.

На занятиях в театральной студии «Эмоция» обязательно выслушиваются все предложения начинающих актеров, происходит проба того, что они предлагают. Ни в коем случае ничего не отвергается, наоборот, поощряется инициатива, вовлеченность и активность в совместной работе над спектаклем.

Театральная студия сближает подростков, ведь здесь они не только занимаются актерским мастерством и участвуют в спектакле, они проводят свой досуг, совместно изготавливая декорации к будущему спектаклю, собирают и мастерят своими руками необходимый реквизит, помогают в пошиве костюмов. Главное в работе с подростками – направить их энергию в правильное русло, увлечь их, «заразить» их материалом для того, чтобы им самим было интересно над ним работать.

Важным шагом в репетиционной работе является совместный анализ пьесы, когда руководитель вместе с детьми определяет тему, идею и главную

мысль автора. Размышляя и обдумывая ответы на вопросы, подростки развивают аналитические способности, умение высказывать свое мнение, аргументированно отстаивать свою точку зрения. В процессе обсуждения пьесы выявляется мировоззрение всех его участников, проявляется собственная позиция в отношении к различным конфликтным вопросам, а также их отношение к проблемным ситуациям, происходит столкновение мнений и суждений, они пересматривают старые и формируют новые убеждения.

Участники спектакля учатся управлять своим поведением, настроением, своими реакциями. Они учатся сопереживать друг другу. Радости и огорчения становятся общими, а успех одного становится успехом всех.

Литература

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб.: СОЮЗ, 1999. 224. с.
2. Выготский Л.С. Проблема возраста/Л.С. Выготский. Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т.4. М.: Педагогика, 1984. С. 244-268.
3. Золотницкий Д.И. Студийные течения в советской режиссуре 1920-1930-х годов. М., 1983.134 с.
4. Кнебель М.О. О действенном анализе пьесы и роли. М.: Искусство, 1982. 119 с.
5. Попов А.Д. Воспоминания и размышления о театре. М., 1963. 285 с.
6. Станиславский К.С. Собр. соч. в 8-ми томах. Т.6. М., 1959. 466 с.

ЧАСТЬ 2

СОБЕСЕДНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА

Работы 2017-2024 годов

Ольхов П.А.

РУССКАЯ МЫСЛЬ: АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ (ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Исследования отечественной мысли XVIII–XX вв. вполне разнообразны. В 20-е годы XXI столетия в них вполне дает себя знать исконный русский дух любопытства, основательности и познавательной отзывчивости, который с некоторой ясностью описывался уже Н.М. Карамзиным (Карамзин, 1964), но и теперь нисколько не исчез. Подобное исследуется подобным: нет никакой универсальной, обязательной к исполнению исследовательской «методы», напротив – переоткрываются прежде забытые или оставленные на периферии исторической памяти пути, направляющие нас к нашим историческим драгоценностям.

Увлекательно изыскивать антропологическую содержательность русской философии и, вместе, уточнять сложные маршруты «богословского человекословия», следуя методологическим ориентирам В.В. Зеньковского, или Г.В. Флоровского. Заманчиво апробировать познавательные установки Г.Г. Шпета, проектировавшего историю русской философии в идейном, сравнительно-энциклопедическом и эстетико-перформативном ключе. Весьма щедрым на новые исследовательские открытия может быть предствление русской философии как истории изобретений, в духе диалогического конструктивизма, как это происходило в работах И.И. Лапшина; мы располагаем и методологическими примерами Д.И. Чижевского, внимательного к истории гегелевской мысли в России, или Н.О. Лосского, рискнувшего некоторым метаисторическим образом трактовать вселенскость русского мышления (правда, во вполне исторической размерности наследия В.С. Соловьёва и всего того русского интуитивизма, который пытался утвердиться онтологически). А затяжной, длившийся почти весь XIX век методологический конфликт в области философии исторической науки, смысловыми, «магнитными» полюсами которого стали труды концептуально осторожного, патриотичного и диалогически чуткого Н.М. Карамзина и скептического «ругателя закоснелого» (Пушкин, 1947: 153) М.Т. Каченовского? А познавательный холизм шеллинговского образца, более ощущаемый в истории русской мысли, нежели отчётливо эксплицированный? Наметки почвенной, понимающей истории науки, литературы и литературно-философской критики, которые мы встречаем у А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова, их собеседников и последователей? А

историчность как конкретно-гуманитарный ориентир философии поступка М.М. Бахтина?..

Из множества вероятных методологических установок и, соответственно, исследовательских сценариев, уже разработанных или только намечаемых в современных историко-философских исследованиях, разумеется, стоит предпочесть наиболее убедительные – *избегая анахронизмов* и примеряясь к тому, что обуславливает *встречное понимание* прошлого русской мысли.

Во второй половине 90-х – первом десятилетии 2000-х годов, во время радикального преобразования Белгородского государственного университета и обретения им статуса национального исследовательского, здесь собрались представители разных философских школ России. В одном философском сообществе оказались порывистые, парадоксально склонные к коллективному нонконформизму *ростовские ученые* (среди которых наиболее деятельным и продуктивным стало присутствие В.П. Римского, его соратников С.М. Климовой, Т.И. Липич и А.Д. Майданского и др.), предельно аккуратные в своём критическом мышлении воспитанники *философского факультета МГУ* (Е.А. Кротков, Т.В. Носова и др.) и *СПбГУ* (Е.Н. Мотовникова), весьма чуткий ко всему новому выпускник МГУ Е.А. Антонов и т.д. Я представлял *школу философии и эпистемологии науки МПГУ* (Л.А. Микешиной, В.Л. Махлина и др.), тяготея при этом более всего к исследованию герменевтико-эпистемологических и антропологических проблем исторического знания. Впрочем, каждый из вновь прибывших ученых был человеком определенной биографии и круга сложившихся познавательных привычек. Своего рода «гением места», сплотившем столь различную философскую общественность, стал Н.Н. Страхов, русский мыслитель XIX столетия, потомственный белгородец и петербуржец по своей *alma mater* и основному месту жизни. История этого сплочения – всего еще достояние устных разговоров и не описана почти нигде; известно только, что о Н.Н. Стракове как мыслителе особого философского склада говорил тогда молодому учёному и коренному белгородцу Р.А. Лопину крупный петербургский исследователь страховского научно-философского наследия Н.П. Ильин; Лопин, в свою очередь, пересказал этот разговор Е.А. Антонову, В.П. Римскому и др. Следствием перекрытия философского имени знаменитого земляка стала организация периодических чтений памяти Н.Н. Страхова (или «Страховских чтений», как они первоначально назывались).

В полусотне километров от Белгорода располагается Харьков, бывший одним из крупнейших интеллектуальных центров СССР. В харьковском университете и в знаменитых своими редкими фондами харьковских библиотеках работал Л.Г. Фризман (один из ведущих советских специалистов по истории русской словесности первой половины и середины XIX в. (Фризман, 2012)); в белгородском университете многие годы продуктивно работали филологи харьковской университетской выделки, исследовавшие литературные процессы в России эпохи Н.Н. Страхова и в связи с ним. Среди

них, пожалуй, наиболее выразительными были труды З.Т. Прокопенко и её учеников, посвящавших себя памяти последователя Н.Н. Страхова – Ю.Н. Говорухи-Отрока, проницательного русского литературного критика из дворянского гнезда с. Таврово (белгородского пригорода) (См. напр.: Прокопенко, 2007). Белгородские Страховские чтения начинались с литературно-философским и антропологическим акцентом (появилась пионерская монография Е.А. Антонова (Антонов, 2007); к 10-м годам усилилось внимание к герменевтико-диалогическим началам мышления этого уникального «понимающего философа» России (первая моя статья, к которой я был побуждён С.М. Климовой и Т.Г. Щедриной (Ольхов, 2009);¹ затем монографии «Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв.», «Полемика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова» (Ольхов, 2011; Мотовникова, 2012)). Эта исследовательская тенденция во многом укрепилась благодаря исследованиям Е.Н. Мотовниковой, успешно защитившей первую в истории научных исследований докторскую диссертацию об органических и самобытных началах литературно-философских полемик Н.Н. Страхова). Во второй половине 10-х годов в философском сообществе НИУ «БелГУ» стал нарастать интерес к архивным материалам – рукописным фондам, сохраняющим труды и переписки Н.Н. Страхова; интенсифицировались библиобиографические исследования (во многом благодаря А.Г. Масалову), переписки и общее сотрудничество со всеми ведущими страхововедами – от Л. Гернштейн, автора первой в истории страхововедения монографии о Н.Н. Страхове (Gerstein, 1971), А. де Лазари (насколько знаю, первая его публикация о Н.Н. Страхове: (Lazari, 1986)), до Чжу Цзянгана, крупнейшего исследователя наследия Н.Н. Страхова в Китае (Чжу Цзяньган, 2015).

Повсюду и постоянно сказывалось рубежное положение университетского философского сообщества: его сплочение вокруг Н.Н. Страхова происходило в большом российском и международном пространстве, в тесной связи с ведущими учеными – историками русской философии и страхововедами из Москвы (М.А. Маслиным, М.И. Щербаковой, Т.Г. Щедриной, Д.Д. Сорокиной и др.), Санкт-Петербурга (Н.П. Ильиным, В.А. Фатеевым, А.В. Тоичкиной и др.), Перми (Н.В. Снетовой), коллегами из Китая (Чжу Цзянганом), Польши (А. де Лазари), США (Л. Гернштейн), Канады (А.А. Донсков) и др. Во второй половине 10-х – начале 20-х годов конференции памяти Н.Н. Страхова, прежде тематически и методологически собирательные, определились концептуально: стали масштабными *диалогическими форумами русской мысли и культуры*. Их основной исследовательской доминантой стала

¹ Пятью годами раньше вышло первое, малотиражное издание «Трагедии русской философии» Н.П. Ильина с главой о шести принципах понимания русской философии (Ильин, 2003: 177-195). Об этом издании я не знал, долгие годы работал со вторым, из которого эта глава была исключена; доступным текст первого издания стал при личных встречах и разговорах с Н.П. Ильиным, который подарил часть тиража первого издания студентам философского отделения НИУ «БелГУ» – вручил каждому при встрече на чтениях памяти Н.Н. Страхова в 2018 г.; несколько книг передано было Научной библиотеке имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ».

русская герменевтическая (почвенная, органическая) традиция, которая давала себя знать в различных областях русского познавательного творчества, и остро требовала актуализации – в связи с теми историческими пересмотрами национального наследия, которые приумножались в послесоветской истории. Вершинные имена мыслителей, символизирующие эту традицию, – Н.М. Карамзин, Н.В. Станкевич, В.И. Одоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк, М.М. Бахтин; особняком – крупнейшие Г.Г. Шпет, И.И. Лапшин, М.М. Пришвин и др. Большинство из них – в преемственном или прямо дружественном отношении друг к другу. Страхов числил себя учеником Григорьева; Розанов полагал себя единственным учеником Страхова; почтительными учениками Н.Н. Страхова стали Ю.Н. Говоруха-Отрок и Ф.Э. Шперк; рассуждал с П.А. Флоренским о Страхове В.В. Розанов и советовал читать труды Н.Н. Страхова М.М. Бахтин.

В 2017 году решением Ученого совета НИУ «БелГУ» был создан международный научно-исследовательский центр (МНИЦ) «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», который взял на себя основные организационные хлопоты – при активной поддержке отдела русской классической литературы Института мировой литературы РАН (заведовала отделом М.И. Щербакова), Института философии РАН и журнала «Вопросы философии» (Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина), Института русского языка и литературы РАН – Пушкинского дома (Е.И. Гончарова), белгородской Пушкинской библиотеки-музея и литературного музея Н.В. Станкевича в Мухомудеревке; познавательно щедры и гостеприимны были руководители и научные сотрудники Пушкинского заповедника, музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», государственного музея Л.Н. Толстого в Москве и др. Беспрецедентной была поддержка руководства университета, властей региона и фонда Президента Российской Федерации, хлопотавших о возрождении национальной культуры на белгородском историческом рубеже. Имя Н.Н. Страхова получила одна из новых улиц Белгорода и фундаментальная научная библиотека НИУ «БелГУ», в университете создана уникальная библиотека-музей Н.Н. Страхова и мн.др. Центр мало-помалу сплачивал ведущих отечественных и зарубежных историков русской мысли и культуры; но живым, бодрым его началом всегда была *университетская молодежь*. Основной структурой центра стала студенческая (открытая и для благожелательных вольнослушателей) *студия практической философии* – в наименьшей степени в смысле Р. Бренифьера; более всего – *в первичном классическом смысле, сильнейшим образом проявившимся в истории русского гуманитарного знания XIX столетия* (как комплекс этических, логико-эпистемологических, риторических и творчески конкретных историко-филологических учебных исследований). Студия содействовала развитию навыков *медленного, понимающего чтения* классических текстов («великих книг») мировой культуры и формировала своего рода школу *перечтения* и архивной герменевтики памятников русской словесности, трудов и переписок выдающихся русских мыслителей герменевтического склада. Участники этой студии приняли участие в

долговременных и краткосрочных научно-образовательных проектах – энциклопедическом семинаре «Социальное понимание» и междисциплинарном открытом семинаре «Онтология поэзии», работе экспериментальной группы «Герменевтика детства», проблемном семинаре «Философия и антропология права» и др. Значительным было участие членов студии, по большей части студентов кафедр философии и теологии и культурологии и политологии, в полевых семинарах в Ясной Поляне, Пушкинских горах, Воробьёвке, Мухомудеревке и др. крупных местах памяти русских мыслителей, близких Н.Н. Страхову.

Многие студенческие проекты оказались представлены в крупных, перспективных отчётных формах – выпускных и курсовых квалификационных работах, докладах на конференциях и т.д. К концу 10-х годов возникло предложение о подготовке *альманаха лучших студенческих работ*, выполненных в течение довольно бурных, первых лет истории студии, её становления, когда открывались новые темы – *на подступах* к основным, открытым вопросам русской герменевтической традиции. Альманах был приготовлен, но тревожные 20-е годы (пандемии коронавируса, интенсификации онлайн-форм обучения, иных неотменимых обстоятельств жизни университета на белгородском рубеже) мало способствовали публикации. Научно-организационная работа МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» теперь тоже приостановлена, приняла иные, мобильные формы. Но время публикации альманаха все же пришло: пусть он станет ясным *символом* начала той истории русской мысли, которую принялись писать молодые гуманитарии белгородского университетского мира – *белгородским родником*, который стремится напитать большую реку истории интеллектуальной культуры России, основательно, хотя и не без препятствий, текущей из нашего прошлого в наше будущее.

Материалы, публикуемые в первом разделе альманаха, методологически и тематически ориентированы на «долгий» XIX век; особенное внимание оказывается почвенной традиции в истории русской мысли, основанной на герменевтическом принципе возвратного, диалогического понимания.

Во втором разделе помещены материалы, приготовленные для научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Венок Пушкину: 1837-2017», состоявшейся в 2017 году НИУ «БелГУ» и Пушкинском музее-заповеднике. Сближение с пушкинским наследием было эмпирически конкретным и искренним; хочется думать, что это заметно в статьях участников конференции.

Третий раздел альманаха «От Древней Руси к постнеклассической культуре XXI века» – своего рода проба пера; здесь – тексты, в которых экспериментально сличаются культурные события Древней Руси с теми, которые предшествуют нашему времени.

Родиноведение – такова основная ценностно-смысловая ориентация этого альмаха. Речь здесь идёт, главным образом, о культурно-исторических практиках и абсолютных основаниях жизненного единства отечественного гуманитарного мышления, которое интенсивно переоткрывается в своем фактическом познавательном разнообразии и онтологической сплоченности. *Гуманитарное родиноведение, почему нет?*

Литература

1. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Стрхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород, 2007. 168 с.
2. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0330.shtml (дата обращения 15.05.2020).
3. Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Полемика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Стрхова. М.-Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 199 с.
4. Ольхов П.А. Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX-XXI вв. М.: Научная книга, 2011. 232 с.
5. Ольхов П.А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Стрхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132.
6. Прокопенко З.Т., Крупенков А.Н. Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово: из истории культурного наследия Белгородчины. Белгород : Издат. отд. Белгородской и Старооскольской епархии, 2007. 77 с.
7. Пушкин А. С. <На Каченовского>: ("Хаврониос! Ругатель закоснелый...") // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 153.
8. Фризман Л.Г. Уроки Стрхова. Харьков: Майдан, 2012. 188 с.
9. Чжу Цзяньган. Мышление антинигилиста (заметки о Н.Н. Стрхове) // Философские науки. 2015. № 3. С. 78-88.
10. Gerstein, L. Nikolai Strakhov. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; L.: Distributed by Oxford University Press, 1971. XI, 237 p.
11. Lazari, A. [Recensio] // Przegląd rusycystyczny. Łódź, 1986. Rocz. 8, z. 4. S. 114-116 (Рец. на кн.: Стрхов Н.Н. Литературная критика / сост. и вступ. ст. Н.Н. Скатова. М., 1984. 430 с.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ольхов Павел Анатольевич*, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; olkhov@bsu.edu.ru

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (ОПЫТ ЛЕТОПИСИ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА НИУ «БЕЛГУ»
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»)**

МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» был учрежден решением Учёного совета НИУ «БелГУ» в 2017 г. с целью продуктивной, проектной консолидации ведущих отечественных и зарубежных исследователей в актуальных методологических и проблемно-тематических областях истории интеллектуальной культуры. При этом особое внимание уделялось личностному сплочению студентов, молодых исследователей НИУ «БелГУ» в инновационном познавательном пространстве традиционных и современных гуманитарных наук – вокруг наставников, исследователей старших поколений, владеющих основами неявного, трудно формализуемого абстрактно или в рамках стандартных учебных заданий познавательного мастерства.

Постоянными организационными структурами центра стали исследовательская группа «Наследие Н.Н. Страхова» и молодёжные студии – практической философии и христианской антропологии и социального служения. Со временем студия христианской антропологии перешла в состав духовно-просветительского центра имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Студия практической философии стала ядерной научно-образовательной структурой: здесь получили развитие пропедевтические и проблемные семинары, экспериментальная группа, выездные полевые семинары и др.

В 2024 году деятельность центра была приостановлена, но история его вполне состоялась. Нижеследующее – своего рода летописный очерк, первый опыт сводной записи основных событий этой истории.

Предыстория: 2010-2017

Задолго до создания МНИЦ, в теперь уже далеком 2010 году состоялась первая поездка преподавателей и студентов кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» в с. Мухоудеровка Алексеевского района Белгородской области в историко-литературный музей Н.В. Станкевича на *выездной полевой семинар «Русская герменевтика: белгородско-курский круг современников и собеседников Н.Н. Страхова»*. В ходе семинара студенты познакомились с историей музея, который до 1990 года был земской школой, построенной согласно завещанию друга и учителя Н.В. Станкевича Я.М. Неверова в 1908 г., посетили семейное кладбище, часовню и липовую аллею Станкевичей. Уникальный историко-литературный музей в Мухоудеровке оказался мемориальным триптихом: в нём сохраняется память не только о Н.В. Станкевиче, здешнем уроженце, основателе литературно-философского кружка (в который входили В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, К.С. Аксаков и др.) и одном из самых искренних мыслителей

России XIX в., – Мухомудеревка еще и родина знаменитого пушкинского цензора, собеседника многих великих русских мыслителей, действительного члена Петербургской Академии наук А.В. Никитенко. Третьим в этом удивительном мемориале был Кришьянис Баронс, крупнейший фольклорист, собиратель данов – четверостиший латышского народа, подобных русским поговоркам, – «латышский Даль», как его называли; в течение почти тридцати лет он служил домашним учителем в семье Станкевичей. В начале 1990-х годов Россия поддержала инициативу Латвии по увековечению памяти латышского мыслителя и таким образом образовался уникальный международный музей, в которой сплотилась память о трех значительных деятелях отечественной и зарубежной интеллектуальной культуры прошлого.

П.А. Ольхов, Е.Ю. Чистякова у надгробного памятника Н.В. Станкевичу

Участники этой поездки получили не только незабываемые впечатления, но и немалый символический капитал – стимул для создания системного научно-исследовательского и образовательного центра в Белгородском государственном университете, одном из крупнейших вузов России. Будущие сотрудники МНИЦ были вовлечены в этот период во множество проектов: автор базового проекта МНИЦ П.А. Ольхов в это время подготовил к защите и защитил докторскую диссертацию, посвященную диалогическим структурам исторического знания (где нашлось место великим русским мыслителям – уроженцам Белгородчины); активный участник МНИЦ, со временем руководитель исследовательской группы МНИЦ «Наследие Н.Н. Страхова» Е.Н. Мотовникова подготовила и защитила первую в России докторскую диссертацию по философскому наследию Н.Н. Страхова. Мне со временем пришлось руководить студией практической

философии, а в эти годы я защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, посвященную общим и национальным ценностно-мировоззренческим практик.

Немаловажную роль в становлении МНИЦ сыграла периодическая научная конференция – «Страховские чтения» (или «Чтения памяти Н.Н. Страхова», как они теперь называются).

Делегация участников конференции «Венок Пушкину: 1837-2017» у памятника А.С. Пушкина в Пушкинских горах. В первом ряду (слева направо): неустановленный участник, А.Е. Борисова, А.А. Михайлова, Н.А. Рощупкина, О.И. Нифонтова, П.С. Альбоций, Ю.В. Альбоцкая, Ю.С. Кириченко, М.И. Саенко, П.А. Ольхов, С. В. Мёд, Е.Ю. Чистякова, А.И. Постникова, И.О. Алексеева. Во втором ряду (слева направо): Цзя Юйюй, Ю.В. Ковалевская, В.В. Евсеенко, Н.Ю. Подгорная, С.С. Борисов, И.В. Бардыкова, М.Ю. Ширманова, Т.И. Нарожный, Д.К. Сергиенко, В.В. Малышева, В.В. Васковский

Весной 2017 года состоялась оригинальная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Венок Пушкину: 1837-2017». Конференция проводилась в связи со 180-летием со дня гибели великого русского гения и явилась уникальным междисциплинарным проектом нашего университета, подготовленным и выполненным в рамках нового, гуманитарного приоритетного направления развития НИУ «БелГУ». В международный организационный комитет конференции были приглашены ведущие ученые России; председателем оргкомитета являлся ректор НИУ «БелГУ» О.Н. Полухин, сопредседателем – Г.Н. Василевич, лауреат Государственной премии РФ, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, директор Пушкинского Заповедника. В организации и подготовке конференции принимали участие члены Ученого совета – директор

и деканы факультетов Педагогического института, социально-теологического факультета и факультета журналистики, руководители и ведущие ученые кафедр филологии, философии и теологии и др.

Конференция проходила в три конкурсных этапа: чтение избранного стихотворения А.С. Пушкина, написание эссе по мотивам его произведений и представление научно-исследовательской статьи. По результатам конкурсного отбора группа преподавателей, магистрантов и студентов была направлена в Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» для проведения завершающего заседания конференции.

Комплексный характер выездного заседания конференции позволил ее участникам ознакомиться с научно-образовательными экскурсионными программами Пушкинского Заповедника, прочитать избранные произведения А.С. Пушкина в классной комнате Тригорского – той самой, в которой их когда-то читал поэт, и выступить с докладами на проблемном круглом столе, в котором принимал участие Г.Н. Василевич и ведущие научные сотрудники музея-заповедника, известные в России и во всем мире. В интенсивном диалоге с директором и сотрудниками Пушкинского заповедника были сформулированы и обозначены перспективы и проекты научно-исследовательского, культурно-воспитательного и социального сотрудничества со студентами и преподавателями НИУ «БелГУ».

Инициативы 2017-2018 гг.

В первый 2017-2018 учебный год существования МНИЦ в рамках студии практической философии на постоянной основе были организованы и проводились на постоянной основе проводились открытый семинар «Социальное понимание» (П.А. Ольхов), просеминар «Практическая логика» (Е.Н. Мотовникова), в марте 2018 года список пополнил семинар «Политическая философия» (Н.Н. Тинус); тогда же начала работу экспериментальная группа студии «Философия детства» (Е.Ю. Чистякова),

В сентябре 2017 года состоялся второй выездной *полевой семинар «Русская герменевтика: белгородско-курский круг современников и собеседников Н.Н. Страхова»* в историко-литературном музее Н.В. Станкевича.

В ноябре 2017 года участники студии отпраздновали *Всемирный день философии* необычным образом. В первой части «философского капустника» студенты направления «философия» исполнили ироничные произведения Бориса Слуцкого, Жана-Батиста Мольера, Иосифа Бродского о философах, вторая же часть состояла из поздравлений со стороны гостей мероприятия. Неравнодушных ко Дню философии оказалось так много, что поздравления не удалось уместить и в 2 часа. Открыл поздравления гостей мероприятия доктор филологических наук В.В. Липич, который провел параллель между русской философией и литературой. Доцент кафедры романо-германской филологии И.Л. Кучерова обратилась к французскому слову, интерпретируя образ философа в песне *Sous le ciel de Paris*. Сказковед К.С. Шаревич присоединилась к поздравлениям с речью о том, что каждый из нас немножко философ. Своей игрой на гуслях удивляла

научный сотрудник БГМНК И.В. Шведова. Заведующий кафедрой струнно-смычковых инструментов БГИИК В.В. Ларчиков вместе со своими студентами поражал пронзительной игрой на виолончели. Пуститься в пляс заставили своим народным пением студенты БГИИК под руководством доц. С.П. Коноваленко. Поздравить философов пришли также студенты направления «теология», «социальная работа», «социология» и «журналистика». После официальной части состоялась презентация книг, подаренных кафедре философии и теологии белгородским поэтом В.Н. Черкесовым.

В декабре 2017 года руководитель экспериментальной лаборатории сказкотерапии, сказковед, сказкотерапевт-практик, член международного союза сказкотерапевтов К.С. Шаревич провела три тура игры *«Рыцари круглого стола»* для участников студии. В процессе игры каждый участник смог примерить на себя один из восьми мужских архетипов, столкнуться со сказочными испытаниями, в которые «завернуты» некоторые вызовы повседневности, посмотреть, как с ними справляются товарищи, а так же получить заряд положительных эмоций и интересный опыт.

31 марта 2018 экспериментальная группа «Философия детства» Студии практической философии НИУ «БелГУ» была приглашена в Белгородский государственный театр кукол на премьеру спектакля для взрослых *«Грешневая каша»* по пьесе Л.И. Шевцовой в постановке заслуженного деятеля искусств Республики Беларусь В.И. Климчука.

Участие в интеллектуальной игре «Аргументариум» Белгород-Пермь.

Слева направо: Д.В. Апатенко, В.А. Асташенков,
В.В. Евсеев, Д.К. Сергиенко, Е.Ю. Чистякова

В университетскую Неделю науки – 2018, 13 апреля состоялся *методологический просеминар «Моя первая курсовая работа (трудные вопросы)»*, а 16 апреля 2018 года состоялись *межуниверситетская интеллектуальная онлайн-игра «Аргументариум»* со студентами Пермской государственной фармацевтической академии. Главная цель игры заключалась в том, чтобы участники показали умение грамотно формулировать и аргументировать свою позицию в отношении того или иного философского вопроса/проблемы/позиции с помощью 40 карточек, на которых написаны различные понятия.

6 июня 2018 года вышла телепередача *«Страницы истории»* на ГТРК «Белгород» с П.А. Ольховым *«Беседы о Страхове»*.

2018-2019 учебный год

В 2018-2019 учебном году в СПФ на постоянной основе проводились: семинары *«Социальное понимание (герменевтика и антропология социального действия)»* (П.А. Ольхов) и *«Классическая политическая философия»* (Н.Н. Тинус), просеминар *«Φιλοσοφία – практическое введение в древнегреческий язык»* (Е.Ю. Чистякова), экспериментальная группа *«Философия детства: основы детского мышления и социальной коммуникации»* (Е.Ю. Чистякова).

4 октября 2018 года для новых участников студии состоялся очередной выездной *полевой семинар «Русская герменевтика: белгородско-курский круг современников и собеседников Н.Н. Страхова»* в историко-литературном музее Н.В. Станкевича.

19 октября 2018 участники студии выступили в Пушкинской библиотеке-музее на литературно-музыкальном вечере, посвященном 207-летию со дня открытия Царскосельского Лицея с эссе-докладом *“Бывают странные сближения...”*.

16 ноября 2018 года отпраздновали Всемирный день философии философским капустником *«Дело – в шляпе, или сон одного нашего общего знакомого накануне Всемирного дня философии»*.

С 21 по 23 ноября 2018 проходила Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) *«VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек»*, приуроченная к 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова. Первое пленарное заседание состоялось в зале заседаний Ученого совета (НИУ «БелГУ», 12 корпус, 10 этаж). Конференцию открыло приветственное слово ректора НИУ «БелГУ» О.Н. Полухина. Также с приветственной речью выступили директор ГБУК «Белгородский государственный литературный музей» И.А. Климова, начальник управления по делам архивов Белгородской области П.Ю. Субботин, директор ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека» Н.П. Рожкова.

Выступление докладчиков началось с В.А. Монастыревой, которая является директором Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», заслуженным работником культуры Российской Федерации. В своем докладе Валентина Анатольевна рассказала об истории возникновения музея и теперешнего его состояния.

Участники конференции «VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек» в музее-библиотеке имени Н.Н. Страхова.

В первом ряду (слева направо): неустановленный участник, Е.И. Шило, П.А. Ольхов, В.А. Фатеев, И.Ф. Салманова. Во втором ряду: (слева направо): К.В. Месяц, неустановленный участник, неустановленный участник, М.М. Шибаева

Важным событием конференции стала презентация альбома-биографии «Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь. Начало», которую провел П.А. Ольхов. Прежде чем альбом стал доступен читателям, большую работу проделали его авторы: Полухин О.Н, Щербакова М.И., Ольхов П.А., Мотовникова Е.Н., Сорокина Д.Д., Масалов А.Г.

Также с докладами выступили гости конференции – М.И. Щербакова, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва); Н.П. Ильин, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета (Санкт-Петербург); В.А. Фатеев, историк литературы, переводчик (Санкт-Петербург).

Конференция продолжилась в здании Социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) Института общественных наук и массовых коммуникаций, в котором расположена музей-библиотека имени Н.Н. Страхова. Здесь были рассмотрена и обсуждены доклады М.М. Шибаевой (Москва); Д.Д. Сорокиной, (Москва), Е.Н. Мотовниковой (Белгород).

Второе пленарное заседание прошло 22 ноября 2018 года в библиотеке-музее имени Н.Н. Страхова. На нем были рассмотрены доклады А.В. Тоичкиной (Санкт-Петербург), И.Ф. Салмановой (Белгород), А.Г. Масалова (Белгород), профессора Сучжоуского университета (провинция

Цзянсу, КНР) Чжу Цзянгана, уникального для китайской культуры исследователя творчества и жизни Н.Н. Страхова.

Также состоялась презентация выставки Научной библиотеки НИУ «БелГУ» к 190-летию Н.Н. Страхова «Стать с веком наравне», которую провел А.Г. Масалов. На выставке представлены труды Н.Н. Страхова, напечатанные еще при его жизни, стенды о литературном окружении Страхова, стенды об исследователях личности белгородского философа и его деятельности, собрание документов-фотографий, скульптуры и многое другое. Продолжилась конференция заседанием на тему «Формирование фондов, хранение и доступ к архивным материалам, музейным и редким коллекциям; организация удаленного доступа к библиотечным ресурсам».

Во второй день конференции состоялась секция «AD MEMORIAM. Наследие Н.Н. Страхова и концепты исторической памяти». В третий, завершающий конференцию день, состоялся полевой семинар – выездное пленарное заседание «Гуманитарное музееведение: опыт работы с персональными фондами, интерактивные образовательные практики». Сначала участники конференции объехали памятные места города, связанные с периодом жизни Н.Н. Страхова в Белгороде. Затем экскурсионный автобус отправился в с. Таврово, где вниманию собравшихся были представлены ландшафты усадьбы Ю.Н. Говоруха-Отрока – позднего ученика Н.Н. Страхова, было осуществлено посещение Тавровской поселенческой библиотеки имени Ю.Н. Говоруха-Отрока. Н.А. Титова, заведующая библиотекой, рассказала посетителям об истории села и о месте рода Говоруха-Отроков в данном селе – в библиотеке находится постоянная выставка, посвященная данным темам.

Следующим местом в программе семинара был Музей М.С. Щепкина в с. Алексеевка Яковлевского района. Работники музея радушно приняли гостей, угостили их вкусной едой, напоили горячим чаем, который хоть и в столь солнечный, но морозный день, был необходим приезжим. Экскурсовод музея провела увлекательную и необычайно живую экскурсию по всем его экспозициям. Здесь же, за круглым столом было проведено слушание докладов О.В. Коровиной (научный сотрудник МБУК ЦБС «Пушкинская библиотека-музей» (Белгород)) и Т.Е. Сафоновой (заведующая научно-просветительным отделом ГБУК «Белгородский государственный историко-краеведческий музей» (Белгород)).

По окончании выступления докладчиков, директор музея В.М. Харченко поблагодарил участников конференции за посещение музея и каждому из присутствующих подарил на память сувениры с символикой музея.

На заключительном заседании участники конференции обменялись прощальными словами и благодарностями, подвели итоги трех дней, кратко обсудили ближайшие культурно-просветительские планы.

6 декабря 2018 года в рамках Международной научной конференции-телемоста «Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы» (6-8 декабря 2018 года) состоялся круглый стол-телемост, в котором участвовали Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт философии РАН, журнал «Вопросы философии», Институт общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»,

В процессе проведения круглого стола-телемоста состоялся обмен опытом по проблемам понимания в актуальных контекстах логики, эпистемологии гуманитарного знания и онтологии человека; стратегии и практики герменевтической реконструкции в русской философии; парадигмальных ориентаций и программы русской герменевтики XIX–XXI вв. Обсуждались результаты исследований ведущих ученых в области гуманитарных исследований герменевтической традиции.

Участники конференции «VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек» у музея М.С. Щепкина.

В первом ряду (слева направо): А.В. Алифанова, неустановленный участник, А.А. Михайлова, Н.П. Ильин, П.А. Ольхов, М.И. Щербакова, неустановленный участник, П.С. Альбоций. Во втором ряду: (слева направо): А.В. Винграновская, неустановленный участник, Е.Н. Мотовникова, О.В. Коровина, В.А. Фатеев, неустановленный участник А.В. Тоичкина, ФИО. В третьем ряду: (слева направо): Д.В. Евдокимова, У.Д. Давыдова, М.А. Мухортова, Ю.В. Ковалевская, Р.И. Мартынов, Д.К. Сергиенко, Ю.А. Плужникова, А.В. Колесников, А.Е. Борисова, А.Г. Масалов, Д.В. Апатенко, неустановленный участник

Участниками круглого стола были: Б.И. Пружинин (модератор, «Вопросы философии»), Л.А. Микешина (МПГУ), В.В. Миронов (МГУ), Д. Миронова (МГУ), В.Г. Кузнецов (МГУ), А.П. Козырев (МГУ), И.Н. Грифцова (МПГУ), Т.Г. Щедрина (МПГУ, «Вопросы философии»), В.Л. Махлин (МПГУ), Е.Н. Мотовникова (НИУ «БелГУ»), П.А. Ольхов (НИУ «БелГУ»), А.А. Грякалов (РГПУ им. Герцена), В.П. Римский (НИУ «БелГУ»).

7 декабря 2018 года на базе Социально-теологического факультета НИУ «БелГУ» состоялось очное заседание участников конференции. С приветственным словом выступили директор Института общественных наук и массовых коммуникаций, доктор философских наук, профессор С.Н. Борисов и заслуженный работник культуры РФ, директор научной библиотеки им. Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ» В.А. Монастырева.

На заседании Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедриной была проведена мастер-класс-презентация «История русской философии: проблемы реконструкции и понимания». Ученые представили участникам заседания книжную серию «Философия России первой половины 20в.» (27 т.), собрание сочинений Шпета (12 т.), некоторые монографические издания. Часть представленных книг гости из столицы подарили Научной библиотеке им. Н.Н. Страхова. Борис Исаевич рассказал историю создания и развития журнала «Вопросы философии», а Татьяна Геннадьевна показала, как непросто иногда работать с архивными материалами.

После перерыва участникам конференции было предложено разделить по тематикам на круглые столы и таким образом продолжить конференцию.

Состоялись три круглых стола: «Философия мировоззрения: герменевтика альтернатив», «Диалогическое мышление: экзистенциальные измерения и герменевтика сакрального», «Социальная герменевтика: русская литературно-философская мысль в контекстах культурной и исторической антропологии», в которых приняли участие ведущие ученые со всей России.

Конференция «Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы». В первом ряду слева направо: Б.И. Пружинин, П.А. Ольхов, Е.Н. Мотовникова. Во втором ряду (слева направо): А.А. Михайлова, В.В. Васковский, А.А. Бондарев

Во время проведения круглых столов, в Педагогическом институте НИУ «БелГУ» состоялось представление Научного совета по философии образования и проблемам методологии исследований в образовании при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования (РАО) и Институте стратегии развития образования РАО. Участниками встречи были Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, П.А. Ольхов, В.Б. Тарабаева, И.Т. Шатохин, деканы и заведующие кафедрами, ведущие ученые Педагогического института.

8 декабря 2018 года, в завершающий день конференции, состоялась встреча философов Белгорода и всех желающих с главным редактором журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружининым и с редактором этого же журнала – Т.Г. Щедриной. Встреча прошла неформальной обстановке, состоялся продуктивный разговор о положении философии в современной России. Редакторы журнала поделились планами развития журнала и ответили на все вопросы, которые возникли у участников конференции за эти три дня.

13 февраля 2019 года в рамках проекта «Лекторий@minprosvet» П.А. Ольхов прочитал лекцию на тему «*Что такое философия?*», которая была адресована тем, кто впервые приступает к знакомству с этой старинной интеллектуальной практикой, или тем, кто хотел бы уточнить уже накопленные схемы или предрассудки в отношении философии, исходя из другого, нефилософского познавательного опыта.

С 5 по 7 марта 2019 года в рамках студии практической философии проходил первый *марафон медленного чтения легендарного романа Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот»*, проводил его П.А. Ольхов.

20 марта 2019 студия практической философии приняла участие в мероприятии литературно-философского клуба «По средам у Н.Н. Страхова». Встреча состоялась накануне Всемирного дня поэзии (21 марта) и была приурочена к 75-летию окончания Великой Отечественной войны, в связи с чем мероприятие получило название «*Поэзия и война. Памятное*». А 22 марта это событие было освещено выступлением участников студии в университетском эфире радиопередачи «Гусиные беседы». С 20 апреля стартовал проект радиопередачи А. Воскобойниковой «Гусь и философия» при участии студии практической философии.

28 марта 2019 года некоторым из представителей студии практической философии посчастливилось присутствовать на выступлении профессора Оксфордского университета А.Л. Зорина «*Улыбка Наташи Ростовской: интертекстуальное и автобиографическое в “Войне и мире” Л.Н. Толстого*».

5 апреля 2019 года в студии практической философии состоялась лекция магистра культурологии А.О. Кучеровой «*Древнеэллинский симпозиум: общие художественно-культурные отличия и некоторые особенности организации*».

10 апреля 2019 года состоялся теоретический семинар профессора систематического богословия Питтсбургской богословской семинарии (Пенсильвания, США) Джона П. Берджесса «*Энциклопедическое наследие о. Павла Флоренского: актуальные подходы и практики интерпретации*». С основным докладом: «Святость и свобода в трудах о. Павла Флоренского»

выступил Дж. Берджесс. В качестве содокладчиков выступили П.А. Ольхов, Е.Н. Мотовникова на тему «Зеркало сочувствия: образ Н.Н. Страхова в переписке о. Павла Флоренского и В.В. Розанова».

Участники студенческого симпозиума «Философия общения: ценностные приоритеты, коммуникативные структуры, индивидуации» (слева направо): А.Д. Майданский, С.С. Купчиев, В.В. Васковский, Е.Н. Мотовникова, А.А. Михайлова, П.А. Ольхов, Е.Ю. Чистякова, Д.В. Евдокимова, Р.И. Мартынов, Ю.В. Ковалевская, У.Д. Давыдова, Ю.А. Плужникова, А.Е. Борисова, И.А. Майданская.

11 апреля 2019 года в рамках *Недели науки – 2019* состоялся первый студенческий симпозиум «Философия общения: ценностные приоритеты, коммуникативные структуры, индивидуации», а 15 апреля состоялся второй студенческий симпозиум «Философское самосознание в России: от древнерусского мира к интеллектуальным практикам XVII-XVIII вв.»

В 2019-2020 учебном году в студии практической философии на постоянной основе проводились: проблемный семинар «Антропология искусства: герменевтика исторических парадигм и практик» (П.А. Ольхов), семинар «Антропология детства и герменевтика детской литературы» (Е.Ю. Чистякова) и «Русская философия права» (А.А. Бондарев), просеминары «*Vivère est cogitare* – практическое введение в латинский язык» и «*Φιλοσοφία* – практическое введение в древнегреческий язык» (Е.Ю. Чистякова).

2019-2020 учебный год

21 сентября 2019 года представители МНИЦ, студии практической философии приняли участие в ежегодном фестивале «*Удереvский листопад*»,

посвященном Н.В. Станкевичу – поэту, философу, основателю именного петербургского философского кружка. Посещение фестиваля было совмещено с проведением ежегодного выездного полевого семинара студии «Русская герменевтика, XIX столетие: белгородский круг современников и собеседников» (на базе историко-литературного музея Н.В. Станкевича, территории усадьбы и мемориала).

С 29 сентября по 12 октября 2019 года проходила *стажировка членов студии практической философии* в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Российской академии наук. В на протяжении проблемно-ориентированной выездной исследовательской недели, которая была впервые организована в студии практической философии и СНО НИУ «БелГУ», ими была проделана большая архивная работа с рукописными материалами русских мыслителей XVIII и XIX века: Н.И. Надеждина, Я.П. Полонского, А.Ф. Кони и А.Т. Болотова. Помимо архивов Пушкинского дома, участникам исследовательской группы удалось поработать с редкими документами и изданиями из фондов Российской национальной библиотеки, в том числе с литературно-философскими журналами XVIII – XIX вв. и рукописными архивными материалами. Участниками уникальной исследовательской поездки были найдены неопубликованные материалы, которые послужат серьезным основанием для долговременной исследовательской работы студентов, студии и МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». Результаты поездки освещались в выпуске радиопередачи «Час пик» ГТРК «Белгород» от 31 октября.

26-27 декабря 2019 года состоялся семинар медленного чтения «Винни-Пуха» Алана Милна в цикле *«Герменевтика детской литературы: преемственное и неповторимое в переводах авторских повествований»*. Участники студии сопоставили переводы Б.В. Заходера и В.П. Руднева, познакомились с историей создания знаменитого детского произведения, окунулись в языковую игру, сравнивая переводы с оригиналом, узнали как можно интерпретировать «Винни-Пуха» в ключе аналитической философии и психоанализа.

10 февраля 2020 года в редакции журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» состоялся круглый стол ведущих и молодых ученых международного научно-исследовательского центра «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (студии практической философии и христианской антропологии и социального служения) *«Опять Пелевин, опять Уэльбек? Первые двадцать лет XXI столетия»*. В ходе работы круглого стола прозвучали инициативные выступления С.А. Колесникова (Белгород) «Пелевин как зеркало зеркал: опыты бесконечного вопрошания...»; Е.Н. Мотовниковой (Белгород) «„Великие традиции“ русской философии в творчестве Виктора Пелевина»; О.А. Федосюк (Москва) «Дуглас Коупленд и Виктор Пелевин: транскультурные перелеты в поисках идентичности»; П.А. Ольхова «Мизерное “т” (Пелевин): опыт расколдовывания»; Е.Г. Тихомировой (Ростов-на-Дону), «Множественные реальности и женская тема в “буддизме” Пелевина»; Е.В. Шерстюковой «О нарративе, писательстве и еще о многом другом в романе В. Пелевина “Т”» и др.

Второй цикл круглого стола содержал инициативные выступления Е.Ю. Чистяковой «Трансформация образов утопии в романах Мишеля Уэльбека: от трансгуманизма к традиционализму», А.Г. Масалова «Славянский Уэльбек. Опыт книговедческого комментария»; К.В. Загородневой «Рецепция русской классики в произведениях Мишеля Уэльбека». Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования».

21 февраля 2020 года в студии практической философии прошел семинар *«Последние дни Иммануила Канта: грезы и свидетельства Томаса де Квинси, Филиппа Коллана и Альфонсо Састре»*, на котором обсуждали одноименную пьесу.

Участники радиопередачи «Нескучная философия» ГТРК «Белгород» (слева направо):
П.И. Быкова, С.С. Купчиев, Е.Ю. Чистякова, П.А. Ольхов

В мае 2020 года начался цикл передач на радио ГТРК «Белгород» *«Нескучная философия»* Полины Быковой с участниками и руководителями семинаров студии практической философии: П.А. Ольховым, Е.Н. Мотовниковой, Е.Ю., С.Н. Борисовым, Чистяковой, А.А. Бондаревым, Н.Н. Тинусом, А.В. Устиновым, Ю. Полежаевой. Были записаны радиопередачи следующие радиопередачи:

12 мая 2020 года – выпуск 1 «Практическая философия»;

19 мая 2020 года – выпуск 2 «Этика»;

1 июня 2020 года – выпуск 3 «Логика как составляющая философских знаний»;

30 июня 2020 года – выпуск 4 «Справедливость»;

23 июля 2020 года – выпуск 5 «Моральная экономика»;

19 августа 2020 года – выпуск 6 «Философия любви»;

31 августа 2020 года – выпуск 7 «Философия насилия»;
18 сентября 2020 года – выпуск 8 «Философия театра»;
2 ноября 2020 года – выпуск 9 «Философия детства»;
23 ноября 2020 года – выпуск 10 «Человек и пандемия»;
2 декабря 2020 года – выпуск 11 «Трансгуманизм»;
21 декабря 2020 года – выпуск 12 «Общество потребления»;
5 апреля 2021 года – выпуск 13 «Бюрократия»;
28 апреля 2021 года – выпуск 14 «Философия медиа в контексте пандемии COVID-19»;

13 мая 2021 года – выпуск 15 «Рынок труда будущего».

В рамках проекта «Лекторий@minprosvet» 17 июня 2020 Е.Н. Мотовникова прочитала лекцию «*Основные законы логики*». Универсальные принципы правильного мышления рассматривались как всеобщие критерии логичности рассуждений – исследовательских и аргументирующих, точных формализованных и гуманитарных, научных и бытовых.

2020-2021 учебный год

В 2020-2021 учебном году в СПФ на постоянной основе проводились: семинар медленного чтения «Великие книги (древние цивилизации)» и междисциплинарный семинар «Онтология поэзии: звуки, высказывания, встречные смыслы» (П.А. Ольхов), проблемный семинар «Философия права: перспективные исследовательские программы и технологии» (А.А. Бондарев).

27 августа 2020 года Международный научно-исследовательский центр «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» отметил 250-летний юбилей Гегеля тематическим симпозиумом «*Гегель в России: стратегии и практики интерпретации*». Мероприятие приветственным словом открыли С.Н. Борисов – директор института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», Т.И. Липич – заведующая кафедрой философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», П.А. Ольхов – руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» института общественных наук и массовых коммуникаций главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования», доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ».

С докладами выступили ведущие ученые белгородских университетов: Е.Н. Мотовникова, А.Д. Майданский, Е.Ю. Чистякова, С.А. Колесников. Дистанционно присутствовали коллеги из Санкт-Петербурга и Москвы: А.Н. Муравьев, А. Иваненко и Д.Э. Гаспарян, а также ученый из Австралии Andy Blunden.

5 сентября 2020 года состоялась поездка малой исследовательской группы в музей «Усадьба А.А. Фета» в год 200-летия А.А. Фета – русского поэта и переводчика XIX века, близким другом и литературным советчиком которого был Н.Н. Страхов. В их переписке обсуждались многие философские, творческие и личные вопросы. Он помогал Фету с переводом книги

А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», а в конфликте с Толстым пытался сгладить противоречия.

Участники экспедиции в мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”» (слева направо): А.Г. Масалов, П.А. Ольхов, Г.В. Алексеева, Е.Ю. Чистякова, А.А. Михайлова, А.А. Бондарев, Е.Н. Мотовникова

С 25 по 27 сентября 2020 года участники исследовательской группы по изучению жизни и творческого наследия Николая Страхова – ведущие учёные НИУ «БелГУ» предприняли краткосрочную научно-организационную и исследовательскую экспедицию в мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”» (Тульская область). Это была первая поездка белгородских учёных к месту памяти и многочисленных встреч Н.Н. Страхова, гостившего в усадьбе, с Л.Н. Толстым и его окружением.

Участниками поездки стали: П.А. Ольхов, Е.Н. Мотовникова, Е.Ю. Чистякова, А.Г. Масалов, обучающиеся кафедры философии и теологии: аспирантка Ольга Коровина, студентки Анна Михайлова и Валерия Нефедова.

В ходе беседы с сотрудниками были определены перспективы сотрудничества музея и исследовательской группы, обнаружились новые возможности исследования истории русской мысли на территории Белгородской области. Выездная группа познакомилась с входящими в состав усадьбы зданиями, их интерьерами, аллеями и садами, купальней на реке Воронка, в которую Л.Н. Толстой водил Н.Н. Страхова.

Международная научная конференция – IX чтения памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» проходила с 17 по 19 декабря 2020 года.

Конференция организована в сотрудничестве с Институтом философии РАН, Институтом мировой литературы РАН, Институтом русской литературы (Пушкинским домом) РАН, журналом «Вопросы философии». В этом году традиционная конференция прошла в онлайн формате.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Б.И. Пружинин – главный научный сотрудник ИФ РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии» (Москва).

Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН А.А. Гусейнов в своем приветствии отметил, что в академической среде сейчас происходит смена поколений, Шестидесятники уходят, оставляя своих учеников, в чем проявляется линия линии преемственности. Приветствовала участников конференции М.И. Щербакова – заведующая отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва). Она отметила, что в современных социально-гуманитарных исследованиях особую актуальность приобретает изучение наследие Н.Н. Страхова.

Крупным событием первого дня конференции стал мемориальный коллоквиум «Философ на границах понимания: разговор, письмо, молчание». В коллоквиуме приняли участие научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, А.А. Гусейнов, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, Ю.В. Синеокая (Москва), ректор белорусского государственного университета Андрей Король (Республика Беларусь, Минск), В.П. Римский, П.А. Ольхов (Белгород). В Страховских чтения впервые приняло участие такое количество именитых персон в области философии.

Первое пленарное заседание «Русское самосознание XIX – начала XX вв.: ценностные установки и герменевтические структуры» вела заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» д.филос.н., проф. Т.И. Липич. Профессор кафедры русского языка и русской литературы, почетный профессор НИУ «БелГУ» В.К. Харченко выступила с докладом о гносеологической культуре нации в философии Н.Н. Страхова. Профессор кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», Почетный работник высшего профессионального образования РФ В.В. Липич рассмотрел диалектику поэтической рефлексии в художественной философии А.С. Пушкина. Профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛПГУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) Д.А. Беляев в своем выступлении рассмотрел литературно-художественные и философские рецепции идеи сверхчеловека в отечественном интеллектуальном дискурсе XIX – начала XX веков. Профессор систематического богословия Питтсбургской богословской семинарии (Пенсильвания, США) Джон Берджесс по материалам переписки осветил вопрос смысла жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми. Директор музея истории НИУ «БелГУ» (Белгород) И.В. Денисова на примере создания юбилейной экспозиции в музее истории НИУ «БелГУ» затронула проблему реконструкции биографии директора Старооскольского учительского института с 1944 года по 1951 год Д.Г. Прокофьевича.

Во второй день конференции прошла презентация уникальной книги В.А. Фатеева «Н.Н. Страхов. Личность. Творчество. Эпоха», два пленарных заседания «Н.Н. Страхов и его современники в истории отечественной и зарубежной мысли: исследовательские приоритеты и актуальные издательские программы» и «Смысловое пространство русской словесности: толкования и концептуальные проекции». Во второй половине дня прошла работа четырех секций «Практическая философия и герменевтическая традиция в истории русской интеллектуальной культуры: рецепции и репрезентации XIX столетия», «Социальная память, личность и история: перипетии XIX–XXI вв.», «Университет, библиотека, музей: культурно-исторические взаимодействия» и «Социальная и теологическая герменевтика: христианская антропология и социальное служение».

Конференция завершилась мемориальным заседанием, приуроченным к 200-летию со дня рождения А.А. Шеншина (Фета) «Вместе с А.А. Фетом: встречи, сотрудничество, переписка Л.Н. Толстого, Я.П. Полонского, Н.Н. Страхова».

20 апреля 2021 года состоялся первый день работы *Недели Науки – 2021* студии практической философии МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» и СНО НИУ «БелГУ». Основным его содержанием был учебно-исследовательский марафон студентов первого курса – Лаборатория медленного чтения «Затерянная рукопись», руководство которой осуществлял П.А. Ольхов.

Участники Лаборатории медленного чтения «Затерянная рукопись» (слева направо):
А. Подкорытова, Р.М. Попеску, О.В. Козак, Л.Е. Кускова.

Участниками стали студенты группы 10002003 образовательного направления «Философия», профиля «История отечественной философии и культуры». К участию в работе лаборатории были приглашены эксперты: Е.Н. Мотовникова и Е.Ю. Чистякова – Координаторами Лаборатории, взявшими на себя многочисленные организационные хлопоты, стали студенты-первокурсники Лариса Кускова, Ольга Козак и Анастасия Заброскова. Участники Лаборатории медленного чтения «Затерянная рукопись» в ходе жеребьевки были разделены на 4 микрогруппы и приняли участие в чтении и анализе текста.

Во время дискуссии участники ответили на следующие вопросы: 1. Когда и где могла быть написана представленная рукопись? 2. Кто может являться автором? 3. Кому предназначена рукопись? 4. Какие возникают затруднения при чтении рукописи? 5. Какое название рукописи было бы оптимальным для автора и его читателей? Участниками были сделаны следующие выводы: 1. Рукопись могла быть написана в середине 20 – начале 21 века в России (Москва или же Белгород). 2. Автором может являться профессор философии, были названы имена известных мыслителей (М. М. Бахтин, М. Хайдеггер и д. р.) к которым может быть близок автор. 3. Рукопись предназначена для студентов, начинающих профессионально заниматься философией. 4. Затруднения при чтении вызвало большое количество сносок и большое количество имен, некоторые из которых оказались неизвестны студентам 1 курса.

Участникам было предложено провести логический анализ представленного текста. В качестве творческого задания каждому из участников было предложено на выбор: 1. Составление опорного конспекта текста рукописи; 2. Подготовка и запись на видео блиц-лекции от лица автора рукописи; 3. «Понимающая» редакция фрагмента текста. Большинство участников предпочли составить опорный конспект, в котором отразили основные аспекты рукописи и проявили свой творческий потенциал. Так же трое из участников решились проявить свои творческие способности в редакции фрагмента текста рукописи.

22 апреля 2021 года состоялась студенческая научная конференция «Urbi et orbi = городу и миру. Философские исследования выпускников НИУ «БелГУ»». Студенты 4 курса философского отделения представили научно-исследовательские наработки, накопленные за годы обучения в университете.

Научные интересы выступающих были выражены в докладах. Так, можно выявить несколько приоритетных для студентов направлений исследования: философия права, герменевтика и эпистемология литературы, философия языка, философия любви, философские исследования национального характера. Выпускники продемонстрировали высокий уровень ознакомления с источниками. Также были обсуждены наработки студентов, которым посчастливилось побывать на практике в архиве ИРЛИ РАН. Завершилась конференция рекомендательными словами от преподавателей кафедры философии и теологии.

24 апреля 2021 года состоялся читательский коллоквиум «Людвиг Витгенштейн в пространстве российской философии XX-XXI вв. К 100-летию «Логико-философского трактата» (совместно с журналом «Научный

результат. Социальные и гуманитарные исследования)» На коллоквиуме прозвучали доклады С.В. Никоненко (Институт философии СПбГУ) «Понятие символизма в философии языка Л. Витгенштейна», С.В. Данько, доцента кафедры онтологии, логики и теории познания (НИУ «ВШЭ», Москва) «Как Витгенштейн избавляется от удвоения мира», В.В. Анашвили, директора Центра по изучению проблем современной философии и социальных наук (философский факультет МГУ), главного редактора журнала «Логос» «О новых переводах Л. Витгенштейна».

Участники студенческой научной конференции «Urbi et orbi = городу и миру. Философские исследования выпускников НИУ «БелГУ»» (слева направо): М.А. Мухортова, А.В. Алифанова, В.А. Нефёдова

26 мая 2021 года литературно-философском клубе «По средам у Страхова» состоялась встреча любителей русской словесности на тему «Весенний Пушкин». Деятельно присутствовали во встрече участники и руководители семинаров студии практической философии и МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», а также члены Пушкинского клуба при Пушкинской библиотеке-музее.

Со вступительным словом о связи большого русского литературного критика и мыслителя конца XIX века Н.Н. Страхова выступил доктор наук, профессор БелГУ П.А. Ольхов. Он заметил, что по старому стилю А.С. Пушкин родился весной, откуда и появилась тема пушкинской встречи. П.А. Ольхов обратил внимание на новаторскую роль выходца из Белгорода Н.Н. Страхова в вопросах исследования творчества поэта, подарившего общественности актуальный и в наше время историко-литературный труд «Заметки о Пушкине и других поэтах».

Основные идейные векторы этой книги раскрыла Е.Н. Мотовникова. «Заметки о Пушкине и других поэтах» представляют собой собрание статей Страхова о Пушкине, впервые изданное в Санкт-Петербурге в 1888 году. Книга содержит уникальный материал о наблюдениях, взглядах и суждениях критика на пушкинскую тему. Наш земляк впервые отметил «страдальческий характер» творчества «позднего» Пушкина, его трансформацию в сторону религиозности в зрелые годы. Упоминается и о пародийном характере произведений поэта, писавшего во всех западных жанрах, но сумевшего наполнить заимствованную форму глубоко русским содержанием.

Статьи Н.Н. Страхова о Пушкине и в его защиту публиковались в то время, когда имя поэта вызывало в обществе равнодушие, а порой подвергалось резкой критике. Николай Страхов и общественные деятели его масштаба создавали ту благоприятную среду, в которой работали большие русские писатели и поэты, сооружая «литературный» памятник Пушкину.

В продолжение встречи Е.Ю. Чистякова познакомила всех присутствующих с фотоотчетом поездки студентов социально-теологического факультета в Пушкинские Горы, дополнив выступление интересными комментариями и подробностями бытового характера. В рамках «боливара» все участники клуба в случайном порядке получили по стихотворению А.С. Пушкина и по желанию прочитали вслух. Музыкальные паузы позволили познакомиться с бессмертными романсами Дмитрия Хворостовского, Сергея Лемешева, Юрия Гуляева и других исполнителей, увековечивших поэзию Пушкина в музыке.

Приятным завершением встречи стала пироговая Н.Н. Страхова, где каждый смог оценить произведения кулинарии, выполненные студентами и преподавателями университета, а также в свободной форме продолжить обсуждение тем, затронутых на встрече.

2021-2022 учебный год

В 2021-2022 учебном году в СПФ на постоянной основе проводились: проблемные семинары «Философия права: перспективные исследовательские программы и технологии» (А.А. Бондарев), «Философия для детей: практики древнерусского мудролюбия (азбуки, логики, ифики, лубки)» (Е.Ю. Чистякова), циклы семинаров медленного чтения «Великие книги: Илиада» и «Великие книги: Библия», циклы междисциплинарных семинаров «Онтология поэзии: начало понимания поэтического текста» и «Онтология поэзии: классическая поэзия» (П.А. Ольхов), логический кружок «Классическая символическая логика» (Е.Н. Мотовникова), киноклуб «Кинопонимание» (Е.Ю. Чистякова).

22-23 октября 2021 года состоялся международный научно-практический симпозиум *«Герменевтика детства: Джанни Родари в СССР и современной России»*. Онлайн-симпозиум был проведен в сотрудничестве с Отделом классической русской литературы ИМЛИ РАН (Москва), Урбинским университетом имени Карло Бо (Италия) и Белгородской государственной детской библиотекой А.А. Лиханова.

В симпозиуме приняли участие ведущие отечественные и зарубежные ученые, сотрудники музеев и библиотек Белгорода, аспиранты, магистранты и студенты НИУ «БелГУ».

Участники цикла семинаров медленного чтения «Великие книги: Библия» П.А. Ольхова (слева направо): С.С. Борисов, Н.С. Егоров, А.П. Шалапин

Открывал работу симпозиума руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» П.А. Ольхов, который отметил, что исследование культурных практик детства в России XX–XXI вв. невозможно без изучения наследия итальянского детского писателя Джанни Родари. Симпозиум был приурочен к его 100-летию, но связан и с другими датами: к 60-летию выхода «Приключений Чиполлино» в России и к 70-летию выхода этой книги в Италии. Павел Анатольевич отметил, что герменевтика детства достаточно новая область междисциплинарных исследований в современной России, но ученые НИУ «БелГУ» уже работают в ней. Праздничную ноту симпозиуму задала запись балета К. Хачатуряна «Чиполлино», просмотренная перед началом выступлений.

Право первого доклада на симпозиуме было предоставлено Л.Т. Ретюнских – крупнейшему специалисту в области философии для детей в

ФГАОУ ВО «БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НИУ «БелГУ»)
 ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
 МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
 В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ОТЕДЕЛОМ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМПЕРАТОРСКОГО УЛЬЯНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ КАРЛА БОГЛАНЦА, БЕЛГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ А.А. ЛУКАЧОВА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ
 «ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА:
 ДЖАННИ РОДАРИ
 В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
 В ГОД 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖАННИ РОДАРИ

ПРОГРАММА
 22 – 23 октября 2021 г.
 Конференция проходит онлайн (платформа Zoom)

России, доктору философских наук, профессору Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Лариса Тимофеевна в своем выступлении осветила проблему междисциплинарного исследования детства, рассказала о своей работе в рамках направления «Философия для детей»: «Школе Сократа», проекте «Философия хрупкого мира», о выходе монографии «Игра как принцип сохранности детского». Феномен детства трактуется Ларисой Тимофеевной экзистенциально: как состояние, а главная цель практической работы – научить ребенка быть разумным, свободным и ответственным, самостоятельным в мышлении и решениях, сохранить искренность эмоционального восприятия мира. Лучшим инструментом для развития этих качеств является практическая философия как совместное философствование.

Вторым прозвучал доклад Е.Н. Мотовниковой «Азы логики: логико-дидактическая верификация качества общего школьного образования». Елена Николаевна отметила, что дисциплины, развивающие логическое мышление представлены недостаточно в современной школьной программе, аргументируя к роли логики как учебной дисциплины в учебных планах Российской империи и попыткам введения ее в советские школы.

Далее свой доклад представила руководитель студии практической философии МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» Е.Ю. Чистякова. Она поделилась опытом работы семинара «Философия детства» студии практической философии с 2017 года, осветила его основное проблемное поле и крупнейшие события прошедших лет.

Опытом работы по популяризации чтения поделились представители библиотек Белгорода. Заместитель директора по научно-методической работе ГБУК «Белгородская государственная детская библиотека А.А. Лиханова» И.В. Проскурина выступила с докладом на тему «Детская библиотека навстречу читателю: вчера, сегодня, завтра (презентация регионального проекта)». Заведующая музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея О.В. Коровина рассказала о том, как проходила лицейская неделя в Пушкинской библиотеке-музее.

Завершило первый день симпозиума выступление еще одного специалиста в области философии для детей Н.Н. Вотинцевой, доцента кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии. Наталья Николаевна рассказала об особенностях формирования смыслов в рамках игрового поля разработанной ими с коллегами интеллектуальной игры «АРГУМЕНТАРИУМ».

Второй день симпозиума был по-настоящему праздничным: участники праздновали 101 год Джанни Родари и 60-летие П.А. Ольхова.

Открыла второй день симпозиума заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН М.И.Щербакова. Она отметила комплексный общегуманитарный характер симпозиума, в духе бывшего в СССР ИФЛИ (института философии, литературы, истории). По ее мнению,

единство этих дисциплин (ныне утраченное) положительно сказывалось на качестве исследований.

Первой с докладом выступила В.К. Харченко, Почетный профессор НИУ «БелГУ». Вера Константиновна поделилась эффектом нового прочтения через 70 лет «Приключений Чиполлино» Джанни Родари. Она отметила, что эта в полном смысле классическая книга хорошо подходит для воспитания мальчиков, учит их логическому мышлению и самостоятельному мышлению.

Итальянская гостья симпозиума Антонелла Кавацца, доцент славистики Школы иностранных языков и литератур Урбинского университета Карло Бо поделилась результатами исследования других аспектов творческой деятельности Джанни Родари. В выступлении он предстал как журналист, который много размышлял об особенностях системы образования в Советском Союзе во время своих неоднократных визитов.

Далее следовало выступление П.А. Ольхова «Этос детства Джанни Родари (уроки прямословия)». Павел Анатольевич размышлял об этическом потенциале «Приключения Чиполлино» для современных детей, об актуальности ценностей, выраженных в этой детской сказке.

С обширным докладом «Лингвокогнитивные и лингвопрагматические характеристики детского фольклорного текста» выступила группа исследователей кафедры русского языка и русской литературы: заведующая кафедрой И.И. Чумак-Жунь, аспирантка кафедры, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №17 Марина Саенко и аспирантка кафедры Светлана Саввина.

Далее последовала группа докладов сотрудников Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН. Н.И. Городилова в своем выступлении рассмотрела проблемы жанра русской повести о детстве середины XIX века. В.Г. Андреева говорила о новаторстве Л.Н. Толстого в создании книг для детского чтения. М.И. Щербакова представила результаты исследования духовного попечения святителя Феофана (Говорова) о детях.

В завершении симпозиума выступила М.В. Половнева, доцент кафедры русского языка и литературы с презентации об образах детства в творчестве белгородского гравюриста С.С. Косенкова. Завершила симпозиум М.И. Щербакова словами благодарности и приглашением к сотрудничеству.

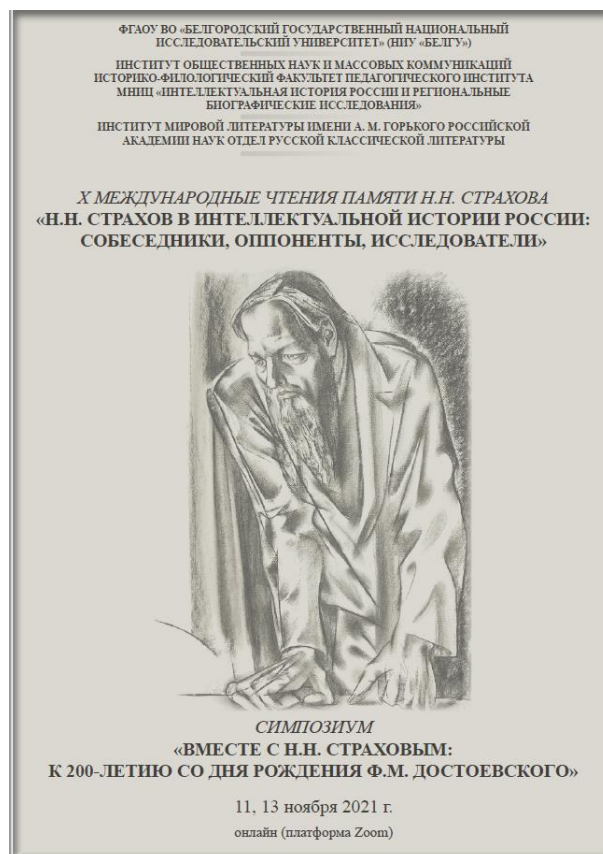
11 и 13 ноября 2021 года состоялись *X Международные чтения памяти Н.Н. Страхова «Н.Н. Страхов в интеллектуальной истории России: собеседники, оппоненты, исследователи»*, включавшие в себя симпозиум «Вместе с Н.Н. Страховым: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» и молодежную лабораторию медленного чтения «Ф.М. Достоевский. “Преступление и наказание”: комментарии Н.Н. Страхова».

Научные мероприятия чтений были организованы совместно с Отделом русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук – давним и близким партнером МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» – основного центра исследования наследия Н.Н. Страхова на Белгородчине.

В симпозиуме приняли участие ведущие российские и зарубежные ученые ИМЛИ РАН, НИУ «БелГУ», Санкт-Петербургского государственного университета, Абхазского государственного университета, «Дома Гоголя», Московского педагогического государственного университета. За время работы симпозиума прозвучало около двадцати научных сообщений о Ф.М. Достоевском, Н.Н. Страхове, их сотрудничестве и дружбе. В подобном сотрудничестве проходила и работа симпозиума, где происходил широкий междисциплинарный диалог в гуманитарной сфере.

Открыла симпозиум в день 200-летия Ф.М. Достоевского заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» Т.И. Липич. После приветствия гостей конференции она обратилась в своем выступлении к проблеме диалога романтизма и реализма в раннем творчестве Ф.М. Достоевского. Почетный профессор НИУ «БелГУ» В.К. Харченко выяснила, какие уроки могут быть извлечены для сегодняшнего дня из литературной критики Н.Н. Страхова. Руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» П.А. Ольхов поставил вопрос о почвенническом стиле мышления Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова, максима которого отражена во фразе Ф.М. Достоевского «Стать русским прежде всего». Доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Тоичкина рассмотрела работы Н.Н.Страхова по психологии как источник психологического реализма Ф.М. Достоевского.

Крупнейший российский страхововед, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Н. Мотовникова проанализировала аргументативные стратегии в литературно-философской публицистике Ф.М. Достоевского, соотнесла их со стратегиями Н.Н. Страхова. Зарубежная гостья конференции, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Абхазского государственного университета Н.Г. Бахия, обратилась в своем выступлении к проблеме государственности, религии и церковного суда в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом Гоголя» Д.Л. Рясков рассмотрел образы немцев в произведениях Ф.М. Достоевского и соотнес их с гоголевской традицией. Старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН И.И. Сизова поделилась наблюдениями текстолога в отношении редакторской работы

Н.Н. Страхова над народной литературой Л. Н. Толстого в 1880-х гг. Руководитель студии практической философии, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Ю. Чистякова рассмотрела педагогические стратегии старшего учителя естественной истории II петербургской гимназии Н.Н. Страхова на материале работы «О методе естественных наук и значении их в общем образовании». Завершил первый день симпозиума экспериментальный доклад заведующей музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея г. Белгорода О.В. Коровиной и магистранта кафедры философии и теологии К.В. Месяца «Этико-философские ориентации цензуры в России XIX столетия (опыт ситуативного анализа)».

Второй день симпозиума, 13 ноября, открывался выступлением доцента кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ» В.В. Кичигиной «Ф.М. Достоевский и славянский вопрос». Доцент кафедры русской классической литературы Московского педагогического государственного университета О.Н. Смыслова обратилась к теме денег и способам ее художественного воплощения в «Дневнике писателя» (1876 г.) Ф.М. Достоевского. Заведующий отделом Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ» А.Г. Масалов рассказал о прижизненных изданиях трудов Н.Н. Страхова в фонде библиотеки-музея Н.Н. Страхова. Завершил второй день симпозиума цикл концептуальных докладов магистрантов кафедры философии и теологии: А.А. Попова, А.А. Шульженко, И.С. Рудя, А.В. Винграновской.

Второй день чтений продолжился Молодежной лабораторией медленного чтения «Ф.М. Достоевский. "Преступление и наказание": комментарии Н.Н. Страхова». Модераторами лаборатории выступили руководитель студии практической философии, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Ю. Чистякова и соискатель Института мировой литературы РАН Д.Д. Сорокина. Работа лаборатории проходила под руководством экспертов: заведующей Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН М.И. Щербаковой и профессоров кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» П.А. Ольхова и Е.Н. Мотовниковой. В работе лаборатории принимали участие студенты кафедры философии и теологии, кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ» и Московского педагогического государственного университета. Открыли работу молодежной лаборатории выступления экспертов, а продолжили ее модераторы в совместном чтении и обсуждении трудных моментов литературного отзыва Н.Н. Страхова о романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В ходе обсуждения участники лаборатории осознали, насколько крепко вошла в школьное литературоведение позиция Н.Н. Страхова, что затруднительно было от нее дистанцироваться. Участники обсудили особенности литературного стиля и языка Н.Н. Страхова, иронию, через которую проступают черты его личности. Лабораторный разговор остался открытым для многих участников и поставил больше новых вопросов, чем дал ответов – что и являлось основной целью обсуждения.

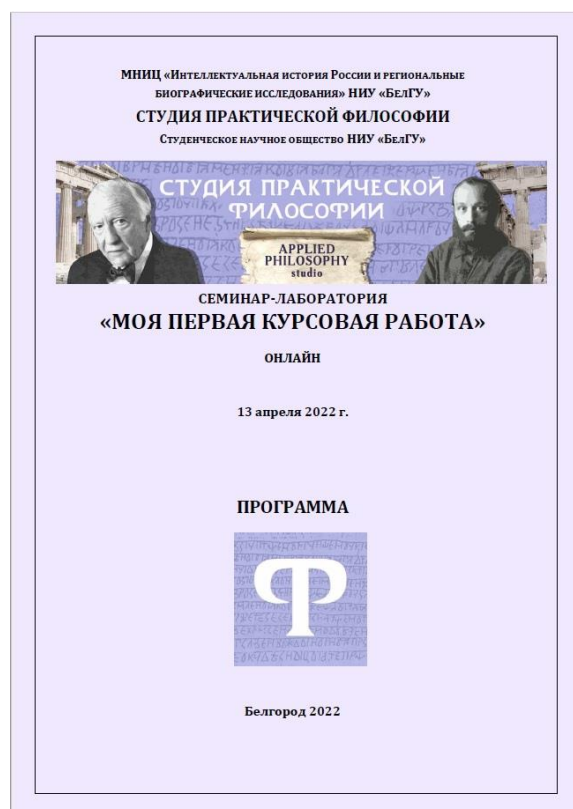
13 апреля 2022 года в студии практической философии на базе МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» в онлайн режиме прошел семинар-лаборатория «Моя первая курсовая работа». В работе семинара приняли участие студенты второго и первого курса направления «Философия», а также их научные руководители.

В первой части семинар-лаборатории со своими исследовательскими проектами выступили студенты II курса образовательного направления 47.03.01 «Философия», профиль «История отечественной философии и культуры»: Данил Болгов, Михаил Дьяков, Елизавета Ермолова, Анастасия Заброскова, Ольга Козак, Лариса Кускова, Анастасия Лахно, Кирилл Лотков, Роман Попеску, Павел Савинов, Алексей Шаляпин. К обсуждению представлялись основные характеристики проектов: актуальность темы исследования; обзорные характеристики источников и исследовательской литературы; исследовательская гипотеза (проблемный вопрос); предполагаемая структура исследования. Научные руководители Т.И. Липич, П.А. Ольхов, А.Д. Майданский, Е.Н. Мотовникова, И.А. Майданская оценили достигнутые результаты исследований студентов. В результате обсуждения курсовых работ студенты получили от преподавателей ценные рекомендации и советы по их улучшению.

Во второй части семинар-лаборатории были рассмотрены методология и технологические алгоритмы подготовки курсовых работ как исследовательских проектов. Научные руководители и первокурсники обсудили методические материалы кафедры философии и теологии и проектируемые темы курсовых работ для студентов II курса образовательного направления 47.03.01 «Философия» в 2022-2023 уч.г. В работе второй части семинар-лаборатории приняли активное участие студенты I курса: Анастасия Акиншина, Антон Боболь, Михаил Брызгунов, Никита Винаков, Арина Гребенникова, Ольга Гусева, Владимир Давыденко, Павел Жагин, Александр Кальницкий, Дарья Леонова.

17 февраля 2022 года состоялся открытый онлайн-семинар «Школа. Жизнь. Театр» известного российского педагога, историка и театрального режиссера, организатора театрально-педагогической деятельности детей младших возрастов и «особенных» детей с ограниченными возможностями здоровья С.М. Машевской (Иваново).

На семинаре прошла презентация творческих работ С.М. Машевской и дискуссия по актуальным проблемам театрально-игровых форм педагогической деятельности в современной России. Наибольшую дискуссию участников

семинара – ведущих российских ученых, известных педагогов-практиков и студенческой молодежи вызвали инновационные и практически эффективные, социально открытые технологии обращения к философии игры и опыту театрално-игровой культуры. Эти технологии Светлана Михайловна – автор основательной монографии, в которой представлены различные традиции детской театральной деятельности, – разработала и апробировала их в работе с «особенными» детьми дошкольного и младшего школьного возраста. В свою очередь, авторские разработки С.М. Машевской систематически представлены в федеральных комплексах проектов «Диалог», «Школа диалога», выполняемых под эгидой кафедры ЮНЕСКО «Образование в поликультурном обществе» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

В работе семинара приняли участие ученые и педагоги-практики Санкт-Петербурга, Иваново, Орла, Новороссийска, Белгорода, Основными участниками семинарских диалогов стали руководитель международного научно-просветительского центра имени М.М. Бахтина (музея М.М. Бахтина), профессор Орловского государственного института культуры А.Ю. Титов, режиссер молодежных театров Дальнего Востока и Юга России, педагог, выпускница ТИ им.Б. Щукина Л.А. Занозина, учитель высшей категории, обладатель премии «Лучший учитель России 2007», эксперт ЕГЭ О. Лобаченко, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области истории немецкого социального театра эпохи Реформации З.А.Лурье и др.

В рамках семинара были организованы блиц-исследования (case studies) с участием студентов НИУ «БелГУ» Павла Савинова, Арины Гребенниковой, Михаила Брызгунова. Представлял С.М. Машевскую и модерировал семинар-диалог П.А. Ольхов. По итогам семинар-диалога его участниками были предложены дополнительные секции для ежегодного международного симпозиума НИУ «БелГУ» «Герменевтика детства: русская словесность и культурные практики XIX-XXI вв. (совместно с ИМЛИ РАН, итальянским университетом Карло Бо и международным орловским центром М.М. Бахтина). Намечены дальнейшие перспективы сотрудничества со С.М. Машевской.

24 марта 2022 года П.А. Ольхов и Е.Ю. Чистякова приняли участие в научно-практический семинаре на тему: «*Ян Амос Коменский и современное образование*» (к 430-летию со дня рождения), прошедшем в рамках XII Петербургского международного образовательного форума в Исследовательском педагогическом центре (ИПЦ) им. Я.А. Коменского ЧОУ «Немецкая гимназия «Петершуле» с докладом-презентацией «Философия для детей в Белгороде».

13 мая 2022 года в Студии практической философии в рамках Недели науки состоялась студенческая научно-практическая конференция «*Конкретный гуманизм А.А. Зиновьева*», посвященная 100-летию философа. В конференции приняли участие выпускники, магистранты и студенты кафедры философии и теологии. В ходе работы конференции были реконструированы основные контексты мысли А.А. Зиновьева и некоторые ключевые идеи мыслителя. Разговор начала модератор конференции, руководитель Студии практической философии Е.Ю. Чистякова со знакомства с «Завещанием»

А.А. Зиновьева – его последним интервью, в котором философ излагает свои жизненные принципы и приводит некоторые истории из своей насыщенной жизни. После обмена репликами и комментариями к интервью, участники перешли к выступлениям. Выпускник аспирантуры кафедры философии и теологии Н.Н. Тинус продолжил тему развернутым комментарием о статусе и репутации А.А. Зиновьева в современном философском сообществе. Разговор подхватил магистрант направления «Философия» А.С. Мовсесян с докладом: «Почему А.А. Зиновьев был против советской власти?». После основных выступлений состоялось оживленное обсуждение роли А.А. Зиновьева в отечественной философии XX века, по итогам были выработаны рабочие гипотезы, которые могут прорасти в новые студенческие исследования.

В июне-июле 2022 года Е.Ю. Чистякова провела курс практических занятий «*Основы правильного мышления*» с участниками детского лагеря Инжиниринговой школы БелГУ. Курс стал результатом многолетней работы экспериментальной группы «Философия для детей» и осуществился благодаря постоянной участнице группы Анне Смирновой (Михайловой) и Владимиру Давыденко.

2022-2023 учебный год

В 2022-2023 учебном году в СПФ на постоянной основе проводились проблемный семинар «Философская и прикладная герменевтика» и лаборатория медленного чтения «Великие книги» (П.А. Ольхов), экспериментальная группа «Философия для детей: классические и актуальные образовательные программы» (Е.Ю. Чистякова), киноклуб «Кинопонимание» (Д.К. Манохин), семинар взаимного обучения и совместных исследований «Философия права» (А.А. Бондарев).

В августе 2022 года на базе студии практической философии осуществлялась подготовка группы участников к *Международной студенческой олимпиаде по философии*, первый заочный тур которой состоялся 6-7 сентября 2022 года. Прошла во второй очный тур который будет проходить в г. Калининград в Балтийском Федеральном университете имени И. Канта Елизавета Михайловна Ермолова, студентка 3 курса направления 47.03.01. «Философия». Профиль «История отечественной философии и культуры».

23 сентября 2022 года состоялось торжественное открытие *тематической аудитории русской философии*, в подготовке которого участвовали руководители МНИЦ и участники студии практической философии.

22-24 сентября 2022 года на базе МГУ им. Н.П. Огарёва (Саранск) прошел международный научный семинар «*Михаил Бахтин: подступы к биографии*», в котором выступил с пленарным докладом П.А. Ольхов. Михаил Михайлович Бахтин – крупнейший представитель русской герменевтики – «понимающей» философии, основателем которой является Н.Н. Страхов, белгородский по своему происхождению русский мыслитель. М.М. Бахтин как философ и филолог исследовал диалогические начала мышления и социально-личностные практики человеческого поведения, творчество Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя, И. Гёте и Ф. Рабле, народную смеховую культуру, романские

хронотопы и мн.др. Вопрос о научной биографии этого мыслителя, ставший ключевым на международном семинаре, является одним из наиболее трудных в современной бахтинистике.

На семинаре звучали доклады ведущих бахтиноведов и других учёных из России, Китая, стран Латинской Америки, Израиля и др. Российские ученые были представлены Санкт-Петербургским университетом, Высшей Школой Экономики (Москва), Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Новосибирским, Белгородским, Орловским, Мордовским университетами. В оживленной дискуссии по докладу П.А. Ольхова с участием В.Л. Махлина, Н.И. Николаева и др. уточнились перспективы исследования творческого наследия М.М. Бахтина и мера участия МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» в дальнейшем сотрудничестве с Бахтинским центром.

28 сентября 2022 года большая делегация белгородских ученых приняла участие в международной научной конференции «Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию». Конференция была приурочена к 100-летию «Философского парохода» и проходила в Институте философии РАН с 27 по 30 сентября.

Белгородская секция *«Герменевтическая традиция в русской философии XX столетия»* прошла при активной поддержке кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» и МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». В заседании секции приняли участие ведущие российские и зарубежные ученые Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Белгородского государственного института искусств и культуры, Орловского государственного института культуры, Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. За время работы секции прозвучало около шестнадцати научных сообщений о представителях герменевтической традиции в русской философии XX столетия. Основателем русской герменевтической традиции можно по праву считать Н.Н. Страхова, белгородского по своему происхождению русского мыслителя.

Открыл заседание секции директор Института общественных наук и массовых коммуникаций С.Н. Борисов. После приветствия гостей конференции он рассмотрел размышления и параллели разговора на пароходе в контексте работы Николая Сербского «Библия и война». Тему герменевтики насилия продолжил С.В. Резник, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», который обратился к полемике о насилии и ненасилии в философии русского зарубежья.

Заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» Т.И. Липич в своем выступлении обратилась к проблеме нравственности и права в опыте философской рефлексии Б.П. Вышеславцева. Продолжил исследовать тему духовно-нравственных оснований личности С.А. Колесников, профессор БелЮИ МВД имени И.Д. Путилина, который рассмотрел на материалах биографии В.Н. Лосского философско-религиозные аспекты высылки русской

интеллигенции в 1922 году. В работе секции прозвучали доклады представителей МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». П.А. Ольхов поставил вопрос о герменевтике истории, обратившись к «общим местам» исторического понимания Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли. Е.Н. Мотовникова проанализировала типологические особенности социального мышления Н.А. Бердяева. Е.Ю. Чистякова рассмотрела проблему «чужого я» в философском наследии И.И. Лапшина. Далее взяли слово орловские гости белгородской секции: доцент ОГИК, руководитель Бахтинского семинара А.Ю. Титов уточнил онтологические и инстинктивные начала герменевтики театральности Н.Н. Евреинова, а В.В. Петрунин, доцент ОГУ им. И.С. Тургенева рассмотрел типологию религий в историософской концепции Н.Я. Данилевского. Выступили на секции представители БГИИК В.П. Римский, почётный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, рассмотрел проблему философской литературы и литературных версий философии, а О.Н. Римская выступила с критикой некоторых концептов в трактовке русской истории философии.

В ходе работы секции прозвучали доклады выпускников кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ». Н.Н. Тинус, выпускник аспирантуры НИУ «БелГУ» рассмотрел проблему взаимоотношения итальянского автономизма и философия диалога М.М. Бахтина. А.О. Маслеников, выпускник специальности «Философия» НИУ «БелГУ» обратился к анализу герменевтики открытости присутствия И. Бродского в литературно-философском опыте интеллектуальной культуры XX в. Выпускница аспирантуры НИУ «БелГУ» А.О. Кучерова сопоставила взгляды Х. Арндт и представителей русского неогегельянства в эмиграции А. Кожева и А. Койре. В конференции приняли участие и студенты кафедры философии и теологии. А.А. Шульженко, магистрант НИУ «БелГУ» сопоставил размышления Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского о русском характере. Студентка НИУ «БелГУ» направления «Философия», профиля «История отечественной философии и культуры» Л.Е. Кускова рассмотрела взгляд Д.И. Чижевского на Ф.М. Достоевского из 1932 года. Секция имела открытый финал и завершилась фразой С.С. Аверинцева «Мы призваны в общение».

22 октября 2022 года состоялся II Международный научно-практический симпозиум *«Герменевтика детства в России XVIII–XXI вв.: междисциплинарные взаимодействия»*. Онлайн-симпозиум был проведен в сотрудничестве с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Научно-исследовательским центром «Русская литература и христианская традиция», Научно-просветительским центром имени М.М. Бахтина. В симпозиуме приняли участие ведущие отечественные и зарубежные ученые, сотрудники музеев Белгорода, писатели, руководители творческих клубов, выпускники и студенты НИУ «БелГУ».

Открывал работу симпозиума руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» П.А. Ольхов, который отметил, что истолкование детства как целостного жизненного

явления, практик наставительного и совместного мышления взрослых с детьми, диалогических начал детской словесности и всего детского творчества и детского общения образуют особую междисциплинарную область философских исследований – герменевтики детства («понимающей» философии детства). Эта область, интенсивно развиваемая в научно-гуманитарных сообществах России, является предметом широкого обсуждения и специальных дискуссий на симпозиуме, который проходит в рамках XI Международных чтений памяти Н.Н. Страхова – одного из родоначальников герменевтической традиции в русской исторической словесности, уроженца г. Белгорода.

Три различных формы приветствий открывали симпозиум. Это была презентация

передвижного выставочного проекта «Вы один из людей, наисильнейше отразившихся в моей жизни...» (из цикла «Николай Страхов: диалоги с писателями»), которую провела Н.В. Крисанова, заведующая отделом экспозиционно-выставочной работы Белгородского государственного литературного музея; презентация проекта «Добаюкивание, или практики детства» женского творческого клуба «Мама и адронный коллайдер» (Новосибирск), которую сделала М.Д. Коваленко, руководитель клуба и автор проекта; и авторское чтение рукописи «Мамины сказки» Н.Н. Штейнмиллер, учитель русского языка, литературы и начальных классов МБОУ «Вислодубравская средняя общеобразовательная школа» Губкинского района Белгородской области.

Первое заседание открыл доклад В.К. Харченко, Почётного профессора «НИУ БелГУ» на тему этики детского чтения. За ним последовало выступление М.И. Щербаковой, главного научного сотрудника, руководителя научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии Наук о практической педагогике Святителя Феофана Затворника. Далее прозвучали доклады В.М. Гуминского, главного научного сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии Наук «Лето Господне» И.С. Шмелева и русская литература о детстве», И.Н. Чистюхина протоиерея, председателя комиссии по канонизации святых Орловской епархии «Агиографические маргиналии: образ детства в житийной литературе». Продолжили работу первого заседания симпозиума выступления М.А. Поляковой, ведущего аналитика Лаборатории антропологии и педагогической компаративистики ФГБОУ «Российская академия образования», «Катехизис для детей как особый жанр учебной и развивающей

литературы (на примере Краткого катехизиса Мартина Лютера)» и Е.Ю. Ромашиной, проректора по научно-исследовательской работе Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого «Азбука в четвертак» издательства М.О. Вольфа

Второе заседание открыло выступление С.А. Колесникова, профессора Белгородского юридического института МВД России, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород) «Разрушение детства и детством: герменевтика деструктивности детскости в русской литературе рубежа XIX–XX века». Далее последовал доклад А.Ю. Титова, профессора кафедры режиссуры и мастерства актёра Орловского государственного института культуры «Феномен детства в театральной герменевтике сценической игродрамы (Шпет – Станиславский – Вахтангов)». Продолжила заседание З.А. Лурье, ассистент Санкт-Петербургского государственного университета с темой «Дети в протестантской дидактической драме эпохи Реформации». С.М. Машевская, свободный исследователь (Иваново) рассмотрела педагогический потенциал дидактических пьес Яна Амоса Коменского в современном образовании с презентацией методического пособия «Школа как игра» и элементами мастер-класса. Завершила работу второго заседания С.М. Марчукова, заместитель директора гимназии «Петершуле» по научной работе, исследовательский педагогический центр им. Я.А. Коменского ЧОУ Немецкая гимназия «Петершуле» с докладом о наглядности в дидактической модели: от «Мира в картинках» Я.А. Коменского (1592-1670) до «Флатландии» Э. Эбботта (1838-1926).

Третье заседание открыл доклад выпускницы «НИУ БелГУ» Е.Ю. Макаровой, преподавателя института иностранных языков Ляонинского университета международной торговли и экономики (Далянь, провинция Ляонин, КНР) «Кан Ювэй об идеальном образовании в идеальном обществе Да Тун». Продолжили заседание выступления Н.Н. Вотинцевой, доцента кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии (Пермь) и Е.В. Нечаевой, писателя, члена Российского союза профессиональных литераторов, сотрудника Центр речевой культуры «Тысяча дорог» (Пермь). Завершили работу третьего заседания доклады студентов направления 47.03.01 Философия. Профиль» История отечественной философии и культуры» Владимира Давыденко, Анастасии Забросковой и Елизаветы Ермоловой. Завершило работу симпозиума выступление Е.Ю. Чистяковой.

ФГАОУ ВО «БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НИУ «БелГУ»)
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
МНИЦ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕКТОР ФИЛОСОФИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ –
XI ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Н.Н. СТРАХОВА

«ПОЧВЕННИЧЕСТВО НИКОЛАЯ СТРАХОВА:
ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, КУЛЬТУРА»

27 октября 2022 г.

ПРОГРАММА

Москва – Белгород 2022

Международная научная конференция – *XI Чтения памяти Н.Н. Страхова «Почвенничество Николая Страхова: философия, наука, культура»* состоялась 27 октября 2022 года в Международном научно-исследовательском центре «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» Института общественных наук и массовых коммуникаций. Научное мероприятие было организовано в формате видеоконференции в сотрудничестве с Институтом философии РАН и журналом «Вопросы философии».

Открыли конференцию приветственные слова директора Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» С.Н. Борисова, главного редактора журнала «Вопросы философии», руководителя сектора философии естественных наук Б.И. Пружинина, профессора кафедры философии Московского педагогического государственного университета Т.Г. Щединой.

Первое пленарное заседание началось с доклада П.А. Ольхова, руководителя МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», профессора кафедры философии и теологии «Герменевтика истории Н.Н. Страхова (открытые вопросы)». В.В. Липич, профессор кафедр философии и теологии, русского языка и русской литературы рассмотрел в своем выступлении русское почвенничество XIX века как общественно-литературный феномен. В.Ю. Даренский, профессор Луганского государственного педагогического университета рассмотрел в докладе принципы поэтологии Н.Н. Страхова. Заведующий отделом редких книг (библиотекой-музеем Н.Н. Страхова) Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова А.Г. Масалов выступил с темой: «Страхов и Запад. К вопросу о том, была ли борьба мнимой». В докладе В.С. Поповой и В.И. Савинцева из федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» прозвучала тема «Концепты “время” и “пространство” в творчестве Н.Н. Страхова и Б.П. Чичерина». Т.И. Липич, заведующая кафедрой философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций и Д.В. Липич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института обратились к теме «Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников». Завершил работу первого пленарного заседания А.А. Бондарев, магистр юриспруденции, преподаватель-исследователь рассмотрел общее и особенное в концепциях нравственно-правового идеала Н.Н. Страхова и Л.И. Петражицкого.

Второе пленарное заседание открыл А.Ю. Титов, профессор кафедры режиссуры и мастерства актёра Орловского государственного института культуры с докладом «Нелинейный мир: к герменевтике "театра идей" на сцене сознания в российской синергетической эпистемологии». О.И. Нифонтова, старший преподаватель кафедры философии и теологии рассмотрела учение о предопределении человека в рукописи 121 трилогии «Богословское Человечество» архимандрита Евтихиана (Лестева). И.В. Гончаренко,

преподаватель-исследователь кафедры философии и теологии обратился с опытом герменевтического комментария к антропологическим началам мышления свт. Феофана Затворника. Завершили работу второго пленарного заседания выступления студентов направления подготовки 47.03.01 Философия, профиля «История отечественной философии и культуры» Александра Кальницкого по вопросу об особенностях "русской цивилизации": постановка Н.Я. Данилевского и Никиты Винакова, рассмотревшего понятие коммунизма в словарях конца XIX – начала XX вв.

Работа первой секции «Эпоха Н.Н. Страхова: долгий XIX век» началась с доклада магистранта кафедры философии и теологии М.А. Жилиной «Н.Н. Страхов в графических образах и живописи современников: И.Е. Репин, Т.Л. Сухотина-Толстая, Я.П. Полонский (опыт сравнения)». Продолжила выступление выпускница кафедры философии и теологии, преподаватель института иностранных языков, Ляонинского университета международной торговли и экономики (Далянь, провинция Ляонин, КНР) Е.Ю. Макарова с рассуждениями Дж.Ст. Милля, Н.Н. Страхова и Кан Ювэя на тему женского вопроса. В.Н. Даренская, доцент Луганского государственного педагогического университета продолжила размышлениями на тему женского вопроса у Н.Н. Страхова. Продолжили работу выступления студентов направления подготовки 47.03.01 Философия, профиля «История отечественной философии и культуры» Ольги Козак на тему «Путешествия русских интеллектуалов второй половины XVIII в. (к целеполаганию Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина)», Михаила Брызгунова – «Ф.И. Тютчев в сфере разговора Н.Н. Страхова (публикации и переписки)», Дарьи Леоновой – «"Логика" М.И. Владиславлева: к восприятиям и оценкам А.Е. Светилина», Елизаветы Ермоловой – «Взаимная критика Н.Н. Страхова и В.П. Буренина (опыт систематического обзора)». Завершил работу секции доклад А.О. Кучеровой, младшего научного сотрудника сектора живописи, скульптуры и ДПИ ГБУК «Белгородский государственный художественный музей» (Белгород) «Лесковское возрождение в западной и отечественной мысли первой трети XX века».

Вторая секция «Философская герменевтика и культурно-исторические практики XX–XXI вв.» началась выступлением Е.Д. Говорун, аспирантки кафедры философии и теологии на тему «Моральная экономика: история понятия и актуальные смыслы». Далее последовал доклад И.Л. Першиной, магистранта кафедры философии и теологии «Мышление архитектора (к толкованиям Г.И. Ревзина)». И.О. Штейнмиллер, преподаватель-исследователь, соискатель кафедры философии и теологии включился в разговор с опытом обзора эстетико-философских понятий и характеристик театральной герменевтики Г.Г. Шпета. А.О. Кучерова, младший научный сотрудник сектора живописи, скульптуры и ДПИ ГБУК «Белгородский государственный художественный музей» рассмотрела герменевтику желаний в политическом театре У. Шекспира сквозь призму к интерпретаций Р. Жирара. Завершилась секция выступлениями студентов направления подготовки 47.03.01 Философия, профиля «История отечественной философии и культуры» Алексея Шаляпина –

«П.К. Энгельмейер и Ф.Г. Юнгер – два подхода к вопросу о философии техники», Антона Боболя – «Л.В. Выготский о переплавке человека» и Кирилла Лоткова – «Психофизическая проблема у Э.В. Ильенкова».

Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Гуманитарная Россия: герменевтика науки и литературно-философская критика XVIII-XXI вв.» прошла с 13 по 15 апреля в ИОНИМК в рамках Недели студенческой науки НИУ «БелГУ».

13 апреля состоялся круглый стол молодых ученых «Духовность: между догмой и личностью», с основным докладом «“Внеинституциональная” духовность: к онтологическим аспектам новых религиозных движений» выступил Войислав Стоянович, ассистент кафедры философии и теологии НИУ БелГУ (Сербия). В круглом столе приняли участие молодые ученые, аспиранты, магистранты и студенты из Сербии и России, в том числе активное участие в разговоре принял Бойков Ненад, аспирант теологии Московской духовной академии (Сербия).

14 апреля состоялось открытие конференции, с приветственным словом выступил директор Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» С.Н. Борисова, который отметил, что молодые ученые в рамках этой конференции имеют прекрасную возможность общения с наставниками – ведущими российскими учеными и экспертами в области гуманитарных наук. Семинар-лабораторию с руководителями исследовательских проектов открыл главный редактор журнала «Вопросы философии»; главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук ИФ РАН, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности Б.И. Пружинин, который обратился к вопросу экспертизы в гуманитарной науке. В продолжение разговора профессор Московского педагогического государственного университета, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности Т.Г. Щедрина выступила с докладом «Герменевтический метод в междисциплинарной программе Н.И. Жинкина».

Продолжилась конференция I Пленарным заседанием, в котором выступили молодые ученые из Института логики, когнитологии и развития личности, Государственного академического университета гуманитарных наук, Южного федерального университета, свободные исследователи из Швеции. Далее состоялся круглый стол «Interlingua: русская культура в зеркале зарубежных СМИ» с экспертами в области отечественной и международной журналистики и медиакоммуникаций НИУ «БелГУ» А.П. Короченским, А.В. Полонским, Е.А. Кожемякиным. В ходе работы круглого стола выступили молодые ученые из Республики Мали, Болгарии, Нигерии. Завершился первый день работы конференции II Пленарным заседанием, на котором выступили молодые ученые из Уральского федерального университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, НИУ БелГУ.

15 апреля семинар-лабораторию с руководителями исследовательских проектов открыл профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные

биографические исследования, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности П.А. Ольхов выступлением «Робинзоны русской философии (к записям П.П. Перцева о Н.Н. Страхове)».

С.Н. Борисов, директор института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» выступил на тему «Старая новая наука политики: Эрик Фёгелин и русский консерватизм». Продолжила выступления наставников Т.И. Липич, заведующая кафедрой философии и теологии, Почётный работник высшего образования РФ, Заслуженный работник культуры РФ докладом «Романтики прошлых столетий (литературно-философские диалоги в России первой половины XIX в.)». Е.Н. Мотовникова, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», руководитель магистерской программы «Философия культуры и философская антропология» НИУ «БелГУ» рассказала об опыте Н.Н. Страхова и его великих русских собеседников. Е.Ю. Чистякова, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», заместитель руководителя МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» (студия практической философии), научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности осветила субординативные начала герменевтики русского естественнонаучного образования. М.В. Новак, доцент кафедры философии и теологии и кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ» выступила с докладом «Визуальные практики в советской культуре: метасемантика центонов»

В рамках III Пленарного заседания выступили молодые ученые – аспиранты, магистранты и студенты НИУ «БелГУ» направления «Философия» и Е.Ю. Макаровой, преподавателя Ляонинского университета международной торговли и экономики (КНР, Далянь). В ходе работы секции «Научное и литературно-философское наследие собеседников и современников Н.Н. Страхова» состоялись выступления молодых ученых кафедры философии и теологии и Хоу Цзыци, студентки Сучжоуского Университета (КНР, Сучжоу). Вторая секция «Социальные и гуманитарные науки в структуре национального образования XIX-XX в.» обогатила перечень участников выступлениями студентов ИМКиМО НИУ «БелГУ». Завершилась работа конференции круглым столом молодых ученых «Кого пустить в будущее? Трансгуманизм, русская философия и социальное воображаемое В. О Пелевина».

2023-2024 учебный год

В 2023-2024 учебном году в СПФ на постоянной основе проводятся: циклы семинаров медленного чтения «Великие книги: Илиада» и «Великие книги: Библия», циклы междисциплинарных семинаров «Онтология поэзии: начало понимания поэтического текста» и «Онтология поэзии: классическая поэзия» (П.А. Ольхов), киноклуб «Кинопонимание» (Д.К. Манохин).

26 октября – 1 ноября 2023 года состоялась Международная научная конференция «XII Чтения памяти Н.Н. Страхова». На этот раз ее тема звучала так: «Наследие Н.Н. Страхова в междисциплинарных контекстах: философия, антропология, наука». Организаторами конференции выступили НИУ «БелГУ» (Белгород), РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Институт философии

РАН (Москва), БГУ (Минск), Редколлегия серии «Философия России первой половины XX века», журнал «Вопросы философии» (Москва) в сотрудничестве с Институтом русского языка и литературы ИРЛИ РАН (Пушкинским домом) (Санкт-Петербург), МПГУ (Москва), Университетом Сучжоу (КНР, провинция Цзянсу), Восточно-Китайским Педагогическим Университетом (КНР, Шанхай), «Домом А. Ф. Лосева – научной библиотекой и мемориальным музеем» (Москва) при участии научного проекта, поддержанного грантом РНФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения» (Институт логики, когнитологии и развития личности).

Участники XII Чтений памяти Н.Н. Страхова в здании РГПУ им. Герцена (слева направо): С.К. Зюганова, А.А. Боболь, Л.Н. Летягин, И.О. Щедрина, П.А. Ольхов, А.А. Болдырева

Участников конференции – ведущих ученых, специалистов в области русской философии и методологии гуманитарных наук из НИУ «БелГУ», РГПУ им. А.И. Герцена, СПбГУ, РХГА им. Ф. М. Достоевского, ИФ РАН, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, ПГНИУ, ОГИК, БФУ им. И. Канта – приветствовали ректор РГПУ имени А. И. Герцена, С.В. Тарасов, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» С.Н. Борисов, гл. редактор журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинин, зав. кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу, КНР) Чжу Цзяньган, известный исследователь творчества Н.Н. Страхова В.А. Фатеев.

На пленарном заседании (модератор И.О. Щедрина, снс НИУ ВШЭ, журнал «Вопросы философии») выступили с докладами профессора

Н.В. Снетова (Пермь), А.В. Тоичкина (Санкт-Петербург), П.А. Ольхов (Белгород), Е.Н. Мотовникова (Белгород), Е.Ю. Чистякова (Белгород), А.А. Ермичев (Санкт-Петербург), О.Д. Маслобоева (Санкт-Петербург), М.А. Маслин (Москва), Т.И. Липич (Белгород), С.М. Климова (Москва), В.С. Попова (Калининград) и др., а также студенты НИУ «БелГУ»: А. Боболь, С. Зюганова, А. Болдырева, Л. Кускова, и НИУ ВШЭ: П. Рогачева. Обсуждались приоритетные вопросы: Человек как «узел мироздания»: антропологический поворот Н.Н. Страхова; Труды Н.Н. Страхова по естествознанию: актуальные прочтения; Почвенничество как интеллектуальный феномен в отечественной и мировой философии и культуре; Эпистолярное наследие Н.Н. Страхова и современность; Н.Н. Страхов в «сфере разговора» русских философов и писателей (Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, И.А. Аксаков, Л.Н. Толстой, А.А. Фет, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок и др.); Социально-политическая актуальность философской и литературной критики Н.Н. Страхова; Н.Н. Страхов как переводчик философских текстов; Страхов как «деятель умственного воспитания читателей»: нравственные основы образования и вопросы духовного просвещения.

Участники XII Чтений памяти Н.Н. Страхова в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского (слева направо): Б.Н. Тихомиров, С.К. Зюганова, А.А. Болдырева, П.А. Ольхов, А.А. Боболь

Представители журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина провели 28 октября в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского круглый стол «Актуальные проблемы современного страхововедения», посвященный памяти писателя, переводчика, исследователя

трудов Н.Н. Страхова и его окружения, д.ф.-м.н. Н.П. Ильина (1947–2023) и известного филолога, специалиста в области изучения и публикации трудов В.В. Розанова и его эпохи, д.ф.н. А.Н. Николукина (1928–2023). Ведущие специалисты в области русской философии (А. Г. Гачева, А. А. Грякалов, И. А. Едошина, А. А. Ермичев, К. Г. Исупов, Л. Н. Летагин, М. А. Маслин, О. Д. Маслобоева, П. А. Ольхов, Б.И. Пружинин, Б. Н. Тихомиров, В. А. Фатеев, Чжу Цзяньган, Т.Г. Щедрина) обсуждали дальнейшие направления исследований Н.Н. Страхова в контексте современных проблем философии, образования и науки.

31 октября в НИУ «БелГУ» состоялся семинар руководителя Научно-просветительского центра им. М.М. Бахтина, профессора кафедры режиссуры, актёрского мастерства и экранных искусств ОГИК А.Ю. Титова «Научная биография М.М. Бахтина: парадигмальные ориентации», приуроченный к XII Чтениям памяти Н.Н. Страхова.

Заключительный этап конференции прошёл 1 ноября в НИУ «БелГУ», в Библиотеке-музее Н.Н. Страхова (модератор профессор кафедры философии и теологии Е.Н. Мотовникова). Молодые ученые из НИУ «БелГУ» А. Гребенникова, О. Дикарева, А. Шаляпин, И. Мальчевский, Р. Петров, а также Р. Сабанчеев (Институт логики, когнитологии и развития личности) и А. Ильин (Институт философии РАН), (НИУ «БелГУ»). Студентов приветствовала заведующая кафедрой философии и теологии Т.И. Липич и профессор А.Ю. Титов. Завершились чтения дискуссией, в рамках которой обсуждались перспективы исследования интеллектуальной культуры России и Европы в XVIII–XXI вв.

17 ноября 2023 года участники Студии практической философии побывали в Орловском муниципальном драматическом театре Русский стиль им. М. М. Бахтина, где на базе Научно-просветительского центра имени М.М. Бахтина проходил межрегиональный круглый стол, посвящённый 128-летию Михаила Михайловича Бахтина *«Бахтинский Дом как эстетическое событие»*.

Встречал белгородских гостей А.Ю. Титов, профессор кафедры режиссуры и экранных искусств Орловского государственного института культуры. Участники студии посетили не только театр, где проходила приуроченная событию выставка работ художника и литератора с Дальнего Востока А.С. Спиридонова, но и сам Научно-просветительский центр имени М. М. Бахтина, а так же музей И.С. Тургенева, также уроженца Орловской земли.

8-9 декабря 2023 года состоялся III международный научно-практический симпозиум *«Герменевтика детства в России XVIII-XXI вв.: междисциплинарные взаимодействия»*, приуроченный 195-летию Н.Н. Страхова и 200-летию К.Д. Ушинского. Соорганизаторами конференции выступили ИМЛИ РАН, Институт логики, когнитологии и развития личности. Симпозиум прошел в сотрудничестве с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Исследовательским педагогическим центром имени Я.А. Коменского (г. Санкт-Петербург), Тульским государственным педагогическим университетом им. Л.Н. Толстого,

Севастопольским государственным университетом, Международным научно-просветительским центром имени М.М. Бахтина (г. Орёл), Белгородской государственной детской библиотекой А.А. Лиханова.

Участники межрегионального круглого стола «Бахтинский Дом как эстетическое событие» в Орловском муниципальном драматическом театре «Русский стиль» им. М. М. Бахтина.

В первом ряду (слева направо): О.А. Нестерова, Е.А. Васильева, А.Д. Червинская, Е.Ю. Чистякова, А.А. Болдырева, А.П. Шаляпин, О.Д. Прокопьева.

Во втором ряду (слева направо): П.А. Ольхов, А.И. Гребенникова, П.К. Савинов, С.К. Зюганова, И.Д. Болдырев.

В третьем ряду (слева направо): С.В. Калитка, А.Ю. Титов, А.А. Боболь

7 декабря, накануне первого дня симпозиума состоялась межуниверситетская игра «Аргументариум», ставшая уже традицией в Студии практической философии. Игру пермских и белгородских студентов вели авторы игры Н.Н. Вотинцева и Е.В. Нечаева, организатором и модератором со стороны НИУ «БелГУ» выступила Е.Ю. Чистякова.

На первом заседании симпозиума 8 декабря прозвучали выступления академических представителей разных областей гуманитарного знания по проблемам герменевтики детства: Л.Т. Ретюнских, О.В. Кириченко, В.Г. Андреевой, Э.Л. Афанасьева, В.И. Мельника, Семеновой Е.А. (Москва), А.А. Шевцова (Санкт-Петербург), А.А. Штеца (Севастополь), В.Е. Пенькова (Белгород). Во втором заседании формате педагогической мастерской прозвучали доклады-презентации практиков в области философии для детей и герменевтики детства, представителей общественных детских организаций и творческих школ.

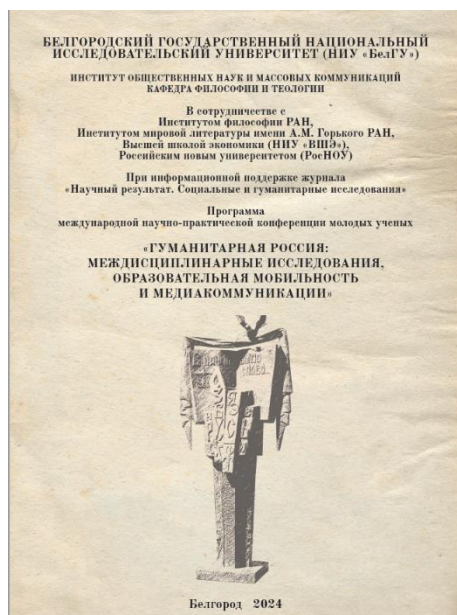

Третье заседание симпозиума состоялось 9 декабря в качестве авторского семинара А.А. Штеца «Естественное развитие ребенка в обучении грамоте», на котором была представлена монография «История отечественной букваристики X-XVIII веков», а также презентована разработанная автором методика обучения грамоте. Четвертое заседание также проходило в формате педагогической мастерской с элементами чтения вслух. Поделились своим опытом творческой развивающей работы с детьми: З.А. Лурье (Санкт-Петербург), С.М. Машевская (Иваново), А.Ю. Титов (Орел), Л.А. Занозина (Новороссийск). П.А. Ольхов поделился замыслом создания домашнего театра поэзии, музыки, философии в мемориальном

пространстве НИУ «БелГУ» «Преображенская, 78».

На пятом заседании симпозиума были презентованы исследовательские проекты и архивные изыскания молодых ученых Москвы, Белгорода, Липецка, Даляня (КНР), Старого Оскола, Ярославля, Благовещенска, Санкт-Петербурга.

В начале 2024 года МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» был закрыт для дальнейшей смены формата работы, но продолжилась работа Студии практической философии, на базе которой 18-19 апреля 2024 года состоялась II международная научно-практическая конференция молодых ученых «Гуманитарная Россия: междисциплинарные исследования, образовательная мобильность и медиакоммуникации». Конференция пришла в сотрудничестве с Институтом философии РАН, Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Высшей школой экономики (НИУ «ВШЭ»), Российским новым университетом (РосНОУ), при информационной поддержке журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования».

В первой части конференции «Говорят наставники» — семинаре-мастерской руководителей исследовательских программ и проектов — поделились своим опытом исследовательской деятельности специалисты из разных областей гуманитарного знания: А.В. Полонский (Белгород), Чжу Цзяньган (Сучжоу, КНР), А.Ю. Титов (Орел), С.М. Машевская (Иваново), Л.А. Занозина (Новороссийск). За семинаром последовал Международный круглый стол факультета журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», который вел А.В. Полонский. На круглом столе прозвучали выступления аспирантов кафедры

журналистики Ба Амаду, И.Н. Ляховой, Ю.Е. Стебиховой, посвященные актуальным вопросам межкультурных коммуникаций в цифровой среде.

В ходе работы конференции состоялся первый коллоквиум «Русский Кант: записи, реконструкции, медленное чтение» приуроченный к 300-летию Иммануила Канта, на котором был очерчен некоторый биографический контур его возможных встреч с русским энциклопедистом А.Т. Болотовым, а так же рассмотрена неожиданная смеховая сторона наследия немецкого философа. Для медленного чтения был избран 54 параграф из «Критики способности суждения», избранные места об Им. Канте из переписки Н.Н. Страхова и Л.Н.Толстого, а так же «Жизнеописание одной мысли» С.Д. Крижановского. Второй коллоквиум «Постановка голоса» был посвящен первым студенческим опытам философских разговоров и размышлений.

19 апреля проходила работа секций. Первая секция «Теоретическая и практическая философия: метапроблемы экономики, социальных исследований, герменевтики детства» собрала доклады студентов, аспирантов, магистрантов кафедры философии и теологии, посвященные этой проблематике. Вторая секция «Зеркала сочувствия: восточная мысль в российских философско-культурологических интерпретациях гуманитарная Россия глазами студентов Китая» вобрала в себя доклады четырнадцати китайских студентов Ляонинского университета международной торговли и экономики (Далянь, Китай) под руководством их преподавателя Е.Ю. Макаровой, преподавателя института иностранных языков этого университета и выпускницы НИУ «БелГУ».

Кульминацией конференции стал научно-практический (проблемный) семинар П.А. Ольхова «Историческое понимание: герменевтика, онтология и поэтики истории в России», который прошел в две части. Выступления молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов были посвящены актуальным проблемам их исследовательских проектов. Завершило конференцию заключительное слово заведующей кафедрой философии и теологии Т.И. Липич.

Основные образовательные проекты МНИЦ

Помимо указанных в хронике учебных семинаров, МНИЦ активно задействован в учебно-методической работе кафедры философии и теологии.

В 2017 году на кафедре философии и теологии был запущен новый образовательный профиль «История отечественной философии и культуры» направления подготовки 47.03.01 Философия, учебный план которого разрабатывался руководителями МНИЦ.

Так же были разработаны магистерская программа «Философия политики и политическая антропология» для направления подготовки 47.04.01 Философия, разработан проект междисциплинарной магистерской программы «Медиафилософия и коммуникационный дизайн» направлений подготовки 47.04.01 Философия и 42.04.01 Реклама и связи с общественностью.

В 2021 году началась подготовка учебника нового поколения по философии, в основу которого легли многолетние наработки участников МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования».

Основные исследовательские проекты МНИЦ

К числу регулярных конференций, проводимых на базе МНИЦ можно отнести «Чтения памяти Н.Н. Страхова» и «Герменевтическая традиция в России», а также симпозиум «Герменевтика детства» и ежегодные студенческие мероприятия на Неделе науки, которые были объединены в студенческую конференцию «Гуманитарная Россия».

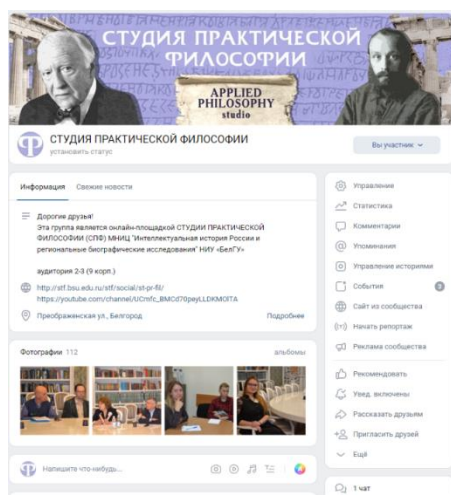
МНИЦ активно сотрудничает с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Институтом философии Российской академии наук, Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Российской академии наук, Санкт-петербургским центром истории идей.

Завершая летопись работы МНИЦ за эти семь лет, следует заметить, что летом 2024 года на базе кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» открывается региональное отделение Российского Философского Общества и работа сотрудников ядра МНИЦ продолжится в новом формате.

Мы в сети

Ссылка на страницу студии практической философии размещена на сайте «Русская Философия: история, источники, исследования», созданном петербургскими историками русской философии при поддержке РГНФ (грант № 12-03-12020) в перечне материалов партнерских научных сообществ <https://philhist.spbu.ru/materialy-partnerskikh-nauchnykh-soobshchestv.html>.

Ресурс студии практической философии:
https://vk.com/applied_philosophy_studio

YouTube канал студии практической философии:
https://www.youtube.com/channel/UCmfc_BMCd70peyLLDKMOlTA

Страница студии практической философии на университетском сайте:
<http://stf.bsu.edu.ru/stf/science/st-pr-fil/>

Подготовка предисловия была бы затруднительна без помощи Валерии Алексеевны Нефедовой, бессменного корреспондента и фотографа студии в 2018-2020 годах.

«ДОЛГИЙ» XIX ВЕК – ВОЗВРАТНОЕ ПОНИМАНИЕ

А.А.Шульженко

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В «ОРГАНИЧЕСКОЙ» ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье изложены некоторые предварительные результаты исследования проблемы национального характера, как она рассматривалась в «органической» традиции русской философии, в частности, у Н.И. Надеждина, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и В.С. Соловьёва. Выявлены общие философские положения, на которые опирается их отношение к пониманию природы и проблемы национального. Обнаружены особенности внутри «органической» традиции, наличие в ней мыслителей с преобладанием научного или художественного стиля мышления. К художественному описанию прибегали Ф.М. Достоевский и А.А. Григорьев, которые полагали, что наиболее полно проследить живой национальный образ во всей противоречивости человеческого характера мы можем только в национальной литературе. Более научный подход реализовали Н.Я. Данилевский (теория культурно-исторических типов), К.Н. Леонтьев (триединый закон цивилизационного развития) и Н.И. Надеждин (роль художественных аспектов жизни народов в теоретическом исследовании их национальной индивидуальности). Сделан вывод, что, несмотря на отсутствие единства мыслителей в концептуализации национального характера, их общее основание ближе к современному конструктивизму в исследованиях и теориях этноса, поскольку различия национальных характеров все они видят в культурных проявлениях, которые скорее формируются, нежели изначально устроены, и могут меняться под чужим цивилизационным (культурным) давлением.

Ключевые слова: русская философия XIX века, национальный характер, этнос, культурно-исторический тип, органическая традиция, национальная культура, народность.

A.A. Shulzhenko

GENERAL VIEW ON THE CONCEPT OF NATIONAL CHARACTER IN THE «ORGANIC» TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY

The article presents some preliminary results of the study of the problem of national character, as it was considered in the "organic" tradition of Russian philosophy, specifically in N.I. Nadezhdin, F.I. Tyutchev, F.M. Dostoevsky, A.A. Grigoriev, N.Y. Danilevsky, K.N. Leontiev, N.N. Strakhov and V.S. Solovyov. The general philosophical provisions on which their attitude to the understanding of nature and the problem of national are based are revealed. Peculiarities within the "organic" tradition and the presence of thinkers with a predominant scientific or artistic style of thinking are revealed. F.M. Dostoevsky and A.A. Grigoriev resorted to artistic description, believing that we can most fully trace a living national image in all the contradictions of human character only in national literature. N.Y. Danilevsky (theory of cultural-historical types), K.N. Leontiev (the triune law of civilizational development) and N.I. Nadezhdin (the role of artistic aspects of life of peoples in the theoretical study of their national individuality) implemented a more scientific approach. It is concluded that despite the lack of unity of thinkers in the conceptualization of national character, their common ground is closer to modern constructivism in the studies and theories of ethnicity, because they all see the differences in national characters in the cultural manifestations, which are formed rather than initially arranged, as well as national character can change under the pressure of other people's civilization (cultural) pressure.

Keywords: Russian philosophy of the XIX century, national character, ethnos, cultural-historical type, organic tradition, national culture, nation.

Введение

Актуальность вопроса о национальном характере обусловлена острыми современными спорами о природе и исторической судьбе этнических общностей и наций, которые, в свою очередь, возбуждаются и подпитываются неутрачиваемыми межнациональными противоречиями и конфликтами самого разного масштаба: от межличностных (и даже внутриличностных) до международных военно-политических. Споры эти не ограничиваются чисто теоретическим противостоянием конструктивистов и примордиалистов этнологии, а имеют междисциплинарное значение, представляют важность для философии, социологии, психологии и других общественных и гуманитарных областей знания. Чтобы более полно понять развитие дискуссии, необходимо проследить историю постановки вопроса о «национальном характере» в российской истории идей, выявить специфику отношения к этой проблеме в XIX веке, во время становления первых классических этнологических концепций и подходов.

В «органической» традиции русской философии, представители которой оставили развернутые высказывания по названной проблеме, немало фигур, деятельность которых к настоящему времени изучена совершенно недостаточно (например, Ф.И. Тютчев). Более близкое знакомство с ними может открыть для будущих исследований новые методологические подходы к проблеме национального характера, а с другой стороны, обогатить историко-философские представления о мышлении этого времени. Взгляд на народ как таковой, вне политических идеологий и предвзятости, стремится руководствоваться главным принципом – принципом историзма; опирается на исторический подход, более всего развитый у исследователей XIX века – «века истории» (О. Тьерри). «Органический» взгляд на историю представляет собой подход, который видит всю общественную и интеллектуальную жизнь человека как целое, не создавая моделей локальных, оторванных друг от друга, групп. В исследованиях мыслителей этого направления неразрывно сочетается художественный и строгий научный исторический анализ (очень ярко, например, у Н.И. Надеждина), поскольку нельзя отрицать связь национального характера и жизнь художественных образов в народе. Представляется актуальным вести и современные дискуссии по проблемам национального своеобразия и межнациональных отношений с более широкими, междисциплинарными, органически целостными идейными позициями.

1. Общие теоретические основания исследования национального характера

1.1 Терминология и современная теория (очерк базовых положений)

При исследованиях проблемы национального характера, следует различать два важных понятия, этнос и нация, которые относятся к разным языкам и развивались в истории мысли независимо друг от друга.

История возникновения понятия «этнос» начинается в Древней Греции: «образовано от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошло в язык европейской науки лишь во второй половине XIX в» (Гранин, 2015). Мы имеем множество подходов к определению этноса, например, дуалистическая теория этноса, описанная Ю.В. Бромлеем. «Этнос можно понимать, как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле этнос – это исторически сложившееся совокупность людей, обладающая общими особенностями культуры (включая язык). В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность»» (Бромлей, 1972). В широком смысле «сочетание собственно этнических свойств с социальными (в узком смысле последнего слова, т. е. относящимися к производственной, классово-профессиональной сфере)» (Бромлей, 1972). Характер данного сочетания зависит от расположения и единства: разнородный или однородный этнический состав. В однородной среде формируются этносоциальные организмы. Нация является особой ступенью развития человеческого сообщества, до возникновения данного понятия, слово «нация» активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима» (Гранин, 2015). Термин «нация» стал употребляться в современном значении, когда в Европе начали появляться централизованные государства, которые объединяют в себе множество этносов.

Пользуется популярностью пассионарная теория Гумилева, где этнос определяется как «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам» (Гумилев, 1967). Этнос не обладает устойчивостью, и нет четких признаков его определения. Акцентируется только самоопределение.

Существует еще позиция конструктивизма, представление об этнической или национальной общности как о конструкте, создаваемом при помощи интеллектуального воздействия отдельных личностей.

Еще одним важным понятием является «культура». Из множества смыслов этого многозначного слова для нашей темы важен следующий: «это система ментальных значений, которая охватывает все аспекты мироздания, как материальные и идеальные, так и психические, если они лежат внутри принятых культурой рамок, и которая представляет собой структуру, в которой все компоненты жестко взаимосвязаны и взаимозависимы» (Лурье, 2005: 10).

Дать четкое определение «национальному характеру» сложно, мы должны выявить устойчивую структуру. В определение национального характера входит множество разных факторов, место, время, культура, география и история. Говорить о врожденных признаках не будем, ибо обнаружение этих признаков спорный аспект. Еще одним затруднением является то, что мы рассматриваем другие культуры сквозь призму своей, и потому следует еще избегать оценочных суждений.

Мы можем вспомнить теорию «культуры и личности», в которой полагают, что человек действует исходя не из врожденных особенностей, а из приобретенных. Рожденный в определённой культуре человек вбирает в себя принятые в этой культуре традиции и обычаи, личность является субъектом

культуры. К данному направлению относят таких исследователей как Р. Линтон, К. Клакхон, А. Кардинер, К. Дюбуа, М. Спиро.

В попытках найти черты национального характера существует риск наивного выделения каких-то особенных и уникальных черт присущих, казалось бы, только одному народу, но это неверный подход, ибо мы можем найти похожие черты и у других народов, это большая проблема поиска общего и индивидуального.

Человек начинает с рождения вбирать культуру своего племени и это воспитание «накладывает свой отпечаток на восприятие ребенком его внешнего мира, формирование самой системы восприятия, мышления, эмоциональной системы и т.п. Так культура наряду с биологическими и социальными факторами влияет на саму формирующуюся структуру психики человека» (Лурье, 2005: 9). Но стоит понимать, что признание культуры как одного из важнейших аспектов формирования психики не является общепризнанным, однако этот взгляд становится все популярнее (Лурье, 2005: 8). Политических формулировок данной проблемы касаться не будем, хоть данный вопрос и имеет прямое отношение к политическим идеологиям. Вопрос важности культурных различий и возможности национального характера и своеобразия, далеко не новый, он встречается в исследованиях Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьев и др.

В русской традиции изучения национального характера есть как научное, так и вненаучное знание, исследование иностранцев, так и граждан страны. Особенно интересен девятнадцатый век, который подарил нам огромный пласт исследователей и литературно-философских традиций, например, спор славянофилов и западников.

Культура формирует характер общества, но она, как и общество подвержена изменениям «То, что характер народа меняется с переменой социальных, политических, природных условий его существования, кажется бесспорным, и мы знаем бесчисленное множество тому примеров» (Лурье, 2005: 33), но что нас делает нами и как мы осознаем свою идентичность? Поиск ответа на данный вопрос будет происходить на поле органической традиции русской философии.

1.2 Органическая критика

Эстетическое и художественное, являются продолжением живого, искусство продукт жизни и её выражение. Григорьев отделяет принципы органической критики от эстетической критики и критики исторической. Эстетическая критика выносит искусство как что-то отрешенное от жизни. Историческая критика безразлична к искусству и требует подчинения теории, для нее личность автора не имеет значения, она, как и эстетическая критика пытается слишком простым методом подойти к сложному.

Григорьев считал, что современная ему критика движется в сторону чисто техническую, художественность критики исчезает и все превращается в сухую теорию, «критика перестала быть чисто художественной, что с произведениями искусства связываются для нее общественные, психологические, исторические

интересы, – одним словом, интересы самой жизни» (Григорьев, 1990: 37). Это опасная тенденция, ведь искусство как идеальное отображение жизни не должно подстраиваться под технические нормы, оно живое и развивается неожиданными стремлениями, видоизменяясь, но все еще отображая совокупность стремлений автора, его эпохи, его культуры.

Основание развития данного подхода в понимании соотношения частей и целого в органическом явлении. Искусство не отделяется от жизни, но автономия искусства возможна, оно может развиваться очень сильно изменяясь, но связь с жизнью остается, «А.А. Григорьев сформулировал задачи органического истолкования произведений искусства, исходя из принципов автономности органического развития исторической жизни (объективное творчество), личности автора (субъективное творчество) и вечности идеальных законов жизни (идеалы красоты, добра и правды)» (Мотовникова, 2019: 236).

Основные положения органической критики изложены в статьях: «О правде и искренности в искусстве» (1856), «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (1858), «Несколько слов о законах и терминах органической критики» (1859).

Григорьев опирался на философию Шеллинга, которого считал своим учителем. Григорьев сам никогда не скрывал своих заимствований и часто ссылаясь на труды своих предшественников «Пособиями органической критики он считает книги Бокля, Льюиса, Гете, сочинения Белинского (за исключением последнего периода)» (Гроссман, 1914).

В органической критике Ап. Григорьева особая терминология. Например, каждому совершенному произведению, предшествует множество несовершенных, и авторов несовершенных произведений Григорьев называет «допотопными талантами» или «несовершенными талантами», «талантами допотопной формации». Переход от несовершенного к совершенному – это длительный и сложный процесс отражения глубины жизни в искусстве. Еще один термин Григорьева, – «растительная поэзия, под которою разумел я народное, безличное, безыскусственное творчество в противоположность искусству, личному творчеству, – песнь о Трое, например, до Гомера в противоположность поэмам Гомера» (Григорьев, 2008: 136). Поэзия растительная, потому что творчество вырастает из предыдущего, нельзя изолировать или вырывать произведение из его эволюционного пути. Терминологическая база Григорьева была сначала негативно принята, его обвиняли в создании нового учения или «дикости».

Изучение чего-то и сравнение с чем-то растительным вполне обычно для Григорьева, например, разговор о современной ему критике искусства: «Таким образом, вы невольно от внешнего вида растения идете к корням, невольно роетесь вглубь, справедливо не удовлетворяясь поверхностным рассматриванием. Отсюда очевидная, часто чудовищная несоразмерность критических статей с предметами» (Григорьев, 1990: 10).

Относительно исследований характера тут встречается понимание стран как самостоятельных частей в теле человечества. Эти системы замкнуты в себе и имеют право существовать по удобным им законам. Ориентация на

подчинение и слияние народа с природой, предрасположенность народа к определенной культурной деятельности, будь то музыка или живопись, и зависимость этого от природных условий.

Связь исследователей национального характера и органической критики в общем умонастроении, в чувстве эпохи, и в поиске отношений культуры и народа, в прочной нити, что связывает культуру и народ. Осовременивая вопрос, стоит спросить, кто кого ведет за собой, культура как внутреннее врожденное чисто национально индивидуальное стремление или народ, который исходя из ряда внешних факторов создает вокруг себя культурное поле? «Истина, кажется, очень простая, что жизнь есть нечто органическое и что все явления ее связаны между собою» (Григорьев, 1990: 19).

2. Особенности понимания национального характера русскими органическими мыслителями XIX века

2.1 Николай Иванович Надеждин (1804-1856)

Подход к изучению национального характера Н.И. Надеждина особенно интересен соотношением эстетики и этнографии в исследовании. Эстетизм здесь представляет собой проявление языка в поэтической культуре, не следует понимать «эстетизм» как понимает его К.Н. Леонтьев.

Для исследовательского взгляда, поэзия должна быть, минимально подвержена чужому влиянию, выражая особенный дух национального самосознания. Понимание жизни сопутствует свободе, как противоположность инстинктивного поведения животных, человек может выбирать и стремиться к Богу, и это стремление выражается в поэзии, понимание которой сложный процесс, требующий серьезной подготовки. Чей характер проще всего понять свой или чужой? «Справедливо сказал величайший из книжных поэтов, что всякая поэзия может быть вполне постигнута только на своей родине. Особенно справедливо это в отношении к поэзии народной» (Надеждин, 1983: 66).

Трепетное отношение к литературе и слову вынуждает Надеждина обратить взгляд на собственную культуру, где он сталкивается не с самой лучшей ситуацией. Можно усомниться в культурной самостоятельности России, но интуиция Надеждина вынуждает его строить пути возможного этнографического развития русского народа. Национальная культура еще не вполне и прочно установлена в отношении литературы, особенно поэзии, которая имеет предназначение соединять группы людей, использующих разные разговорные формы языка. Для того чтобы достигнуть стадии совершенствования своего народа как такового, необходимо сформировать самобытную «народность» на основе общего письменного языка, соединяющего различные разговорные языки людей. Суть этой задачи в том, чтобы образовать новый литературный язык на почве разговорного языка простого народа» (Симосато, 2015: 24). Находка поэзии у зырян, осознание того что они воспринимали русскую культуру также как русские европейскую. Все это дало Надеждину понимание важности развития культурной индивидуальности. Зыряне воспринимали русского как совершенного человека, так русский склонен относиться к европейцу. Надеждин в Рязанской духовной семинарии (1824-1826 гг.) столкнулся с ужасной ситуацией: учащиеся

не умели писать на русском языке. Сфера культуры была построена на заимствовании европейских образцов. Потому Надеждин с уважением относится народной русской поэзии, и это есть причина хорошего отношения к Пушкину, который от народного многое взял.

Исследовательский методологизм Надеждина осуществляется в изучении языка (особенное отношение к слову, как вещественному воплощению мысли) и религии (Предания о происхождении мира, о месте человека в нем, представление о загробном мире).

Этнография должна заниматься всем человечеством, изучая особенности и стороны, это не исключает детальный взгляд на народы, но они воспринимаются как часть целого человечества, исключается подход, который при исследовании народа изолирует его от других.

2.2 Федор Иванович Тютчев (1803-1873)

Чтобы разобраться в позиции Федора Ивановича Тютчева относительно национального характера мы обратимся к незавершенному трактату «Россия и Запад», это историософское произведение. Оно носит скорее политический характер, нежели этнологический или этнопсихологический.

Россия для Тютчева воспринимается как цивилизация, которая в будущем должна сменить цивилизацию европейскую. Но для самих европейцев мы кажемся чем-то темным, бессодержательным – «Запад, поныне видит в России лишь материальный факт, материальную силу» (Тютчев, 2011: 116). Славянское племя в отношении к европейцам кажется для Тютчева единодушным, и народное политическое объединение братьев славян возможно только в России. Миссия России в культурном и политическом объединении народов, исходящим из факторов славянского племени и православной империи. Религия, как и племя, выступает объединителем народа, и более того – воспитателем.

Эта идея объединения именуется «панславизм», он рождается как ответ на западные негативные настроения к России, и Тютчев принимает не любой «панславизм». «В противовес русофобии Тютчев выдвинул идею панславизма. Подтверждением его панславистских взглядов служит стихотворение, записанное в альбом чешскому просветителю Ганке: «Вековать ли нам в разлуке?» Неоднократно в публицистике и в стихах Тютчев излагал утопию возвращения Константинополя, образование православной империи и соединения двух церквей – восточной и западной. Вместе с тем, в трактате «Россия и Запад», Тютчев выступает против «литературных» панславистов и особенно против революционного панславизма М.А. Бакунина. Племя не является ключевым фактором, но вот религия куда важнее, она определяющий фактор.

Как личность Тютчев безоговорочно патриотичен, но его научные труды имеют скорее историософский или политико-философский характер, нежели этнографические или социологические.

2.3 Федор Михайлович Достоевский (1821-1881)

У Ф.М. Достоевского мы встречаем не сложную научную систему, не строгое объяснение, а художественное повествование, совершенно не лишенное детальности и живости образов, читая Достоевского, легко поверить

в реальность происходящего, потому нам важен его взгляд относительно проблемы национального характера.

У Достоевского русская натура выступает в комплексе противоречивых, но осознанных черт и качеств, так образованный и на первый взгляд нравственный, вдруг оказывается склонный к разврату и пьянству. Кроме «варварства» мы имеем и ряд других пороков: «Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть – тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, Бога» (Достоевский, 2010: 80), но возможно это особая национальная чувствительность, она может выражаться ведь и вприятии других культур, а это положительная черта.

Русский склонен как к саморазрушению, так и самопожертвованию, но такая противоречивость натуры не мешает судить о том, кем он желал бы стать. Вообще взгляд на стремление человека к чему-либо дает нам возможность понять характер как целое, а общие идеалы, идеалы народа, показывают на выверенное стремление и отношение людей к чему-либо «Без идеалов, т. е. без определенных желаний хоть сколько-нибудь лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости» (Достоевский, 2010: 281). Идеал, формирующий идентичность – религия, вера в Бога, для русского скорее, как потребность в добре, нежели слепое повиновение церковным законам, это нравственная потребность и основа социальной жизни.

Достоевский возводит лик национального характера к народу, напоминает нам, что у многих писателей (Тургенев, Гончаров, Пушкин) мы можем встретить литературные типы, построенные с лица народа, а то, что мы встречаем не народное, там лучшие части будут исходить от него. «Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (Достоевский, 2010: 271).

В своем творчестве Достоевский старался построить живого русского человека и выразить некий идеал народного поведения, он считал, что в литературе мы и можем заметить выражение национального характера. Он хотел показать характер народа в динамике, как он меняется, как он выходит из ситуаций, он хотел раскрыть, если не все, то многие хитрые противоречия натуры народной личности.

2.4 Аполлон Александрович Григорьев (1822-1864)

Взгляд Аполлона Григорьева на национальный вопрос не имеет строгой системы: мысль должна быть живой, а не застаиваться в схемах. Вся культуру он понимал, как один организм «Каждое общество, каждый народ – подразумевается правильно и свободно развившиеся – носят в себе известные органические начала жизни, отражающиеся более или менее определенно и неуклонно во всех внешних явлениях их существования, – в нравах, обычаях, даже предрассудках, освященных веками» (Григорьев, 1990: 252).

Интересно отношение Григорьева к славянофильству и западничеству: славянофилы слишком идеализировали народ, не понимали сущности народной

жизни. Западничество отрицало позитивные черты национального творчества (Григорьев, 2008: 446). Григорьев с уважением относится к западной культуре, но критикует русских западников, считая, что они требуют копировать чужое, а не развивать свое, стремятся к культурному рабству. Не считал верным и подход тех славянофилов, которые говорили о полной независимости русской культуры от Запада, якобы у нас совершенно иной, отличный путь. Сам же Григорьев причисляет себя к народу.

Отношение Григорьева к славянофилам и западникам выражено в литературном течении – «почвенничество», которое нельзя отождествлять со славянофильством и которое включает в себя философский романтизм. В почвенничестве существует некоторый неполный синтез славянофильства и западничества.

Народом для Григорьева, в широком смысле, является некий собирательный образ, нечто общее для всех представителей конкретной национальной группы. Народ в широком смысле не является одним классом или сословием, это общее представление, но в узком смысле народ понимается как самая неразвитая часть.

Григорьев, как и Достоевский, считал, что национальный характер выражается лучше всего в литературе, она отражает особый национальный колорит. Художник, который рисует народный образ, не лишен национальной принадлежности, Григорьев по этому поводу говорит: «Художник прежде всего человек, т.е. существо из плоти и крови, потомок таких или других предков, сын известной эпохи, известной страны, известной местности страны, конечно, наиболее даровитый из всех других своих собратьев» (Григорьев, 1990: 19). Народное искусство, не только литература, показывает народ как живое и движущее. И передовым слоем народа Григорьев называет «верхи самобытного народного развития, ростки, которые сама из себя дала жизнь народа» (Григорьев, 2008: 419), они – проявление уникального народного духа. И более всего отражает народный дух купечество, но вот именно личность, которая собрала бы все национальное и выразила, для Григорьева такой личностью был Пушкин: «Пушкин – пока единственный полный очерк нашей народной личности» (Григорьев, 2008: 194).

Как и другие известные исследователи национального характера (Леонтьев. К.Н., Страхов. Н.Н., Достоевский. Ф.М.), Григорьев считал веру основой народной жизни, для русского человека православие является основанием в его национальном сознании. Природа же определяет связь и особенности народов и культур.

2.5 Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885)

Взгляды Данилевского изложены в его фундаментальном труде «Россия и Европа», опубликованном в 1869 году. Данилевский рассматривает пять законов формирования культурно-исторических типов, они имеют общий и универсальный характер.

Первый закон говорит о том, что группу людей, образующую народ, объединяет язык или группа родственных языков.

Второй закон: помимо своего языка, народ должен обладать политической независимостью, своими целями и задачами, иначе его культура ассимилируется и растворяется в культуре другого народа.

Третий закон говорит о том, что разные народы могут наследовать плоды развития других народов, но начала развития, то с чего начинают одни народы не передаётся другим.

Цивилизационное развитие особо успешно при этнографическом разнообразии, множество различных культур, не подавляемых одной политической силой, а свободно реализующих свою волю вместе с другими элементами государства. Таков четвертый закон исторического развития у Данилевского.

Население стремится к пику своего развития, культурного, научного или какого-то иного. Этот пик называется периодом цивилизации. Характерен он выходом чисто этнографической формы быта, укреплением политического тела, осуществлением идеалов. Конец данного периода бывает остановкой на достигнутом и почитанием идеалов или столкновением с противоречиями, ставящими под сомнение идеалы. Развитые народы плодоносят один раз за жизнь и могут умереть, чтобы из них выросло что-то новое – таков пятый закон.

Данилевский говорит, что общечеловеческого не существует, а желать подобного значит «довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности» (Данилевский, 2019: 165), это понятие кажется опасным, так как стремление к общечеловеческому может уничтожить «национальное» и исчезнет культурный плюрализм. Иначе обстоит дело с понятием – «всечеловеческое», человек вполне может быть всечеловеческим гением, таким является тот, кто, выражая особенности своей национальности, включает и особенности других национальностей.

Теперь следует сказать о культурно-исторических типах: Египетский, Китайский (включая Японию), Ассирио-вавилонско-финикийский, Индийский, Иранский, Еврейский, Греческий, Римский, Аравийский, Романо-германский или европейский. Первый тип, египетский, выделяется тем, что развил науку, еврейский тип развил монотеизм, греческий – искусство, римский – право, европейский – естествознание.

Существовали положительные культурно-исторические типы, которые смогли создать собственную цивилизацию. Но были и отрицательные, которые только разрушали.

Само историческое развитие не представляется как одна тропа, оно имеет множество путей. Каждый народ стремится к разностороннему развитию, Данилевский выделяет четыре пути развития:

Первый путь религиозный, дающий нравственную опору человеку, «твердая вера».

Второй путь культурный, научное, промышленное (техническое) и эстетическое отношение человека к миру.

Третий путь политический, включает в себя отношения между людьми «как одного народного целого» и между народами.

Четвертый путь общественно-экономический, охватывает отношения пользования предметами внешнего мира и отношения людей как нравственных и политических.

Данилевский выделяет подготовительные культуры (их можно еще назвать первичными), пути развития у них находились в смещении и первичные культуры не успели себя достаточно проявить, стали только почвой для будущих культур. В число первичных культур входят: китайская, индийская, египетская, вавилонская.

Односоставные культуры, предполагают развитие только одного направления, например, римский тип развил только политику, греческий тип развил искусство, еврейский тип развил религию.

Двусоставная культура, предполагает, что определенный тип развил две культурные дороги, например, европейский тип развил экономику и науку.

И наконец, четырехсоставная культура. В эту категорию Данилевский записывает Россию, так как она молода и только начинает проявлять свой потенциал. Россия имеет силы развиться сразу в четырех направлениях, и остальные народы потому будут к ней тянуться.

2.6 Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891)

Основные идеи К.Н. Леонтьева более полно выражены в его труде «Византизм и Славянство» 1875 года, и ряде писем и статей.

Леонтьев выработал собственную философско-историческую теорию, в основе которой мы наблюдаем такие главные понятия как «эстетизм» и «разнообразие». Он критикует положения равенства, прогресса, утилитаризма и космополитизма.

Леонтьев выделил три этапа развития: первичной простоты, цветущей сложности, угасание, ведущее к смерти. «Так, германцы в эпоху переселения народов представляли первичную простоту быта, Европа средних и начала новых веков – цветущее расчленение жизненных форм, а с "просветительного" движения XVIII в. и Великой французской революции европейское человечество решительно входит в эпоху смесительного упрощения и разложения» (Соловьев, 1897).

Леонтьев не был славянофилом, он не видел Россию только славянской страной, да и принадлежность к племени не обязывает человека к чему-то. Россия наследует византизм, который был в своих религиозных и иерархических установках идеалом Леонтьева. Принципы византизма крепко прижились и представляли собой самодержавие, которое помогает обуздать пороки русского человека (но нельзя отождествлять самодержавие с тиранией), православие как духовную основу. Уваровская триада отличный пример принципов византизма.

Как и славянофилы, он критиковал западную цивилизацию, но иначе: для него состояние европейской культуры – это естественное разложение, вторичное смещение. Себя же Леонтьев называл идейным консерватором, он считал, что нужно отстаивать самобытные национальные формы жизни и православие. Он четко разделяет такие понятия как: нация, национальный

идеал, национальность, национальная политика. Национальное понимается как уникальное и культурное. Нация – «почти физическое представление», общность людей, объединённая одним языком и географически положением. Национальность же понятие более отвлеченное. Национальность следует понимать, как признак или своеобразие, приобретенное историческим путем, как совокупность племени и культуры, для которой «очевидна строгая взаимозависимость – оригинальная национальная культура может существовать и развиваться только через оригинальные национальные формы» (Черныш, 2011: 217). Национальный идеал – это представление о том, как должна развиваться самобытность.

Религию он считал основой национального характера. Русские люди славны своей религиозностью, русский человек умён, хоть и безграмотен, но безграмотность имеет положительную сторону, она дает надежду на формирование уникального культурного типа. Вот только другие славяне ищут в нас не особенное русское, а европейское – «Все единоплеменники и единоверцы наши ценят нас настолько, насколько мы – европейцы: им и в голову не приходит ценить в нас то, что в нас собственно русское» (Леонтьев, 1870).

К.Н. Леонтьев идейный консерватор, оригинальный мыслитель, при жизни его труды не нашли широкого распространения, но сейчас мы его заново открываем. Он предвидел победу социалистической идеологии в России, он критиковал запад за эгалитарные тенденции и считал особенность России в продолжение византизма.

2.7 Полемика В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900). Свои взгляды Владимир Соловьев изложил в критической статье 1888 года «Россия и Европа» где он критически отнесся к теории Данилевского, которая отрицала всеединство человечества, ведь человечество у Данилевского – это отвлеченное понятие, пустое. Сам Соловьев стоит на позиции представления мира как единого организма, где разные нации являются его частями. В этом корень различий взглядов двух мыслителей, в этом холизме нации и человечества.

Соловьев выделил два типа общественных теорий: «крылатые» и «ползучие». Первые повествуют нам об идеальном государстве, например, государство Платона. Вторые, как, например, теория Данилевского, крепко связаны с современным им обществом и не стараются внести чего-то научно-революционного. Но вторые теории могут оставаться полезными, они представляют нам современность в очищенном виде и пытаются закрепить это представление, они дают нам некоторый систематический взгляд.

Основу экономического устройства русско-славянского культурно-исторического типа составляет сельская община, но это распространенная черта, такое состояние присуще многим государствам в определенный период развития. Противопоставлять Россию Европе на основании такого положения не совсем верный подход: «На всем европейском материке сельское население в известной мере участвует во владении землей, не говоря уже о таких странах, где крестьяне суть единственные поземельные собственники (Норвегия)»

(Соловьев, 1883 – 1892: 88). Соловьев считает, что образованный класс должен помогать развиваться сельскому хозяйству, а не заниматься идеализацией народа, имея только туманное представление о нем.

Соловьев считает, что славянский тип только наследует европейскую культуру. Россия получила мощное преимущество в философской и научной деятельности, нежели Европа, Европейские страны пытались строить научный фундамент на наследии Древней Греции, Россия получила фундамент в виде наследия Европы.

Русский ум подвижен, но он скорее не имеет чисто философской направленности, русский человек относится с недоверием к умозрительному, но это не ввергает нас только в эмпирическую философию, русский человек держится двух точек зрения «крайнего скептицизма и крайнего мистицизма» (Соловьев, 1883 – 1892: 98).

Но говорить только о недостатках не будем, особенные надежды на величие рождает искусство, «Русский роман пользуется в последнее время громкою известностью в Европе» (Соловьев, 1883 – 1892: 99). Соловьев признает величие русской поэзии – Пушкина и Лермонтова. Среди композиторов Соловьев называет Глинку. Но появление новых высот он подвергает сомнению.

Соловьев критикует законы развития культурно-исторических типов, наблюдая противоречие Данилевского в первом законе. Существуют целых три культурно исторических типа для одной семитической группы (Соловьев, 1883–1892: 113).

Отношение Соловьева к своеобразности России полно пессимизма, он не видит в ней особенного будущего, а только оглядывается на запад, приценивается и заключает о повторении Россией европейских тенденций. Сам же Соловьев склонен скорее к интернационализму, чем национализму.

Николай Николаевич Страхов (1828-1896). Позиция Н. Страхова выражена в полемике с Вл. Соловьевым 1888 года относительно труда Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

Страхов прекрасно относился к Данилевскому и считал «Россию и Европу» «катехизисом или кодексом славянофильства; так полно, точно и ясно в ней изложено учение о славянском мире и его отношении к остальному человечеству» (Страхов, 1886).

Страхов обвиняет Соловьева в подмене понятий. Соловьев употребляет «равенство» подразумевая единство и наоборот, но не дает уточнений по этому поводу. Страхов утверждает, что если мы смотрим на людей как на равных, то они будут являться «одинаковым предметом человеколюбия и нравственного долга» (Страхов, 1888: 206), но какое тут отношение к человечеству как к целому, если в отдельном человеке есть особенные качества, то о равенстве здесь говорить не выйдет.

Страхов не согласен, что принцип национальности порождает только войны. В основании деления лежит мысль о разнообразии (физическом и духовном), которое поддерживается внутренним единством или национальной атмосферой. Разделение не является чем-то изначально плохим, люди могут

уживаться и помогать друг другу. А развитие первенства насильственным путем – отрицательное явление, Страхов же утверждает, что Данилевский видел первенство России явлением позитивным.

Страхов критикует утверждение Соловьева, будто человечество «единый организм». «Организм» тут понимается как аналогия не совсем корректная «в теле человека, самого совершенного действительного организма, бывает, как показал Вирхов, много местных явлений, не зависящих существенно и необходимо от жизни всего тела» (Страхов, 1888: 216).

Само распределение на типы, является просто удобной классификацией, ориентированной на общеизвестность. Факты, которые объединяют группы, представляют собой общие события, но Соловьев представил эти типы как отдельные народы и начал опровергать Данилевского. Острое и точное исследование подлежит историкам, но считать, будто труд был написан целиком интуитивно – неверно. Данилевский особо исследовал славянский и германо-романский типы, их отношения, исторические соприкосновения, духовную жизнь, именно эти два типа обошел Соловьев.

Каждый культурно-исторический тип приносит некий результат в виде культурного или научного наследия, этим результатом могут пользоваться другие народы, совсем не значит, что только один конкретный народ может развить целое научное направление, культурное разнообразие только положительно сказывается. Принадлежность к конкретной нации дает нам больше понимания трудов, культурно принадлежащих нашему народу.

Религия может претендовать на универсальность, может родиться в одной культуре и продолжить жить в совсем иной, что не лишает культуру индивидуальности «нет ни малейшей надобности ни отрицать значение религии из-за культурных типов, ни жертвовать культурными типами из-за религии» (Страхов, 1888: 241).

Страхов объясняет, что славянофильство предполагает критическое отношение к своей культуре, предполагая не только критику, но и уважение к самобытности, ведь и сам он прекрасно понимал достоинства и недостатки русского человека.

Выводы

Исследование национального характера в «органической» традиции русской философии позволяет выделить у разных представителей данной традиции некоторые общие черты: это похожая терминологическая база и отношение к искусству как важной части формирования национальной идентичности, а также понимание единства всех аспектов жизни человека даже при автономии каких-то частей (духовного и материального). При схожем подходе разность заключается то в превалировании художественного над строго научным, и наоборот, так у Ф.М. Достоевского, преобладает художественный метод, а у Н.Я. Данилевского система строже и точнее. Но в трудах Н.И. Надеждина встречается синтез этих двух направлений.

Присутствует разность исследовательских стремлений, так К.Н. Леонтьев считал важным не просто этническую принадлежность, но разнообразие

государственных форм и культуры. В.С. Соловьев же считал важным человечество, а не конкретную государственность или этнос.

Положение и отношение индивида к виду, раздельность на национальные группы – в «органической» традиции этот вопрос существует, и более того, он очень важен. Этот вопрос все еще дискуссионный, сегодня он его называют спором примордиалистов и конструктивистов. Органические мыслители, хоть и при большой разности подходов, как мне представляется, были ближе к конструктивизму, так как национальное или культурное, или национально-цивилизационное, – все это представляло собой сферу культуры (подразумеваются плоды интеллектуальной, духовной деятельности). Это положение близко к рассуждению о том, что человека формирует социальная среда и его окружение, он мыслит исходя из той социальной парадигмы, которая царит в обществе. Но никто не отрицал врожденных (душевных) качеств, склонностей человека; дело в подавляющем влиянии, и «органическая» традиция склонялась к влиянию культуры. Многие стремились к развитию разнообразия: чем более непохожи нации друг на друга, тем лучше для развития человечества, потому как у каждой – своя роль в мире, и каждая движется исходя из своих тонких исторических предпосылок.

Так Н.Я. Данилевский считал, что разные цивилизации имеют разный исторический путь, и выводил культурно-исторические типы, каждый объединенный системой общих идей. К.Н. Леонтьев выстраивал концепцию усложнения и расширения как рост разнообразия, и проводил аналогию народа и организма. Ап. Григорьев и Ф.М. Достоевский были близки в идеях и усматривали живость национального характера в художественной литературе. Н.И. Надеждин уделял особое внимание поэзии, и чтобы подойти к ней, он построил системный взгляд на изучение народа. Н.Н. Страхов защищал позиции Н.Я. Данилевского от критики В.С. Соловьева, который смог выявить интересные и спорные моменты у последнего, но и сам не дал каких-то исчерпывающих формулировок. Ф.И. Тютчев же видел в России будущее цивилизационное ядро и развивал идею панславизма, как объединение всех славянских народов, а также владение Константинополем как религиозным центром.

Изучение «органической» традиции особенно важно при попытке реконструировать русский национальный характер, ведь в девятнадцатом веке мы наблюдаем невероятное разнообразие интеллектуальных высот в искусстве, науке, политике. Многие историки считают этот период, в котором жили и творили А.С. Пушкин, Н.К. Карамзин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и другие очень важные деятели нашей культуры – «золотым веком» пиковой умственной активности России, влиянием которого невозможно пренебрегать.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей // Советская этнография. 1972. № 3. С. 86–96.
2. Гранин Ю.Д. "Нация" и "этнос": эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 5–16.
3. Григорьев А.А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 688с.

4. Григорьев А.А. Искусство и нравственность // Григорьев А.А. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1990. С. 246–261.
5. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1990. С. 7–48.
6. Гроссман Л.П. Основатель новой критики [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_l_p/text_1914_osnovatel_novoy_kritiki.shtml (Дата обращения: 25.04.2020)
7. Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Известия Русского географического общества. 1967. № 3. С. 3–17.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2019. 702 с.
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
10. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность, 1870. [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0150.shtml (Дата обращения: 14.04.2020)
11. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, 2005. 624 с.
12. Мотовникова Е.Н. Органическая программа в истории русской герменевтики XIX века // Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы. М., СПб., Белгород.: ЦГИ: Принт, 2019. С. 234-240.
13. Надеждин Н.И. Народная поэзия у зырян // В дебрях Севера: русские писатели XVIII-XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1983. С. 57-73.
14. Симосато Т. Н. И. Надеждин: от эстетики и литературной критики к этнографическому изучению культуры // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 5. С. 16-28.
15. Соловьев В.С. Леонтьев Константин Николаевич, 1897 [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1897_leontiev.shtml (дата обращения: 14.04.2020)
16. Соловьев В.С. Россия и Европа // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: В 10 т. СПб.: Просвещение, 1883-1892. Т. 5. С. 82-148.
17. Страхов Н.Н. О книге Н. Я. Данилевского "Россия и Европа", 1886. [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрение. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/DNY/dny18.htm> (дата обращения: 10.03.2020)
18. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // "Русский Вестник". 1888. №6. С. 200-256.
19. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
20. Тютчев Ф.И. Русофобия против империи, 2000. [Электронный ресурс]// Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/5099.html> (дата обращения: 03.05.2020)
21. Черныш А.М. Константин Леонтьев о характере русского народа // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 210-218.

ОБ АВТОРЕ: *Шульженко Андрей Александрович*, бакалавр кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308015, Россия; 1252781@bsu.edu.ru

**«ЗАДАЧА ЖИЗНИ»: К ТЕЛЕОЛОГИИ
«РУССКИХ НОЧЕЙ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО**

В статье уточняются установки известного русского мыслителя XIX в. В.Ф. Одоевского на разрешение задачи жизни в сочинении «Русские ночи». Размышляя о жизни неполной и бессмысленной, В.Ф. Одоевский, как показывает анализ, трактует обретение и сохранение ее мерности в некотором равновесии между жизненными элементами человека и самим взаимодействием человека с миром, и другими людьми. Отмечается диалогическая настроенность «Русских ночей»: вступая в разговор с читателем, Одоевский не стремится к тому, чтобы представить задачу жизни как концептуальную однозначность, легко исполнимую. Ее решение, согласно Одоевскому, происходит через некоторое «внутреннее ощущение», «самопроизвольную догадку». «Задача жизни» для Одоевского не является технической – это, скорее, открытый вопрос, решение которого требует нравственной и интеллектуальной искренности. Сам Одоевский соблюдает установку на искренность, обращаясь к путеводному для него опыту платонической философской традиции и философским инициативам его современников (прежде всего Шеллинга и других немецких мыслителей). Статья является попыткой предложить новую проблемно-тематическую ориентацию в исследовании творческого наследия В.Ф. Одоевского.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский; «Русские ночи»; человек; жизнь; мера.

K. V. Mesyats

**“THE AIM OF LIFE”: TO THE TELEOLOGY
OF V.F. ODOEVSKY’S “RUSSIAN NIGHTS”**

The article considers the attitudes of the famous Russian philosopher of the XIX century V.F. Odoevsky towards the solution of the aim of life in his work “Russian nights”. The analysis shows that V.F. Odoevsky by contemplating a senseless life considers the acquisition and preserving its integrity as finding a balance between human vital elements and human interaction with the world and other people. The article notes the dialogic form of “Russian nights”: entering into a conversation with the reader V.F. Odoevsky does not attempt to represent the aim of life as a conceptual unambiguity which is easy to accomplish. According to Odoevsky, the solution of this problem is a certain “insight”, an individual guesswork. The “aim of life” problem is not merely technical for Odoevsky, it is more like an open question, the solution to which demands moral and intellectual sincerity. Odoevsky himself intends to be as sincere as possible by referring to the achievements of the platonic philosophic tradition and philosophic initiatives of his contemporaries (particularly Shelling’s and other German philosophers’). The article is an attempt to suggest a new thematic and problematic way of understanding of Odoevsky’s creative legacy.

Keywords: Vladimir F. Odoevsky; “Russian Nights”; person; life; measure.

В современных исследованиях русской философии XIX века практически не представлены глубинные онтологические смыслы литературного наследия Владимира Федоровича Одоевского, одного из наиболее мерных и осмыслительных русских мыслителей своего времени. Множество его рассуждений не утратили своей важности и в наши дни. В своем главном сочинении «Русские ночи» Одоевский обращает особое внимание на задачу жизни как имеющую непреходящее значение для каждого человека.

Для уточнения исходных установок Владимира Федоровича Одоевского на разрешение задачи жизни в «Русских ночах» необходимо уточнить линии преемственности его философских рассуждений. Ключевыми здесь являются влияние Платона и Ф.В.Й. Шеллинга.

В «Примечании к “Русским ночам”» Одоевский пишет об изначальном замысле своего произведения следующее: «Продолжительное чтение Платона привело меня к мысли, что если задача жизни еще не решена человечеством, то потому только, что люди не вполне понимают друг друга, что язык наш не передает вполне наших идей, так что слушающий никогда не слышит всего того, что ему говорят, а или больше, или меньше, или влево, или вправо. Отсюда вытекало убеждение в необходимости и даже в *возможности* привести все философские мнения к одному знаменателю. Юношеской самонадеянности представлялось доступным исследовать каждую философскую систему порознь (в виде философского словаря), выразить ее строгими, однажды навсегда принятыми, как в математике, формулами – и потом все эти системы свести в огромную драму, где бы действующими лицами были все философы мира от элеатов до Шеллинга, – или, лучше сказать, их учения, – а предметом, или вернее основным анекдотом, была бы ни более ни менее как *задача человеческой жизни*» (Одоевский, 1975: 191).

Влияние Шеллинга на философские практики В.Ф. Одоевского можно заметить в историко-философских репликах русского мыслителя, читавшего «Систему трансцендентального идеализма» (Одоевский, 1975: 136), «О мировой душе» (Одоевский, 1975: 187), «О самофракийских божествах» (Одоевский, 1975: 77) и др. Одоевский пишет: «Шеллинг, в первый год текущего столетия, бросил в мир одну глубокую мысль, как задачу для юного века, задачу, которой разработка должна наложить на него характерическую печать и гораздо вернее выразить его внутреннее значение в эпохах мира, нежели всевозможные паровики, винты, колеса и другие индустриальные игрушки. Он отличил безусловное, самобытное, свободное самовоззрение души – от того воззрения души, которое подчиняется, например, математическим, уже *построенным* фигурам; он признал основу всей философии – во внутреннем чувстве, он назвал первым знанием – знание того акта нашей души, когда она обращается на самую себя и есть вместе и предмет, и зритель...» (Одоевский, 1975: 136). «Внутреннее чувство», «внутреннее ощущение» становится во многом методологически ключевым понятием в философском опыте В.Ф. Одоевского, в том числе и в вопросе о форме разрешения задачи жизни.

Н.Ф. Сумцов отмечает, что «Одоевского увлекли шеллинговы идеи о природе, как видимом теле бессмертного разума, о бессилии чистого опыта в определении всего существующего, о необходимости внутреннего духовного откровения для познания природы, о поэтическом творчестве как самом существенном проявлении внутреннего духовного откровения, о назначении каждого народа сыграть на сцене всемирной истории свою особенную роль» (Сумцов, 1884: 14). Помимо этого, идеи Шеллинга оказали наибольшее влияние на его ранние философские и музыкально-эстетические работы 20-ых годов («Сущее или существующее», «Гномы XIX столетия», «Опыт теории изящных

искусств с особенным применением оной к музыке» (Сакулин, 1913: 142-151), дальнейшие естественнонаучные опыты.

«Русские ночи», впервые изданные в 1844 году (Одоевский, 1844), стали литературной вершиной Одоевского. В своем философском романе он затрагивает множество различных философских проблем, ключевыми из которых можно назвать вопросы о понимании и его возможности, о соотношении мысли и слова, о задаче человеческой жизни. Помимо этого, он выступает здесь последовательным критиком популярных в то время идей А. Смита, И. Бентама и Т. Мальтуса. Н.А. Котляровский писал: «Прославленный идеализм сороковых годов не создал ничего более красивого, более продуманного и художественно цельного, чем эти "Ночи", которые поглотили всю мудрость их века, они насквозь пропитаны романтикой и метафизикой, и никогда эта русская романтика и метафизика не были так красивы и красноречивы, как накануне своей смерти в этой книге» (Котляровский, 1907: 151-152).

Разрешимость задачи жизни в «Русских ночах» конституируется существованием самой потребности ее разрешения, ее фундаментальной для человеческого бытия значимостью: «Равное объемлется равным; если существует влечение, то должен быть и предмет привлекающий, предмет одного сродства с человеком, к которому тянется душа человека, как предметы земной поверхности притягиваются к центру земли; потребность полного блаженства свидетельствует о существовании сего блаженства; потребность светлой истины свидетельствует о существовании сей истины, а равно и то, что темнота, заблуждения, сомнение противны природе человека» (Одоевский, 1975: 192).

В.Ф. Одоевский в «Русских ночах» создает встречную ситуацию сократо-майевтического понимания, наводит читателя на самостоятельное, единственно возможное, по мнению Одоевского, разрешение задачи жизни. «Зачем мы живем? – спрашиваете вы. Трудный и легкий вопрос. Может быть, на него можно отвечать одним словом; но этого слова вы не поймете, если оно само не выговорится в душе вашей» (Одоевский, 1975: 14). Одоевский предпочитает диалогическую установку в вопросе о разрешении задачи жизни из-за возникающей трудности рассмотрения самого человека: «человек – рукописная тетрадь, написана на языке мало известном и тем более трудном, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики» (Одоевский, 1975: 178). Как видно, В.Ф. Одоевский не склонен к наивному или «апофантическому» (Гадамер, 1991: 17) полаганию истины и задачи человеческой жизни. Им утверждается несоответствие между мыслью и самим словом, актуализируется экзистенциальный момент мышления, оставляющего за рамками схематизм и категоризацию. Одоевский пишет: «Мне кажется, мы похожи на странников, зашедших ночью в незнакомую землю, о которой они имеют сведения и неподробные и неполные; в сей земле они должны жить и потому изучить ее; но в эту минуту искания всякий систематизм был бы для них делом свыше их сил – и, следовательно, источником заблуждения; все, что они знают об этой стране, – это, что они ее не знают. В эту минуту их может скорее спасти догадка самопроизвольная, бессознательная, инстинктивная – до некоторой

степени поэтическая; в эту минуту всего важнее – искренность воли; впоследствии они, может быть, приметят свои заблуждения, оценят свои догадки и, может быть, найдут, что в одной из них и скрывается искомая истина. Но до тех пор покорись они систематизму – и странники сделаются рабами собственного слова, актерами; разговор потеряет всю искренность, и, если угодно, всю пользу» (Одоевский, 1975: 133).

В качестве эпиграфа к «Русским ночам» В.Ф. Одоевский предлагает нам следующую фразу из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»: «Lassensiemichnunzuvörderstgleichnissweisereden! Bei schwerbegreiflichenDingenthut man wohl sich auf diese Weise zuhelfen»². В самом деле, разрешение задачи жизни в его сочинении происходит с помощью притчи, что связано с обозначенными в первой главе трудностями – заботе о конкретно-личностном начале человека, неполное соответствие мысли слову. В этом усматривается явное влияние Платона, в инструментарии которого мифологическая форма изложения связана с описанием предельных понятий, например, процесса познания или бессмертия души.

Стоит также отметить, что предложенная Одоевским форма притчи-мифа имеет некоторый отрицательный, апофатический характер: задача жизни высвечивается через рассмотрение жизни бессмысленной, лишенной полноты. Так, например, во фрагменте «Бригадир» из цикла «Экономист» мы встречаем следующий опыт самообнаружения неполной жизни, вложенный в уста безымянного Покойника: «Я позабыл все обстоятельства, встретившие меня с моего рождения: все неумолимые условия общества, которые связывали меня в продолжение жизни. Я видел одно: посрамленные мною дары провидения! И все минуты моего существования, затоптанные в бессмыслии, приличиях, ничтожестве, слились в один страшный упрек и жгучим холодом обдавали мое сердце!» (Одоевский, 1975: 44). Подобное же отсутствие полноты жизни передано в отрывке «Насмешка мертвеца» из того же цикла в описании «благоразумной» красавицы Лизы: «Красавица некогда видала этого молодого человека. Видала! она знала его, знала все изгибы души его, понимала каждое трепетание его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незаметную черту на лице его; она знала, понимала все это, но на ту пору одно из тех людских мнений, которое люди называют вечным, необходимым основанием семейственного счастья и которому приносят в жертву и гений, и добродетель, и сострадание, и здравый смысл, все это на несколько месяцев, – одно из таких мнений поставляло непреодолимую преграду между красавицею и молодым человеком. И красавица покорилась. Покорилась не чувству, – нет, она затоптала святую искру, которая было затеплилась в душе ее, и, падши, поклонилась тому демону, который раздает счастье и славу мира; и демон похвалил ее повиновение, дал ей «хорошую партию» и назвал ее расчетливостью – добродетелью, ее подобострастие – благоразумием, ее оптический обман – влечением сердца; и красавица едва не гордилась его похвалою» (Одоевский,

² «Позвольте же мне сперва говорить притчей. При трудно понимаемых вещах, пожалуй, только таким образом и можно помочь делу» (нем.).

1975: 49). Трагедия Бригадира и Лизы есть трагедия единичного и всеобщего, ситуация отречения от самой фактичности жизни, принесение в жертву во имя «демонической», отвлеченной добродетели искренности существования как искренности познания и любви.

Неполнота жизни явлена читателю и в жизнеописании самого Баха: «Он все нашел в жизни: наслаждение искусства, славу, обожателей – кроме самой жизни; он не нашел существа, которое понимало бы все его движения, предупреждало бы все его желания, – существа, с которым он мог бы говорить не о музыке. Половина души его была мертвым трупом!» (Одоевский, 1975: 131).

Та же участь постигла поэта Киприяно из фрагмента «Импровизатор», мистическим образом получившего от сделки с Сегелиелем всезнание, но вместе с тем отнюдь не полноту жизни: «Несчастный страдал до неимоверности; все: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, – все чувства, все нервы его получили микроскопическую способность, и в известном фокусе малейшая пылинки, малейшее насекомое, не существующее для нас, теснило его, гнало из мира; щебетание бабочкина крыла раздирало его ухо; самая гладкая поверхность щекотала его; все в природе разлагалось пред ним, но ничто не соединялось в душе его: он *все видел, все понимал*, но между им и людьми, между им и природою была вечная бездна; ничто в мире не сочувствовало ему» (Одоевский, 1975: 94).

В эпилоге к «Русским ночам» князь Одоевский с некоторой осторожностью («может быть, их больше или меньше; это зависит от искусства химика; но я пока довольствуюсь ими» (Одоевский, 1975: 179)) выделяет четыре элемента, являющих собой некоторые фундаментальные силы духа и общие всем людям: потребность истины, любви, благоговения и силы, или власти (Одоевский, 1975: 179). Все поступки человека тем самым определяются этими элементами, некоторой пропорцией между ними. Он также пишет: «Как бы то ни было, когда не существует равновесия и гармонии между элементами, – организм страждет; и таков педантизм в этом законе, что ничто не спасает от сего страдания: ни развитие воли, ни дар творчества, ни сверхъестественное знание, – будь он строною, обладающею всеми средствами силы, называйся он Бетховеном, Бахом, – организм страждет, ибо не выполнил полноты жизни. Роскошный кактус, захваченный морозом, достигает иногда до степени душистого цветка, – но потом мгновенно погибает» (Одоевский, 1975: 139-140). Можно утверждать, что задача жизни в самом общем смысле, согласно Одоевскому, заключается в обретении и сохранении равновесия между этими элементами, соблюдении мерности жизни, являющейся условием возможности самой ее полноты.

В то же время следует отметить, что установка Владимира Федоровича Одоевского на мерность жизни осмысливается им в динамическом ключе, не сводима к некоторой жизненной пассивности, в определенном смысле «сокрытости» жизни: «Жизнь человека есть непрерывное борение: борение с природою, с другими людьми, борение с самим собою» (Одоевский, 1975: 194). Этими видами борения, согласно Одоевскому, являются наука, искусство и любовь, а в их основании лежит вера в саму их возможность (Одоевский, 1975: 194). Они представляют собой основные сферы реализации человека,

являющейся, таким образом, неотъемлемым условием самой «живой жизни», в их наиболее общей формулировке.

Литература

1. Гадамер, Г.Г. *Философские основания XX века*// Гадамер Г.Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. 367 с.
2. Котляровский, Н.А. *Старинные портреты*: Е.А. Баратынский, Д.В. Веневитинов, кн. В.Ф. Одоевский, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев, гр. А.К. Толстой. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 457 с.
3. Одоевский, В.Ф. *Русские ночи*. Л.: Наука, 1975. 325 с.
4. Одоевский, В.Ф. *Сочинения князя В.Ф. Одоевского*. Т.1. Ч. 1-3. СПб.: Иванов, 1844. 436 с.
5. Сакулин, П.Н. *Из истории русского идеализма*// Кн. В.Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. Т. 1, Ч. 2. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. 479 с.
6. Сумцов, Н.Ф. *Князь В.Ф. Одоевский*. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1884. 63 с.

ОБ АВТОРЕ: *Месяц Кирилл Владимирович*, студент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; *kirillmesyats0000@gmail.com*

Коровина О. В.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ А.В. НИКИТЕНКО (ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Александр Васильевич Никитенко – крупная фигура в истории русской социальной и политической культуры XIX в. Человек исключительных дарований, во многом благодаря которым он, выходец из крепостных графа Н.П. Шереметева, оказался в стенах Санкт-Петербургского университета – стал его профессором, членом Академии наук, просвещенным русским цензором. Для исследования социально распространенных религиозных настроений, уточнения религиозной повседневности того общества, к которому принадлежал А.В. Никитенко, весьма ценным, на мой взгляд, является корпус его автобиографических записей и трудов, в котором – дневник, который Александр Васильевич начал вести в 1826 г. и «Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был» (созданная автором в 1851 г.). Если Дневник создавался по свежим впечатлениям прожитого дня, то «Повесть» писал уже состоявшийся сорокасемилетний человек, который решил описать пережитые и памятные события своей жизни, начиная с раннего детства и заканчивая одним из ключевых эпизодов жизни автора – освобождением от крепостной зависимости в 1824 году. Анализ этих двух, жанрово взаимных автобиографических текстов, выявления их религиозной содержательности и реконструкция общего религиозного строя вполне светской жизни А.В. Никитенко, человека XIX столетия, яркого свидетеля русской религиозности на разных ее социальных уровнях, составляет основную цель исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Ключевые слова: А.В. Никитенко, дневник, автобиография, рефлексия, религиозная жизнь, церковь, XIX век

O. V. Korovina

RELIGIOUS LIFE OF A.V. NIKITENKO (EXPERIENCE OF ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTION)

Alexander Nikitenko is a major figure in the history of Russian social and political culture of the nineteenth Century. A man of exceptional talents, largely due to which he, a native of the serfs of count N. P. Sheremetev, found himself in the walls of St. Petersburg University-became its Professor, a member of the Academy of Sciences, an enlightened Russian censor. For the study of social common religious sentiment, the refinement of the religious everyday life of the society, which belonged to A. V. Nikitenko, very valuable, in my opinion, is the body of his autobiographical notes and works, which – a diary that Alexander Vasilyevich began to keep in 1826 and "My story about myself and what I witnessed in life" (created by the author in 1851). If the Diary was created based on fresh impressions of the day, then the "Story" was written by a forty – seven-year-old man who decided to describe the experienced and memorable events of his life, starting from early childhood and ending with one of the key episodes of the author's life-liberation from serfdom in 1824. The main purpose of the research is to analyze these two genre-related autobiographical texts, to identify their religious content, and to reconstruct the General religious structure of the completely secular life of A.V. Nikitenko, a man of the XIX century, a vivid witness of Russian religiosity at its various social levels.the results are presented in this article.

Keywords: A.V. Nikitenko, diary, autobiography, reflection, religious life, Church, XIX century

Живая вера родителей

Истоки религиозной жизни А.В. Никитенко отнюдь не прозрачны. Мы находим их на страницах «Моей повести о самом себе...» Никитенко, посвящённых семейной жизни его родителей.

Религиозный опыт матери Никитенко наполнен тем повседневным нравственным здравомыслием, которое не имеет никаких видимых рационально-теологических форм или особенной мистической сосредоточенности. Это здравомыслие не героично, а скорее чувственно, образует некий ясный горизонт жизненной стойкости матери, религиозно жившей не столько внешними правилами, сколько личной молитвенной сосредоточенностью. «Один только Бог разве, перед которым она изливала свое сердце в тихой, покорной молитве, не спрашивая, зачем, в силу каких законов возложено на нее такое тяжкое иго?». «Замечательно, что, выросшая среди людей простых и невежественных, она, в своих религиозных верованиях, была чужда суеверия и предрассудков, которые так часто принимаются заодно с религией. Ее здравый ум верно отличал настоящие требования всего честного и разумного от искусственного и только наружного. Она чтит не обычаи, а добрые нравы и им одним придавала важность» (Никитенко, 1904: 10).

Иной взгляд на веру Никитенко находит у своего отца: «Зато религиозные верования моего отца, как и все в нем, отличались своеобразностью и были полны противоречий. Например, он высоко ценил Вольтера и нимало не смущался его скептическими воззрениями. Сам, между тем, был набожен, не иначе, как с уважением, говорил о «вещах божественных», ничуть не пренебрегал обрядами церкви. При всяком выдающемся событии в домашнем быту он непременно приглашал священника служить молебен, хотя за это часто нелегко бывало заплатить. На молебнах он всегда с благоговением молился, а вслед за тем опять от души смеялся антирелигиозным выходкам Вольтера, особенно его издевательствам над попами и монахами» (Никитенко, 1904: 11).

Воскрешая в памяти сюжеты, связанные с церковной жизнью детства, Никитенко анализирует собственные чувства во время исполнения священных обрядов и таинств. Он пишет: «Любимым моим занятием в ту пору было прислуживать в церкви во время богослужений. С какою гордостью являлся я перед прихожанами, с подсвечником в руках, при выходе с Евангелием, или подавал диакону кадило; с каким наслаждением отправлял должность звонаря на колокольне! Не обходились без меня ни молебен, ни панихиды, ни крестины: при каждой из этих треб находилось для меня дело вроде чтения псалтыря или тому подобное. Случалось, что меня за такие подвиги награждали двумя, тремя шагами (грошами) или вязанкою бубликов, и это несказанно льстило моему самолюбию. Это меня как бы уподобляло дьячкам, пономарям, чтецам и звонарям, которые казались мне тогда людьми очень важными» (Никитенко, 1904: 26).

Как видим, юным помощником в храме руководило не только и, возможно, не столько чувство преданной веры, сколько стремление к самоутверждению среди окружающих, ощущение своей значимости в кругу

близких и хорошо знакомых людей, при этом автор не боится искренне признаться в этом в мемуарном произведении.

**«Вера моя была чисто детская»
(социальные перипетии религиозной чувствительности)**

Автобиографическая проза А.В. Никитенко насыщена яркими характеристиками внешности и характеров современников Александра Васильевича. Это касается и знаменитых литераторов (например, А.С. Пушкина), университетских товарищей и преподавателей, государственных деятелей, чиновников, сослуживцев. Образы священнослужителей встречаются среди них не часто.

Два ярких портрета предстают перед читателем в «Моей повести о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был». Один из персонажей детских лет Никитенко, проведённых в основном в Алексеевке, священник – отец Стефан «буйного, строптивого нрава» (Никитенко, 1904: 67). «Он однажды подрался с диаконом в церкви, за что попал под суд, но своевременная взятка в консистории легко выпутала его из беды. Весельчак и гуляка, он часто к нам приходил – для того, говаривал, чтобы нас развлекать» (Никитенко, 1904: 68). Облик другого служителя церкви – отца Симеона Сцепинского, которого Никитенко встречает в Острогоржске, представляется полной противоположностью алексеевского батюшки. «Непосредственное чувство, однако, часто влекло меня в церковь, особенно, когда пели певчие или богослужение совершал величественный Симеон Сцепинский. Помню также чувство тихой торжественности, нисходившее на меня в страстной четверг, при чтении двенадцати евангелий в Ильинской церкви одним простым, неученым священником. Он читал без всяких возгласов, но с таким умилением и сочувствием к тому, что читал, что невольно и присутствующим сообщал чувство, которое воодушевляло его самого» (Никитенко, 1904: 69).

После окончания Воронежского уездного училища Никитенко не мог продолжить обучение в гимназии, будучи крепостным. В 1822 году он приезжает в уездный город Острогоржск, где дает частные уроки, вследствие чего бывает в среде зажиточного и интеллигентного населения города, где и приобретает среди своих новых знакомых немалый авторитет. Острогоржцы избирают Никитенко секретарём нового отделения Библейского общества, управление которым осуществлялось в Санкт-Петербурге министром народного просвещения князем А.Н. Голицыным.

Эта должность не приносила юноше дохода, но была весьма почётна среди членов общества. В момент написания «Моей повести о самом себе...» Александр Васильевич говорит о скрытой политической подоплёке Библейского общества, но будучи восемнадцатилетним молодым человеком, он с большим воодушевлением принялся за новые обязанности. «Идея нравственности лежала в основе всех моих идеалов, и трудиться во имя ее казалось мне высшим благом» – напишет он почти тридцать лет спустя – «Герои Плутарха по-прежнему наполняли мою голову, а сердце только и видело свет в Евангельских истинах и утешительных обещаниях». «Какими

ясными, убедительными представлялись мне, после всех этих блужданий в потемках, простые, реальные истины Евангельского учения! Я не хочу сказать, чтобы в то время уже сознал всю глубину скрытой в них мудрости. Нет, я не вдавался ни в какие рассуждения по этому поводу. Вера моя была чисто детская. Сначала я верил просто потому, что научился этому на коленях у матери, а позднее, в описываемое время, жизнь и проповедь Христа получили для меня особый, личный смысл, который и был моим якорем спасения среди обуревавшего меня подчас ожесточения против людей и моей злой судьбы. Когда я взирал на лик Спасителя в одном из приделов нашей соборной церкви, мне постоянно слышался его кроткий призыв: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы». Что же: пусть люди злы и несправедливы, у меня есть Заступник, есть верный приют, где я могу укрыться от всякой злобы и гонений. Он, Всеблагий и Премудрый, не оттолкнет меня и тогда, если, изнемогая под непосильным бременем, я самовольно предстану пред Него! Зато внешние религиозные обряды я исполнял вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вероятно, в примере окружавших меня. Все эти Астафьевы, Должиковы, Пановы, зараженные свободомыслием Вольтера и энциклопедистов, пренебрегали церковными обрядами. И, хотя ни один из них ни разу не коснулся в моем присутствии вопроса о своих или моих религиозных верованиях, тем не менее они не могли скрыть своего равнодушия к формальной стороне их» (Никитенко, 1904: 114-115).

27 января 1824 года на общем торжественном собрании Никитенко выступил с речью, где говорил об истинах Евангелия и влиянии их на нравственную жизнь. Достоинство своей первой публичной речи профессор Санкт-Петербургского университета увидит лишь в «искреннем увлечении и юношеском пыле», однако, в его судьбе она имела судьбоносное значение. Члены Библейского общества позаботились о том, чтобы речь была доставлена самому князю Голицыну, который был чрезвычайно заинтересован её автором, и, узнав о его судьбе, предпринял попытку способствовать освобождению Никитенко из крепостной зависимости, открыв ему путь к университетскому образованию. Эта попытка не увенчалась успехом, но стала большим шагом на пути к освобождению юноши. Одолеваемый сомнениями и переживая об участи своей семьи, для которой Никитенко был единственной опорой, он перед отъездом из Острогоржска в Петербург приходит к отцу Симеону Сцепинскому, который убеждает Никитенко «не сворачивать с пути», идти и оглядываться назад. «Бог сохранит твою мать, как хранил ее, когда ты был так мал, что не мог заботиться о ней, а сам составлял предмет ее забот. Думать теперь о чем другом, кроме того, что зовет тебя вперед, было бы мало назвать ошибкою – преступлением» (Никитенко, 1904: 117).

Свободный христианин, ответственный чиновник, церковный интеллектуал

«Моя повесть о самом себе и чему свидетелем в жизни был» заканчивается главным эпизодом жизни А.В. Никитенко – обретением им юридической свободы. Этим радостным событием, произошедшим 11 октября

1824 года, и завершается «Повесть». 1 января 1826 года датируется первая запись в «Дневнике», который автор вёл более пятидесяти лет. Описание духовной и церковной жизни не занимает значительного объёма «Дневника», однако, высказывания, касающиеся отдельных ситуаций в современной автору Российской Православной церкви с позиций как христианина, так и чиновника, а также зафиксированные собственные религиозные движения души дают возможность исследователю говорить о Никитенко не только как об учёном, критике и цензоре, но и о человеке, считающим православную веру традицией, в которой он был воспитан, которой стремится придерживаться и в зрелые годы и рефлексировавшим над основными составляющими этой традиции.

Единственный христианский праздник, который каждый год Александр Васильевич фиксирует в своём дневнике – Пасха. «Светлое Христово воскресение. Я не мог сегодня по обыкновению быть у заутрени и обедни и не слышал радостных гимнов, с детства пробуждавших во мне всегда отрадные чувства» (1826г.) (Никитенко, 1955а: 16). «Ожидаю первого удара колокола, чтобы отправиться к заутрене. Я люблю праздник пасхи: в нём много величественного и утешительного» (1837г.) (Никитенко, 1955а: 200). Обычай ездить в большие праздники с поздравлениями очень древний и существует у всех образованных народов» (Никитенко, 1955а: 76). – пишет Никитенко. Признавая «древность» обычая наносить в этот день визиты с поздравлениями, он называет его фальшивой «житейской формулой».

3 апреля 1860 года, воскресенье, день Пасхи. «Во всю мою жизнь я, может быть, раз пять, и то по независящим от меня причинам, не присутствовал на заутрене и обедне этого праздника. Я люблю эту величественную драмму-мистерию, темой которой служит отрадная, глубокая идея возрождения. Самая торжественность и пышность этой драмы, какими облекает ее наша церковь, вполне соответствует значению идеи. Одно меня только часто приводило в негодование – это небрежность, с какою она большею частью разыгрывается в наших церквях. Попы, что называется, отхватывают заутреню и обедню, искажая их торопливым безучастным исполнением. Присутствующие заодно с ними не знают, кажется, как дожидаться конца. Никто не одушевлен, не проникнут истинною, великою поэзией этого священнодействия, в котором под изящными символами дух человеческий отыскивает и приветствует свою будущность, затерянную в бурных тревогах и превратностях существующего порядка вещей. На этот раз я побоялся ехать в церковь: меня пугала страшная духота в ней и выход на холод, где, еще полубольной, я легко мог встретиться с простудой, которая уж очень не ладит с идеей жизни, так радостно звучащей в словах: «Христос воскрес!». Моя семья отправилась в церковь без меня, а я остался дома с Гебгардтом старшим и встретил праздник чтением в евангелии величественно-простодушного повествования о том, как воскрес Христос» (1860г.) (Никитенко, 1955б: 116).

Видимая сторона церковной службы может быть выделена в отдельный «церковный» сюжет дневника Никитенко. Будучи секретарём попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (сначала – К.М. Бороздина, затем – М.А. Дондукова-Корсакова) А.В. Никитенко участвует в смотрах учебных

заведений. В 1828г. С генералом Бороздиным он посещает Кронштадт для осмотра училища. В Кронштадте гости участвуют в церковной службе, во время которой, как пишет Никитенко: «Певчие пели плохо, но ещё больше наскучила нам длинная и бессодержательная проповедь, произнесённая священником после литургии» (Никитенко, 1955а: 80). В 1834 г. Никитенко вошёл в Комитет по надзору за частными учебными заведениями. В июле этого же года вместе с князем М.А. Донуковым-Корсаковым он отправляется в путешествие по Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниям с целью осмотра учебных гимназий. Во время этого путешествия автор дневника фиксирует достопримечательности посещаемых губерний, благоустройство населённых пунктов, характеризует системы обучения разных заведений, а также людей, с которыми доводится встречаться в пути. Путешественники неоднократно останавливаются в монастырях, участвуют в церковных службах, прикладываются к святыням, осматривают произведения искусства и предметы старины, хранящиеся в монастырских стенах. В дневнике Никитенко излагает фактическую сторону этих событий, древние рукописные книги (в том числе Евангелие) в монастырских библиотеках, исторические документы, редкие иконостасы и росписи вызывают подлинный интерес автора, но описывает он эти артефакты с точки зрения светского человека, без упоминания своих религиозных чувств. То же происходит и со святынями: «Мы отслушали обедню, приложились к мощам Александра Свирского, осмотрели ризницу, которая очень небогата, но в большом порядке. Показывали нам ещё гроб, в который был переложен преподобный Александр тотчас после того, как были открыты его мощи: это род корыта, выдолбленного в толстом деревянном отрубке с особенным местом для головы. Видели мы и посох святого: от него осталась только половина – другая разнесена по кусочкам усердными богомольцами» (в Свирском монастыре в г. Лодейное Поле) (Никитенко, 1955а: 148-149).

Интересно сравнить два небольших описания церковных служб, на которых присутствовал Никитенко в 1843 году. Первая происходила в Троице-Сергиевой лавре, вторая – архиерейская, в церкви Смольного монастыря. «Сергий славится своим архимандритом и монахами. Архимандрита я не видел, но монахи действительно аристократически благообразны и благолепны осанкой, лицом, одеждой и службой. Они очень хорошо поют. Но простота их пения до того утончена что перестаёт быть простотою и отзывает изысканностью» (Никитенко, 1955а: 269). «...всё, что есть самого великого в христианстве, тонет в этом позолоченном хламе форм, которые деспоты придумали, чтобы самой молитве преградить путь к Богу. Везде они – и они! Нет народа, нет идеи, всеобщего равенства! Иерархия подавляющая, пышность ослепительная, чтобы отвести глаза, отуманить умы, – все, кроме христианской простоты и человечности». С одной стороны, на страницах дневника Никитенко неоднократно восхищается эстетической стороной церковной службы, с другой – подчёркивает христианскую простоту в противовес отвлекающей от сути религиозной веры пышности.

Одна из особенностей дневника А.В. Никитенко – наличие ярких характеристик, которые автор даёт своим современникам. Он не обходит стороной и знакомое ему духовенство. Это и священнослужители периода ранней юности (о них сказано выше) и деятели церкви, входящие в петербургский круг знакомства Александра Васильевича. «Митрополит Антоний – добрый старик. В выговоре его малороссийское произношение, а в физиономии его что-то добродушно-пошлое. Это добрый сельский священник, по-видимому готовый побалагурить и повеселиться» (1843) (Никитенко, 1955а: 272). «Домашний праздник у меня, на который собралось несколько лиц, и в том числе епископ Головинский. Это очень умный человек: о чем бы он ни говорил – о религии, о свете, об Европе, о России, о католицизме, – он всегда говорит с тактом, тонко и метко. Вот, например, его характеристика наших двух Филаретов, московского и киевского: вера первого – в уме, второго – в сердце» (1850г.) (Никитенко, 1955а: 334).

Евангельские смыслы духовной цензуры

Никитенко не обходит стороной и вопросы духовной цензуры. Он даёт несколько общих характеристик этого ведомства в период правления императора Николая I и упоминает «анекдот», который исследователи цензуры называют «классическим» (Карпук, 2015: 213). 16 марта 1834 г. в своём дневнике цензор пишет со слов протоиерея Феодора Сидонского о том, как митрополит московский Филарет «жаловался Бенкендорфу на один стих Пушкина в «Онегине». Там, где он, описывая Москву, говорит: «и стая галок на крестах». Здесь Филарет нашёл оскорбление святыни. Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что «галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицмейстер, допускающий это, а не поэт и не цензор». Бенкендорф отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа: «еже писах, писах»» (Никитенко, 1955а: 139-140).

В конце 1834 года и самому А.В. Никитенко пришлось испытать на себе «строгость» духовной цензуры. В одном из номеров журнала «Библиотека для чтения», цензором которого являлся Александр Васильевич, был напечатан перевод стихотворения Виктора Гюго «Красавице», содержащий следующее четверостишие:

И если б богом был – селеньями святыми
Клянусь – я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй! (Никитенко, 1955а: 161)

Митрополит Серафим (Глаголевский) во время аудиенции у государя «прочитал ему вышеприведённые стихи и умолял его как православного царя оградить церковь и веру от поруганий поэзии» (Никитенко, 1955а: 161). В результате чего цензор был посажен на Ново-адмиралтейскую гауптвахту на

восемь дней. «После моего ареста цензура превратилась в настоящую литературную инквизицию», – заключил Никитенко (Никитенко, 1955а: 171).

Никитенко упоминает и о строгом выговоре цензору В.Н. Семёнову, который в одном из номеров «Сына отечества» пропустил статью, содержащую фразу: «Пресвятая дева Мария была первообразом женщины; обожая её, обожали слабый пол, который она представляла» (Никитенко, 1955а: 493). В этом случае негодование было вызвано сравнением девы Марии со «слабым полом». Очевидно, что А.В. Никитенко выступает против «того православия, которое держится не смысла, а буквы религии и которое больше уважает предание, чем евангелие» (Никитенко, 1955а: 284).

Мировоззренческие позиции автора в финальном десятилетии его дневника и жизни высказываются всё чаще в афористичной форме. Зачастую они касаются раздумий Никитенко о соотношении веры и науки в человеческой жизни. «Пусть современная наука что хочет говорит, но сердце человеческое не выносит отсутствия бога во вселенной» (1867) (Никитенко, 1956: 92). «Всё ли поняла в тайнах жизни современная наука, чтобы иметь право отрицать потребность и истину верований?» (Никитенко, 1956: 115). «Там, где оканчивается сфера науки, то есть где наука оканчивает своё дело, там начинается область веры. Для масс вера формулируется другими; человек развитой формулирует её для себя сам в глубине своего сердца и совести. В первом случае является церковь и предание, во втором – разум и философия. Разум так же верует, как и церковь, только авторитет последней лежит вне верующего духа, авторитет же первого в нём самом» (1868г.) (Никитенко, 1956: 129).

Некоторые выводы

Будучи воспитанным в русской крестьянской среде и с детских лет участвовавший в богослужениях, но оставаясь до конца жизни светским человеком, Никитенко относился к православию как к родной и близкой традиции. Рефлексия над церковной жизнью и ощущение себя в ней выражается в автобиографической прозе А.В. Никитенко в нескольких сюжетах: детские воспоминания, связанные с родителями и алексеевским окружением автора; участие в деятельности Библейского общества, которое сыграло важную роль в обретении Никитенко свободы от крепостной зависимости; обрядовая сторона церковной жизни, в которой особо значимой стала для автора дневника ежегодная пасхальная служба; представители духовенства по-разному проявлявшие в себе в сфере общественной жизни, близкой Никитенко (цензура, литература, образование); и, наконец, сам феномен веры, который станет активнее проявлен на страницах дневника последнего десятилетия жизни автора. Восторженное отношение к церкви детских и юношеских лет сменяется зрелым осмыслением разных форм проявления Церкви как института и порой эти проявления идут в разрез с нравственными убеждениями и общественной позицией автора дневника. Однако наличие и необходимость самого феномена Веры в жизни человека не подвергаются сомнениям автора.

Литература

1. Карпук Д.А. Духовная цензура во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2 (61). С. 210-250
2. Никитенко, А.В. Дневник в 3 т. / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 541 с.
3. Никитенко, А.В. Дневник в 3 т. / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. 650 с. Айзенштока. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1956. 581 с.
4. Никитенко А.В. «Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки и дневник». Том 1. Санкт-Петербург, Типо-литогр. «Герольд», 1904г. 629с.

ОБ АВТОРЕ: *Коровина Ольга Вячеславовна*, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; заведующая музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея, ул. Ватутина, 4, Белгород; *olga-helga.1987@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Я.П. ПОЛОНСКОГО

XIX век в истории России богат на события, культурные достижения, происшествия в общественно-политической сфере. Мы видим определенный контекст, который обуславливают деятели разных движений человеческой мысли: ученые, светские господа, государственные служащие, деятели культуры и т.д. По сравнению с предыдущими веками, XIX век более изучен, однако, многие личности все еще остаются забытыми. Пример подобной персоны – Я.П. Полонский. «Мыслитель без направления», «второстепенный поэт», но в то же время добрый друг А.А. Фета, Н.Н. Страхова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и многих других; один из собеседников интеллектуальной элиты своего времени. В данном исследовании была осуществлена попытка герменевтического погружения в тексты Я.П. Полонского. Поскольку понимание части затруднительно без понимания целого, были рассмотрены не только литературно-философские произведения поэта, но и контексты его творчества, а также характеристики личности, предоставленные современниками. В ходе написания этой работы была совершена поездка в архив ИРЛИ РАН, в результате которой выяснилось, что поэту было не чуждо онтологическое вопрошание, рассуждения о Боге. Анализ поэзии Полонского показал, что любовь для автора является смыслообразующей категорией.

Ключевые слова: Я.П. Полонский, отечественная философия, отечественная культура, онтология поэзии, герменевтика.

V. A. Nefedova

THE HUMAN PROBLEM IN THE LITERARY AND PHILOSOPHICAL HERITAGE YA.P. POLONSKY

The 19th century in the history of Russia is rich in events, cultural achievements and incidents in social and political sphere. We see a certain context that is conditioned by the figures of different movements of human thought: scientists, secular gentlemen, civil servants, cultural figures, etc. Compared to previous centuries, the 19th century is more studied, but many individuals are still forgotten. An example of such a person is Ya.P. Polonsky. "Thinker without a direction", "secondary poet" but at the same time a good friend Afanasy Fet, Nikolai Strakhov, Ivan Turgenev, Leo Tolstoy and many others; one of the interlocutors of the intellectual elite of his time. This study attempted a hermeneutic immersion in the texts of Ya.P. Polonsky. Since it is difficult to understand the part without understanding the whole, not only literary and philosophical works of the poet, but also the context of his work, as well as personality characteristics provided by his contemporaries were considered. While writing this work, a visit was made to the archives of the ИРЛИРАН (?), which revealed that the poet was not strangers to ontological questioning and reasoning about God. The analysis of Polonsky's poetry showed that love is a semantic category for the author.

Keywords: Ya. Polonsky, Russian philosophy, Russian culture, ontology of poetry, hermeneutics.

Искание своего: перепутье критики и сфер разговора

Правильный, не самозванный смысл всех старых вопросов о взаимоотношении искусства и жизни, чистом искусстве и проч., истинный пафос их только в том, что и искусство и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо легче творить, не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством.

Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности.

М.М. Бахтин. «Искусство и ответственность»

Когда говорят о Я.П. Полонском, то обычно вспоминают его как поэта, причем не выдающегося, «поэта второго порядка». Мне бы хотелось рассмотреть критические замечания о Я.П. Полонском и сопоставить критику с литературно-философскими произведениями поэта, его личными письмами, сделать предварительные выводы о месте Я.П. Полонского в интеллектуальном сообществе России XIX века, посмотреть на философскую сторону

В критическом очерке Вл. Соловьева «Поэзия Я.П. Полонского», автор сразу же высказывает нам свою позицию касательно творчества поэта; он, рассматривая совокупность литературных трудов Полонского, отмечает, что в них мы «далеко не найдем той полной гармонии между вдохновением и мыслью и той твердой веры в живую действительность и превосходство поэтической истины сравнительно с мертвящею рефлексией, – какими отличаются, например, Гёте или Тютчев» (Соловьев, 2007: 122).

В последних стихотворениях Якова Петровича Вл. Соловьев увидел осознание поэтом одной из тайн бытия – тайны времени. Так, он заключает, что для поэта «время есть только перестановка в разные положения одного и того же существенного смысла жизни, который сам по себе есть вечность» (Соловьев, 2007: 128).

Обратим внимание на сборник критических статей «Философские течения русской литературы», автором которого является поздний современник Я.П. Полонского, поэт и литературный критик П.П. Перцов. Начиная статью о Якове Петровиче, автор дает характеристику поэзии Полонского – «загадочная» – и предполагает, что сложность оценки и понимания его трудов связана с «разносторонностью и отзывчивостью его музыки» (Перцов, 1899), со «своеобразной неопределенностью настроений» (Перцов, 1899). Далее автор, рассуждая о поэзии Полонского, приходит к тому, что слабая ее сторона – «абстрактная философская мысль» (Перцов, 1899). Петр Петрович, перечисляя современников Полонского, так же, как и Вл. Соловьев, находит, что в их поэзии чувствуется скрытым «целый строй мысли, определенная философская система» (Перцов, 1899), а у Якова Петровича «примеры отвлеченного мышления представляют лишь разрозненные попытки случайного характера» (Перцов, 1899).

Далее, автор для обоснования своей позиции рассматривает высказывания о Я.П. Полонском Н.Н. Страхова и И.С. Тургенева, на них мы остановимся подробнее. Известно, что Яков Петрович тесно общался и с Николаем Николаевичем, и с Иваном Сергеевичем – об этом нам могут

свидетельствовать сохранившееся переписки. Им хорошо были известны переживания Полонского касательно критики его творчества, они же поддерживали поэта и советовали продолжать писать произведения, не смотря на уничижительные высказывания в свой адрес.

У Н.Н. Страхова опубликована работа, в которой он предлагает подробный сравнительный анализ творчества Некрасова и Полонского. Когда Николай Николаевич начинает разговор о направлении Полонского, он вспоминает мнения журнала «Отечественные записки» об этом и утверждает, что они видят отсутствие всякого направления у Якова Петровича и считают это его главным недостатком. «В направлении для них главное дело, и потому писатель без направления должен быть объявлен не только плохим, но, если можно, даже вовсе не существующим и никому неизвестным» (Страхов, 1870). Страхов говорит, что обвинение в отсутствии определенного направления, обвинение в эклектизме – главное нападение на Полонского, которое «еще более отличается тупостью, чем коварством» (Страхов, 1870).

Николай Николаевич стремится к герменевтически тщательному пониманию Якова Петровича, объясняя, что направление у Полонского все же есть. «Это направление, действительно, не имеет в себе ничего резкого, узкого, бросающегося в глаза, но, тем не менее, оно есть направление вполне ясное и определенное. Это – поклонение *всему прекрасному и высокому*, служение истине, добру и красоте, любовь к просвещению и свободе, ненависть ко всякому насилию и мраку. В его стихах вы беспрестанно встретите теплое слово, обращенное к светлым идеалам, которыми тогда жила литература и которые, в сущности, никогда не должны в ней умирать. Любовь к человечеству, стремление к свету науки, благоговение пред искусством и пред всеми родами духовного величия – вот постоянные черты поэзии г. Полонского. Если г. Полонский не был провозвестником этих идей, то он всегда был их верным поклонником» (Страхов, 1870). Данным высказыванием Страхов условно причисляет Полонского к направлению «*чистого западничества*». Здесь же хорошо будет вспомнить цитату из поэмы Полонского «Кузнечик-музыкант», главный герой которой является как бы отражением поэта: ««Есть в мире чудо – и не даром, братцы, / Я всё искал его – теперь я знаю, / Что это чудо – красота» (Полонский, 1986).

Будучи студентом Московского университета, Полонский посещал современные ему философские кружки. Помимо ближайшего подобного кружка, религиозно-философского кружка Ап. Григорьева, поэт был близок к кружку Н.В. Станкевича. Московский университет тоже располагал к размышлениям: «И всё это нисколько не доказывает, что в то время Московский университет был чужд всякого умственного брожения, всякого идеала. Напротив, мы все были идеалистами, т.е. мечтали об освобождении крестьян; крепостное право отживало свой век, Россия нуждалась в реформах, и когда на престол взошел гуманнейший Александр II, где нашел он наилучших для себя помощников по уничтожению рабства и преобразованию судов, как не в среде моих тогдашних университетских сотоварищей? История оправдала наши молодые стремления» (Полонский, 1986: 368).

«У кого я бывал в салонах? – У Чаадаева, у Хомякова, у Киреевского, у Аксакова, даже раза два был у Герцена. Но туда ходил я не танцевать и не волочиться. Чем же я виноват, что глубокие мыслители Москвы только и жили, что в салонах – только салоны и наполняли своими речами и спорами. Если б они пошли на площадь, или в кабак, или за Москву-реку – и я тогда пошел бы за ними, ибо в них была вся тогдашняя умственная жизнь Москвы...» (Полонский, 1863). Проще говоря, Полонский, как и любой юноша, находится в поиске. И если сначала взгляды поэта были близки к общественно-политическим идеям современного ему общества, то в уже более зрелом возрасте Яков Петрович, как и Тургенев, занимает позицию более умеренно-либеральную.

Отношения Полонского с Тургеневым были близкими, доверительными и продолжались вплоть до смерти Ивана Сергеевича. Будучи друзьями, они во многом друг другу исповедовались и всегда получали в свою встречу отклик. Когда Полонский обращается к Тургеневу за тем, чтоб тот защитил его перед обвинениями в «эклектизме и бессодержательности творчества», Тургенев и в самом деле защищает своего друга. Он говорит: «Талант Полонского представляет особенную, ему одному лишь свойственную смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества, и какой-то неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлений. Временами, и как бы бессознательно для него самого, он изумляет прозорливостью поэтического взгляда» (Перцов, 1899). Человек, имеющий эту самую «прозорливость взгляда» не может не быть человеком не рефлексирующим, не философствующим человеком. Аристотель писал в «Поэтике»: «Поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история об единичном» (Аристотель, 1983: 655), это, мне кажется, важно не списывать со счетов.

Конечно, дружба Тургенева и Полонского началась с интереса первого к поэзии второго. И на протяжении всей дружбы Тургенев активно высказывался о творчестве друга. «Ты один можешь и должен писать стихи; конечно, твое положение тем тяжело, что, не обладая громадным талантом, ты не в состоянии наступить на горло нашей бестолковой публике, – и потому должен возиться во тьме и в холоде, редко встречая сочувствие – сомневаясь в себе и унывая; но ты можешь утешиться мыслью, что то, что ты сделал и сделаешь хорошего – не умрет, и что если ты „поэт для немногих“ – то эти немногие никогда не переведутся» (Тургенев, 1964: 203) – писал в личном письме Полонскому Иван Сергеевич.

Тургенев, выступая в качестве поэтического наставника Полонского, пытается уберечь друга-поэта от несвойственных его поэзии интонаций. Он предостерегал поэта от «дешевенького философствования» от натянутых метафор, от чуждого ему обличительного тона. То есть, Иван Сергеевич настаивает на честном творчестве Полонского, на его особой чувственности к бытию, он отстаивает ту «прозорливость поэтического взгляда», особенность поэтического дара Полонского. Это означает, что у Якова Петровича философские размышления не были неудачными: поэт философствует по-своему.

Напрасно критики и недруги Якова Полонского упрекали его в «эклектичности» и неопределенности его мысли. Поэт для себя все определил: «Я всю жизнь был ничей для того, чтобы принадлежать всем, кому я понадобится, а не кому-нибудь» (Чехов, 1984), – писал он А. П. Чехову.

Мыслитель без направления – «второстепенный поэт»? Жизнетворческие установки Я.П. Полонского

Прежде чем переходить к сочинениям Я.П. Полонского необходимо выявить особенности философского подхода в работе с литературными произведениями. В исследовании философской мысли поэта представляется важным обратиться к его творчеству, так как очевидной философской системы у него нет. Исходной точкой данного исследования является понимание взаимосвязи мышления автора и его текстов. Согласно позиции М.М. Бахтина, благодаря тексту возможно гуманитарное исследование. «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления...» (Бахтин, 1979: 282). Здесь можно допустить грубую ошибку, потому что важен не текст сам по себе, но слово автора, обращенное к слушателю.

«Можно ли найти к нему (к человеку – В.Н.) и к его жизни (труду, борьбе и т. д.) какой-либо иной подход, кроме как через созданные или создаваемые им знаковые тексты? Физическое действие человека может быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т. п.)» (Библер, 1991: 80). Гуманитарное, или художественное мышление выражено в тексте и направлено на изучение человека, но в гуманитарном поле его нельзя познать непосредственно, мы должны обратиться к слову автора, его речи, с автором нужно поговорить.

Также необходимо отметить, что «текст – печатный, написанный или устный = записанный – не равняется всему произведению в его целом (или «эстетическому объекту»). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается» (Бахтин, 1979: 390). Отсюда мы вынесем, что именно текст является полем исследования, с помощью которого мы подступимся к личности автора. Не забудем и про контекст.

Сейчас представляется важным определить взаимосвязь автора и героя в художественном произведении, выяснить, как соотносится литературная личность и личность автора, понять художественный метод поэта.

Для начала разграничим понятия и уточним, что «литературная личность» – не синоним творческой индивидуальности художника. Это, так называемая, система представлений о творческом облике, о его литературной судьбе, о личных качествах деятеля. Очевидно, что литературная личность тесно связана с представлениями читателей о художнике. Литературная личность строится из интерпретации творчества автора, а также репутации его личности. Здесь мы уже можем говорить о том контексте, который подразумевал Бахтин.

Образ автора формируется из трех аспектов: психологическая личность, социальная личность, лирический герой. «Это величина не только текстовая, но и до-текстовая, и за-текстовая, она не может исключить читательское пристрастие в процессе интерпретации... и исторической трансформации...» (Орехова, 1993: 45).

У автора и его лирического героя не всегда простые взаимоотношения и существует множество подходов в изучении их взаимосвязи. Так, есть мнение, что лирический герой – это «желаемый и художественно воплощаемый образ поэта» (Орехова, 1993: 11), который развивается вместе с автором и вместе с ним претерпевает все мировоззренческие и художественные изменения, а также получает «бытовое дополнение в интерпретирующем сознании читателя» (Орехова, 1993: 45), т.е. формирует литературную личность, как и было сказано выше.

Есть другой подход, который провозглашает самостоятельность героя, эмансипацию его сознания от сознания автора. Примером выражения такого подхода может послужить эстетически-философская концепция М.М. Бахтина. Согласно ей, герой и его жизнь составляют «ценностный центр» эстетической деятельности, герой обладает своей независимой реальностью. Герой и его мир не могут быть просто «созданы» творческой активностью автора, как не могут и стать для него только объектом или материалом. Эта позиция диаметрально противоположна предыдущей, потому что здесь представляется, что герой не несет в себе всего лишь какую-то функцию и не выражает мировоззрение автора, его идеологические ориентиры и ценности. Сознание героя не тождественно сознанию автора.

Творчество Я.П. Полонского говорит об обратном – в своих произведениях Полонский биографичен, и это мы поймем далее, рассматривая психологические портреты поэта, данные им его современниками. Стоит отметить и контекст эпохи, в которой творил Яков Петрович. Она является наследницей пушкинской эпохи, романтической поэзии, особенностью которой является неподдельное доверие к поэтическим образам. Здесь читатель верит в наличие интимных связей «между героем и автором, героиней и миром авторских чувств» (Лотман, 1995: 329).

Рассмотрим ряд психологических портретов Я.П. Полонского. Е.А. Штакеншнейдер, хорошая подруга Якова Петровича, описывает поэта не без особого романтизма: «Станный человек Полонский... Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено, а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной...» (Тхоржевский, 1986: 256).

Не одна лишь Елена Андреевна отзывается о Полонском с налетом романтизма. В поэте все, так или иначе, видели проявления романтичности. Он был рассеян, житейски непрактичен, роста большого, но кроткого нрава. Л.Ф. Пантелеев называет Полонского «большое дитя» (Орлов, 1961: 45). Ассоциации с детством, искренностью, наивной добротой при упоминании о Якове Полонском возникали у многих его знакомых. Так, драматург Д. В. Аверкиев считал Полонского «идеалистом чистой воды... с ясной душой,

непорочной, как у младенца» (Орлов, 1961: 40). Сущность поэта таковой и была. Как отмечает Е.А. Штакеншнейдер: «Ему не приходится сознательно играть, он, словно по наитию, всегда является таким, каков он есть» (Тхоржевский, 1986: 256).

К середине 1850-х гг. в умах русской интеллигенции уже сформировалось представление о личности Полонского, которая самым естественным образом созвучна его поэзии. А.В. Дружинин видел в ней «истолкование «тайн собственной души»» (Дружинин, 1855: 2). Поэзия может видеться таким образом, только когда душа автора находится в поэзии. Но не просто душа, а чуткая. «Я его мало знала прежде. Не знала его голубиной души; не знала ни тревог, ни колебаний, ни сомнений, ни огорчений этой души. Про нее можно сказать: «Творец из лучшего эфира соткал живые струны» ее; <...> «она не создана для мира, и мир был создан не для нее». А между тем творцом же он послан в этот для него созданный мир, бедный Полонский!» (Штакеншнейдер, 1934: 231-232) – пишет Штакеншнейдер в своем дневнике.

Лев Толстой «очень ценил в нем прямоту и честность» и «вообще признавал его добрым и искренним человеком» (Орлов, 1961: 42). Л.П. Шелгунова – предмет обожания Я.П. Полонского, писала ему: «Как часто думаю я, что хорошо было бы жить на свете, если бы побольше было таких чистых и ясных душ, как Ваша» (Орлов, 1961: 41). Таким образом, авторская искренность, его открытость, наивность, восприимчивость к переживанию, постепенно становятся руководящим художественным принципом поэта, исходя из чего, в творчестве поэта можно увидеть яркие автобиографические черты.

Поэзия Полонского имеет не просто оттенки психологического и философского устройства художника, она связана с ним напрямую. Личность Якова Полонского присутствует во всех складках платя его литературного творчества. А.В. Дружинин отмечает: «В стихотворениях г. Полонского <...> несомненно, лежит большая часть его жизни, <...> обильной испытаниями, трудом и печалью» (Дружинин, 1855: 18-19).

Убедиться в этом можно через отрывок письма, обращенный к А.А. Фету. После выхода из печати книги стихов «Вечерний звон» Полонский недоумевает: «По твоим стихам невозможно написать твоей биографии и даже намекать на события из твоей жизни... Увы! по моим стихам можно проследить всю жизнь мою. Даже те стихи, которые так тебе нравятся: «Последний вздох», затем «Безумие горя», «Я читаю книгу песен» – факты, факты и факты – это смерть первой жены. Мне кажется, что не расцвести около твоего балкона в Воробьевке чудной лилии, мне бы и в голову не пришло написать «Зной и все в томительном покое...» А не будь действительно занавешены окна в той комнате, где я у тебя спал, может быть, не было бы и стиха «Тщетно створю оконной»» (Тхоржевский, 1986: 335-336).

Обобщая, выделим главное: так как мы выяснили, что литературное творчество Я.П. Полонского носит автобиографический характер, мы можем сделать вывод, что в произведениях Я.П. Полонского герои говорят устами автора.

Лидия Гинзбург, советский литературовед, пишет: «У лирики есть свой парадокс. Самый субъективный род литературы, она, как никакой другой,

устремлена к общему, к изображению душевной жизни как всеобщей» (Гинзбург, 1974: 8). В ходе рассмотрения поэтического наследия Якова Петровича данный тезис находит свое объяснение. Полонский мастерски изображал любые движения человеческой души и на самом-то деле, в своих произведениях он чрезвычайно психологичен.

В своем творчестве Яков Петрович, как мы уже выяснили, был романтически настроенным. Его лирика отражает субъективный взгляд на мир, на искусство, в его творчестве доминирующим является принцип романтического художественного воссоздания действительности. Однако, это не исключает *поиска* более трезвого, реалистического отношения к жизни. В прозе Полонского мы можем заметить неподдельный интерес к судьбе «маленького человека», к отражению реального быта окружающих его людей (Гапоненко, 2011).

Можно сказать предварительно, что художественный мир поэта формируется в противопоставлении светлого, прекрасного, чем живет поэзия, суровой, темной глубине практической жизни. Это противопоставление часто перерастает в примирение, «житейское» в стихотворениях Полонского принимает отблеск «идеального»; идеальное же бросает обратный свет на «материальное» и отражается в нем (Гапоненко, 2011).

Поэт как будто бы расширяет границы поэтической ситуации, и приоткрывает нам завесу, под которой спрятано глубинное. Здесь мы можем встретить ряд размышлений о смысле человеческой жизни, о сознании человека, о Боге; часто встречаются думы о невозможном счастье, в лирике это – опасение за будущее, чувство неразделенной любви.

Для поэта было нередким явлением онтологическое вопрошание. В поэме «Мечтатель» Яков Петрович пишет: «Готов был плакать... Незаметно, ежась, / Я подошел к обломкам, – сам обломок / Великого чего-то, может быть, / И беспредельного чего-то, – но чего?» (Полонский, 1981).

Вопросы человеческого самосознания волновали Полонского еще с юности. В мемуарах поэта мы можем встретить: «С чего начинается наше самосознание – этого никто не помнит, и я не помню, полагаю только, что у всех оно начинается только с того момента, когда мы перестаем путаться в красках и очертаниях и начинаем кое-что наблюдать и запоминать, иначе сказать, с того момента, когда наше «я» и «не я» положит начало двум отдельным мирам: внутреннему и внешнему, душевному и материальному» (Полонский, 1986, 272). В еще одном отрывке, обозначенной выше поэмы автор задает вопросы о субстанциональности души: «Так если я спрошу тебя: куда / Осел дымок соломинки спаленной, –/ Ты без труда мне тотчас же ответишь: / На камни, на траву, на человека; / Но где рассеялось ее сознание? / В какую превратилась пыль – печаль?» (Полонский, 1981).

С одной стороны, в таких размышлениях нет никакой концептуальной новизны, однако благодаря авторской искренности образ лирического героя обретает психологически достоверные черты, он выражает душевный опыт самого поэта и его реальные переживания.

Философские искания поэта отражены не только в его литературном творчестве. В архиве ИРЛИ РАН мною был найден документ «Непосланные письма: статьи по поводу книги Введенского «О видах веры в ее отношениях к знанию»», в котором Я.П. Полонский рассуждает над *тройственностью Бога*, скромно называет себя не философом, а скорее поэтом, который любит философствовать. Полонский говорит, что для нас было бы как-то нелепо мыслить бога не тройственным, ведь мы живем в трехмерном пространстве. «Солнце, например, подходит ближе всего к тому, что создано по образу и подобию Божию. Солнце – тело или громадный (для нашего понятия) шар; солнце источник света и солнце источник тепла, двигатель, пробуждение жизни». Из этого следствия, еще одним аргументом Полонского является рассуждение о том, какое право мы имеем лишать бесконечное, нам неподвижное существо тройственности, которую замечаем в природе.

В другой, совсем небольшой, неизданной статье Якова Петровича есть пример рассуждения над такими абстрактными понятиями, как *дух и материя*. Статья посвящена критике философских взглядов Евгения Дюринга, который чрезмерно, по мнению поэта, доверяет науке и ошибочно считает, «метафизику отжившей и ненужной», на что Полонский замечает, что наука строится на гипотезах и этим самым она ничем не лучше метафизики (ИРЛИ РАН. Ф. 241. Оп. доп. Д. 124. Л.3.). В противовес немецкому философу, полагавшему, что дуализм материи и духа – это что-то отсталое и даже «языческое», Полонский пишет: «дуализм – духа и материи – выражает собою вовсе не две друг другу враждебные или борющиеся силы, что конечно смахивало бы на язычество, а есть нечто взаимно друг в друга проникающее, вечное, а потому и непонятное нам, живущим во времени» (ИРЛИ РАН. Ф. 241. Оп. доп. Д. 124. Л.1.).

Представляется важным обратить внимание на тот факт, что поэтическое творчество Полонского наполнено диалогическими интенциями, апелляциями к «другому». Часто встречается разговор, вопросно-ответные реплики. Это можно заметить даже на стилистическом уровне, хотя бы по названиям его произведений. Вот только лишь некоторые примеры: «Последний разговор», «Последний вздох», «Рассказ волн», «Песня цыганки», «Слышу я, моей соседки...», «Ответ». Стилистически обращение проявляется в использовании императивных форм глаголов: «Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый! Смотри...», «Не жди», «– Подойди ко мне, старушка...».

Многое в лирике Якова Петровича является отзывом на слово «другого», воспроизводится событие диалога не только с другими людьми, но и с миром природы. Диалог, обращенность к другому, со-чувствие в лирике Полонского органично, казалось бы, что наличие диалогического модуса здесь естественно.

«Активность познающего безгласную вещь и активность познающего другого субъекта, то есть *диалогическая* активность познающего. Вещь и личность (субъект) как *пределы* познания» (Бахтин, 1979: 383) – эти строки из труда М.М. Бахтина натолкнули на мысль – существование разных видов активности познавательной деятельности, в том числе обращение к другому (посредством диалога), является формой познания. Яков Петрович предпочитал выстраивать свои поэтические произведения в виде диалогических модусов,

однако, его произведения биографичны. Не означает ли это, что лирические труды Якова Полонского являются выражением активного процесса самопознания?

Думается, в мыслях и поступках Я.П. Полонского, в его образе жизни, есть философское мировоззрение, которое было не понято его современниками и не хочет быть понятым людьми теперешнего века. В литературных произведениях Якова Петровича присутствует некоторый тематический комплекс, а именно – установка на экзистенциальное понимание человека, онтологическое вопрошание.

Идеал человека: взгляд поэта с христианским мышлением

Онтологические взгляды Якова Петровича исходят из христианства, и поэтому мирозерцание поэта было определено через идеал совершенного человеческого бытия, залогом которого в жизни являлся «союз любви и знания» (Федосеева, 2014).

Поэт следовал идеалам православной антропологии с самого детства, в автобиографическом сочинении «Старина и мое детство» Полонский характеризует свою семью как «богомольную и патриархальную». Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что мировоззрение поэта формировалось под влиянием православного уклада жизни. «Деятельная фантазия, выражавшаяся в мечтательности, которая развивалась на религиозной почве, проявилась у нашего поэта довольно рано, в детском возрасте» (Покровский, 1906: 103) – такое замечание делает исследователь жизни и творчества Якова Петровича.

Впечатлительный Полонский через всю жизнь пронес свои детские переживания. Яков Петрович писал Софье Сонцевой: «Читаю я теперь Фейербаха... Атеизм никак не гармонирует с моей натурой, но ум и его признает... Быть может, люди нового поколения и в сфере полнейшего неверия сумеют совершенно акклиматизироваться и отрастить новые крылья – не знаю. Говорю о себе – до сих пор я был идеалистом. В новом воздухе – прежде, чем летать, нужно еще дышать привыкнуть» (Тхоржевский, 1986: 464).

Полонский много рассуждает об Иисусе Христе. Он говорит: «Если бы даже не было исторического Христа, если бы лицо это и было только созданием человеческого творчества, и в таком случае, создание человеческого образа, без греха, было бы ничем иным как идеалом, каким должен быть человек, ничем иным как словом бога, воплотившимся на земле» (ИРЛИ РАН. Ф. 241. Оп. доп. Д. 119. Л. 4.). Продолжая разговор о Христе, Полонский говорит, что мы никогда не видели человека без единого греха, а значит, мы не можем утверждать, что чудеса Христовы невозможны: «Только цельный человек, без всякой примеси животных инстинктов, есть образ и подобие Божие. Такого человека никто из нас не видел, никто не встречал, и, стало быть, никто не знает, в чем его сила, какими именно обладает он свойствами. А если никто не видел и не изучал его, то как может кто-либо утверждать, что такой человек не может ходить по волнам, не может исцелять прокаженных, не может воскрешать мертвых и не может преодолеть своей собственной смерти и встать из гроба.» (ИРЛИ РАН. Ф. 241. Оп. доп. Д. 119. Л. 5).

Если мы продолжим рассматривать архивные материалы, то увидим, что Полонский полагает, что миссия Христова заключалась в том, чтобы стать человечеству идеалом. Но в современном обществе «идеал, единственный, достойный человечества, идеал человека – потерян». Большая, но слишком хорошо описывающая настроение поэта, цитата как подтверждение волнений Полонского: «Почему никакие материальные улучшения нашего быта, ни железные дороги, ни телеграфы, ни телефоны, ни электрическое освещение, ни водопроводы, ни монументальные сооружения, ни чудеса механики, ни накопление богатства и роскоши, не мешают современному мыслящему человеку тосковать так, как человечество еще не тосковало, и так отчаиваться людям зажиточным, как не отчаиваются даже нищие? Почему число самоубийств растет не только среди нищих, но и среди людей, совершенно обеспеченных? Не потому ли, что все эти открытия, все эти удобства жизни, нисколько не мешают человеку быть таким же полуживотным, а иногда и совсем животным с человеческой головой, т.е. хуже всякого животного. И не потому ли, что цель жизни потеряна; и при мысли, какая ничтожная пылинка наша земля по сравнению с бесконечным миром, и как ничтожна продолжительность дней наших в бездне вечности, никогда еще слова Эклезиаста «Суета сует, суета всяческая» не были так страшны и так много знаменательны» (ИРЛИ РАН. Ф. 241. Оп. доп. Д. 119. Л. 9.).

Я. П. Полонский утверждает, что современное ему общество поражено болезнью, но не обвиняет в этом никого. Поэт считает, что такое человеческое поведение спровоцировано желанием человека внести свою лепту в историю, в то время как желающий этого не разобрался со своими экзистенциальными вопросами. От чего, на мой взгляд, о Якове Петровиче отзываются его современники как о «милом», «добром», «кротким», «понимающим» – от того, что он был искренен. Всю жизнь его преследовали размышления о человеке и о себе. В своих студенческих воспоминаниях он пишет: «Что-то недоброе стало скопляться в душе моей; происходила страшная умственная и нравственная ломка. Я стал сомневаться в своем собственном существовании. Действительно ли существуют люди, солнце и звезды, все, что я вижу и слышу, или все это только снится мне?» (Полонский, 1988: 382).

Религиозные рассуждения, высокая впечатлительность, жизненные трудности – Яков Петрович всегда находился в поиске ответов на свои вопросы. Это был честный поэт. В своих письмах он признавал, что у него нет никакой философской системы, что очевидно. «Вы сами понимаете, что пишет к вам не философ» (ИРЛИ РАН. – Ф. 241. – Оп. доп. – Д. 119. – Л. 9.). «Я не превосходный мыслитель» (Чехов, 1984). Но определенно философская направленность у Полонского есть.

Экзистенциальный статус любви в лирике Я.П. Полонского

Если мы реконструируем воспоминания Я.П. Полонского, то увидим, что он осмысляет любовь как смыслообразующую категорию. В мемуарах поэта часто можно встретить по-доброму наивные восхищения перед объектом его симпатии, эстетическое переживание, связанное с близостью этого объекта.

Так, поэт описывал один из дней своего детства, проведенный рядом с нравившейся ему девочкой: «Целый день высочайшего эстетического наслаждения, целый день сладкой тревоги и боязни каким-нибудь глупым словом или резким движением оскорбить или обеспокоить мое маленькое божество, такое свежее, милое и нарядно-воздушное!» (Полонский, 1988: 307).

Подрощи, Полонский не перестает испытывать удовольствие от созерцания женщин. Уже в юношеские годы Яков Петрович видит в женщине что-то божественное, примером тому стихотворение «Диамея» (1844): «О, скажи мне одно только, кем из богов / Ты была создана? кто провел эту бровь? / Кто зажег этот взгляд? кто дал волю кудрям / Так роскошно змеиться по белым плечам?» (Полонский, 1986: 37). Образ красавицы обожествляется и содержит намеки на поклонение античным богам и богиням: «...я должен из мрамора храм / Возвести на холме и возжечь фимиами!». Для поэта женская красота никак не связана с похотью, в его душе осуществляется возвышенное духовно-эстетическое переживание. Так, после непродолжительной встречи с одной красавицей, Полонский пишет: «На нее смотрел я с затаенным, почти религиозным благоговением. Можно восторженно смотреть на Сикстинскую Мадонну, но разве возможно влюбиться в нее или за ней ухаживать?» (Полонский, 1986: 426).

Подобные переживания описаны и в более позднем произведении Полонского, в поэме «Мечтатель» главный герой отправляется на поиски прекрасной незнакомки, которую заметил выходящей из храма и больше не смог ее найти: «Ведь он пошел на поиски за ней / Не для того, чтоб ей в любви признаться, / Не для того, чтоб ею обладать, / А для того, чтоб видеть – только видеть, / И насладиться этим лицеизреньем, / Как наслаждаются святые старцы / Или аскеты, созерцая образ / Мадонны – лик небесной красоты...» (Полонский, 1894). Встречу с предметом своего воздыхания лирический герой описывает так: «Говорят, / Мадонна / Рафаэля – совершенство; / Но совершеннее того, что дал мне Бог / Увидеть – я не знаю...» (Полонский, 1894).

Любовная лирика раннего периода творчества Я.П. Полонского во многом определяется повторяющимися мотивами, которые формируют лирические сюжеты. Сюжетные линии могут быть связаны здесь образом возлюбленной, определенными ситуациями из жизни, образами-символами, а также медитативным выходом лирического субъекта на уровень осознания сущности любви. У Полонского получается выход бытийных смыслов из обыкновенных, бытовых контекстов. Здесь нужно отметить идеалистическое направление мысли, которое в годы юности легло на воззрения молодого поэта, окрасило собой воссоздаваемый им в лирике мир, определило сущностное значение вещей в этом мире (Федосеева, 2017).

В стихотворении «Маяк» рисуется в общем-то привычный образ потерявшегося корабля. Корабль этот сбился с пути и не знает, куда ему плыть, так как даже небо черно и звезды, символизирующие смысл жизни, не видно. Так одинокий корабль в море жизни пытается найти дорогу, и ему нужен свет – маяк – истинный свет, который является светом любви. Свет маяка жизненно необходим: «Один маяк вдали – и нет ему затмения / И дела нет ему до мрачных облаков...» (Полонский, 1846: 28).

Любовь для Полонского – одухотворенное и глубокое чувство и в ней он ищет, прежде всего, сочувствия. Любовь смягчает души и покрывает все тяготы жизни. В стихотворении «Финский берег» (1852 г) поэт пишет: «Когда б любовь мне спутницей была, / Я проклинать не стал бы даже зла...» (Полонский, 1986: 149). Только любовь в этом мире имеет цену – только она дает человеку прибежище и защиту, превращаясь в "щит", как в стихотворении «Поцелуй» 1863 г.

Мировоззренческая позиция Полонского держится того, что любая борьба будет священна, если «в идеале человеческой жизни» «стоит любовь» (Орлов, 1961: 54): «Любовью – к правде нас веди! / Нет правды без любви в природе, / Любви в природе нет без чувства красоты, / К познанию нет пути нам без пути к свободе, / Труда – без творческой мечты...» (Полонский, 1986: 161).

В самой знаменитой работе Полонского, поэме «Кузнечик-музыкант» (1859) автор рассказывает историю о самоотверженной любви кузнечика, который во имя любви готов на многое: уступить некоторые принципы своего творчества, ставить себя в неловкое положение из-за своего социального статуса, подносить все к ногам возлюбленной, а после того, как она предпочтет кузнечика другому, более солидного певца – соловья, бесстрашно отправиться на ее поиски. Но самое главное – кузнечик сочувствующий, он чужд эгоистическим стремлениям. После того, как он находит тело мертвой Сильфиды, он хоронит ее и горько печалится, «сердцем надрываясь». Антипод его, соловей, же категорично бесчувствен ко всему.

В еще одном прозаическом произведении Якова Петровича «Женитьба Атуева» появляются рассуждения о любви и воплощении ее в семейную жизнь:

«– А если я чувствую потребность иметь около себя существо, которое бы я любил, уважал и так далее.

– То есть потребность жить семейною жизнью? Ну, так не ломайся и не прикидывайся несчастным, если нашлась такая женщина, которая может любить и подарить тебя семейным счастьем. Бери ее себе на веки вечные, храни ее как зеницу ока; нянчи детей, копи деньги на их воспитание, словом, будь мужем и отцом. Или тебе хочется быть семьянином, не будучи ни мужем, ни отцом? Ну, в таком случае, донжуанничай, – кто тебе мешает!

– Твое возражение никуда не годится. Во-первых, Дон-Жуаны выдуманы; их нет. Это глупая, поэтическая фантазия. А если и были Дон-Жуаны, то наше время не признает их, как идеалистов пустых и вредных. Я хочу разумной и свободной семейной жизни, а ты советуешь мне донжуанничать» (Полонский, 1986: 287).

Полонский в духе своей поэзии с первого взгляда влюбился в свою первую жену, предложение руки и сердца он сделал в первый же день после их встречи. Так он это описывает: «Божий голос или голос Мефистофеля в эту минуту шепнул мне: «Вот та, которую ты искал всю свою жизнь, кроме нее для тебя никого нет на свете».

«Любить по-своему, – уверен поэт Полонский, – значит любить сообразно с характером своей поэтической личности» (Тургенев, 1950: 250-251),

поступающей в согласии с принципом: «Все, что человечно, то и божественно» (Тургенев, 1950: 258).

Так мы видим, что онтологический статус любви у Я.П. Полонского восходит к христианскому чувству, к самоотверженности. Лирические герои стихотворений поэта часто поступают самоотверженно, бережно относясь к предмету своего воздыхания. Они боятся нанести ему вред, ввести в заблуждение, как-то опорочить то, что считают божественным. Даже если герой имеет в душе какую-то сердечную обиду, мы не увидим злобы или гнева, его настроение всегда доброе, максимум, что мы можем увидеть – тихую светлую грусть.

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 645-680.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. Электронный ресурс: URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm (дата обращения 21.04.2020)
4. Гапоненко П. А. Поэзия «чистого искусства»: традиции и новаторства. Электронный ресурс: URL: <https://www.dissercat.com/content/poeziya-chistogo-iskusstva-traditsii-i-novatorstvo> (дата обращения 17.02.2019)
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд. М., 1974. 408 с.
6. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского // Современник. СПб., 1855. Т. 54. С.2
7. ИРЛИ РАН. – Ф. 241 (Я.П. Полонский). Оп. доп. Д. 119.
8. ИРЛИ РАН. – Ф. 241(Я.П. Полонский). Оп. доп. Д. 124.
9. Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Статьи и заметки 1960 – 1990. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 21–184.
10. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза. Автореф. дисс... доктора филол. наук. М., 1993. 32 с.
11. Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. Рязань, 1961. 96 с.
12. Переписка А. П. Чехова. В двух томах. Том первый М., "Художественная литература", 1984. Электронный ресурс: URL: <http://jakovpolonsky.ru/node/784> (дата обращения 06.04.2020)
13. Письма Я.П. Полонского (1857–1873) Письмо Тургенева // Из парижского архива И.С. Тургенева. Из неизданной переписки / ред. А.Н. Дубовиков, И.С. Зильберштейн. М.: Наука, 1964. (Литературное наследство. Т. 73. Кн. 2). С. 195.
14. Покровский, В. И. Яков Петрович Полонский: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. ст. / Сост. В. И. Покровский. М.: тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1906. 470 с.
15. Полонский Я. П. Стихотворения. – Л: Советский писатель, 1954. 548 с.
16. Полонский Я.П. Кузнечик-музыкант // Стихотворения. Поэмы. М., "Правда", 1986. Электронный ресурс: URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0060.shtml (дата обращения 03.05.2020)
17. Полонский Я.П. Мечтатель. Юноша 30-х годов XIX столетия. (1894) Электронный ресурс: URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Мечтатель_\(Полонский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Мечтатель_(Полонский)) [https://ru.wikisource.org/wiki/Мечтатель_\(Полонский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Мечтатель_(Полонский)) (дата обращения 03.03.2020)
18. Полонский Я.П. Письмо Н.Н. Страхову 1863 г. Электронный ресурс: URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0150.shtml (дата обращения 26.09.2019)
19. Полонский Я.П. Поэзия, поэмы // Сочинения: в 2 т. / сост. и коммент. И.Б. Мушиной. М.: Худож. лит., 1986. т. I. С. 37.
20. Полонский Я.П. Проза / сост. Э.А. Полоцкой. Москва : Советская Россия, 1988. 496 с.
21. Полонский Я.П. Стихотворения 1845 года. Одесса: Тип. А. Брауна, 1846. С. 28

22. Полонский Я.П. Стихотворения. М.: «Советская Россия», 1981 г. URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0010.shtml (дата обращения 07.04.2020)
23. Соловьев В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Поэзия как жанр русской философии / Сост. И.Н. Сиземская. – М.: ИФРАН, 2007. С. 122 – 128.
24. Страхов Н.Н. Некрасов и Полонский, 1870. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_nekrasov_i_polonsky_olorfo.shtml (дата обращения: 19.09.2019).
25. Тургенев И.С. Переписка с Я.П. Полонским. Вступ. статья и коммент. Г.П. Миролубова // Звенья. Т. 8. М.: Гос. Лит. музей, 1950. С. 152–262.
26. Тхоржевский, С.С. Высокая лестница // Тхоржевский С.С. Портреты пером: исторические повести. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 363–542.
27. Федосеева Т.В. Онтология любви в ранней лирике Я. П. Полонского // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 4 (57). С. 97–113.
28. Федосеева Т.В. Творчество Я. П. Полонского: о направлениях современного изучения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. № 3 (44). С. 66-83.
29. Философские течения русской поэзии: А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А.В. Кольцов, М.Ю. Лермонтов, Н.П. Огарев, Ф.И. Тютчев [и др.]. / Сост. П. Перцов. – 1899. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003675695 (дата обращения: 17.09.2019)
30. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854 – 1886) / Редакция, статья и комментарии И. Н. Розанова. М.–Л.: Academia, 1934. 582 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нефёдова Валерия Алексеевна*, студентка направления 47.03.01 Философия Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; kallerooya@yandex.ru

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ А.Ф. КОНИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА XIX СТОЛЕТИЯ

В статье рассматривается философское наследие А.Ф. Кони в области философии права и нравственной философии. Даны обзорные характеристики русской философии права XIX века путём выделения основных дисциплинарных направлений и исследовательских приоритетов. Особое внимание уделено нравственным аспектам русской философии права. Исследуется и описывается наследие А.Ф. Кони в области русской философии права, в том числе на основе архивных материалов Пушкинского дома ИРЛИ РАН. Особое внимание уделено рассмотрению понятий личности, общества и правосудия в трудах А.Ф. Кони.

Ключевые слова: философия права, правосудие, нравственность, А.Ф. Кони, личность, справедливость.

D.V. Apatenko

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL INITIATIVES A.F. KONI IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW OF THE 19TH CENTURY

The article considers the philosophical heritage of A.F. Koni in the field of philosophy of law and moral philosophy. The review characteristics of the Russian philosophy of law of the 19th century are given by outlining the main disciplinary directions and research priorities. Special attention is paid to the moral aspects of the Russian philosophy of law. A.F. Koni's heritage in the field of Russian philosophy of law is researched and described, including on the basis of archival materials of the Pushkin House of IRLI RAS. Special attention is paid to the consideration of the concepts of personality, society and justice in the works of A.F. Koni.

Keywords: philosophy of law, justice, morality, A.F. Koni, personality, right.

Русская философия права в настоящее время является мало развитой областью историко-философского знания и представлена в современных философских исследованиях не слишком многочисленным рядом ученых, преимущественно XIX в. А.Ф. Кони является тем мыслителем, которого нечасто можно увидеть в актуальных перечнях представителей русской философии права³. Его философия носит преимущественно практический характер, она не систематизирована, не спрятана за формальными конструкциями. Философия А.Ф. Кони обращена к «живому» началу человеческой души в её отношении к основаниям и практикам русского правопонимания.

³ Он отсутствует, например, в таких энциклопедических и справочных изданиях, как: Русская философия права: философия веры и нравственности.- СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. 398- с. Имени А.Ф. Кони мы так же не встречаем в обзорно-тематических исследованиях, посвящённых русской философии права, напр. Поснов, И.В. Философия права конца XIX века. // Вестник МГТУ, том 7, №2, 2004 г, Емельянов Б.В., Лицук А.А., Русаков В.М. Русская философия права: становление, взаимодействия, особенности. (Электронный ресурс) <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-filosofiya-prava-stanovlenie-vzaimodeystviya-osobennosti/viewer>. (дата обращения 14.04.2020)

Рассмотрение этико-философских инициативных идей А.Ф. Кони является актуальным как в историко-философском, так и юридическом контекстах. А.Ф. Кони обращает нас к нравственным началам правосудия, рассматривает проблемы, связанные со свершением справедливости – одной из фундаментальных этических категорий, онтологически определяющих возможность правосудной деятельности, трактует вопрос о нравственном чувстве судьи, вопросы о статусах участников судебного производства и о должном отношении к ним и пр.

Для уточнения контекста исследования, видится необходимым некоторое условное выделение дисциплинарных направлений и исследовательских приоритетов XIX столетия. В интеллектуальной истории России XIX века разностороннее развитие получила философия права, представленная такими направлениями, как: философский и юридический позитивизм, индивидуалистические и психологические теории, религиозно-этические, а так же различные ответвления теории естественного права (Поснов, 2004:288). Особо крупное влияние имели неокантианская и неогегельянская философско-правовые ветви (Поснов, 2004:288).

Одной из наиболее крупных ветвей русской философско-правовой традиции является философский и юридический позитивизм. К представителям данного течения относят: К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, С.В. Пахмана, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева ⁴. Данное направление исключает внесударственное происхождение права. отождествляется право и закон (в этих понятиях мыслится одно и то же содержание). Зачастую в рамках юридического позитивизма понимание самого явления права ограничивается только правовыми нормами, иными словами, можно сказать, что юридическому позитивизму свойственно слишком узкое понимание права, сводящееся к формальному легализму. Чрезмерный формализм, так или иначе, уводит понимание права от некоторых философских оснований и делает его явлением обособленным и вполне абстрактным. Исследователь И.В. Поснов отмечает, что позитивизм декларировал свой отказ от решения основополагающих вопросов философии, «сознательный уход от основных вопросов философии провозглашался позитивизмом в качестве нового пути философии, свободного от метафизики и истинно научного» (Поснов, 2004:289).

Философский позитивизм понимался как нечто принципиально новое и передовое. Правовед и социолог Н.М. Коркунов говорил о том, что философия права после того, как вышла из-под крова метафизических систем, оказалась лицом к лицу с принципиально новым философским созерцанием, которое, в свою очередь, своей основой имеет лишь строго научный, положительный

⁴ Проблемы развития и становления юридического позитивизма как типа правопонимания в России рассматривал целый ряд исследователей: Байтин М.И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 43.; Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 28; Опалек К., Вроблевский Е. Юридический позитивизм // Против правовой идеологии империализма / Под ред. В. А. Туманова. М., 1962. С. 39–40, Радько Т.Н., Медведева Н.Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права России // Государство и право. 2005. № 3. С. 6. и др.

метод (Коркунов, 1882:4). Таким образом, изучение права начинает приобретать строго формальные научные методологические рамки, в определённой мере игнорируя этико-аксиологические компоненты. «Теория юридического позитивизма была проникнута духом легальности в смысле следования букве действующей юридической нормы» – отмечает И.В. Поснов (Поснов, 2004:290).

В контексте философско-юридического позитивизма становятся актуальны логико-догматические компоненты, и исключается проблема самого смысла существования права. Со временем появились другие конкурирующие теории, так как юридический позитивизм, вероятно, не отвечал на многие вопросы и возражения живых, пытливых умов.

Другим направлением исследования в области философии права стали психологические правовые теории, утверждающие важную роль психики и индивидуальных качеств человека в процессе становления права. Представителями психологической теории здесь считаются Л.И. Петражицкий, С.А. Муромцев⁵. Оформленная психологическая теория Л.И. Петражицкого появляется в XX веке. Одним из первых, кто начал обращать внимание и на психологические аспекты права был Н.М. Коркунов, который указал на значимость общего психологического состояния граждан для государства и политики (Коркунов, 1997:132). Импульс, который исходит от подвластных имеет не меньшее значение, чем импульс, исходящий от властвующих. Судя по всему, этот самый импульс имеет в себе тот самый психологический заряд, в котором соединяются множество индивидуальностей и который, так или иначе, влияет на состояние и развитие государства. В психологической теории совершается антропологический поворот и центром внимания и исследования становится сам человек. Он становится своего рода «мерилом» в том числе и правовых отношений. В психологической теории особый акцент сделан на эмоциональную составляющую человека, которая в свою очередь является движущим элементом, который определяет поведение человека. Психологическая ветвь теории права оформлялась в течение XIX-XX веков. Психологическая теория, несомненно, расширяет рамки понимания права, и выводит его из положения самодовлеющей абстракции, в положение вполне конкретного жизненного явления.

В свою очередь, не отставало и развитие более традиционной, естественной правовой концепции. В XIX веке одними из её представителями стали В.С. Соловьёв и Б.Н. Чичерин. Позиции Чичерина о естественном происхождении права базируются на его убеждениях о разумности человека и наличии у него свободной воли. Именно разум и свободная воля являются источником права. Понимается это следующим образом: источником права является не сама свобода воли, а признание человека существом сознательным, и потому обладая свободой, он может требовать её признание от других (Чичерин, 1997:83-100). Несмотря на то, что право, так или иначе, исходит из свободной воли человека, Чичерин всё же

⁵ Вклад в развитие психологической теории права Л.И. Петражицкого признаётся П. Е. Михайловым, Г. Д. Гурвичем, Д. Дембским, М. А. Рейснером, П. А. Сорокиным.

отделял право от нравственных начал человеческой души, признавая его явлением автономным (Чичерин, 1997:83-100). Отсюда его деление значения права на субъективное (нравственная возможность, допущение сделать) и объективное (то есть сам юридический формальный закон).

В отличие от предшествующих теорий XVII-XVIII веков, Чичерин несколько изменяет концепцию естественного права. Он не видит в естественном праве абсолютную и неизменную норму, с которой должно соотноситься всякое положительное законодательство. В философии права Чичерина основное место занимает понятие личности, однако трактуется её роль вполне классически: человек обладает свободой и пытается расширить её границы, однако его свобода неизбежно встречается со свободой других людей и возникает необходимость регулировать эти отношения. Их регулирование происходит уже, непосредственно, соотносясь с разумными началами человеческого сознания.

Говоря о втором представителе естественно-правовой концепции – В.С. Соловьёве, следует отметить, что для него право есть звено между нравственным сознанием и действительной жизнью (Дубатова, 2006:38). Право возникает наряду с иными социальными явлениями и организациями. До тех пор, пока существует родовая община, право действует имманентно, когда община начинает распадаться, право начинает отделяться и из имманентного регулятора превращается в договор. Необходимыми условиями соблюдения естественного права являются свобода и равенство. Человека не нужно принуждать к добрым поступкам, он должен прийти к этому соотносясь со свободной волей, однако право всё же устанавливает некие определенные границы с той целью, чтобы общежитие людей было в принципе возможно.

Русская ветвь концепции естественного права вполне вписывается в западноевропейскую традицию, разумеется, со своими отличительными чертами. Данная ветвь продолжала занимать одну из господствующих теорий и подвергалась тщательной разработке и исследованиям.

Существовала ещё одна ветвь в области философско-правовых исканий, связанная с нравственными доминантами правосознания. Нравственная сторона права в той или иной мере интересовала всех мыслителей и исследователей, к какой бы традиции они ни принадлежали.

А.А. Корольков отмечал: «Чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам столь свойственное народам протестантской и католической ветвей христианства, чуждо исторической культуре русского народа» (Корольков, 1997:6). «В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью» – заключает он (Корольков, 1997:6).

Труды, посвящённые нравственным вопросам права мы находим у М.М. Сперанского, Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, В.Г. Щеглова, Е.Н. Трубецкого, Л.И. Петражицкого, Б.П. Вышеславцева и других ⁶. Примечательно, что рассуждения о нравственности нередко

⁶ К самым известным из них можно отнести напр.: Сперанский М.М. О свободе и рабстве // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С.43-46., Чичерин. Б.Н. Нравственный мир // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд.

происходили в плоскости религиозной тематики, нравственность, так или иначе, граничит с верой. XIX век для юридической сферы жизни общества является временем изменений и преобразований. Все эти преобразования, в своем большинстве были нравственно ориентированы⁷. Вопрос о нравственных доминантах русского правосознания попрежнему остаётся открыт, однако очевидно, что этот вопрос находил отклик в интеллектуальной жизни XIX века.

XIX век особенно полно насыщен исследованиями в области нравственно-правовой проблематики. Происходил процесс переосмысления нравственных установок в правовой жизни российского общества, который впоследствии ознаменовался одним из главных событий в истории российского правосудия – судебной реформой 1864 года. Примечательно, что именно в XIX веке русская философия права стала представлять собой вполне конкретное исследовательское направление, которое органически вплеталось в интеллектуальные и академические круги российского общества.

Одной из характерных черт нравственно-правового направления в России является его ответственность западной традиции. Российские философы находятся в ответном разговоре с западными мыслителями, с их идеями. Среди наиболее предпочитаемых западных собеседников – И. Кант, Х. Томазий, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, Монтескье, Гегель (Новгородцев, 1997:217-219).

Так же стоит отметить, что русская традиция не столько органически продолжает западную, сколько полемизирует с ней, причем не в области государственно-политических аспектов права, а преимущественно в области морально-нравственных, а нередко, и религиозных вопросов.

С.А. Воробьева в статье «Нравственные аспекты правосознания как фактор национальной идентификации в русской философии истории XIX в.» намечает общий контур нравственно-правовых доминант, которые нашли своё место в интеллектуальной истории XIX столетия. Среди них: изучение нравственных основ правосознания личности, как общественного индивида, отношения государства и личности, вопросов свободы и ответственности человека, границ деятельности государства, гарантированности прав личности (Воробьева, 2007:196).

Вопрос соотношения разума и свободы воли является одним из центральных в нравственной философии (в том числе и отечественной). Рассматривая труды отечественных правоведов, можно заметить, что в них присутствуют доминанта свободы. Так, например, правовед А.П. Куницын,

АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 83- 110., Коркунов Н.М. Проблемы права и нравственности// Русская философия права: философия веры и нравственности.- СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997.- С. 128-149., Вышеславцев Б.П. Мораль и закон рабстве // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С.380-390. и др.

⁷ Речь идёт о следующих преобразованиях: становление суда самостоятельным независимым институтом, введение принципа гласности, наделение участников судебного процесса равными правами, возможностью выступать с доказательными речами и участием в дискуссиях, введение суда присяжных. См. об этом напр. Судебная реформа Александра II. [Электронный ресурс] URL: <https://istoriarusi.ru/imper/sudebnaja-reforma-aleksandra-2-1864.htm> l (дата обращения 23.02.2020).

говорит о безусловных повелениях⁸ (Куницын, 1997:48), которыми называет предписания разума в отношении человеческих поступков. Рассматривая роль разума и воли в отношении законодательства, он допускает лишь то законодательство, которое проистекает из общих начал разума. Из нравственной доминанты человеческой свободы исходит и известный философ-правовед – Б.Н. Чичерин, который говорит о двойственности человеческой природы, одна сторона которой стремится к достижению удовольствия и избеганию страдания, а другая носит ограничительный характер и связана с понятием обязанности, которой он подчиняет свои личные влечения. Соответственно, находясь в таком положении, человек неизбежно будет в своей жизни оказываться не раз перед выбором, разрешение которого будет проявлением акта свободы в сторону либо нравственного, либо природного (животно-инстинктивного) (Чичерин, 1997:83). Б.Н. Чичерин ставит в центр своих этических поисков исследование нравственного закона. Б.Н. Чичерин хорошо знаком с наследием И. Канта, и именно категорический императив, сформулированный И. Кантом, он именуется тем самым нравственным законом, «верховным нравственным законом, истекающим из существа самого разума». Понимает Б.Н. Чичерин этот нравственный закон следующим образом: закон имеет характер формальный, он не диктует человеку определённых инструкций поведения, содержание этого закона определяется жизнью, конкретными жизненными обстоятельствами каждого отдельного человека, его содержание зависит от данных жизненного опыта. Под обязанностью Б.Н. Чичерин понимает подчинение частных стремлений сознанию общего закона.

Ещё одна нравственная доминанта XIX столетия, на которой стоит остановить внимание – это живой или животворящий момент права. Понятие «жизни» в контексте этико-правовых размышлений нельзя обозначить как чёткое и вполне ясное. Никто из философов не даёт чёткого и развернутого пояснения того, что он понимает под этим самым живым моментом права. Вероятно, это связано с буквальностью понимания этого жизненного момента. Речь идёт о полной совместности права с конкретной жизненной действительностью. Закон не придумывается, не конструируется, а лишь фиксируется и записывается уже после того, как образовался из конкретной жизненной практики. О жизненных основаниях права говорили П.И. Новгородцев, Н.М. Коркунов, К.С. Аксаков, К.Д. Кавелин.

Следующей доминантой русского философского правопонимания является его устремление к поиску религиозных и трансцендентальных оснований права. Русским философам-правоведам была чужда мысль о восприятии права только как внешнего формального регулятора общественных отношений. Они всегда ждали от права чего-то большего. Например, П.И. Новгородцев писал о том, что русский дух выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, нежели просто право или государство (Новгородцев, 1997:212). Новгородцев говорит о достижении общественного идеала, которое

⁸ Безусловное веление- термин синонимичный категорическому императиву. То есть речь идёт о безусловном велении влекущими за собой свободный выбор.

невозможно без Бога. «Единственный, подлинный и совершенный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности, и их всепронизывающей солидарности» (Новгородцев, 1997:216). Для Новгородцева Закон Божий (или закон любви) является высшей нравственной нормой, соответственно и право, и государство, должны черпать свой дух из этой высшей заповеди.

К нравственно-религиозным основаниям права в своих исследованиях обращается И.В. Михайловский, который признавал необходимость изучения философии права для практикующих юристов, называя её «нитью Ариадны» (Михайловский, 1997:236). Михайловский отмечает совесть как проявление духовной сущности человека, его собственного я в связи с всеобщим этическим порядком. «Совесть есть отражение в нашем духе абсолютных разумно-этических начал. Эти начала заложены в нашем духе в виде дремлющих потенций, которые постепенно развиваются на протяжении всей бесконечной эволюции духа» (Михайловский, 1997:236).

Выделенные три нравственные доминанты философского правопонимания в России: установка на свободу, признание жизненного момента права и устремление за границы формального, в сторону трансцендентальных (в том числе религиозных) оснований права характеризуют общие настроения русской философско-правовой традиции.

Интеллектуальная история России XIX века многогранна. Одной из главных её характеристик является то, что на первый план выходят идеи и исследования преимущественно социально-политического характера, уточняется и пересматривается понятие и роль личности отдельного человека в контексте общественной жизни. Особенно ярко данная доминанта даёт о себе знать в плоскости политической философии и философии права. Поднимаются вопросы, связанные с нравственными и этико-ориентированными аспектами. Зачастую исследователями в области этического становятся люди, имеющие прямое либо косвенное отношение к юридической сфере, будь то практическая область (практикующие юристы), или теоретическая (профессура высших учебных заведений)⁹.

Русская этико-правовая традиция отличается особой восприимчивостью и, несомненно, она оказала своё влияние на формирование этико-правовых взглядов известнейшего юриста XIX столетия – Анатолия Фёдоровича Кони. Речь идёт, прежде всего, о прямом влиянии. Так, например, известно, что отец А.Ф. Кони испытывал серьёзный интерес к трудам И.Канта, и, вероятно, передал этот интерес и своим детям (Амелин, 2018:3). Впоследствии это подтверждается в многочисленных заметках А.Ф. Кони, в которых он часто обращается к наследию Канта в области моральной философии. А.Ф. Кони так же знал лично Б.Н. Чичерина, о котором шла речь ранее, они поддерживали общение по переписке. Знаком был А.Ф. Кони и с А.Д. Градовским, который так же являлся известным профессором права и внёс значительный вклад в

⁹ Среди них- люди, общеизвестные отечественной истории и философии: М.М. Сперанский, А.П. Куницын, К.П. Победоносцев, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич.

развитие теории права. А.Ф. Кони, находясь в тесных контактах с достаточно яркими представителями философско-правовой мысли XIX века, так же являлся её неотъемлемой частью. Его взгляды и идеи имели очень продуктивный практический потенциал, и нашли своё законное место у истоков морально-нравственных оснований юриспруденции

Этические искания становятся одним из приоритетных направлений и для А.Ф. Кони. Идеи А.Ф. Кони приобрели весомое значение в области юридической и правоведческой мысли, о Кони нередко говорят как об основоположнике российской судебной этики¹⁰.

О самом А.Ф. Кони обычно не говорят (а если и говорят, то крайне редко) как о философе. Причин этому может быть несколько. Например, идеи Кони не носят теоретизированного характера, они не изложены в виде трактатов и не преследуют попытки постичь этические абстракции и дать толкование понятий добра, зла, справедливости, добродетели и т.п. Материал, который нам предлагает А.Ф. Кони носит исключительно практический характер. Как юрист, Кони работает в той области жизни, которая всегда связана с вопросами правосудия, справедливости и работает он не с некими абстрактными идеями, а с конкретными живыми людьми и конкретными жизненными ситуациями. Сам он был хорошо знаком с историей развития этики и ключевыми трудами и трактатами по нравственной философии.

В архиве Пушкинского дома хранится немало любопытных документов, позволяющих расширить исследования в области этических установок и воззрений А.Ф. Кони¹¹. Среди них черновые заметки к лекции по искусству, этике и воспитанию, которые содержат выписки и вырезки с цитатами известных философов, таких как: Платон, Аристотель, Б. Спиноза, Фихте, А. Шопенгауэр, Г. Спенсер, И. Кант, Гегель и др. Выписки в свою очередь сопровождаются комментариями самого Кони. Российский юрист не перестаёт обращаться к наследию Иммануила Канта, будь то вопросы морали и нравственности, или эстетики и искусств. Вероятно, интерес к Канту проявился благодаря влиянию отца А.Ф. Кони, который так же проявлял интерес к трудам немецкого философа. Интенсивное обращение к Канту может навести на предположение о том, что А.Ф. Кони испытывал на себе осязаемое влияние идей немецкого классика. Однако этот вопрос требует более тщательного исследования.

Ключевые этические позиции А.Ф. Кони изложены в его лекции об этике личного поведения, которая была прочитана студентам в период его педагогической деятельности, и ныне находится в г. Санкт-Петербурге, в архиве Пушкинского дома. Первое, на чём делает акцент А.Ф. Кони – это

¹⁰ Вклад в развитие судебной этики признаётся современными исследователями наследия А.Ф. Кони. Среди них: Муратова Н.Г, Муратова Н.Д. Теоретические положения и выводы А.Ф. Кони о достижениях устава уголовного судопроизводства 1864 г. (по страницам семи трудов) (Электронный ресурс) <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-polozheniya-i-vyvody-a-f-koni-o-dostizheniyah-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva-1864-g-po-stranitsam-semi-trudov>(дата обращения 12.05.2020). А.М. Доронин А. Ф. Кони о роли и значении института адвокатуры в России N. 4 , СПб, 2018 С. 158-163. и др.

¹¹ Номер фонда 134.

общее нравственное состояние эпохи, в которой он жил. Характеризует он его как время технического прогресса, который в свою очередь сопровождается нравственным регрессом. «Нравственно человек не только не стал лучше, не только не получил утешения в нравственной своей сфере, но и стал совершенно одиноким среди всего этого блеска электричества, острого движения, телеграфа и телефона. Он более одинок, чем был сто лет тому назад, потому что он не чувствует между собой и окружающими никакой нравственной связи или чувствует, но очень слабо» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр.№ 233. Л. 3) Улучшение материальной стороны жизни, по опасениям Кони, приводит к тому, что общество попадёт под влияние страстей и материальных удовольствий, усилятся тенденции гедонизма, что несомненно оставит негативный след на нравственном состоянии общества. Из-за смещения внимания общества на материальную сферу в нравственном поле общества начинают появляться так называемые «суррогаты». О суррогатах он говорит следующее: «Это как будто бы то, но не совсем то, это в сущности замещает другой предмет во всём, кроме его сущности...» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр.№ 233. Л. 4). Понятие суррогата А.Ф. Кони в отношении своего времени применяет к одному из ключевых этических понятий – доброте. «Много ли доброты в современном обществе? Она заменяется суррогатами» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр. № 233. Л.6.) – пишет А.Ф. Кони. Вместо доброты являлись чувствительность, сентиментальность, сожаление. Примечательно, что о существовании подобных суррогатов говорил И. Кант, однако у него эти суррогаты были применены к понятию долга¹². А.Ф. Кони отмечает, «понятие чести заменяется тщеславием, праведный гнев, праведное негодование заменяются растяжимым чувством «люблю», «не люблю», «негодую», «возмущаюсь» (ИРЛИ РАН. Ф.134. Оп.1. Ед.хр.№233. Л.7.). По мнению Кони, это уклончивость, это не есть настоящее чувство, которое должно быть у человека, руководимого известным нравственным началом. Понятия меры измеряются теперь не в категориях «дурна» или «хороша», «полезна» или «вредна», а «удобна» ли она, «своевременна» ли. Из рассуждений А.Ф. Кони мы можем обнаружить, что в XIX веке базовые этические категории находились под риском обесценивания и материализации. Очевидны так же негативные реакции со стороны мыслителя к гедонистическим тенденциям, которые в XX веке по-видимому становились так или иначе актуальны. В обществе в последнее время сильно развилась страсть к удовольствиям. «Это одно из явлений печальных, потому, что, там, где превращается в занятие, там оно в сущности не доставляет никакого удовольствия, а оставляет такой осадок в душе, который никакого удовлетворения человеку не даёт» (ИРЛИ РАН.

¹² И. Кант в «Основах метафизики нравственности» говорил о том, что нередко бывает так, что люди, совершая тот или иной поступок, совершают его из чувства долга, однако чаще всего поступки совершаются из чувства страха, сострадания, сожаления, и прочих сентиментальных ощущений. Ср.: Кант И. Основы метафизики нравственности. (Электронный ресурс) <http://www.vehi.net/zph/ikant.html> (дата обращения 15.05.2020). В данном случае можно провести аналогию, и эти выше указанные чувства обозначить как суррогаты чувства долга, аналогично тому, как у А.Ф. Кони чувствительность и сентиментальность подменяют доброту.

Ф 134. Оп. 1.Ед.хр. № 233. Л. 7.) – встречаем мы в лекции, посвящённой этике личного поведения. Одним из наиболее важных аспектов личного поведения Кони справедливо признавал способность борьбы со страстями, так же, главным образом, с чувственностью. Продолжая рассуждение о суррогатах, Кони отмечает, что эта ложь, эта подмена чувств проявляется не только в отношении человека к другим людям, она проявляется и в отношении человека к самому себе. Так «человек чувствует страх, а ему кажется, что осторожность, человек чувствует ненависть, а ему кажется, что справедливое осуждение» (ИРЛИ РАН. Ф 134. Оп. 1.Ед.хр. № 233. Л. 7.). Таким образом, следующие ключевые этические максимы у А.Ф. Кони можно постулировать как правдивость и честность.

Следуя классической традиции истории философской мысли, А.Ф. Кони применяет к пониманию личности человека метафору двух начал, одно из которых тянет человека к идеальному, другое – к животному, одно – к небу, другое – к земле¹³. И именно в этой борьбе человек должен обнаружить сам себя, познать себя и увидеть.

Рассматривая вопрос должном отношении человека к другим людям, Кони отметил, что к человеку нужно относиться, прежде всего, предусматривая и предвосхищая его лучшие стороны. Весьма горько, чувство разочарования, в случае если человек не оправдал ожиданий, однако не менее горько чувство досады, от собственной ошибки в приписывании человеку негативных черт, которые в последствие не подтвердились или более того, были опровергнуты. «Надо смотреть на всякого другого человека, даже не человека в падении и бесчестии. Это тоже ведь я, только моя обстановка и жизнь сложились так, что я не пал, а удержался на краю пропасти» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр. № 233. Л. 8). Данное «правило» Кони считал особо важным и значимым для судебной деятельности. Итак, ещё одна этическая максима, на которую опираются воззрения А.Ф. Кони – презумпция доверия.

Данная лекция датируется 26 февраля 1919 года. В фондах архива Пушкинского дома сохранилась только первая её часть. Очевидно, что исследование «этических инициатив» А.Ф. Кони требует более обширного и глубокого исследования. Примечательно, что этическая составляющая проявляется во многих трудах Анатолия Фёдоровича, касающихся юридической деятельности, искусства, судебной медицины¹⁴, ораторской деятельности, иными словами, практически во всех областях, которые каким-либо образом интересовали российского юриста.

¹³ Известна метафора Платона о душе как о колеснице, запряжённой двумя лошадьми. Один конь чёрный, а другой белый. Чёрный символизирует вожделеющее, животное начало человеческой души, белый- прекрасное, возвышенное, нравственное начало. См.: Платон. Федр // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА- КНИГА», 2017. С. 407. А.Ф. Кони в данном случае пользуется подобной аналогией, однако он говорит о двух крыльях человеческой души, одно крыло-чёрное – тянущее к животному, к земле, другое белое – к небу, к идеально-прекрасному. Ср. Кони А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН. Ф 134. Оп. 1.Ед.хр. № 233.

¹⁴ В особенности А.Ф. Кони интересовала область психиатрии. Этому способствовала и его дружба с доктором Гаазом, известным психиатром. Кони испытывал неподдельный интерес к состоянию душевно больных людей, он всегда искренне сочувствовал им.

Особо волнует А.Ф. Кони и вопрос воспитания, или, иначе, – взращивания личности. В тезисах по вопросу о задачах религиозно-нравственного воспитания и образования Кони говорит о ложности пути, по которому шла педагогика. Вследствие того, что на место нравственности ставится политика, а на место религии сама церковь – школа становится религиозно-политическим, а не педагогическим учреждением (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр. № 258. Л. 1). Школа занята тем, что снабжает головы учащихся массивом разнообразных сведений «не связанных между собой руководящею идеей и в большинстве случаев легко забываемых, если для них нет технического приложения» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр. № 258. Л. 1). Воспитание и образование, по мнению Кони, должны носить целостный характер, представлять перед учащимися и «обосновывать идеалы будущего в выполнении своего предназначения в общем движении человечества» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед.хр. № 258. Л. 2). Даже в вопросе воспитания в размышлениях Кони присутствуют кантовские мотивы. «Одной из важнейших задач является воспитание в молодёжи чувства долга, исполнение которого составляет осуществление императивных требований совести по отношению к людям, обществу, к родине, наконец, к самому себе» (ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 258. Л. 2).

Обобщая, стоит отметить, что, говоря об этике А.Ф. Кони, мы не можем иметь в виду некую этическую теорию или концепцию, мы можем скорее вести речь о неких этико-философских инициативах, практически применимых, и имеющих своей целью сделать общество и каждого отдельного человека более гармоничными в своих нравственных установках. Его идеи имеют своей базой исторически накопленный опыт исследований души человека и получают своё развитие благодаря их актуальности как в XIX веке, так и в наше время.

Рассматривая философское наследие А.Ф. Кони, нельзя не вспомнить о его понимании правосудия. Говоря о правосудии, о вопросах справедливости, мы неизбежно сталкиваемся с понятием общественной нравственности. Дать определение этому понятию видится задачей, по меньшей мере, трудной, однако совершенно точно можно сказать, что общественная нравственность – это то, что чувствуется интуитивно и находит отклик в самом внутреннем нравственном чувстве человека. Понятие общественной нравственности, применительно к правосудию, весьма трудно рассматривать в контексте закрытых судебных заседаний, в которых исход человеческой жизни зависит от произвола отдельно взятого лица, нравственное чувство которого нередко бывает приглушено ввиду различных обстоятельств¹⁵. Однако, в результате судебной реформы 1864 года, понятие общественной нравственности начинает органично вплетаться в дела правосудия. Становление суда самостоятельным независимым институтом, введение принципа гласности, наделение участников судебного процесса равными правами, возможностью выступать с доказательными речами и участием в дискуссиях, а главное, введение суда

¹⁵ Данную постановку предлагает сам А.Ф. Кони в статье Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» Ср. Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)// Закон и справедливость. Статьи и речи. Санкт-Петербург: Эксмо, 2018. С. 15-33.

присяжных¹⁶ – все эти изменения дали повод для новых исследований и исканий этического характера.

А.Ф. Кони был одним из тех, кто оказался отзывчив к реформе, изменениям, вводимым в отношении суда и самого судопроизводства. Эта отзывчивость нашла отражение во многих статьях, речах, лекциях известного российского юриста. Среди них: статья «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)», письмо к редактору журнала «Трудовая помощь» о его задачах, речи по громкому делу Веры Засулич, сохранившиеся в архиве Пушкинского дома тезисы по вопросу о задачах религиозно-нравственного воспитания и образования. Круг речей, лекций и статей А.Ф. Кони значительно шире, однако мы остановимся на наиболее, на наш взгляд, ярких и значимых памятниках этико-юридической мысли, которые оставил А.Ф. Кони.

Юристы, напрямую задействованные в судебных процессах, довольно часто сталкиваются с проблемами свершения и восстановления справедливости. Однако весьма трудно бывает взять на себя ответственность за принятие решения, от которого зачастую зависит человеческая жизнь. Необходим определённый жизненный опыт, а главное, особо восприимчивое и живое нравственное чувство, которое должно быть воспитано и развито в вершителях правосудия¹⁷.

А.Ф. Кони в статье «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» обращает внимание на необходимость пересмотра педагогических аспектов в процессе обучения юриспруденции в университетах. Он полагает, что нет никакого сомнения в том, что преподавание исторической и догматической стороны уголовного процесса должны занимать своё первостепенное место, однако, существуют вопросы, которые не могут быть разрешены посредством применения нормативно-правовых положений, а требуют разрешения с помощью нравственного закона (Кони, 2018:15). Понятие нравственного закона А.Ф. Кони не устанавливается, однако он неоднократно обращает внимание на жизненный, живой момент в правосудии, не перестаёт говорить о суде как о живом, жизненном и восприимчивом организме (Кони, 2018:16) и выражает своё несогласие с пониманием суда как некоего отвлеченного и абстрактного механизма.

Прежде всего следует отметить, что, рассуждая о правосудии, судебных разбирательствах, Кони редко говорит «человек»; значительно чаще – «живой человек», обращая внимание на то, что введение принципов гласности и устности в судебном разбирательстве «расшевелили и разметали по сторонам тот ворох бумаг, докладов, протоколов, проектов, резолюций и т.п., под которым был прежде погребён живой человек, становившийся лишь номером дела» (Кони, 2018:23). Тем самым гласность становится условием общественной нравственности, обеспечивает взаимность по отношению к

¹⁶ Судебная реформа Александра II. [Электронный ресурс] URL: <https://istoriarusi.ru/imper/sudebnaja-reforma-aleksandra-2-1864.htm> l (дата обращения 23.02.2020)

¹⁷ Данные идеи развивал А.Ф. Кони в труде «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)»

«живому человеку» со стороны «живых» ревнителей права; общественная нравственность тем самым понимается как максима правосудия.

Этот самый живой момент и становится отправной точкой для размышлений этической направленности. «Нравственное чувство должно удерживать от любознательного прислушивания к сокровенным звукам души, и притом к звукам неверным и взятым октавой выше» (Кони, 2018:27). Таким образом, у А.Ф. Кони нравственное чувство воспринимается как ориентир, как нечто, направляющее на верный путь.

Рассуждая о необходимости основательного этико-нравственного образования для юристов, А.Ф. Кони показывает, как для каждого участника судебного разбирательства важно высокое развитие нравственного чувства. Так, например, рассматривая фигуру председателя, Кони говорит о том, что председатель должен быть очень чуток к свидетелю и всячески старателен в защите его от бесцеремонного отношения со стороны других участников процесса, от «ненужных, щекотливых и обидных не по форме, а по своему косвенному смыслу вопросов» (Кони, 2018:25). Нравственная обязанность председателя заключается в том, чтобы дать свидетелю понять, что он не одинок и не отдан в жертву беспощадным бюрократическим судебным разбирательствам, что у него есть защитник, готовый отстаивать его права и интересы (Кони, 2018:27).

Председатель должен соблюдать своего рода презумпцию общественной нравственной меры в судебном процессе, своего рода внутренней справедливости в организации и ведении процесса. Именно поэтому особое внимание он уделяет наиболее уязвимой в этом отношении фигуре подсудимого, который, по мнению Кони, заслуживает, как и любой другой человек сочувствия и сопереживания. «Спокойное к нему отношение, – внимание к его объяснениям, полное отсутствие иронии или насмешки, которыми так грешат французские президенты суда, а иногда и слово ободрения – входят в нравственную обязанность судьи, который должен уметь без фарисейской гордыни представить себя в положении судимого человека и сказать себе: “Tat twam asi”!» Индуистское восклицание «Tat twam asi» (=«то ты еси»), встречающееся в «Чхандогья-упанишаде» (6.8.7),¹⁸ поставлено здесь во вполне знакомый контекст. Указывая на нравственное положение судьи как на лишенное «фарисейской гордыни» (ср.: Лк.18: 9-14), Кони речевым образом уточняет необходимость христианского понимания справедливости суда, который не является автономной, последней инстанцией этой справедливости, или, единственно, орудием возмездия, но прежде всего, исполняет некую спасительную миссию по отношению к жизненности «живого человека»,

¹⁸ Чхандогья-упанишада / Пер. А. Я. Сыркина. М.: Изд-во «Наука», 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://psylib.org.ua/books/upani01/txt38.htm> (дата обращения – 05.04.2020): «И эта тонкая [сущность] – основа всего существующего, То – действительное, То – Атман. Ты – одно с Тем, Шветакету!» – “Учи меня дальше, почтенный!” – [сказал Шветакету]. “Хорошо, дорогой, – сказал он». Перевод может быть и иным; в истории самой индийской мысли существуют разные версии понимания этого высказывания, вплоть до противоположного «то – не ты». См.напр.: Brereton J. *Tat Tvam Asi in context* // Zeitschrift der Deutschen Morgenlaendischen Gesellschaft. 1986. 136, 1. P. 98-109.

обнадеживается возможностью такого спасения («Ты еси Бог, твори чудеса» (Пс 76, 14)). Мантия судьи тем самым оказывается мантией целителя, сочувствующего собрата, назначающего правосудные снадобья, могущие укрепить искаженную преступлением живую природу судимого человека, сына Божия, потерпевшего прежде всего нравственное крушение.

Смотреть на подсудимого, на человека, возможно совершившего преступление, и говорить себе: «Это тоже ты!» – может показаться неким безумством, или книжным вольнодумством, однако для Кони это совершенно обдуманное и принятый не только чувством, но и спокойным рассудком закон, Христианскую в своем истоке общественную «формулу» нравственного правосудия А.Ф. Кони употребляет, вполне обстоятельно разъясняя ее смысл – предлагая ее как максимум правового поведения в лекции, читаемой студентам. «Надо смотреть на всякого другого человека, даже не человека в падении и бесчестии. Это тоже ведь я, только моя обстановка и жизнь сложились так, что я не пал, а удержался на краю пропасти» (ИРЛИ РАН. Ф. 134.Оп. 1. Ед. хр. № 233). Следование этой максиме, надо полагать, становится одним из ключевых условий, обеспечивающих успех юридической практике самого А.Ф. Кони.

Обратимся к одному из наиболее громких дел Веры Засулич, когда в судебном заседании председательствовал А.Ф. Кони¹⁹. Резюме по данному делу, составленное Кони, пронизано доминантой переживания опыта подсудимой. Кони неоднократно призывает присяжных тщательным образом разобраться во внутренней стороне дела, поскольку «один факт ещё ничего не говорит или, во всяком случае, говорит очень мало» (Кони, 2018:401). Для изучения внутренней стороны дела присяжным заседателям было необходимо приложить всю силу разума, чтобы наиболее верно оценить цель и намерения подсудимой. Призыв Кони смотреть на подсудимого «как на самого себя» может показаться софистической уловкой и игрой с чувствами присяжных, однако это совершенно не так. Всё его резюме пронизано призывами к спокойному взгляду, к слову разума и к беспристрастному отношению присяжных заседателей и других участников процесса. «Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть «дух правды», которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи» – этими словами завершилось обращение А.Ф. Кони к присяжным заседателям. В онтологической метафоре «дух правды», как видно, нравственное и правосудное начало предстают в некотором живом смысловом единстве. Присяжных заседателей Кони часто называет «представители общественной совести» (Кони, 2018:406), теми, которые и являют собой отражение общественной нравственности. «Вы судите не отвлеченный предмет, а живого

¹⁹ Дело Веры Засулич является одним из самых громких дел, в котором участвовал А.Ф. Кони. Вера Засулич обвинялась в покушении на градоначальника Ф.Ф. Трепова (5 февраля 1877 года), который отдал приказ на избиение полит. заключённого А.С. Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапку. Вера Засулич, придя на приём к Ф.Ф. Трепову произвела два выстрела в живот, тем самым ранив Трепова, но не убив. Была сразу арестована. Однако была признана присяжными невиновной. Ср. Кони, А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Закон и справедливость. Статьи и речи. Санкт-Петербург: Эксмо, 2018. С. 363-430.

человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно складывается под влиянием его прошлого» (Кони, 2018:406) – главное напоминание, которое оставил присяжным председатель А.Ф. Кони. На протяжении всего обращения Кони много раз обращал внимание на мотивы, на цели, на внутреннее состояние подсудимой, разумеется, не игнорируя факты, но, так или иначе, согласовывая их с внутренним состоянием Веры Засулич. Таким образом, он установил, что выстрел был актом протеста и борьбы, но не способом намеренно лишить адъютанта Трепова жизни. Такие фактические данные как расстояние между Засулич и Треповым на момент выстрела, тип револьвера, полученные Треповым ранения – лишь подтверждали положения Кони об истинных мотивах деяния, совершенного Засулич. Необходимо вспомнить то, что приговор по делу Засулич был вынесен оправдательный.

В контексте рассуждений об этических ориентациях участников судебного разбирательства на другого, на «ты еси», необходимо остановить внимание и на фигуре судьи. Судья – как человек, замыкающий на себе судебный процесс, занимает особое место в размышлениях Кони. Однако все эти рассуждения могут замкнуться в следующей реплике: «Холодные лучи беспристрастного закона преломляются в сознании и совести судьи, как в призме, и, падая на роковую обстановку, в которой совершено преступление, теряют своё однообразие и прямолинейность, вызывая к жизни краски, наложенные действительностью, очень часто жестокою и почти всегда печальною» (Кони, 2018:105). Судья не может руководствоваться лишь полуотвлечёнными нормативными положениями. Он не может отделить себя как от судебного процесса, так и от подсудимого перегородкой правовых актов. Судья представляется вершителем справедливости, в котором должно органично сплетаться два чувства: нравственного долга и необходимости следования существующему законодательству. Судья, в первую очередь, – искатель истины, среди всевозможных данных фактов и показаний иных участников процесса. Кони не обходит вниманием все препятствия и трудности, с которыми сталкивается судья в своей практике, как зависящие, так и не зависящие от личности судьи. Однако, судья всё равно остаётся центром тяжести правосудия, который должен прислушиваться как к условиям, которое ему диктует разумное законодательство, так и к «типическим чертам, которыми его снабжает общественное правовое и нравственное чувство» (Кони, 2018:16).

Подводя некоторый итог, можно отметить следующие ключевые моменты в размышлениях А.Ф. Кони об общественной нравственности и правосудии.

Кони понимает судебный процесс как живой организм, а не отвлеченное механическое устройство, коим суд нередко мыслится общественностью. Он наделяет понятием «живости» все процессы и всех участников судопроизводства, отмечая, что в суде происходит как поиск истины, так и свершение правосудия или справедливости. В отношении подсудимых Кони руководствуется максимами сочувствия, и сопереживания, вводя принцип «Это тоже ты!» в отношении всякого, кто собирается выносить какое бы то ни было решение касательно подсудимого. В то же время он не перестаёт призывать

всех участников процесса внимать спокойному голосу разума и беспристрастно подходить к разбирательству дела. Сохранившиеся судебные речи А.Ф. Кони свидетельствуют о том, что изложенные мысли были действительно глубокими внутренними убеждениями, а не отвлеченными теоретическими рассуждениями. Он определяет значимость каждого участника судебного разбирательства и даёт некоторые практические советы касательно того, как следует вести себя участникам судопроизводства, чтобы добиться истины и не встать «ступенью ниже, или в особенности, ступенью выше, чем следует по справедливости» (Кони, 2018:401). Также А.Ф. Кони не остаётся равнодушным к будущему российской юриспруденции и неоднократно заявляет о необходимости преподавания судебной этики в университетах, поскольку она напитает студентов «здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал» (Кони, 2018:32), с которыми будущим юристам необходимо как с верным компасом прочно и уверенно входить в жизнь.

Истина и справедливость, согласно А.Ф. Кони, суть две главные цели правосудия. Пройти этот путь и не сбиться с него под натиском внешних обстоятельств, собственных страхов и опасений, весьма трудно, однако следует всегда прислушиваться к внутреннему нравственному чувству, которое действует сообща с разумом и воспринимает человека всегда как цель и никогда только как средство²⁰.

Этические взгляды и инициативы А.Ф. Кони были органично переплетены с общими нравственно-правовыми настроениями XIX века. А.Ф. Кони, находясь в тесных контактах с достаточно яркими представителями философско-правовой мысли XIX века, так же являлся её неотъемлемой частью. Его взгляды и идеи имели очень продуктивный практический потенциал, и нашли своё законное место у истоков морально-нравственных оснований юриспруденции.

Литература

1. Кони А.Ф. Заметки по этике // ИРЛИ РАН. Ф 134. Оп. 1.Ед. хр. № 238.
2. Кони А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН. Ф 134. Оп. 1.Ед. хр. №. 233.
3. Кони А.Ф. Искусство, этика, воспитание (черновые заметки) // ИРЛИ РАН. Ф 134. Оп. 1.Ед. хр. № 238.
4. Кони А.Ф. Правосудие и общественная нравственность. Черновик программы лекции // ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1.Ед. хр. 234.
5. Амелин А. Предисловие биографии А.Ф. Кони // Закон и справедливость. Статьи и речи. Санкт-Петербург: Эксмо, 2018. 640 с.
6. Вышеславцев Б.П. Мораль и закон // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 382- 390.
7. Закон и справедливость. Статьи и речи / А.Ф. Кони. – Москва: Эксмо, 2018. 640 с.
8. Кони А.Ф. Предельный возраст для судей. СПб., тип. Правительствующего сената, 1895. с. 27.
9. Куницын А.П. О человеке и праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 47- 60.

²⁰ Ср.: Кант И. Основы метафизики нравственности. (Электронный ресурс) <http://www.vehi.net/zph/ikant.html> (дата обращения 15.05.2020).

10. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 211-227.
11. Поснов И.В. Философия права конца XIX века. // Вестник МГТУ, том 7, №2, 2004 г.
12. Трубецкой Е.Н. Право и нравственность // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 186-209.
13. Франк С.Л. Государство и личность // Культура. Политика. Философия. Под ред. Ю.П. Сенокосова. М. 2001. С.15-24.
14. Чичерин. Б.Н. Нравственный мир // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 83- 110.
15. Щеглов В.Г. Нравственность и право во взаимных отношениях. мир // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: изд. АЛЕТЕЙЯ, 1997. С. 150-167.

ОБ АВТОРЕ: *Апатенко Диана Валерьевна*, студентка кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; 1252750@bsu.edu.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию отдельных фрагментов дневниковых записей великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского. Главная цель работы – осмысление ряда мировоззренческих идей мыслителя и формирование целостного образа Достоевского как философа. По-прежнему актуальной остаётся проблема изучения творчества писателя с точки зрения отражения в нём фактов его биографии и проявления различных сторон его многогранной личности. В связи с этим основное внимание уделяется раскрытию образа Достоевского в его «Дневнике писателя». Это произведение имеет особую художественную ценность и представляет собой настоящий кладезь философских мыслей и рассуждений о различных событиях общественной жизни России во второй половине XIX века, о сути писательства и о фигуре писателя. На примере некоторых глав «Дневника писателя» проводится анализ взглядов Достоевского на различные философские вопросы и проблемы. В результате исследования было получено целостное представление о Ф.М. Достоевском как о разносторонней личности с уникальными философскими воззрениями. Было установлено, что дневниковые записи Достоевского обладают неповторимой антропологической поэтикой, а созданный в «Дневнике писателя» образ писателя может быть полностью отождествлен с личностью самого Достоевского.

Ключевые слова: русская литература; Ф.М. Достоевский; «Дневник писателя»; антропологическая поэтика; личность.

N. S. Grigoruk

ANTHROPOLOGICAL POETICS OF «A WRITER'S DIARY» BY F.M. DOSTOEVSKY

The article deals with analysis of individual fragments of the diary entries of the great Russian writer Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. The main goal of the work is to comprehend a set of world view ideas of the think errand to for man integral image of Dostoevsky as a philosopher. The problem of studying the writer's work from the point of view of reflecting in it the facts of his biography and the manifestation of various aspects of his multifaceted personality remains relevant. In this regard, much attention is given to the disclosing of the image of Dostoevsky in “A Writer's Diary”. This work has a special artistic value and is a real treasure trove of philosophical thought sand reflections on various events in the social life of Russia in the second half of the 19th century, on the essence of writing and on the figure of the writer. Some chapters of” A Writer's Diary” are used to analyze Dostoevsky's views on various philosophical questions and problems. The results show that F.M. Dostoevsky was a well-rounded personality with unique philosophical views. It was established that Dostoevsky's diary entries have a special anthropological poetics, and the image of the writer created in the “A Writer's Diary” can be fully identified with the personality of Dostoevsky himself.

Keywords: Russian literature; F.M. Dostoevsky; «A Writer's Diary»; anthropological poetics; personality.

«Дневник писателя» – уникальное творческое явление, не имеющее аналогов в русской литературе. Это личное откровение Достоевского; его попытка осмыслить и донести до читателя впечатления от эпохи, действительности и

жизни в целом, выраженные в малых литературных формах, которые представлены здесь в своём многообразии. Как отмечает В.В. Борисова, в «Дневнике писателя» можно найти очерки, критические статьи, рассказы, заметки, рецензии, фельетоны, некрологи (Борисова, 2016: 129).

Изначально материалы «Дневника писателя» издавались в одноименной рубрике журнала «Гражданин», редактором которого Достоевский был с 1873 по 1874 год, а затем стали основой для отдельного журнала, который выходил в печать в 1876-1877 и 1880-1881 годах (Селезнёв, 1981: 418). Сам писатель охарактеризовал суть своего литературного произведения так: *«Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчёт о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчёт о виденном, слышанном и прочитанном.»* (Достоевский, 1990: 219). Заключённый в этих словах общий замысел отражен и в названии: «Дневник писателя» подразумевает субъективный взгляд на мир и изложение фактов действительности через призму восприятия художника слова.

«Дневник писателя» Достоевского представляет собой пример литературного дневника со своей спецификой. Содержание «Дневника» полностью адаптировано для читателей, которые также могут влиять на дальнейшее развитие сюжета. Л.А. Гаврилова подчёркивает, что «Дневник писателя» служит одновременно и предметом, и полем для диалога с читателями (Гаврилова, 2012: 172). Кроме того, особенностью «Дневника» является гармоничное сочетание отдельных его элементов, которые несмотря на различие в форме тесно связаны между собой по смыслу и идее. Нередко в одной главе «Дневника» можно найти отсылки к другой, а также дополнения и пояснения к предыдущим главам.

«Дневник писателя» – это отражение не только эпохи, но и личности самого Достоевского. Глубина его натуры проявляется прежде всего в отношении к окружающему миру, которое выражается в осмыслении различных философских проблем. Извечных вопросов у Достоевского несколько; один из основных связан с русским народом. В своих произведениях писатель исследует его идентичность, уникальные качества и роль в истории, ищет пути избавления от несчастий, постигших русский народ.

О русском народе Достоевский говорит искренне и с восхищением. Проницательность помогает ему увидеть в русском народе мало кем замеченные черты. Понимая истинную силу народа, писатель с горечью сожалеет о том положении, в котором русский народ оказался, и твёрдо верит, что однажды русский человек сможет раскрыться во всей своей полноте. Здесь прослеживается не только преданность Достоевского своим убеждениям, но также милосердие, которое далеко от жалости.

Как писатель, имеющий власть над умами других, Достоевский делает всё возможное для того, чтобы остальные осознали то же, что и он: «... я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто ещё из нас не знает во всём объёме и величии их, – как в святыню верую, главное, в спасительное их назначение, в великий народный охранительный и зиждительный дух, и жажду лишь одного: да узрят их все.» («Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму

поучиться», «Дневник писателя» за 1881 г. (4)). В рассуждениях о русском народе Достоевский раскрывается как уверенный в своей правоте человек, который понимает народ. Трудно судить о том, насколько оправдана горячая и бескрайняя вера писателя в богоизбранность русского народа, однако такое чувство поражает и восхищает.

Важную роль в дальнейшем развитии народа Достоевский отводит русской женщине, к которой относится с почтением и уважением. В «Дневнике» он даже отмечает превосходство русской женщины над мужчиной в некоторых аспектах: *«В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьёзность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин.»* («Нечто о вранье», «Дневник писателя» за 1873 г. (4)). По мнению писателя, в будущем именно русская женщина станет опорой общества и надеждой на его духовное возрождение.

Как русский народ в целом Достоевский считает достойным совершившегося освобождения от крепостного права, точно так же русскую женщину в частности он воспринимает как полностью заслуживающую быть наравне с мужчинами: *«Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной...»* («Лёгкий намёк на будущего интеллигентного русского человека. Несомненный удел будущей русской женщины», «Дневник писателя» за 1877 г. (4)). Такие мысли писателя во многом предвосхитили его время, но спустя полтора столетия оспорить дальновидность Достоевского в вопросе равенства прав мужчин и женщин трудно. В этих размышлениях писатель предстаёт как личность, отстаивающая права и свободы всех людей, несмотря на собственное отчасти привилегированное положение.

События жизни оказывают влияние на дальнейшее развитие любого человека, поэтому его личность определяется также субъективным опытом. Особое значение для постижения личности Достоевского имеет знание некоторых фактов его биографии. Огромное воздействие на жизнь и мировоззрение писателя оказал опыт ссылки и восьмилетней каторги. Самой болезненной его частью была предшествовавшая ссылке инсценировка казни, поскольку никто из осуждённых на расстрел до последнего момента не знал, что останется жив. По словам литературного критика и достоевиста Ю.И. Селезнёва, эти несколько минут стали для Достоевского личной Голгофой: *«Может быть, уже и тогда <...> прозрел он в великом своём позоре унижения путь к духовному воскресению?»* (Селезнёв, 1981: 8).

К этому эпизоду своей жизни Достоевский постоянно возвращается и в литературных произведениях, и в главах «Дневника писателя». В одной из статей, посвящённых судебному процессу над преступницей Корниловой, он пишет: *«Тяжело переносить такие потрясения душе человеческой...»*, а затем сравнивает этот случай со смертным приговором, вспоминая свой личный опыт («Опять о простом, но мудрёном деле», «Дневник писателя» за 1876 г. (4)). Это неотъемлемая составляющая его личности: тот Достоевский, которого мы знаем, появился во многом благодаря пережитой им каторге в Сибири.

В другой главе «Дневника» есть интересная фраза: *«Человек вообще так создан, что любит своё прожитое страдание»* («Разговор мой с одним московским знакомым. Заметка по поводу новой книжки», «Дневник писателя» за 1877 г. (4)). Эта мысль вполне применима и к самому писателю. Разумеется, Достоевский не наслаждается своим страданием, но часто воскрешает его в памяти, переосмысляя и переоценивая. Это свидетельствует о том, что Достоевский – личность, склонная к саморефлексии и постижению себя.

Другой этап жизни, к которому Достоевский мысленно возвращается в «Дневнике писателя» – начало его творческого пути и знакомство с другими известными литераторами: В.Г. Белинским, А.И. Герценом, Н.А. Некрасовым. О молодости Достоевский вспоминает с теплотой и восторгом – это чувствуется между строк. Переломный момент осознания нового этапа, когда повесть «Бедные люди» была встречена Некрасовым и Белинским с пониманием и радостью, описан в одной из глав особенно ярко.

Достоевский честно и открыто делит с читателями сокровенность этого счастливого мгновения, которое всегда было для него самым светлым воспоминанием: *«Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая её, укреплялся духом.»* («Русская сатира. «Новь». «Последние песни». Старые воспоминания», «Дневник писателя» за 1877 г. (4)).

Но каким бы многогранным ни был Достоевский, прежде всего он – писатель. Это первооснова его личности, его суть, его душа. Именно поэтому Достоевский пишет не просто «Дневник», а «Дневник писателя», который отражает не одно лишь его субъективное восприятие мира, а впечатление от действительности Писателя. В художественной литературе Достоевский раскрывается в полной мере. Антропологическая поэтика не только его самого, но и сложных, неоднозначных героев его произведений поражает и очаровывает.

Так, в произведении «Кроткая» особого внимания заслуживает бессвязная речь главного героя в финале. В последних его словах ощущается противоречие между фразами *«Люди на земле одни – вот беда!»* и *«Люди, любите друг друга»*. («Кроткая», «Дневник писателя» за 1876 г. (4)). В этом контрасте выражается не только трагедия одиночества этого человека, но и мысль Достоевского о возможности преодолеть всеобщее разъединение людей, следуя христианским заветам. Люди, подобные главному герою «Кроткой», страдают от своего непонимания и безверия, и Достоевский считает своим нравственным долгом найти причины и пути решения этой проблемы.

По своей тематике с «Кроткой» тесно связан рассказ «Приговор», который Достоевский посвятил одной из главных проблем своего творчества – проблеме самоубийства. Обращаясь к причинам появления такой статьи, Е.В. Рубцова указывает на то, что в основе её *«лежит остросоциальное явление – в 1870-90-х по Петербургу прокатилась волна самоубийств»*. (Рубцова, 2020: 294). Достоевский был серьёзно обеспокоен этой эпидемией, и в отдельной главе своего «Дневника писателя» решил объяснить истинный, по его мнению, мотив самоубийства.

«Приговор» представляет собой рассуждение одного самоубийцы, его своеобразную исповедь. По эмоциональному содержанию эта глава напоминает

крик в пустоту; она пронизана бессильной яростью человека, не понимающего «гармонию целого» и убеждённого в тленности всего сущего. Посредством такого рассуждения как литературной формы Достоевский доносит до читателя прямо противоположную идею о бессмертии человеческой души. Именно утрата этой идеи, на его взгляд, служит основным мотивом для сведения счётов с жизнью. В таком подходе к теме самоубийства проявляется ещё одна грань личности писателя: в то время как большинство лишь осуждало самоубийц за трусость и слабость, Достоевский стремился найти причину, знание которой позволило бы уменьшить число подобных печальных исходов.

Таким образом, «Дневник писателя» является настоящей кладёзью мыслей и идей, которые интересны не только сами по себе, но и в связи с тем, что позволяют проникнуть в глубины души Достоевского и лучше понять, какая это была личность. На страницах «Дневника» Достоевский предстаёт человеком, который верен своим идеям и не отступает от личных убеждений. В своих рассуждениях он дальновиден и проницателен: как показала история, многие из предположений писателя в итоге сбылись.

Здесь Достоевский также раскрывается как добросердечная и сострадательная личность; его по-настоящему волнуют несчастья других людей. При этом реакция писателя на несовершенство действительности не ограничивается только сочувствием: как деятельный человек, он стремится найти пути решения проблемы. Честность и открытость писателя вызывают уважение, а наблюдать за тем, как из-за строк проступает очередная грань личности этого сложного человека, действительно интересно. В этом и заключается антропологическая поэтика «Дневника писателя» Фёдора Михайловича Достоевского.

Литература

1. Борисова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 2 (28). С. 128-137.
2. Гаврилова Л.А. Проблема читателя в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского (на основе выпусков 1876 года) // В сборнике: Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского» под ред. М.Ю. Егорова. 2012. С. 164-173.
3. Долинин А.С. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 623 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/> (дата обращения: 27.06.2020).
5. Рубцова Е.В. Элементы художественного стиля в произведениях малой прозы «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая» Ф.М. Достоевского // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 293-296.
6. Селезнёв Ю.И. Достоевский. М.: Серия: Жизнь замечательных людей, Издательство «Молодая гвардия», 1981 г. 543 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Григорук Надежда Степановна*, студентка направления «Перевод и переводоведение» Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; alyavyeva@gmail.com

КРИТИКА ФИЛОСОФИИ НИГИЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. СТРАХОВА

Статья посвящена вопросам критики Н.Н. Страховым идей философии нигилизма. Возникновение целого ряда работ мыслителя связано с событиями 1 марта 1881 года, когда народовольцами было совершено покушение на русского царя Александра II. В данной работе приводятся философские размышления Н.Н. Страхова о природе и идеологии нигилизма, его разрушительном влиянии на общество, особенно на молодое поколение. Также приводятся идеи философа о причинах возникновения нигилизма и способах противостояния его идеям.

Ключевые слова: философия нигилизма, критика нигилизма, Н.Н. Страхов, моральные принципы нигилизма.

V. N. Khakhaleva

CRITICISM OF NIHILISTIC PHILOSOPHY IN N. STRAKHOV'S WORKS

The article analyses the questions of N.N. Strakhov's criticism of nihilistic philosophy. The emergence of a number of this Russian author's works was the consequence of the events of March 1, 1881, when Tsar Alexander II was assassinated by the members of Narodnaya Volya revolutionary organization. This work presents the philosophical views of N.N. Strakhov on the nature and ideology of nihilism, its destructive influence on society, especially on the younger generation, and gives the philosopher's ideas about the reasons of the emergence of nihilism and the ways of opposing them.

Keywords: nihilistic philosophy, criticism of nihilism, N.N. Strakhov, moral principles of nihilism.

XIX век в России ознаменовался возникновением целого ряда различных течений общественной мысли. В 60-е годы впервые начинают говорить о таком явлении, как нигилизм. Его идеология, ставившая под сомнение или вовсе отрицавшая принятые обществом нормы и ценности, вызывала неоднозначный интерес у российских мыслителей. В то время как одни из них (например, А.И. Герцен) открыто восхищались «смелостью и достоинством» нигилистов (Смирнов), другие относились к нигилизму исключительно негативно, видя в нём угрозу для общества. К последнему направлению принадлежал Н.Н. Страхов. Будучи представителем «почвенничества», он очень серьёзно относился к проблеме нигилизма и его влияния на человека. Уже с момента зарождения данного течения Н.Н. Страхов с осуждением высказывался о ценностях нигилизма в современной литературе на страницах журнала Ф.М. Достоевского «Время» (Страхов, 1890: 451–452).

Однако наибольшую известность среди очерков Н.Н. Страхова, посвящённых проблеме нигилизма, получили «Письма о нигилизме». Впервые они были опубликованы в газете И.С. Аксакова «Русь» в марте 1881 года, когда террористами-народовольцами было совершено покушение на Александра II. Смерть царя шокировала российское общество, сразу став предметом широкой

полемики. Стремясь найти ответ на главный вопрос – что толкнуло преступников на столь ужасный поступок? – народ выдвигал самые разные предположения: недовольство реформами, личная неприязнь, месть. Однако Н.Н. Страхов уже с первых страниц своего очерка заявил: истинным источником трагедии является нигилизм, а вражда, будь то политическая или национальная, составляет для него лишь опору, но не управляет им (Ильин, 1996); человек, материально или финансово поддерживающий русского анархиста, является лишь слугой нигилизма, а не наоборот. Тем более странным Н.Н. Страхов находил тот факт, что желающие искоренить нигилизм борются не с самим явлением, а с его последователями. Философ проводил аналогию с порохом, рассыпанным по тёмным и дальним углам дома и время от времени взрывающимся, производя «разрушение и ужас» и угрожая обратить всё здание в развалины; однако вместо того, чтобы избавиться от пороха, хозяева лишь сердятся на тех, кто его поджигает. «Дело вовсе не в нигилистах, а в нигилизме, – писал Страхов. – Истреблять заражённых дело нехитрое; но как истребить заразу?» (Страхов, 1881a: 7) Н.Н. Страхов понимал, что решение проблемы возможно единственным путём – путём понимания её природы (Кокшенёва).

Анализируя природу нигилизма, Н.Н. Страхов отмечал, что в её основе лежат самые дурные свойства человеческой души, прежде всего – гордость за собственный ум и просвещение. Между тем, как отмечает философ, на деле мудрость нигилизма – учение примитивное, доступное даже самым необразованным. Осознавая бедность своего учения, нигилист начинает гордиться уже не тем, что знает сам, а отрицанием убеждений других людей, считая последних невежественными, живущими в мире предрассудков; себя же он ставит выше толпы, словно избранного (Страхов, 1881b: 14).

Нечто подобное Н.Н. Страхов отмечает у нигилистов и по отношению к нравственности. Саморазвитие мало интересует нигилиста, поскольку он считает себя совершенным от природы. В то же время, рассуждая о самых актуальных и «высоких» темах, как равенство и свобода, нигилисты воспринимают эти понятия каждый по-своему и даже не стремятся к поиску какого-либо консенсуса. Однако «благородное негодование к господствующему злу» нигилисты испытывают одинаково. Ненависть становится смыслом их существования, как и потребность в поиске зла. Нигилист ищет зло везде, даже там, где его нет: супружеские и родственные связи становятся нарушением свободы, любая форма собственности, любое различие между людьми – равенства. Радикальная критика существующих устоев, писал Страхов, заходит у нигилистов настолько далеко, что переходит в стадию отрицания «не только всякого порядка, но почти и всего существующего» (Страхов, 1881b: 15).

Нигилист считает себя умным и добрым потому, что он отрицает существующие устои и не участвует в жизни окружающих его людей, глядя на неё с отвращением. Поскольку для этого, как подчёркивает Н.Н. Страхов, не требуется ни ума, ни высоких моральных ценностей, на путь нигилизма легко встают «презреннейшие из людей», способные не к добрым делам, а только к разрушению, зависти и гордыне, стремящиеся показать собственную значимость,

не останавливаясь ни перед какими-либо моральными принципами. При этом, как отмечает философ, нигилизм вовсе не препятствует этим качествам, а, наоборот, подпитывает их. «Это – безумие соблазнительное и глубокое, потому что под видом доблести даёт простор всем страстям человека, позволяет ему быть зверем и считать себя святым» (Страхов, 1881a: 8).

Тем более опасным Н.Н. Страхов находил нигилизм для молодых людей. Ещё не успевшие познать ни настоящую жизнь, ни человеческие отношения, без зрелого сердца и рассудка, но с распалённым самолюбием, они с детским эгоизмом ставят себя выше других, считают своим правом распоряжаться чужой судьбой и начинают «упражняться» в отрицании, отрицая «тем легче и смелее, чем меньше понимают», и довольствуясь «той нелепостью, что из этого выходит» (Страхов, 1881b: 16).

Здесь Н.Н. Страхов задаётся риторическим вопросом: есть ли в этом вина самих молодых людей? Возможно ли, что они пришли к таким суждениям под влиянием чьих-либо мыслей? Философ приходит к выводу, что опору нигилизма, как это ни парадоксально, составляют именно люди, приходящие от данного явления в «непритворный ужас». Это, в первую очередь, интеллигенция; даже та её часть, которая далека от прямого нигилизма, всё равно направлена в его сторону. Впитывание чужих речей о том, что отрицание старых устоев – великая сила, определяющая развитие цивилизации, уверенность, что приобрести большие познания возможно в результате прочтения нескольких популярных книг, неизбежно приводят к формированию ложного ощущения просвещённости, потере молодым поколением связей с историческими и культурными традициями, вступлению в оппозицию им. Это и есть начальный этап формирования сознания нигилиста (Страхов, 1881c: 20).

Истинное же просвещение Н.Н. Страхов понимал как чрезвычайно длительный и сложный процесс, притом даже не всегда заметный. Философ был уверен, что именно осознание этого факта позволило бы людям трезво оценивать собственные возможности и своё время, уважительно относиться к наследию, завещанному прошедшим и не ждать чудес от будущего, сосредотачиваясь на настоящем и всеми силами держась за путь добра и истины (Страхов, 1881c: 20).

Как известно, человек имеет стремление жить умом, сердцем и деятельностью. В нигилизме эти стремления принимают уродливую форму: ум нигилиста направлен к отрицанию, сердце – к ненависти, деятельность – к разрушению. Стремящиеся к героизму, но не ради изменения мира в лучшую сторону, а для удовлетворения собственного самолюбия, нигилисты выбрали самый простой путь к достижению своей цели – разрушение и хаос. Именно поэтому Н.Н. Страхов считал, что истинно благородная душа должна чувствовать глубокое отвращение к идеологии нигилизма.

Литература

1. Ильин Н.П. Два этюда о Н.Н. Страхове // Философско-исторический журнал «Русское самосознание», 1996. № 3. Электронный ресурс. URL: <http://russamos.narod.ru/03.htm> (дата обращения: 26.10.2020).

2. Кокшенева К. Нигилизм и «новые люди» (Современные акценты литературной полемики второй половины XIX века). Электронный ресурс. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/kapitolina-koksheneva/nigilizm-i-novie-ljudi.html> (дата обращения: 26.10.2020).
3. Смирнов А.Г. А.И. Герцен о русском нигилизме как общественно-политической борьбе за право и демократию в 60-х годах XIX века. Электронный ресурс. URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=785> (дата обращения: 26.10.2020).
4. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1890. 609 с.
5. Страхов Н.Н. Письма о нигилизме. Письмо I // Русь. 1881. №23. С. 5–8.
6. Страхов Н.Н. Письма о нигилизме. Письмо II // Русь. 1881. №24. С. 14–17.
7. Страхов Н.Н. Письма о нигилизме. Письмо IV // Русь. 1881. №27. С. 20–21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хахалева Варвара Николаевна*, студентка направления «Теология» Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *kiyokothewarrior@ya.ru*

Перекрестов В. В.

**МЕДИУМИЗМ В ТЕНИ ОККУЛЬТИЗМА:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ
РУССКИХ СПИРИТОВ XIX ВЕКА**

В статье выявляются мировоззренческие координаты российских исследователей медиумизма XIX века. Используя различные методы эмпирических исследований, русские медиумисты пытались определить источник и механизм медиумических явлений. Выдвигая по отношению к медиумизму гипотезы «естественного» и трансцендентного характера, исследователи были непоколебимо уверены в реальности медиумических явлений. Вместо признания достоверности какой-либо из гипотез, медиумисты ограничивались обозначением ее степени вероятности, которая была бы приемлема в рамках конкретных концепций. Так умозрения, касающиеся духовного бытия человека, становились основой стратегии медиумистов, суть которой заключалась в постепенном обосновании взаимосвязи земного мира с духовным. Эта взаимосвязь рассматривалась исключительно как вопрос исторической перспективы, решение которого, как полагали представители медиумизма, будет достигнуто в ходе будущих научных исследований.

Ключевые слова: спиритизм; спиритуализм; медиумизм; русские медиумисты; концептуализм; индивидуальное начало; духовный мир

V.V. Perekrestov

**MEDIUMSHIP IN THE SHADOW OF OCCULTISM:
PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL SEARCHES
FOR RUSSIAN SPIRITUALISTS OF THE 19TH CENTURY**

The article reveals the ideological coordinates of researchers of mediumism in Russia of the XIX century. Using various methods of empirical research, Russian mediumists tried to determine the source and mechanism of organization of mediumistic phenomena. Putting forward hypotheses of a "natural" and transcendent nature in relation to mediumism, researchers, first of all, were unshakable in the reality of mediumistic phenomena. Instead of recognizing the validity of any hypothesis, mediumists limited themselves to indicating its degree of probability, which was acceptable within the framework of specific speculations. Thus, speculations concerning the spiritual existence of man became the basis of the strategy of mediumists, the essence of which was to gradually substantiate the relationship of the earthly world with the spiritual. This relationship was exclusively a long-term issue, the solution of which, as representatives of mediumism believed, would be reached in future scientific research.

Key words: spiritism; spiritualism; mediumism; Russian mediumists; conceptualism; individual principle; spiritual world

В течение XIX века такие движения как спиритуализм²¹ и спиритизм²² были озадачены проблемой эмпирической концептуализации загадочных

²¹Спиритуализм – слово, распространенное в Англии и Америке. Здесь это название философского учения, в основе которого лежит признание медиумических явлений, посредством которых развиваются положения о душе и духовном мире. Отличается от спиритизма, прежде всего, отсутствием принципа реинкарнации (Бутлеров, 1889). По спиритуалистическому учению духовное существо может работать над собой, оставаясь в духовном мире; ему не нужно возвращаться в материальный мир, чтобы совершенствоваться

медиумических явлений. Медиумизм²³, признаваемый фундаментальным явлением в обоих движениях, использовался его представителями для продвижения принципа о непрерывающейся жизни человека после его смерти. Смерть в таком случае видится лишь переходной ступенью человека в иной мир, где он (человек), освобожденный от физических оков (тела), продолжает свою жизнь, которая, как описывается в спиритической и спиритуалистической литературе, функционирует в соответствии с действительностью земного бытия.

Медиумизм, переставший быть автономным явлением в силу его доктринального и догматического истолкования пионерами спиритуалистического движения, вновь обретал свое самостоятельное значение и независимый интерес в среде ревнителей научного познания. Научные исследования медиумизма и его влияния на природу сознания первоначально проводились в XIX веке такими известными учеными, как Пьер Жанет, Уильям Джеймс, Фредерик Майерс, Уильям Крукс, Карл Г. Юнг, Альфред Рассел Уоллес, а также Нобелевскими лауреатами Чарльзом Рише, Анри Бергсоном и Лордом Рэлеем (Moreira-Almeida, 2012).

К представителям научных исследований медиумизма в России XIX в. относятся: Бутлеров А.М., Аксаков А.Н., Вагнер Н.П., Страхов Н.Н. Менделеев Д.И., Боргман И.И., Гезехус Н.А., Егоров Н.Г., Краевич К.Д., Петрушевский Ф.Ф. Среди перечисленных Бутлеров А.М., Аксаков А.Н. и Вагнер Н.П. являлись не только серьезными исследователями медиумизма, но и его яркими защитниками. Признавая реальность медиумических фактов, они усматривали в них основания решения проблем, связанных с пониманием бытия, назначением, местом и целями человека, состоянием и возможностями его «...организующего индивидуального начала»²⁴ и «внутреннего сознания» (Аксаков, 1910:7). Именно это сознание, проявляющееся в медиумических явлениях физическим, пластическим и разумным способом, по предположению Бутлерова и Аксакова, могло неизвестным образом сохранять свои влияния после прекращения жизнедеятельности человеческого организма.

Наличие сверхчувственного бытия, выводимое через медиумические факты, допускается Бутлеровым и Аксаковым с высокой степенью вероятности,

²² Спиритизм – название французского происхождения. Изобретено философом и педагогом И. Ривайлем (известен больше под псевдонимом «Аллан Кардек»). В его кодификации спиритизм определяется как философское учение с религиозными последствиями. Учение признает медиумические явления, духовный мир и реинкарнацию (Бутлеров, 1889.). Реинкарнация понимается в учении не только как способ совершенствования души, в основе которого лежит череда воплощений человеческого духа в определенных телах, но и объяснение всех очевидных аномалий человеческой жизни – умственных, моральных и социальных неравенств.

²³ Медиумизм понимался представителями этого движения как набор специфических действий, к числу которых относятся следующие: передвижение предметов, воспроизведение речей от лица посторонней медиуму личности, «слышание» медиумом мыслей рядом сидящего человека. Медиум в таких процессах выступал человеком, особая психофизическая организация которого позволяла ему быть некой основой для вышеперечисленных действий (Бутлеров, 1889; Аксаков, 1910).

²⁴ Это словосочетание содержится в программе предполагавшихся публичных лекций о медиумизме Бутлерова в следующем виде: «гипотеза предсуществования организующего индивидуального начала». В данном случае слово «предсуществование» определяет характер духовного в человеке, которое (духовное) выступает не как результат организма, а как изначально независимое от тела индивидуальное начало, по-видимому, в духе древней гипотезы Оригена (Бутлеров, 1889: 270).

но развивать представления о духовном мире и его жителях они не собирались, ссылаясь как на неподходящий для этого источник знания о медиумизме, так и на несопоставимость незримого мира с миром феноменальным. Так как основным источником медиумизма для Аксакова и Бутлерова является упомянутое «внутреннее сознание», или, проще говоря, индивидуальность человека, которая, по мнению, экспериментаторов (Бутлерова и Аксакова), скрытым для человека путем производит различные медиумические практики, то учение, составленное путем сбора представлений о духовном мире через медиумов, будет лишь человеческим построением. Но все же Аксаков выдвигал гипотезы, что в очень редких случаях через медиумизм возможно проявление индивидуального принципа умершего человека. Доказательство его самоличности, осуществляемое в идентификации выявленных черт с чертами ранее жившего человека, не продвинется далее вероятностного статуса. В этом случае Аксаков А.Н. также подмечает, что «...неоспоримое доказательство самоличности "духов" посредством каких бы то не было проявлений невозможно именно по той причине, что вы вынуждены допустить существование этих так называемых "духов"» (Аксаков, 1910: 663).

Сфера влияния медиумизма у Бутлерова и Аксакова – это, прежде всего, сфера экспериментальная, выходящая за ее пределы только в утверждениях, касающихся «индивидуального посмертного существования человеческого духа» (Аксаков, 1910:663). Далее это продвигает Н.П. Вагнер, заявляя, что в такой загадочной области как спиритизм, обнаруживаются действия злых и добрых духов. Более того, он становится на защиту спиритизма, несправедливо, по его мнению, обвиненного в практике вызывания духов, поясняя при этом, что общение с духовным миром построено на добровольном начале без всякого принуждения (Вагнер, 2015).

Медиумизм в лице Бутлерова А.М. и Аксакова А.Н. не является спиритизмом или спиритуализмом, о чем конкретно изъясняется Бутлеров, говоря, что «...названия медиумизм, медиумические явления, – названия, обозначающие известную категорию фактов – и только». На основе фактов медиумисты выделяли ряд принципов, к которым относятся: принцип выхода психических элементов за пределы тела; принцип «существования всех атрибутов духовного "я" без облечения этого я в грубую телесную оболочку...» (Бутлеров, 1879:94). Эти представления устойчиво резонируют с идеями, которые освещаются, например, во французском спиритическом учении в кодификации А. Кардека или же в спиритуалистической доктрине, которой придерживаются писатель-медиум Э. Хардинг и английский ученый-натуралист А. Уоллес.

Ситуация с гипотезами Бутлерова и Аксакова вокруг медиумизма выглядит не менее противоречивой, чем выходки теософии, присваивавшей себе те аспекты спиритуализма, которые она одновременно стремилась вытеснить (Beaumont, 2010)²⁵. Бутлеров, оценивая высказывания французского ученого

²⁵В утверждении, что работа «Разоблаченная Изида» продиктована тибетскими Махатмами; в проведении спиритических ритуалов, включающих сеансы с умершими (хотя она хитро настаивала на том, что эманации были не столько духами умерших, сколько теневыми двойниками), Елена Блаватская всё более

Рише, направленные на гипотезу духов, считает, что «называя гипотезу духов нелепою, Рише очевидно только отдает дань господствующим воззрениям...» (Бутлеров, 1889: 362). Независимо от вескости оснований такого утверждения, оно может быть направлено в таком же ключе в сторону взглядов самого Бутлерова. В данном случае искусственный конфликт снимается пониманием того, что Бутлеров, так же как и Аксаков, не считали гипотезу духов единственно способной разъяснить генезис медиумизма. Не имея опытных оснований для склонения в сторону достоверности спиритической гипотезы, Аксаков, предвосхищая потенциальные исследовательские победы в переходной к спиритизму области – анимизме – считал, что после признания спиритических фактов «...философия должна будет вывести из них заключение не о существовании мира сверхъестественного с индивидами сверхъестественными, но о существовании мира трансцендентных восприятий...» (Аксаков, 1910:675). Предпосылки, на которых покоилось умозрение о самобытности индивидуального существа человека, переживающего смерть, о наличии форм бытия за пределами земного мира, были недоступны эмпирической проверке для Бутлерова и Аксакова. Но позволяя себе рассуждения философско-антропологического характера, принципы которых, как они полагали, могут быть доказаны в будущем, когда тот же «...факт паки бытия будет установлен также твердо, как и главные факты в области естествознания» (Аксаков, 1910: 670), русские медиумисты осознанным образом превращали медиумизм в каркас неоднородной системы различных умозрений.

Русские медиумисты, часто утверждающие, что они являются представителями медиумических фактов и не более, как мы можем заметить, допускают в своих размышлениях различные гипотезы, развивать которые они могли в соответствии с теми фактическими результатами, которые имелись в современном им периоде исследований. Примечательно, что во все периоды исследований несомненным для медиумистов оставалась только реальность медиумических фактов. Обращаясь к степени частоты, с которой медиумисты упоминают о преданности лишь фактам, можно заметить, что она является довольно высокой, что порой производит затмевающее впечатление от их работ, позволяя делать вывод, что «если мы взглянем на книги Бутлерова и Аксакова, то увидим, что они представляют собой не более чем список фактов...» (Халтурин, 2009). На самом деле, напротив, книги Бутлерова и Аксакова пронизаны размышлениями о духовной стороне человека и глобальных возможностях, которые, как они уверяют, способны приоткрыть исследования медиумизма. И хотя в личных взглядах медиумисты не становились на сторону определенного философского или религиозного учения, они все же не чуждались выдвижения гипотез, которые, как указывалось выше, резонировали с идеями спиритуалистов. Но это резонирование было естественным, так как у спиритуалистов и медиумистов

походила на представителей медиумизма и спиритизма, хотя и отстранялась от них, преподнося свои оккультные выходки за нечто отличное от медиумических явлений (Beaumont, 2010).

был общий объект исследования – медиумические явления, которые порождали схожие проблемы.

Несмотря на большой накопленный опыт сбора и анализа медиумических фактов, вопрос о сущности медиумизма оставался открытым для Аксакова и Бутлерова. Примечательно, что при всех неясностях в исследованиях медиумисты, делая некоторый мысленный скачок, вводили предположения о взаимозависимости медиумизма и духовной составляющей человека. Здесь стоит обратиться к комментарию Н.Н. Страхова: «Спиритизм со всеми его попытками вообразить духовное и поймать его в действительности есть превосходный и поразительный пример того, как не следует понимать духовное» (Страхов, 1887). Предполагая, что одним из условий для произведения медиумическим явлений выступает сама психика человека, выходящая за пределы тела, Аксаков и Бутлеров выводили из этого новые основания для своих умозрений. Если психика может действовать антропоморфным образом вне пределов тела, то она также сможет не прекращать свое существование после смерти человека, допускали медиумисты. В строгом смысле, именно через аспект автономного существования психики поборники медиумизма предпринимали попытки спекулятивно отыскать подход к «духовному».

П.Д. Боборыкин, студент Бутлерова при Казанском университете, определял увлечение своего наставника как «атавизм религиозности» (Быков, 1961:162). Страхов Н.Н. усматривал причину пристрастия ученых к спиритизму в тоске, при которой «...душевные требования остаются без удовлетворения» (Страхов, 1887). Сами же медиумисты видели для своих побуждений к исследованию медиумизма несколько иные основы. Н.П. Вагнер, например, полагал, что «...стремление человека определить и разобрать существование собственной души» (Бутлеров, 1879: 82) является инстинктивным; Бутлеров в свою очередь задается вопросом «В самом деле, есть ли возможность утверждать добросовестно и серьезно, что все, везде и всюду распространенные, всегда сохранившиеся сходные убеждения всех времен и всех народов представляют не более как плод заблуждений и суеверий?» (Бутлеров, 1879: 90); Аксаков утверждает, что «...нельзя остановить того, что коренится в природе вещей...» (Аксаков, 1910:21). Таким образом, русские медиумисты допускали, что «сила» или распространенность приверженности к медиумическим и спиритическим явлениям, заключается не просто в историко-культурной предпосылке, но в «оккультной» деятельности «внутреннего сознания» человека, механизмы которой они пытались раскрыть.

Одно дело размышлять о том, может ли человек каким-то образом пережить телесную смерть, но совсем другое – размышлять о том, существует или может существовать рациональное обоснование для веры в выживание духовного «Я» человека. Исследователи медиумизма, представленные в данной статье, понимали, что, как и в любом научном исследовании, то, что может показаться простым эмпирическим вопросом, скрывает множество сложных философских вопросов, которые они пытались разрешить.

Литература

1. Аксаков, А.Н. Анимизм и спиритизм: Крит. исслед. медиум. явлений и их объяснение гипотезами «нервной силы», «галлюцинации» и «бессознательного»: В ответ Э.-ф. Гартману. 3-е изд. Уфа: Электрич. тип. «Печать», 1910. 679 с.
2. Бутлеров, А.М. Эмпиризм и догматизм в области медиумизма / Соч. А. Бутлерова. М.: Унив. тип., 1879. 100 с.
3. Бутлеров, А.М. Статьи по медиумизму. СПб.: А. Н. Аксаков, 1889. 473 с.
4. Быков, Г.В. Александр Михайлович Бутлеров: Очерк жизни и деятельности. М.: изд-во АН СССР, 1961. 216 с.
5. Вагнер, Н. Что такое спиритизм? (с предисловием В. Раздьяконова), 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-spiritizm-s-predisloviem-v-razdyakonova> (дата обращения: 13.09.2020).
6. Страхов, Н.О вечных истинах: (Мой спор о спиритизме), 1887. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_o_vechnyh_istinah.shtml (дата обращения: 25.09.2020).
7. Халтурин, Ю.Л. Русские позитивисты за медиумическим столом, или об относительности понятия «псевдонаука», 2009. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-pozitivisty-za-mediumicheskim-stolom-ili-ob-otnositelnosti-ponyatiya-psevdonauka> (дата обращения: 10.09.2020).
8. Beaumont, M. Socialism and Occultism at the Fin de Siècle: Elective Affinities. London, 2010. [Online] URL: https://www.researchgate.net/publication/236777775_Socialism_and_Occultism_at_the_Fin_de_Siecle_Elective_Affinities (Accessed 15 September 2020).
9. Moreira-Almeida, A. Research on Mediumship and the Mind–Brain Relationship. Brazil, 2012. [Online] URL: https://www.researchgate.net/publication/278652814_Research_on_Mediumship_and_the_Mind-Brain_Relationship (Accessed 16 September 2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Перекрестов Виталий Валерьевич*, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; 1335705@bsu.edu.ru

**ПРИСТРАСТИЕ К БЕЗУМИЮ:
И.Я. КОРЕЙША В СИМВОЛИЧЕСКОМ ОПЫТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)**

В статье экспонируется проблема особенностей проявления безумия в русской культуре и юродства как наиболее яркого его проявления в русском опыте большого, «антропологического» XIX столетия. Уточняются особенности символизации безумия, его представления и осмысления в отечественной литературно-философской традиции – как практик сосуществования умового и творческого жизненных начал, бытовой квазирелигиозной мистики и художественной рефлексии. В качестве примера разбирается случай И.Я. Корейши (реального человека и персонажа сочинений А.Н. Островского, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.); принимается во внимание наиболее яркий пример проявления творческого юродства – «поэтично-экстатического безумия» футуристов начала XX в. Намечаются методологические особенности исследования юродства как культурного-исторического феномена в гуманитарных исследованиях XX-XXI вв.

Ключевые слова: безумие; юродство; сумасшествие; И.Я.Корейша; поэтично-экстатическое безумие; футуризм

Yu. V. Kovalevskaya

**FOOLISHNESS AS A CULTURAL AND HISTORICAL
FORM OF INSANITY IN THE HISTORY OF INTELLECTUAL CULTURE
OF RUSSIA AT THE LATE XVIII – BEGINNING XX CENTURY**

The article exposes the problem of the peculiarities of madness in Russian culture and foolishness for Christ as its most striking manifestation in the Russian experience of the great, «anthropological» 19th century. The article specifies some of symbolisies of madness, its representation and understanding in the Russian literary and philosophical tradition as a practice of coexistence some mental and creative life principles, everyday quasi-religious mysticism and artistic reflection. The case of I. Ya. Koreishi (a real person and a character in the works of A.N. Ostrovsky, N. S. Leskov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and others) is analyzed *ad hoc*; the most striking example of manifestation of creative foolishness, the so-called «ecstapoetic madness» of the futurists of the early 20th century is taken into account. The author of the article then points some methodological features of the study of foolishness for Christ as a historical phenomenon in humanitarian studies on the boundaries of post- or transhuman era in recent times.

Keywords: madness; foolishness; insanity; I.Ya.Koreisha; ecstapoetic madness; futurism

Если бы кто-то попытался создать работу подобную «Истории безумия в классическую эпоху» Фуко, но только на российском материале, нас ожидала бы совсем другая, непохожая на европейскую картина. Во-первых, потому что, изолировать душевнобольных посредством их заключения в специализированные учреждения в России стали значительно позже, только в девятнадцатом веке. Вариацию образа безумца той эпохи мы можем отыскать между строк остроумного замечания А.Г. Дугина: «"Дома безумных" были созданы представителями романовского дворянства, той романо-германской элиты, которая часто даже не говорила по-русски и держала за идиотов не

только тех людей, что специально помещались в спец. учреждения, но все русское население. При Анне Иоанновне (т.е. еще в восемнадцатом веке), например, любой русский человек заведомо рассматривался как "законченный дебил", "идиот"» (Дугин, 2002:1).

В России наиболее ярко по сравнению со всеми другими странами проявился такой феномен, как юродство, которое имеет свою культурную динамику (Иванов, 2020) и свою традицию исторической рефлексии. Юродивые в старину на Руси воспринимались как «подвижники, ведущие аскетический образ жизни» (Брокгауз, Ефрон, 2006:954), божьи люди, народ часто находил в их словах и поступках глубокий смысл, считал их пророками. Церковь признавала их как «юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства» (Даль, 2007:285), ради обличения неправды и зла в мирском бытии. Интересна характеристика, которую дает юродству С.А. Иванова, исследовавший данный феномен в рамках византийского, а позже и русского опыта. Он подчёркивает, что «разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если её свидетели усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а ещё и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности» (Иванов, 2020:9). То есть он выделяет отсылку к иной реальности, как основную характеристику юродства, и уже из этой характеристики возникает разделение юродства на два вида: «религиозный» и «светский», где первый «намекает на неисповедимость высшего суда, а второй на собственном невидимом миру достоинства» (Иванов, 2020:9).

Перспективы сходятся в XIX «антропологическом» столетии, когда юродство начинает пониматься с некоторым литературно-философским усилием – как поведение жизненно укоренённое и, одновременно, экстатическое, напускное или искусственно вызываемое в самом себе (В.И. Даль глагол «юродствовать» толкует как «напускать на себя дурь, прикидываться дурачком» (Даль, 2007:285)). Показательна динамика исследовательских контекстов: А.М. Панченко в своей работе, посвящённой смеху на Руси, исследует смех в его связи с юродством, и там он определяет положение последнего как промежуточное «между смеховым миром и миром церковной культуры» (Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984:72). Из исторических источников, повествующих о юродивых во имя Христа на Руси, мы узнаём, что многие из них вполне сознательно выбирали такой образ, считали подвиг юродства «одним из высших, заключающих "сокровенную мудрость"» (Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984:74), некоторые из них даже писали книги (инок Авраамий), но это скорее один из редких исключительных случаев, как правило, юродивые текстов не писали. В своих смысловых, типологических пределах юродство – христианская практика, которую может выбрать для себя некий подвижник-монах, или профанно отрешающийся от мира некий безумец в миру со сложно понимаемой, ситуативной жизненной траекторией.

Самым знаменитым русским юродивым второго типа был Иван Яковлевич Корейша. Об этом юродивом существует множество различных часто противоречивых биографических сведений: наиболее обстоятельной представляется работа И.Г. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича, известного

пророка в Москве» (Прыжов, 1860). Во всяком случае, общеизвестно, что родом этот человек был из Смоленска, с большим успехом учился в духовной семинарии и некоторое время преподавал там после окончания. В один из своих преподавательских дней, в 1806 году посреди урока он вышел из класса и никогда больше не возвращался в семинарию, отправившись паломничать в северные, овеванные легендами и укоренённые в традиции искреннего и аскетичного вероисповедания места. Сначала в Соловецкий монастырь, где он прожил иноком до середины 1807 года, затем в Киево-Печерскую Лавру. После двухлетнего паломничества Корейша собирался вернуться в родные места, но по пути его настигла болезнь. Иван Яковлевич дал обет не возвращаться домой до тех пор, пока не совершит молитву в Ниловой пустоши; в 1808 г. он добрался до неё, ещё более тяжело заболев, но там же и исцелившись. Вернувшись домой, он как будто делает своё первое пророчество о том, что его в храме будет нести на руках через 53 года и там же похоронят. После этого И.Я. Корейша уходит, никаких вещей с собой не взяв и ничего никому не сообщив, – с этого, собственно, и начинается история его юродства. Крестьяне обнаружили Корейшу в лесу, копающим палкой землю, построили ему хижину и стали к нему ходить как к человеку юродивому, блаженному в своём похабстве. И.Г. Прыжов отмечает, что такое поведение юродивого «было чисто в древнерусском духе» (Прыжов, 1860:4).

В Древней Руси все старцы и старицы обыкновенно уходили в леса и обзаводились хижинкой, но старец XIX в. недолго прожил в своей лесной хижине. Одна богатая и знатная барыня привезла к нему свою собиравшуюся замуж за военного, участника отечественной войны дочь, Иван Яковлевич же якобы на вопрос о женихе ответил криком: «Воры! Разбойники!», девушка поняла это так, будто её будущий муж вор и разбойник и отказалась выходить замуж. Военный же обвинил Корейшу в клевете и наведаясь к нему в хижину, переломал ему ногу и ратовал, чтобы юродивого поместили в дом умалишённых. Юродивого действительно поместили в московскую Преображенскую больницу в 1817 году, «где три года содержали как буйного на цепях и впроголодь» (Мотеюнайте, 2006:63).

Спустя три года Ивана Яковлевича поместили в более комфортные условия, сняли цепи, начали сносно кормить и пускать к нему посетителей, но юродивый не особенно пользовался новыми привилегиями, он отгородил себе маленькое пространство, в своей комнатухе он либо ходил, либо лежал, но не сидел. Слава о нём дошла до Москвы раньше, чем он, многие люди хотели побывать у него. К нему приходили в основном женщины, которым он якобы пророчествовал про замужества и женитьбы, бури, засухи и войны, излечивал больных. Его речь была весьма нечленораздельна, если и писал он что-то, то это были каракули и трудно понимаемы здравым рассудком выражения. Он ел и справлял прочие физические нужды, не вставая со спального места, грязные руки после еды обтирал прямо об себя. Ел он вообще специфически, приносимую еду он смешивал в одну смесь и так и ел и своих гостей кормил.

Несмотря на неблагообразный, очевидно «похабный» внешний образ жизни, человек этот пользовался огромной популярностью. Около сорока

четырёх лет к И.Я. Корейше стекался народ за различными советами – и простой люд, и образованное общество. Корейша был необычайно популярен в купеческих и мещанских семьях. Существует легенда, что к Корейше собирался Н.В. Гоголь перед уничтожением второго тома «Мёртвых душ»; юродивый оставил свой след в произведениях А.Н. Островского, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.

У Л.Н. Толстого юродивый появляется в автобиографической повести «Юность», он упоминается под своим собственным именем и в своей же роли пророка предсказателя, к которому ездит религиозная героиня повести Любовь Сергеевна, она беседует с ним и жертвует деньги. У А.Н. Островского Корейша появляется в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты»; походы к нему вырисовываются как часть быта купечества. Одна из героинь пьесы, комично причитает о смерти Ивана Яковлевича, говорит, что жить при нём было легко, ведь можно было спросить у него совета насчёт женитьбы дочерей, «а теперь-то как». В «Бесах» Ф.М. Достоевский описывает поездку группы совиx персонажей к блаженному Семёну Яковлевичу, повествование в данном отрывке окрашено в саркастические тона; поездка к юродивому-сталкеру воспринимается героями как развлечение (по некоторым свидетельствам, Достоевский однажды сам посещал И.Я. Корейшу, но ничего об этой встрече неизвестно). У Н.С. Лескова Корейша появляется в рассказе «Маленькая ошибка»: будто бы к нему пришли с просьбой, чтобы их бездетная дочь забеременела, но в итоге забеременела другая их дочь; курьёз состоял в том, что в записке к старцу были перепутаны имена дочерей... Но почему этот юродивый человек захватил внимание всего общества, начиная с крестьян, продолжая дворянами и заканчивая писателями, мыслителями, журналистами? Почему этот образ безумия оказался настолько притягательным? На эти вопросы приходится отвечать именно гипотетически.

Вряд ли Корейша интересовал кого-то как личность – или, точнее, как некоторое самоценное явление. Можно предполагать, что его миссия была вполне культурной – для русского образованного общества он был, условно, неким «постюродивым», своего рода желанным свидетелем того, что существенно пересматривалось и сохранялось как надежда – в веке искания человека и человеческого, эпоху, обремененную культурным скепсисом, романтической историографией и романским творчеством, богословским и антибогословским человекословием, культом научной достоверности, в котором материалистические смыслы смыкались с спиритуалистическими.

В конце XIX -начале XX вв. мы можем наблюдать особенный подъем интереса к концепту безумия в русской культурной жизни. Будто само время дышит безумием, «можно сказать, что в этот период безумие претендует на тотальную интерпретацию мира и человека» (Автошук, 1999:27). В этот период появляется множество литературных прозаических произведений, в которых действует сумасшедший герой: «Красный цветок» Вс. Гаршина, «В сумасшедшем доме» Г. Белорецкого, «В зеркале» В. Брюсова, «Мысль» Л. Андреева, «Смех» М. Арцыбашева, «В сумасшедшем доме» И. Наживина и т.д. В поэзии же говорят о поэте как юродивом символисты, а футуристы постулируют безумие чуть ли не методом своей поэзии.

Л.К. Автошук подчёркивает, что «знаковый потенциал безумия огромен» (Автошук, 1999:27). Можно попытаться понять культурный контекст подъема интереса к безумию. В начале 20 века происходит резкое изменение в жизни общества, в том числе жизни культурной. Возможно, именно необходимость осмыслить свою специфическую эпоху, подвигает искать новый язык для выражения поэзии. Если Фуко пишет, что безумец не говорит за себя, то у футуристов наблюдается попытка найти язык безумия, создать его, чтобы выражать истину о мире, так как им это казалось честным и правильным в своё время. Л.К. Автошук все в той же статье говорит о появлении особой концептуальной текстовой модели, фундаментом которой служит именно безумие, текста, «смысловый уровень которого целиком регулируется отношением к безумию, понятому как особое состояние мира и человека» (Автошук, 1999:27). Эта модель создаётся под влиянием романтизма, но в этот романтизм вливается русская культура с её древней традицией юродства, именно в синтезе этих двух традиций исследовательница видит корни вышеозначенной модели. Как мы уже говорили, дух времени порождает потребность в переосмыслении творческого метода и языка, и появляется новый виток искусства с уклоном в некоторое безумие.

Характерна связь безумия и футуристического направления в поэзии. О футуристах и безумии вместе начали говорить ещё в начале XX в., с самого их, футуристов, появления. Почему именно футуризм стал тем явлением, в котором нашлось столь много места для безумия, мы точно не знаем, но попытку осмыслить этот вопрос находим у Т.А. Терновой: «Мы полагаем футуризм этапным явлением в литературе первой трети XX века, которое иллюстрирует собой переход от авангарда (разрушения) к авангардизму (созиданию). Эта специфическая характеристика футуризма мотивирует разную разработку ключевых мотивов, в частности мотива безумия, в творчестве ряда его представителей» (Тернова, 2010:135).

Показателен манифест авангардистов-футуристов «Пощечина общественному вкусу»: футурист осуждает нравы других поэтов, отвергает их приземлённые устремления, как будто обличает их в грехах, как юродивый. Постулируется изобретение нового, своего языка поэзии, которым будет донесена истина новой искренности: «Мы приказываем чтить права поэтов: 1. На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество). 2. На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку. 3. С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы. 4. Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования» (Воробьёв, 2008:99). Футуристы становятся своего рода юродивыми в темпоральном измерении, принимающими и отвергающими собственную историчность.

История безумия очевидно нелинейна. Фактически проявляясь в форме трудно преставимых практик-вспышек (крупнейшая из которых – юродство), безумие обнаруживает свою культурное постоянство и особенно даёт себя

знать при возрастании неблагополучия в самосознании культуры, которая оказывается не неких перепахуях искренности. Дисциплинарная квалификация безумия весьма затруднена этим мгновением, реактивным и искренним – всегда творчески свободным ответом человека культуры, который стеснен уже имеющимся опытом творчества и не имеет сил ограничить себя в известном, «искрит», не соединяя и не разлучая эпохи, не обеспечивая их единство, но предупреждает других и настораживается сам, свидетельствует о новых рисках культурной жизни, которые возрастают или предстоят. История русского безумия в этом отношении весьма показательна в своей историчности, которая удерживается и переоткрывается с некоторой непосредственностью жизни или литературного произведения. Такой непосредственности и такого литературно-философского порыва другие истории безумия вряд ли знают.

Литература

1. Дугин А. Г. Лекция 10. Бытие и безумие // Дугин А. Г. Философия Традиционализма. М., 2002.
2. Иванов С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. 464 с.
3. Мотейунайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX-XX вв. Псков. 2006. 304 с.
4. Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72-153.
5. Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб.: тип. Н.Л. Тиблена, 1860. 52 с.
6. Автошук Л.К. Новый опыт безумия: эксперименты с сознанием (рассказ Л. Андреева «Мысль» как модель безумия нач. XX в.) // Вестник ТПГУ. 1999. Вып. 6(15). С. 27-31.
7. Тернова Т.А. Семиотика безумия в литературе русского авангарда // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. С. 134-139.
8. Воробьев И.С. Авт.-сост. РУССКИЙ АВАНГАРД. Манифесты, декларации, программные статьи (1908-1917). СПб.: Композитор · Санкт-Петербург, 2008. 256 с.
9. Радин Е.П. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. М.: Salamandra P.V.V., 2011. 94 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ковалевская Юлия Валерьевна*, бакалавр 47.03.01 Философия Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; julia.v.kovalevskaya@gmail.com

О.И. Нифонтова

ИНТЕРЕС К ЧЕЛОВЕКУ: ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕПУТЬЯ РУССКОЙ МЫСЛИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В статье рассматриваются некоторые пропедевтико-антропологические разработки первой половины XIX в., содержащиеся в трудах Ф.Ф. Сидонского, К.А. Зедергольма, И.М. Скворцова, А.С. Хомякова и др. В этих разработках дают себя знать прежде всего пути становления духовно-академической философской мысли данного периода: они позволяют уточнить исторические формы существования российской философии в университетах и духовных академиях первой половины XIX века, а также роль и значение духовно-академической ветви философии в структуре отечественной культуры. Намечаются особенности сосуществования и взаимодействия умозерцательного и практико-теологического подходов в трудах русских мыслителей первой половины XIX века.

Ключевые слова: духовно-академическая философия; умозерцание; Откровение; духовные академии; университеты; духовные школы.

O. I. Nifontova

INTEREST IN MAN: PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL CROSSROADS OF RUSSIAN THOUGHT (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The article considers some studies of the first half of the XIX century by F. F. sidonsky, K. A. Zedergolm, I. M. Skvortsov, A. S. Khomyakov and others, reflecting the ways of formation of spiritual and academic philosophical thought of this period. The article clarifies the historical forms of the existence of Russian philosophy in universities and spiritual academies of the first half of the XIX century, as well as the role and significance of the spiritual and academic branch of philosophy in the structure of Russian culture. The author emphasizes the coexistence and interaction of the intellectual and theological approaches in the works of the first half of the XIX century.

Keywords: spiritual and academic philosophy; contemplation; Revelation; spiritual academies; universities; spiritual schools.

«Умы философствующие»: к институционализации философии в России

Отечественная философия в своем развитии с момента своего зарождения до современного состояния прошла немалый путь. На этом пути встречались переходные периоды, где необходимо было принимать решения, от которых зависело ее дальнейшее развитие и функционирование в России. Одним из таких поворотных моментов, несомненно, можно считать первую половину XIX века, поскольку в этот исторический отрезок времени в России решался вопрос о дальнейшей судьбе отечественной философии преимущественно в высших учебных заведениях. Связано это во многом с ограничением в первой половине XIX века преподавания философии в отечественных университетах и отстранением многих профессоров философии от преподавательской деятельности в связи с образовательными реформами Александра I, который после наполеоновских войн решил, что философия сеет сомнения в студентах относительно истинности Священного Писания и тем самым подрывает основы

государства (Павлов, 2014: 89-91). Будучи сведено в первой половине XIX века к минимуму в российских университетах, развитие отечественной философии переместилось и продолжилось в духовно-академической среде, где «преподавание философии...было постоянным и непрерывным и осуществлялось на достаточно высоком уровне» (Куценко, 2005: 96).

Однако, Александр I не всегда был гонителем философии. Вначале своего правления он, напротив, способствовал развитию отечественного образования и философии в том числе. Об этом свидетельствует А.И. Введенский, характеризуя состояние философии в России в первой половине XIX века: «Преподавание же философии было широко поставлено не только в университетах и духовных академиях, но даже в семинариях и гимназиях. В гимназиях было введено обязательное преподавание логики, психологии, философии права (под именем естественного права), эстетики и нравственной философии, причем не скупились на время и уделяли на все эти предметы 18 недельных уроков. В семинариях же преподавалась логика, метафизика и нравственная философия, а с 1813 г. и история философии» (Введенский, 1989: 10). А.Г. Павлов также подчеркивает тот вклад, который Александр I внес в первой половине своего правления в становление отечественного образования: «в России была заложена основа стройной системы образования от приходских школ до университетов: к существовавшему с 1755 г. Московскому университету и созданному в 1802 г. Виленскому и Дерптскому университетам в 1804 г. прибавились университеты в Казани и Харькове. В Санкт-Петербурге вместо университета был учрежден Педагогический институт на базе существовавшей Учительской гимназии. Так что уже в начале XIX века в России было 5 университетов и столичный Педагогический институт с правами и обязанностями университета» (Павлов, 2014: 86).

Однако, после наполеоновских войн в характере отношения Александра I к философии произошла заметная перемена: его окружение выставляло философию крайне опасной, и, будучи подверженным влиянию своего окружения, Александр I провел реформы, ограничившие преподавание философии в университетах (Павлов, 2014: 17-18). Преподаватели философии во всех университетах были высылаемы из России и лишались кафедр, при этом самому сильному погрому подверглись Казанский и Санкт-Петербургский университеты, чуть менее подвергся гонениям Московский университет (Павлов, 2014: 18-19; 23-24). А. И. Введенский свидетельствует, что «изгнание философии из русских университетов продолжалось тринадцать лет, вплоть до введения устава 1863 г. Александром II, когда произошло возобновление преподавания философии в отечественных университетах (Введенский, 1898: 35-36).

Будучи сокращена до минимума в светских университетах, философия в эти годы продолжала, однако, активно развиваться в духовно-академической среде. В некотором смысле можно сказать, что в первой половине XIX века отечественные университеты на несколько лет «передали эстафету» преподавания философских дисциплин духовным академиям, что дало

возможность отечественной философии не погибнуть и не остановиться в своем развитии, и даже обогатиться некоторым духовным способом мышления.

Однако, возможности перемещения философии для дальнейшего развития в духовно-академическую среду предшествовали некоторые значительные реформы духовно-академического образования. В 1807 г. Александр I выделил денежную сумму на преобразование духовных училищ и подписал указ об учреждении Комитета усовершенствования духовных училищ, а 26 июля 1808 года учреждена Комиссия Духовных Училищ (Асоченский, 1863: 1-6). Центральным документом, повлекшим за собой изменения в статусе философии как дисциплины в духовных школах, стал Устав 1809 г., первоначально созданный в содружестве двух представителей светского и духовно-академического способов мышления, М.М. Сперанским и архиеп. Феофилактом (Русановым). Такое содружество представителей двух типов мышления как будто предваряет будущее принятое решение о судьбе философии в России, представляющее собой синтез философской и богословской рефлексии. Вопрос о дальнейшей судьбе философии в России в первой половине XIX века мог быть решен выбором одного из начал: философия могла уйти непосредственно в чистое умозрение или в чистое умное делание восточной христианской традиции. Иными словами, духовно-академическая философия могла выбрать один из способов мышления: умосозерцательный или откровенный: философский или теологический (богословский). Однако, создатели Устава 1809 г. выбрали путь синтеза и объединения двух этих возможных способов мышления, и вопрос о судьбе философии был решен объективно и мотивировано, поскольку философская мысль в России в данный период развивалась на перепутье западного философско-богословского дискурса и восточной исихии, которые невозможно было искусственно отделить друг от друга. Реформаторы духовно-академического образования соединили умосозерцание с откровением, что в дальнейшем способствовало объективной мотивации философско-антропологических исследований, поскольку человек являет собой целостное духовно-материальное существо, и наилучшим способом исследования его закономерно представляется тот, который соединяет в себе умосозерцательный и Откровенный (теологический) подходы. Следует заметить, что антропологическая проблематика всегда находилась в центре внимания отечественных мыслителей как светских, так и религиозных. Она была стержнем их философских исследований в том числе и в первой половине XIX века. На это указывает В.Ф. Пустырмаков в своей монографии: «Русских просветителей знания о природе, о вещах интересовали... постольку, поскольку их можно было использовать в учениях об обществе и человеке» (Пустармаков, 2002: 172); антропоцентризм – исходный и главный аксиологический принцип русского Просветительства как всякого зрелого Просветительства» (Пустармаков, 2002: 172). Для С.В. Пишуна представляется очевидным, что проблемы человека, личности являются тем «буфером» между философскими и богословскими науками, которые определили их сочлененность в конкретной историко-культурной ситуации XIX века» (Пишун, 1996: 13). В первой

половине XIX века проблема человека имела тенденцию разрешаться на стыке философии и теологии. Во многом это было связано с недостаточностью каждого из этих направлений самого по себе в рефлексивном анализе такого сложного и многоуровневого существа как человек.

Необходимо заметить, что в России философия всегда существовала в нескольких видах, которые взаимодействовали и взаимообогащали друг друга, никогда не существуя изолировано, вместе создавали единый вид специфического русского философствования. Об этом говорит Н.А. Куценко, выделяя три следующие формы бытования русской философии, которые, с ее точки зрения, никогда не были отделены друг от друга: «вольную», университетскую и духовно-академическую (Куценко, 2005:9). Объединяло три ветви отечественной философии, согласно мысли исследовательницы, то, что «существовали сквозные проблемы, в решении которых внесли свой вклад все три главные ветви отечественной философской культуры, что указывает на необходимость их оценки и восприятия в качестве разновидностей единой интегральной истории русской философии» (Куценко, 2005:9). Кроме того, в другом своем исследовании Н.А. Куценко утверждает наличие в Российской культуре, начиная со времен крещения Руси, трех видов наук, имеющих доминирующее значение: филологии, философии и богословия (Куценко, 2013:13). Она отмечает, что эти три науки в XIX веке «по-прежнему находились в тесных взаимных отношениях, имея разное пропорциональное соответствие у конкретных личностей и деятелей культуры» (Куценко, 2013:13). Богословие же Н.А. Куценко рассматривает как «рациональный ментальный элемент»: «Как и по всей Европе, в образовательной отечественной культуре XVIII в. главенствовал сильный рациональный ментальный элемент – богословие, который олицетворял собой присутствие европейской традиции – традиции сосуществования теологии в рамках университетов наряду с другими систематическими науками, традиции трактовки абсолюта как основы формирования систематических философских систем. Данный факт нашел свое отражение в богословских и философских курсах в Киево-Могилянском коллегиуме и Славяно-греко-латинской академии» (Куценко, 2013:14). О связанности светского и духовного образования в России в первой половине XIX века упоминает и М.В. Ганиянц, замечая, что «высшее образование в стране формировалось из двух равновеликих источников – светского (университеты) и духовного (академии). Причем, ни университеты, ни академии не были замкнутыми корпорациями, а были открыты научному и педагогическому общению друг с другом (велись полемики, шел обмен профессурой, вводилась практика посещения лекций академистов в университете и т. д.)» (Ганиянц, 2003: 186). Н.А. Куценко указывает на значительную роль Киевской духовной академии в развитии отечественной философии и культуры в целом (КДА наряду с СПбДА занимает центральное место в ее исследованиях), которая с 1819 по 1858 гг. «показала способность воспитания философских и богословских кадров высокого европейского уровня» (Куценко, 2009:264) в поддержании непрерывного развития отечественной философии в первой половине XIX века. Однако, на самом деле,

все четыре духовные академии первой половины XIX века (СПбДА, МДА, КДА, КазДА) поддерживали отечественную философию и культуру в целом.

В проекте Устава духовных академий 1809 г. относительно порядка преподавания философских наук было сказано следующее: «Философские науки могут быть преподаваемы также, как и исторические, в двух разных отношениях. Первое, чтоб дать понятие воспитанникам о разных выражениях, определениях и словах, в философии употребляемых. Сие можно назвать философскою терминологию и сие составляет первый степень философского учения. Сей степень собственно принадлежит к семинариям. Второе отношение, в коем философские науки могут быть преподаваемы, состоит в том, чтобы изложением о каждом предмете мнений славнейших философов, сравнением их между собою, разрешением и привидением их к общему какому-либо началу дать воспитанникам понятие об истинном духе философии, приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить их с лучшими методами таковых изысканий. Сей обзор преподавания собственно принадлежит к академии. А по сему профессор философских наук пройдя кратко философию, для возобновления в памяти студентов, философскую терминологию, должен вести их потом прямо к самым источникам философских мнений и в них показывать им, как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собою» (Чистович, 1857: 192). Такая установка, несомненно, способствовала развитию у студентов самостоятельного философского мышления, без которого немислимо бы было дальнейшее развитие отечественной философии.

О насыщенности духовно-академических философских курсов свидетельствует также и В. И. Асоченский: «Курс наук философских отличался нарочитою обширностью. В течение академического курса прочитано было все, что входит в сферу философствования – от первых начал логики до системы последнего из современных мыслителей – Шеллинга. Согласно указанию Проекта Духовных Училищ, в преподавании этой науки обширнейшую долю заняла История философских систем, как критическое обозрение усилий ума человеческого, желавшего собственными средствами рассеять тот мрак, которым от века окружено естество наше. Здесь испытующему взору молодых слушателей постепенно представляли халдеи, персы, индийцы, египтяне, кельты и другие, так называемые, варварские народы с своими мистико-детскими взглядами. За ними следовали философствующие греки с древними мудрецами, не отторгавшимися впрочем от земли и искавшими начала всего существующего вокруг себя, в предметах, не выходивших из узкого их горизонта; их сменили Сократ, Платон и Аристотель – этот блистательный триумvirат древнего философствования, обнявший собою всю деятельность ума человеческого, начиная от самой высшей созерцательности, явившейся в учении Платона и тончайшего анализа рассудочных феноменов, произведенного Аристотелем, до практических уроков жизни, преподанных Сократом, который низвел философию с мечтательного неба и сделал ее наставницей людей. Движение, произведенное этими великими мыслителями, вызывает новые системы Пирронов, Епикуров,

Зенонов и их последователей, которые наконец мельчают час от часу и исчезают в академиях, образовавшихся под влиянием разнородных учений. Внимание слушателей, утомленных такими порывами ума человеческого, взлетающего на икаровых крыльях к Вечному солнцу истины и постыдно падающего долу, успокаивается в религиозном философствовании Иудеев: но и то до тех пор, пока делание это не выходит из пределов, предписанных священными книгами. Являются Фарисеи, Саддукеи, Есеи, Ферапевты, – и опять начинается кружение ума человеческого. Но вот среди мятущихся сынов мрака воссиявает Свет Истинный....Гностики, каббалисты, неоплатоники со своими – Плотинум, Порфирием, Ямвлихом, Проклом, вооружаются против того света, которого никакая тьма объять не может, при сиянии которого любомудрствуют св. отцы Церкви и христианские философы: Иустин, Климент Александрийский, Августин, Тертуллиан, Татиан, Ориген, Лактанций и многие другие. Наступает период схоластики, период брожения умов, потерявших ариаднину нить в этом дедаловом лабиринте и бродящих вокруг до около науки с пустыми лишь формами арестотелизма, не дополняемого созерцательным учением Платона и практическими уроками Сократа, но уже самое это брожение дает предчувствовать реформу: из него вырождается Бэкон (Васон) и ведет за собой Лейбница, Мальбранша, Берклея, Спинозу, Лэка, Декарта, этих предтеч грозного переворота, совершенного Кантом, Фихте, Якоби и Шеллинг завершают эту обширную галерею умов философствующих» (Аскоченский, 1863: 33).

**«Только собственная работа мышления...
обращает нам в сок и кровь истины религиозные»**

Наиболее известные профессора философии в духовных академиях воплощали принцип синтеза философского и богословского дискурсов в своих курсах и философских трудах, отдавая философии достойное место. Их собственная мысль в данный период развивалась на стыке философской и теологической методологии. Об этом свидетельствуют их философские труды. Один из них, представитель СПбДА, Ф.Ф. Сидонский, создавший труд «Введение в науку философии» (Сидонский, 1833), указывал на необходимость синтеза философии и религии и их непротиворечивость: «Только через посредство Философии убеждения веры могут прививаться к душе во всей чистоте; только собственная работа мышления – отличительный характер Философии...обращает нам в сок и кровь истины религиозные, исправляет убеждения смысла общего» (Сидонский, 1833: 179); «...как в Религии, так и в Философии цель одна: указать человеку истину, поставить его в надлежащий образ бытия и действия среди сего мира...разность между ними только в путях, коими они ведут человека к знанию истинного» (Сидонский, 1833: 185); «между Философиею и Религиею разделений полагается быть не должно. Из двух путей, коими можно восходить к разумению своих нормальных отношений, всегда можно избирать тот или другой по настроению своего духа, но исключительно одним которым либо действовать невозможно»

(Сидонский, 1833: 186-187). Он считал противоположность Философии и Веры более кажущейся, чем действительной (Сидонский, 1833: 185), все науки называл светом, а Философию – светом по преимуществу (Сидонский, 1833: V-VI). Цель книги Ф.Ф. Сидонского – «объяснить достойным образом всю важность философских задач, обнадежить в возможности их решения и, наконец, опровергнуть недоразумения и вкоренившиеся предрассудки на счет философии» (Чистович, 1857: 293). А один из первых преподавателей философии в СПбДА, вызванный из Берлина, И.А. Фесслер, прямо указывал на связь философии и религии в своем методе обучения: «Философия, которую я намерен преподавать академическим слушателям, прямо будет направлена к раскрытию и истолкованию внутренней связи, которая находится между религией и философией, между благочестием и образом мудрствования» (Чистович, 1857: 195-196). В СПбДА также «Введение в философию», включающее определение предмета, метода и цели философской науки, было написано В. Н. Карповым (Карпов, 1840: 136). Чуть позже им же издано «Систематическое изложение логики» (Карпов, 1840: 320). Кроме того, в первой половине XIX века в СПбДА были совершены переводы на русский язык Д.С. Вершинским «Обозрения истории философии Аста» 1831, «Обозрение пифагорейской философии Риттера» 1832, «Система логики Бахмана» 1833; Ф. Ф. Сидонским, – «Психологическая антропология Шульце» 1824; В.Н. Карповым были переведены также диалоги Платона и «История философии Риттера» (Чистович, 1857: 318).

Представитель московской духовно-академической мысли, не преподававший, однако, в МДА, К.А. Зедеггольм (Зедеггольм, 1841) наряду с другими отечественными мыслителями (Например, О.М. Новицкий ожидал философии, которая бы полагала «краеугольным камнем философствования не опыт и не умозрение, а веру, с этой высоты духа мог бы обнять одним взором требования и опыта и умозрения, и тогда уже воздвигнуть стройное здание мысли, завершенное, как светозарным куполом, идеей всех идей, идеей Бога») (Новицкий, 1838: 50) провозглашал необходимость соединения умозрительного и Откровенного видов знания: «Наконец ставил я себе в обязанность – повсюду указывать на последнюю цель всей философии, совпадение умозрительной истины с откровенною и возвещать зарю сего соединения. Знаю, что философия не должна терять своей независимости и раболепствовать Богословию; но знаю также, что существует божественное Откровение, и что философия только тогда достигнет своей цели, когда примет истину, которую одно христианское Откровение может ей даровать»); «Истинное умозрение чуждо всякого противоречия христианской вере...оно соединяет, мирит и возвышает, оно своих последователей делает мудрее и благочестивее» (Зедеггольм, 1841: VII). К.А. Зедеггольм определяет и отношения между философией и религией, подчеркивая роль философии в том числе в познании человека: «Что касается до отношения философии к Религии в особенности, то первая к последней относится, как познание к жизни. Философия есть познание идеи вообще и идеи истины в особенности, притом идеи Бога, мира и человека. Религия же не есть ни ведение, ни

действие, ни чувствование по-преимуществу; а жизнь и именно жизнь в Боге...» (Зедергольм, 1841: 6-7). К.А. Зедергольм возможность объективной положительной философии усматривает только в связи с христианством: «Только на христианской почве и чрез христианство, поднявшее нас из падения и снова соделавшее для человека возможною жизнь в Боге стала возможна объективная положительная философия» (Зедергольм, 1841: 22). В антропологическом ключе данный мыслитель определяет и задачу философского мышления: «Коренною задачею философского мышления, отношением субъективного и объективного обуславливаемое в нашем познании по объективным началам противоположное достигает высшей степени развития тем, что мысль, возвышаясь над антропологическою противоположностью между телом и духом, восходит до космологической, между миром и Богом» (Зедергольм, 1841: 52). Другой представитель духовно-академической мысли, но уже принадлежащий к преподавателям МДА, Ф.А. Голубинский, разделял сферы теологии и философии он «давал разуму более прав на исследование истины и не превращал учение философское в теологическое. Он не поставлял задачею для себя выводить все истины философского учения из Откровения» (Смирнов, 1879: 51).

Первый профессор философии в обновленной в 1814 году Киевской духовной академии, И.М. Скворцов, по замечанию одной из исследовательниц его наследия, Н.А. Куценко, «представлял собой тип богослова, ищущего пути соотнесения истин Откровения и философских идей» (Куценко, 2009: 265). Он считал, что первая ступень познания дана в вере, а философия, как и вера, должна приводить к христианству (Куценко, 2009: 266). И.М. Скворцов читал свои лекции еще на латинском языке, но, по свидетельству И.И. Малышевского, их содержание было новым: «Новостию в его философствовании была прежде всего история философии, курс, который обнимал у него философию восточную, греческую, средневековую, новую с Бэкона, Декарта и Лейбница, и новейшую от Канта до Шеллинга. Новостию было то, что он изучал философов не в старых схоластических изложениях, а в самих источниках, доступных ему при превосходном знании древних и главнейших новых языков, – что в свою историю вносил он строгую критику, – критику, впрочем, только догматическую, высшем светочем которой было для него откровение, и талант, который выразился в его исследованиях о философии Канта, доставивших ему, вместе с одним богословским сочинением (О послании к Ефесянам) степень доктора богословия. Кроме истории философии он читал в один и тот же курс логику, психологию, метафизику и нравственную философию» (Малышевский, 1869: 24-25). В архиве КДА сохранились «Философия религии», «Логика» и «Критическое обозрение теодицеи Лейбница» И.М. Скворцова (Куценко, 2005: 62, 66-67). Другой духовно-академический мыслитель КДА, В.Н. Карпов философию и богословие сводил к единству: «Философия в мире христианском – суть одно и то же развитие жизни, как сеннолиственное и покрытое плодами дерево – один и тот же организм. Итак, философия в недрах Веры и по духу Веры, как учение по

содержанию отличное от богословия, всегда была не только возможна, но и необходима» (Куценко, 2005: 100).

Первый профессор Казанской духовной академии был один из лучших бакалавров МДА, И.А. Смирнов-Платонов. П. Знаменский свидетельствует, что его программа философии была разнообразна и насыщена: «В течение своего двухлетнего курса профессор успевал проходить всю систему философии, состоявшую из опытной психологии, логики, метафизики и нравственной философии» (Знаменский, 1891: 20).

Кроме того, светские мыслители первой половины XIX века тоже признавали отечественное мышление богословско-философским. И.В. Киреевский находил основание православно-славянского мира в богословско-философском мышлении (Кирхнер, 1895). Подробно об этом пишет В.В. Чуйко: «По его мнению, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа, западные – более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней целостности разума, – того, так сказать, средоточия сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое, высшее существо. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самобытно действующих в своей одинаковой отдельности. Одним чувством понимают они нравственное, другим – изящное; полезное опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком, и ни одна способность не знает, что делает другая. Таким образом, это мистическое созерцание, присущее восточным мыслителям, состоит в способности целостного созерцания (*unmitteilbares Wissen*), которое по существу своему не подлежит развитию, между тем как аналитический путь западных мыслителей отличается способностью развиваться. Это-то целостное воззрение перенесено было в Россию греками, и оно-то составило сущность русской жизни» (Кирхнер, 1895).

А.С. Хомяков также отмечал целостность философско-богословского сознания в России. Он считал цельное философско-богословское сознание не только идеалом для жизни, но и требованием философского мышления. Философия для него, – переходное движение человеческого разума из области веры в многообразное приложение мысли бытовой (Кирхнер, 1895). Мыслитель не сомневался, что «разум в своем неразрывном союзе с волей неизбежно приводит к религии или, вернее, к христианству» (Кирхнер, 1895).

По свидетельству П. Знаменского, «Философия во всех академиях считалась важнейшею после богословия наукою и занимала в младшем отделении первенствующее место» (Кирхнер, 1895).

Согласно Уставу 1809 г., в классах философских наук в духовных академиях ставились следующие высокие цели в образовании студентов: «...чтобы изложением о каждом предмете мнений славнейших философов, сравнением их между собою, разрешением и приведением их к общему какому-либо началу дать воспитанникам понятие о истинном духе философии, приучить их к философским исследованиям и ознакомить с лучшими методами таковых изысканий» (Кирхнер, 1895). Немалая роль в философском

образовании студентов возлагалась на профессоров философских наук: «...посему профессор философских наук...должен вести их [студентов – мое] потом прямо к самым источникам философских мнений и в них показывать им как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собою» (Кирхнер, 1895).

Духовно-академическая ветвь философии (заключительные заметки)

Выдающиеся представители духовно-академической ветви философии подчеркивают роль духовных академий, преобразованных в первой половине XIX века в России в развитии отечественного просвещения, культуры и государства. Представитель Киевской духовной академии митр. Макарий (Булгаков) замечает по этому поводу следующее: «...до основания Московского Университета (в 1755 г.), в продолжение почти полутора века, Киевская Академия участвовала в удовлетворении умственных потребностей всей России гораздо более других училищ, существовавших и появлявшихся в нашем отечестве. С одной стороны, из числа питомцев ее являлись тогда многие знаменитые ученые, содействовавшие просвещению отечественному многочисленными сочинениями; с другой ее же воспитанники заводят в сей промежуток времени не только все почти духовные училища, существующие доселе, но некоторые из них являются славными участниками в первоначальном заведении самих училищ светских» (Макарий (Булгаков), 1843: 12). Ему вторит представитель Казанской духовной академии, П. Знаменский: «Она [академия. – *О.Н.*] выставила из своей среды целый ряд светлых имен своих тружеников и питомцев и произвела такое почтенное количество плодов своей просветительской деятельности, какое дает ей полное право на почетное место ничуть не ниже прочих владык иудиных» (Знаменский, 1891: VIII). И.И. Малышевский свидетельствует тоже самое: «... по выражению м. Евгения, старая академия киевская «воспитала для всей России не только знаменитых просвещением и добродетельных пастырей, но и государственных чиновников во всех состояниях отличных граждан...Наконец многие десятки ее воспитанников вызывались в разное время в учителя народных училищ и в студенты высших учебных заведений или сами посвящали себя ученой и литературной деятельности, и видны потом в ряду известных русских писателей, ученых и профессоров университета (напр. Тимковский и др.)» (Малышевский, 1869:14).

А.И. Введенский отмечал важность для светской философии существование в первой половине XIX века философии духовной «параллельно со светской...когда в 1850 г. произошел на 13 лет перерыв в преподавании философии в университетах, то при его возобновлении мы могли обойтись и без помощи иностранцев, в это время духовные академии для Московского университета доставили такого преподавателя (Юркевича), который уже сразу, без всякой дальнейшей подготовки, мог занять университетскую кафедру, а для других университетов они выставили лиц уже настолько сведущих в основных частях философии, что им можно было поручить кафедру после двух-

трехлетней заграничной командировки (таковы, например, Троицкий и Владиславлев). Конечно, нет никакой нужды разьяснять, что в философии крайне важно, и даже гораздо важнее, чем в любой другой науке, с самого начала повести преподавание на русском языке» (Введенский, 1898: 11-12).

И.А. Чистович упоминает, что некоторые из воспитанников СПбДА получили наставнические должности в Императорских университетах, при Главном педагогическом институте, гимназиях и военно-учебных заведениях; некоторые были отправлены для дальнейшего обучения светским наукам в Берлинский университет; некоторые перешли на гражданскую службу (Чистович, 1857: 390). Это свидетельствует о важной роли духовно-академического философского образования не только для духовных академий, но и для всей России в целом.

О значимости духовно-академической ветви философии в общем контексте отечественной философии свидетельствуют и современные исследователи. Н.К. Куценко указывает на высокую роль профессоров духовных академий в развитии и сохранении философии в России: «Можно лишь благодарить профессоров философии духовных академий, заменивших светских преподавателей философских дисциплин в университетах в 50-х годах XIX века. Они не только «закрыли» образовавшуюся брешь в светском учебном процессе и сохранили академическое отношение к преподаванию оставшихся философских дисциплин, но и создали настоящую классическую его традицию, так как впервые были утверждены на министерском уровне унифицированные программы преподавания логики, психологии и истории философии на русском языке, соответствующие европейским стандартам» (Куценко, 2013: 18); «...более двух третей преподавателей философских дисциплин в системе светского высшего образования Российской империи получили профессиональное духовное образование» (Куценко, 2013: 19). И.В. Цвык рассматривает духовно-академическую философию как неотъемлемую составляющую общего философского процесса в России и профессиональное классическое философствование в западно-европейском смысле этого слова (Цвык, 2002: 40-41). Она подчеркивает, что духовно-академическое направление философии оказало существенное влияние на русскую философскую мысль, а деятельность профессоров духовных академий в течении XIX века, и особенно в период «изгнания» философии из университетов, выступала одной из движущих сил развития русской философии (Цвык, 2002: 5-8). М.В. Шумейко рассматривает духовно-академическую философию как особый вид русской философии, отличной от богословия тем, что академики в отличие от богословов считали необходимым рационалистическое доказательство религиозных истин (Шумейко, 2006: 20). В.В. Гилева подчеркивает значение духовно-академической философии для истории русской философской мысли: «Изучение истории русской философской мысли обязательно включает в себя изучение духовно-академической философии, как значительного направления русской философской мысли» (Гилева, 2009: 3). Н.А. Куценко отмечает, что представителей ортодоксальной богословской учености характеризует

достаточно широкая проблемная среда: богословие, философия, литературные произведения богословско-философского содержания и прочее (Гилева, 2009: 3). В пример она приводит представителей богословско-философской школы КДА, включавших в свои богословские труды «значительную часть философского элемента» (Гилева, 2009: 3). А.И. Введенский считает, что в первой половине XIX века оформилась новая ветвь духовной философии в России: «Таким образом, кроме уже существовавшей светской философии, с 1809 г., т. е. с открытия С.-Петербургской Духовной академии у нас появилась еще и духовная философия» (Гилева, 2009: 10). Однако, точнее будет сказать, что духовная ветвь философии с открытием СПбДА скорее официально оформилась, чем появилась, поскольку духовная философия так или иначе возникает в России ранее, с крещением Руси и появлением духовной литературы.

Литература

1. Аскоченский В.И. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году. Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара, 1863. VIII, 282 с.
2. Введенский А.И. Судьбы философии в России. М.: Типолитограф. И. Н. Кушнерова и К., 1898. 43 с.
3. Гавриил, архим. История русской философии. Казань: в Унив.тип. 1840. 158 с.
4. Ганиянц М.В. Российское любомудрие в первой половине XIX века: философия и история философии в университетах и духовных академиях: дис. ... канд. историч. наук: 07.00.00. М., 2003. 215 с.
5. Гилева В.В. Влияние немецкого философского идеализма XVIII – начала XIX веков на русский духовно-академический теизм: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Владивосток, 2009. 171 с.
6. Зедергольм К.А. История древней философии, приспособленная к понятию каждого образованного человека / [Соч.] Д-ра философии и евангел. Дивизиона. Проповедника Карла Зедергольма. Ч. 1. М.: тип. А. Семена, 1841. С. X-XI. 300 с.
7. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы). Вып. 1-3. Казань: тип. Импер. ун-та, 1891-1892. 3 т.; 25. [Вып. 1]. 1891. [4], X, 381 с.
8. Карпов В.Н. Введение в философию. СПб: тип. И. Глазунова и К°, 1840. VIII, 136 с.
9. Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. Изд. 2-е. М.: URSS: Либроком, 2011. 320 с.
10. Кирхнер Ф. История философии с древнейшего до настоящего времени = (Geschichte der Philosophie): С доп. ст. "Русская философия" В. Чуйко / Фридрих Кирхнер; Пер. с нем. [и предисл.] В.Д. Вольфсона. Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1895. – [2], XIV. 338 с.
11. Куценко Н.А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: Киевская и Петербургская школы (Новые материалы). М., 2005. 138 с.
12. Куценко Н.А. Творческое наследие первого профессора философии Киевской духовной академии И. М. Скворцова // Вестник РГГУ. 2009. № 12. С. 263-271.
13. Куценко Н.А. Философия, филология, теология в образовательной системе Российской империи XIX в. М.: ИФРАН, 2013. 138 с.
14. Макарий (Булгаков Михаил Петрович; митр. Московский и Коломенский). История Киевской академии. Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова, 1843. 226 с.
15. Малышевский И.И. Историческая записка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие. Киев: тип. Киевопечерской лавры, 1869. 77 с.
16. Новицкий О.М. Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности: Речь, произнес. в торжеств. собр. Импер. Ун-та св. Владимира 15 июля 1837 г. орд. Проф. Философии Орестом Новицким. – Киев: Унив. тип., 1838. – С. 50 с.

17. Павлов А.Т. Философское образование в России первой половины XIX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 86-98.
18. Пишун С.В. Становление и развитие православной персонологии в России на протяжении XIX века: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 1996. 335 с.
19. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. Москва. – 2002. – 341 с.
20. Сидонский, Ф.Ф. Введение в науку философии. Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1833. 398 с.
21. Смирнов С. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814-1870). – М., 1879. Ч. 1. С. 45-52.
22. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: Историко-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. Москва, 2002. 373 с.
23. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии / И.А. Чистович. СПб.: в Тип. Якова Трея, 1857. 458 с.
24. Шумейко М.В. Абсолют как категория религиозного сознания в русской духовно-академической философии XIX века: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Шумейко Максим Викторович. -Благовещенск, 2006. 217 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нифонтова Ольга Ивановна*, аспирант и ассистент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия, nifontova.olya2013@yandex.ru

РАЗДЕЛ II. ИНТЕРЛЮДИЯ. ВЕНОК ПУШКИНУ (2017 – 2021)

Кириченко Ю.С.

НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА (эмоционально-смысловые ореолы)

Аннотация. В статье рассматриваются образы небесных светил в лирике А.С. Пушкина; при этом, особое внимание уделяется органической взаимосвязи традиционного и новаторского начал в пушкинском поэтическом творчестве, вариативном и онтологически определенном, жизненно реалистическом. Верифицируя тезис С.Л. Франка о трагической доминанте у Пушкина применительно к его поэтическому небосводу (луне, солнцу и путеводным звездам), вполне можно заметить жизнелюбивый характер пушкинского трагизма, его онтологическую направленность и незавершенность. Попытки такой верификации, предпринятые в статье, позволяют уточнить пушкинские эмоционально-смысловые ореолы небесных светил, несводимые к чистой чувственности и, тем более, абстрактному их мифологическому или фантазийному приятию. В статье, по преимуществу филологической, посилено обосновывается религиозно-событийный характер пушкинского мышления, его сосредоточенность на «пути, истине и жизни», подлинность которых так или иначе отражает и размечает пушкинский поэтический небосвод.

Ключевые слова: Пушкин, образы небесных светил, лунный мир, солнце, эмоционально-смысловые ореолы.

Yu. S. Kirichenko

CELESTIAL LIGHTS IN THE LYRICS OF A. S. PUSHKIN (EMOTIONAL and/or SEMANTIC HALOS)

Abstract. The article examines the images of heavenly bodies in the lyrics of A.S. Pushkin; special attention is paid to the organic relationship between traditional and innovative principles in Pushkin's poetic creativity, variable and ontologically defined, vitally realistic. Verifying S.L. Frank's thesis about the tragic dominant in Pushkin in relation to his poetic firmament (the moon, the sun and guiding stars), one can quite notice the life-loving character of Pushkin's tragicism, its ontological orientation and incompleteness. Attempts at such verification, undertaken in the article, allow us to clarify Pushkin's emotional and semantic eagles of heavenly bodies, which cannot be reduced to pure sensuality and, moreover, to their abstract mythological or fantasy acceptance. The article, which is primarily philological, substantiates as best it can the religious and event-based nature of Pushkin's thinking, his focus on "path, truth and life," the authenticity of which is somehow reflected and marked by Pushkin's poetic firmament.

Key words: Pushkin, images of heavenly bodies, the lunar world, the sun, emotional and semantic halos

В творчестве многих поэтов можно встретить образы небесных светил (солнца, луны, звезд и пр.), никогда не сводимые к абстрактно-статичным смыслам или какой-то эмоциональной монотонности; чаще всего они

становятся неким синонимом бесконечного числа восприятий небесного свода, его творческой антиэмфазой, в которой отчетливо даёт себя знать индивидуально-авторское начало поэтического понимания конкретной полноты и разнообразия жизни, её единства и напряженной незавершенности. Исследование этого начала, того, как оно дает себя знать в лирике А.С. Пушкина, представляется весьма благодарной задачей – помогает исправлять те общие, отвлеченные смыслы, с которыми свыклись читатели пушкинской лирики.

В своей статье «Светлая печаль» С.Л. Франк, вопреки о привычке думать о Пушкине как о поэте «жизнерадостности», утверждает, «что чувство трагизма жизни есть, по меньшей мере, один из главных, доминирующих мотивов его поэзии». (Франк, 1990: 466), Вероятно, с этим связано и то, что образ солнца, с которым традиционно соотносится сам поэт, появляется в его поэзии довольно редко: мир единый и не монотонно единственный, бесконечно вольный, не может быть представлен в каком-то простом астрономическом ракурсе, осмыслен и представлен в некоторой механике звездного света, единственно солнечного. Пушкинский мир лирического жизнелюбия – отнюдь не прямолинейно жизнерадостный! – гораздо реалистичнее, признает «темноту и метафоры ограниченности свободы» (Франк, 1990: 466), часто возникает из образов луны и бесчисленных звездных путей. Пушкин здесь не новатор в традиционно-сюжетном смысле: как отмечает А. С. Янушкевич, в литературе XIX века луна выступает как почти неперенный атрибут романтической и в целом поэтической образности; к 30-м годам XIX в. образ луны уже затерт до клише, и, стало быть, это клише оказывается в положении эстетически разомкнутом, центонном, творческим признаваемом и умело разыгрываемом в поэтической мастерской великого поэта (Янушкевич, 1995). Но не розыгрыш – цель поэта, никогда не склонного к угрюмой серьезности – воспринимающего жизнь всерьёз, не нуждающегося в искусственном её угрюмо-трагическом взбадривании.

Пушкин, между тем, творчески традиционен. Русская поэтическая традиция, соотнося образы зеркала и луны, которая, светя «отраженным солнечным светом, уже в самой способности отражения оказывается соприродной зеркалу» (Меднис, 1999), превращает образ луны в символ непостоянства, призрачности, обманчивости, недолговечности (это нашло свое воплощение в раннем творчестве поэта (например, в стихотворении «Усы»: «Гусар! всё тленно под луною»). Но мирозерцание поэта сопоставляет с образом луны и другие «зеркальные» признаки: мотивы смерти, сверхъестественных сил, потустороннего мира. Как отмечает Н. Е. Меднис, «последнее роднит луну с зеркалом и в плане пространственных соотношений, ибо луна всегда повернута к земле одной стороной, и «остров чистых душ», место их преображения или просто вместилище душ, по поверьям, находится на невидимой для нас, обратной стороне луны, так же, как связанный со смертью и находящийся по ту сторону зеркальной границы мир Зазеркалья» (Меднис, 1999). Действительность в таких лирических произведениях растворяется, теряется, уступая место мистике, призрачности (как в

стихотворении «Утопленник»). И пограничным местом, где земная жизнь уже исчезла, а потусторонняя еще не появилась, является залитое лунным светом и отражающее оба мира кладбище (например, стихотворение «Заклинание»), где, освещенные бледной луной – знаком глубокого одиночества, в крайнем проявлении – вселенского сиротства, находят понимание и спокойствие все тоскующие и горюющие («Безверие»). В связи с мотивом смерти образ луны дается и в ином качестве: он открывает другую сторону жизни – пир, песни и пляски перед смертью («Мое завещание друзьям»).

Луна Пушкина неоднократно выступает как молчаливая и понимающая покровительница влюбленных, хранительница их тайны, как символ неустанных поисков, томительного ожидания или мучительных воспоминаний («Разлука», «Ненастный день потух», «Там у леска, за ближнюю долиной...», «Месяц»), счастья, ибо только она дарует желаемое – радость тайных встреч («Осгар», «Послание к Юдину», «К Делии», «Не пой, красавица, при мне...», «Осень», «С португальского», «Фавн и пастушка»). Но чаще всего любовные отношения, освещаемые лунным светом, перерастают в драмы (измена, убийство изменников и т.д.). Становясь красным, кровавым, лунный образ приобретает новое качество. Луна красного оттенка – редкое природное явление, поэтому такое изменение цветового оформления преобразует луну в символ беспокойства, загадочности и непредсказуемости, делает ее не только предвестником неминуемого несчастья, дурным предзнаменованием («Сраженный рыцарь»), самостоятельно нагнетающем страх и ужас («Бесы»), но и покровителем зла, темных сторон человеческой души, свидетелем и даже сообщником неблагоприятных поступков человека. И тогда луна уже представляет собой то явление, которое не только проливает свет на темные дела ночи («Эвлега», «Гараль и Гальвина», «Блаженство», «Казак»), но и берет на себя ответственность за противоестественный, античеловеческий поступок (например, в стихотворении «Романс» – оставление матерью новорожденного ребенка: Но вдруг за рощей осветила // Вблизи ей хижину луна...). В этом смысле образ луны, соотносясь с Богом, божественным началом, выступает как знак мудрости природы, проявляющейся не в ожидании или предотвращении катастроф, а в принятии мирового движения жизни («Гроб юноши»), возводится в ранг прекрасного и отстраняется от всего земного (возможно, этим объясняется «холодный» свет в стихотворении «В поле чистом серебрится»). Луна становится все больше похожа на небесную повелительницу, владычицу («Кольна»). Это подтверждают и слова А. Белого о том, что «ночное светило у Пушкина – женщина, она, луна, враждебно-тревожная царица ночи (Геката)» (Белый, 2001: 482).

Словом, в поэтической же структуре лирики Пушкина луна – образ высшего небесного порядка – считается конкретно-поэтической действительностью, в которой небесная вечность предстает с некоторой исторической живостью, эмоционально-смысловой полнотой, искренней и незавершенной. Вполне в пушкинском духе (не пантеистическом, но поэтико-христианском) образ луны ассоциируется с магометанством, Турцией, где она «теплее блещет // в сладкий час осенней мглы» («Талисман», «Мне жаль

великия жены)), и освещает не только турецких врагов, но и противников в целом («Дочери Карагеоргия»).

Нередко Пушкин использует прием психологического параллелизма: так, встреча печальной, холодной, мертвенно бледной луны и веселой, горящей зари, блестящей невестой молодой, сопоставляется со знакомством лирического героя с юной девой («На небесах печальная луна»); луна может отождествляться и с враждебным светом, которому противостоят поэты – звездочки («Надо мной в лазури ясной»). Она же разделяет с лирическим героем его радости и горести («Приметы»); сравнение луны и солнца переносится и на бытовые любовные отношения: как солнце мощнее и сильнее солнца, так и возлюбленная, если любовь к ней крепче и сильнее, дороже жены («Песни западных славян»).

В стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) вырисовывается мрачная картина заката, одиночества Наполеона, скорби по славе и подвигам, поэтому и образ луны оказывается «затуманенный»; пробегающая луна оттеняет душевную беспокойность Наполеона и выступает в роли недоброй мысли, рождающейся у него.

Образ луны способствует созданию меланхоличного пейзажа, располагающего к мечтаниям, раздумьям («Зимняя дорога», «Мечтатель», «Ночной зефир струит эфир», «Баратынскому»). Но с другой стороны, это символ умиротворенности, царственного спокойствия, душевного равновесия («Гроб Анакреона»), счастья («Элегия»), который возвеличивается, когда речь идет о дорогах для лирического героя понятиях («Воспоминания в Царском Селе»), об удивительно нежных, легких картинах природы («Цель нашей жизни»), или, напротив, дается в сниженном свете, не выдержав сравнения с дневным светилом («Зимнее утро»). И тогда она «пробирается, как кошка, как воровка, как огромная волчица в стадо спящих баранов (бараны... туманы...)» (Цветаева, 2001).

Итак, лунный свет, сам будучи отраженным, дробясь, в поэзии Пушкина дает множество индивидуальных преломлений. Лунный мир лирики Пушкина, несущий, как правило, раздвоение, холод, пустоту, сопоставляется с солярным миром, включающим поиск синтеза, огонь, луч, тепло, жизнь, озарение, полноту мира. Пушкинское солнце – воплощение величавости, «великости», совершенности, абсолютной духовности, божественной сверхмудрости, бессменное, бессмертное и вечное могущественное светило («Движение»), своим появлением несущее радость («Аквилон») и пробуждающее жизнь вокруг, воспитывающее стремление к истине, выводящее из мрака. Образ солнца в стихотворении «Вакхическая песня», оказывается эмоционально осмысленным в «гимне вдохновенному разуму, уму-солнцу, которому ясно противопоставляется “ложная мудрость” холодного, расчетливого ума» (Гершензон, 1991: 231). Пушкину знакома и «звезда стыдливая любви»: солнце может символизировать пусть незаконную, но истинную любовь, которая оказывается сильнее любви «законной», но не приносящей счастья («Песни западных славян»). С этой точки зрения солнце выступает как показатель надежности, благополучия. Оно может исчезать, убедившись в бестревожности

происходящего («Медок»), или продолжает озарять счастьем пространство вокруг («Арион»). Соотнося ценность солнца с ценностью отдельного человека, поэт учитывает конкретную личность и отношение к ней окружающих: это может быть восторг, восхищение, преклонение («Из Barry Cornwall») или призыв померкнуть, остановиться, прекратить свою разрушительную деятельность, сопоставимую с действиями человека («Наполеон»).

Образ может двоиться, и тогда в пушкинское лирике возникают солнечные «ипостаси»: одна огненная, ослепляющая, прекрасная в своем могуществе («Кольна»), другая – утонченная и нежная, благосклонно посылающая всему живому свои легкие лучи, румянящие небеса («Цель нашей жизни»). Это и есть то самое «зарей выводимое солнце: высокое, яркое, ясное», как... «лампадный хрусталь» (Белый, 2001: 483), о котором писал А. Белый.

Солнце становится источником очищения духа, прозрения и путем к совершенной жизни, а приблизиться к нему означает прикоснуться к божественному, вечному, неземному, стать выше других смертных, обрести не столько громкую славу, сколько духовное бессмертие («Городок»). Если такой замысел осуществляется, то лирический герой словно оживает – им разгадан непостижимый замысел мироздания, поэтому солнце ассоциируется с «даром живого духа». Но если в языческой символике солнце и есть верховное божество, то в христианской – показатель могущества и силы Бога, который единственный может совладать с им же зажженным солнцем («Подражание Корану»).

Солнце Пушкина бывает разным в различные фазы годового цикла. Так, осеннее солнце утрачивает былую мощь, угасает, и если совершает привычные действия, то уже явно против своей воли («Осень», «Из Вольтера»). Такое исчезновение солнца или его преображение связано не только со сменой времен года: уход – это еще протест, предчувствие беды, жизненного ненастья («Приметы»), это символ тех надежд на светлое будущее, которым еще не суждено исполниться («К Овидию»). Солнце – это болезненный отблеск трагических намерений, которые таятся в душе лирического героя («И вот ущелье мрачных скал...»), живое существо, тонко чувствующее человека и способное испытывать те же чувства («Зимнее утро»). Этот образ часто освещает обстановку, ситуацию, героев и их мысли с неожиданной стороны. Так образ солнца выделяется из природы, переходя в духовное пространство и оказываясь причастным к культурным и эстетическим идеалам.

Одним из поэтических символов, определяющих и дополняющих ряд небесных образов в лирике Пушкина, становится путеводная звезда, связанная с земным миром, указывая на глубокое единение человека с космосом, предопределенность его судьбы чем-то высшим, в чем и проявляется устойчивость связи между представлениями о звездах и человеке («Зимнее утро», «Заклинание», «Вольность», «Русалка», «Монах», «Кольна», «Гусар», «Наполеон на Эльбе», «Наездники» и др.). Образ звезды нередко выступает в лирике Пушкина в символическом значении судьбы, рока («С португальского», «Герой», «Заклинание»), небесной покровительницы и даже славы

(«Бородинская годовщина», «Александрю»). Лирический герой обращается к звездам в неутолимом желании познать себя и свое назначение в мире («Редает облаков...»), что порождает столкновение двух планов: плана вечности, бессмертия, связанного с образом «вечной звезды», и плана преходящего, сиюминутного – человеческой жизни. Обращая взор к звездам, человек пытается найти ответ на волнующие его вопросы, ищет опору бытия, его смысл во Вселенной, самосовершенствуется. Как звезда не знает смерти, так и человек, созерцающий ее, бесконечен в своих раздумьях и поисках духовных истин, которые помогут достичь внутренней свободы. Но в этих поисках лирический герой приходит к осознанию настоящих ценностей жизни – любви, дружбы, что находит свое воплощение в образе звезды, меняющей поэтическую семантику («К Делии», «Элегия», «К Батюшкову») и осложняющейся переносом символического значения на людей, к которым лирический герой испытывает особые чувства («Ее глаза»).

Звезда становится знаком надежды, начала светлого в жизни героев («К Чаадаеву»). Образ «звезды пленительного счастья» видится «патетической метафорой преодоления временного хаоса» (Мурзак, 1996), восстановления мировой гармонии. Это художественное решение находит отражение во многих произведениях Пушкина: «Кольна», «Эвлега», «Осгар», «Казак», «Блаженство», «Романс», «Наполеон на Эльбе», «Мечтатель», «Сраженный рыцарь», «Сон», «Разлука», «К Делии». С образом утренней звезды, которая появляется на небе первой перед самым восходом солнца и первой после солнечного заката, автор связывает ожидание лучших времен, веру в счастливое будущее («С португальского», «Подражания Корану»).

Напрасным будет жестко типологизировать поэтический небосвод Пушкина, с формальной определенностью характеризовать его оригинальность или вторичность. Пушкин видит небо «поверх барьеров», небесные светила – в их жизненной подлинности и подвижности, доступные в своих эмоционально-смысловых ореолах. Поэтика пушкинского небосвода лирична и реалистична – в меру дарованного поэту понимания открытой, жизненной полноты бытия, несовершенного и незавершимого, имеющего свой надежный речевой горизонт («Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их» (Пс. 18:5. Рим. 10:18)), – причастного к подлинности «пути, истины и жизни» (Ин 14: 6).

Литература

1. Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. Москва: Академический Проект, 2001.
2. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. Москва: Книга, 1990.
3. Франк С.Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. Москва: Книга, 1990.
4. Мурзак И.И., Ястребов А.Л. Динамика сюжетов в русской литературе XIX века. [Электронный ресурс]. Москва, 1996. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/research/dinam0/>.

5. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. [Электронный ресурс]. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/147555/nina-mednis-venetsiya-v-russkoy-literature.php>.
6. Плахина Е.В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тюмень, 2004.
7. Цветаева М.И. Мой Пушкин (Сборник прозы). [Электронный ресурс]. Москва: Азбука, 2001. Режим доступа: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/pushkin.txt>.
8. Янушкевич А.С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX в. // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1995.

ОБ АВТОРЕ: *Кириченко Юлия Сергеевна*, магистрант кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия;
kirichenko19921@mail.ru

«ЧЕЛОВЕК-ИЗБРАННИК»: СЛОВО МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА) НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ

А.С. Пушкин и митрополит Макарий (Булгаков). Один – постоянный посетитель светских балов и салонов, ведущий вполне обычную мирскую жизнь со всеми её искушениями и страстями, другой – представитель высшего духовенства, проводящий большую часть своего времени в стенах храмов и монастырей. Какая связь и что общего между этими двумя, казалось бы, на первый взгляд, совершенно разными людьми?

6 июня 1880 года митрополит Макарий (Булгаков), после панихиды по погибшему великому поэту, произнёс речь на открытии памятника А.С. Пушкину в главной церкви московского Страстного монастыря. Эта речь была предварена эпитафией из диаконского возгласа «И сотвори ему вечную память» и содержала в себе сразу две похвалы: одна – самому А.С.Пушкину, другая – исторической столице его родины – Москве: «А тебе, Москва, град первопрестольный, естественно ликовать ныне более всех: ты была родиною нашего славного поэта. На одной из твоих возвышенностей воздвигнут в честь его достойный памятник, и под твоим гостеприимным кровом совершается ныне сынами России, стекшимися к тебе со всех сторон, настоящее торжество».²⁶ В этом двойном панегирике митрополита заключается признание Пушкина как подлинного поэта, для которого говорить и высказываться означает заботиться о том, кому говоришь, – прежде всего, о ясности своего высказывания. «Он сообщил русскому слову в своих творениях такую естественность, простоту и вместе такую обаятельную художественность, каких мы напрасно стали бы искать у прежних наших писателей»²⁷, – говорил митрополит.

Сам А.С. Пушкин, размышляя о надлежащей простоте русского языка, писал: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы».²⁸ К 1822 году относится черновая заметка Пушкина о прозе, в которой он осуждает применение перифрастических иносказаний, вошедших в моду со времен

²⁶ Митрополит Макарий (Булгаков) Речь на открытие памятника Пушкину, сказанная после панихиды о нём Высокопреосвященным Макарием (Булгаковым), Митрополитом Московским и Коломенским, в главной церкви Страстного монастыря 6 июня 1880 г. <Электронный ресурс>
URL:http://dugward.ru/library/makariy_bulgakov/makariy_bulgakov_rech_na_pamyatnik_pushkinu.html
(дата последнего обращения: 21.02.2017).

²⁷ Митрополит Макарий (Булгаков) Речь на открытие памятника Пушкину, сказанная после панихиды о нём Высокопреосвященным Макарием (Булгаковым), Митрополитом Московским и Коломенским, в главной церкви Страстного монастыря 6 июня 1880 г. <Электронный ресурс>
URL:http://dugward.ru/library/makariy_bulgakov/makariy_bulgakov_rech_na_pamyatnik_pushkinu.html
(дата последнего обращения: 21.02.2017).

²⁸ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962<Электронный ресурс>
URL:<http://dslov.ru/txt/t392.htm> (дата последнего обращения: 25.02.2017).

Карамзина. Он пишет: «Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано поутру, а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба. Ах, как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса – и продолжай; будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо тебе не скажет».²⁹

Митрополит Макарий, в свою очередь, отнюдь не был сторонником витиеватых речей. Достаточно, например, привести его критическое высказывание о сложности языка жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым: «Оно представляет собою довольно обширное сочинение и изложено крайне растянуто, многословно и витиевато, а потому утомительно при чтении».³⁰ Если же обратиться к главным трудам самого митрополита Макария, его «Православно-догматическому богословию» и фундаментальному 12-томному фолианту «Истории Русской Церкви», то и в них мы найдем свою речевую простоту ясность русского богословия. Характерен отзыв преосвященного Анатолия (Мартыновского), который в 1853 году писал в письме преосвященному Макарию: «Слава и благодарение Богу, подавшему вам благодать, изданием полного, православного, богатого догматического богословия, на чистом, достойном предмета, русском языке, отнять поношение от русской церкви, которую укоряли иноверцы, что она не имеет даже собственного, не заражённого чуждыми православию мнениями Богословия!».³¹

Изложив содержание догматического богословия на простом русском языке, митрополит Макарий сделал его доступным и понятным широкому кругу читателей. До этого большинство образовательных пособий по данному предмету были написаны на латинском языке. Для сравнения приведём, например, небольшой отрывок из программы по догматическому богословию преподавателя духовной Академии преосвященного Иннокентия (Херсонского): «*Definitio theologiae dogmaticae: summa et partition. Pars prima, theognosiam exhibens, hic. Doctrina de Deo eiusque attributes. Doctrina de B. Trinitutis mysterio. Doctrina de mundi creatione. Doctrina de Dei providentia. Doctrina de Spiritibus: Angelis et Daemonibus. Doctrina de statu hominis*

²⁹ Там же.

³⁰ Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.- Изд-во. Спасо –Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Книга 3. С 293.

³¹ Титов Ф. И. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: Историко-биографический очерк; в 3 т.- Т. 1: Годы детства, образования и духовно-училищной службы митрополита Макария (1816 – 1857). – Репр. Изд. с доп. К 200-летию со дня рождения митрополита Макария (Булгакова) / Публикация К. Г. Капкова. – М.; Белянка: Летопись, 2015Титов Ф.И. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: историко-биографический очерк. В 3 т. Т. 1. М. – село Белянка, 2015. С. 397.

primitive...”³² При сопоставлении оригинального латинского текста и его перевода заметным становится различие в языковой передаче одного и того же смысла. Латинский вариант больше отличается рациональностью, логической отчётливостью, юридичностью размышлений о Божественном, в то время как в русском варианте появляется «теплота сплывающей тайны», по слову С. С. Аверинцева. Русский язык, отличаясь высокой ценностно-смысловой плотностью, с большей речевой точностью выражает глубинную, таинственную суть богословских размышлений, в то время как латинский передаёт смысл более рационально, отвлеченно-формально. Создав свою образовательную богословскую программу на русском языке, митрополит Макарий значительно приблизил догматику от отвлечённой к деятельной, которая стала способной привести человека к реальному Богообщению, пониманию и познанию таинственных смыслов. Вот небольшой фрагмент из «Догматики» митрополита: «Введение. Часть первая: богословие в теснейшем смысле. I. Учение о Боге в Самом Себе. 1. О Боге едином по существу и существенных свойствах Его. 2. О Боге Троичном в Лицах. II. Об отношении Божию к миру. 1. Учение о творении и промысле. 2. О Боге, как Творце и Промыслителе мира невидимого, т. е. Ангелов добрых и злых. 3. О Боге, как Творце и Промыслителе мира видимого».³³

Очевидно, что макарьевская «Догматика» написана значительно более понятно в речевом смысле, чем предыдущие опыты на латинском языке. И, хотя она и несвободна от громоздкости, тем не менее, является крупным шагом к реальному, а не отвлечённому деятельному Богообщению. Вместе с тем нельзя сказать, что до Макария совсем не было лекций по догматическому богословию на русском языке. Они существовали, но имели другой недостаток: в них отсутствовала система, между отдельными трактатами не наблюдалось внутренней связи. Митрополит Макарий решил обе проблемы, изложив догматическое богословие и связанно и доступно на русском языке. По слову преосвященного Иннокентия (Херсонского), «рассматриваемое нами сочинение составляет собою редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе, подобного коему она давно не видела и, по всей вероятности, не скоро увидит опять... Богословие, как наука, подвинута сим многоучёным творением далеко вперёд и много приобрело уже тем, что разоблачено в нём совершенно от схоластики и латинского языка и таким образом введено в круг русской литературы и предложено, так сказать, ко всеобщему употреблению для всех любителей богословских познаний».³⁴

³² «Определение догматического богословия: целое и частное. Часть первая, учение о Богопознании, представленное здесь. Учение о Боге и Его атрибутах. Учение о тайне Троицы. Учение о творении. Учение о Божьем провидении. Учение о духах: Ангелах и Демонах. Учение о создании человека...» (перевод мой. – О.Н.). – Титов Ф. И. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: Историко-биографический очерк; в 3 т. Т. 1: Годы детства, образования и духовно-училищной службы митрополита Макария (1816 – 1857). Репр. Изд. с доп. К 200-летию со дня рождения митрополита Макария (Булгакова) / Публикация К. Г. Капкова. М.; Белая: Летопись, 2015. С. 193.

³³ Там же.

³⁴ Титов Ф. И. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: Историко-биографический очерк; в 3 т.- Т. 1: Годы детства, образования и духовно-училищной службы

«Чествуем нашего величайшего поэта, который понял и вполне сознал свое призвание; не зарыл в землю талантов, данных ему от Бога, а употребил их на то самое дело, на которое был избран и послан, и совершил для русской поэзии столько, сколько не совершил никто», – говорил в своей речи о А.С. Пушкине митрополит Макарий. Но этих же самых слов достоин и он сам. Подобно великому поэту, митрополит понял своё призвание и не зарыл своих, данных ему от Бога талантов. Он последовал совету своего учителя и наставника Иннокентия (Херсонского), который писал ему после успешного выхода в свет «Введения в Православное Богословие»: «не оставляйте же и дальше подвизаться на этом святом поприще. Господь видимо вас призывает к нему. Жатва многа, необозрима; а делателей, как сами весте, ещё мало и не по жатве».³⁵ Митрополит Макарий последовал своему призванию и своей учёной деятельностью принёс нашей Православной Церкви и Отечеству в целом великую пользу и оставил фундаментальные труды, к которым мы обращаемся до сих пор. Хотя со дня смерти митрополита прошло более 130 лет, его исследования не потеряли актуальности, равно как не потеряли актуальности и написанные А. С. Пушкиным произведения.

В заключительной части своей речи, митрополит Макарий связывает всё вышесказанное с происходящим событием – открытием памятника поэту. Он говорит: «Мы воздвигли памятник нашему великому народному поэту потому, что еще прежде он сам воздвиг себе "памятник нерукотворный" в своих бессмертных созданиях и в этом памятнике воздвиг памятник и для нас, для всей России, который никогда не потеряет для нее своей цены и к которому потому "не зарастет народная тропа". К нему будут приходить и отдаленные потомки, как приходим мы и как приходили современники». Митрополит Макарий указывает на стихотворение, которое и для самого Пушкина имеет вполне определенный богословский смысл. Пушкин пишет его в последние месяцы своей жизни, предчувствуя свою кончину, и пишет не для того, чтобы восхвалить себя. Скорее он подводит итоги своей жизни, рассуждает о даре, которым располагал, и о том, как сумел распорядиться этим даром. Речь здесь о невещественном памятнике. И митрополит Макарий также не имеет в виду, конечно, буквальный смысл пушкинского стихотворения. В буквальном смысле его можно было бы понять как самохвальство. Но здесь не о нём речь. У каждого на земле есть своё призвание и, исполняя его, человек тем самым воздвигает себе невещественный памятник в земной истории и в вечности. И А. С. Пушкин, и митрополит Макарий своим литературным наследием воздвигли себе вечные нетленные мемориалы. Ведь и митрополит своими исследовательскими трудами в области догматики, истории церкви, истории раскола воздвиг себе такой же «нерукотворный» памятник, как и А. С. Пушкин, и к нему подобным же образом уже никогда «не зарастёт народная тропа».

митрополита Макария (1816 – 1857). – Репр. Изд. с доп. К 200-летию со дня рождения митрополита Макария (Булгакова) / Публикация К. Г. Капкова. – М.; Белая: Летопись, 2015. – С. 399

³⁵ Там же. С. 250.

Не изменяя своему основному призванию, делу служения Богу, митрополит Макарий завершает речь похвалой Творцу и убеждением молиться о даровании родине и других талантливых деятелей в разных сферах жизни: «Сыны России! Посвящая ныне памятник знаменитейшему из наших поэтов как дань признательности к его необыкновенным талантам и необыкновенным творениям, которые он нам оставил, можем ли удержаться, чтобы не вознести живейшей всенародной благодарности к Тому, Кто даровал нам такого поэта, Кто наделил его такими талантами, Кто помог ему исполнить свое призвание? А с этою, столько естественною для нас в настоящие минуты, благодарностию можем ли не соединить теплой молитвы от лица всей Земли Русской, да посылает ей Господь еще и еще гениальных людей и великих деятелей, не на литературном только, но и на всех поприщах общественного и государственного служения! Да украсится она, наша родная, во всех краях своих достойными памятниками в честь достойнейших сынов своих. Аминь!»³⁶

Между А.С. Пушкиным и митрополитом Макарием – людьми, послуживших отечеству различным образом, – есть особая внутренняя связь. Оба были талантливыми людьми, оба осознавали эти таланты как данные от Бога, оба открыли своим творчеством новые эпохи: А. С. Пушкин – в литературе, а митрополит Макарий – в церковной науке³⁷; оба были самыми настоящими сынами России; обоих мы помним до сих пор. И не мы одни. Наши

³⁶ Митрополит Макарий (Булгаков) Речь на открытие памятника Пушкину, сказанная после панихиды о нём Высокопреосвященным Макарием (Булгаковым), Митрополитом Московским и Коломенским, в главной церкви Страстного монастыря 6 июня 1880 г. <Электронный ресурс>
URL:http://dugward.ru/library/makariy_bulgakov/makariy_bulgakov_rech_na_pamyatnik_pushkinu.html
(дата последнего обращения: 21.02.2017).

³⁷ Примечательно, впрочем, что А. С. Пушкину принадлежит единственный поэтический перевод молитвы Ефрема Сирина на близкий к естественному язык русской поэзии. Сравним перевод этой молитвы на церковнославянский язык с переводом Пушкина. Церковнославянский вариант выглядит так: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. / Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. / Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.» А вот поэтическое переложение великого поэта:

«Отцы пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыка дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей,
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

потомки не забудут их дел, которые никто больше никогда в истории уже не повторит. У Бога каждая личность уникальна, но и каждая неединственна: в заботе о другом проявляются способности, дары каждого человека. Вчитываясь в речь митрополита Макария об А.С. Пушкине, можно увидеть в ней, как зеркале заботы и сочувствия не только неповторимое достоинство пушкинского слова, но вместе с этим и деятельное, человеческое и пастырское достоинство слова самого митрополита, его собственную речевую личность, проявляющуюся в заботе о другом.

Литература

1. Владимир Староверов. Молитва преподобного Ефрема Сирина на Руси. Варианты и смыслы // Азбука веры [Электронный ресурс] – URL: <https://azbyka.ru/molitva-prepodobnogo-efrema-sirina-na-rusi> (дата обращения: 14.03.2024).
2. Давыденков, Олег (прот.). Догматическое богословие: учебное пособие / протоиерей Олег Давыденков. - Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. - 622 с.
3. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М. - Изд-во. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Книга 3. – 702 с.
4. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Речь на открытие памятника Пушкину, сказанная после панихиды о нём Высокопреосвященным Макарием (Булгаковым), Митрополитом Московским и Коломенским, в главной церкви Страстного монастыря 6 июня 1880. [Электронный ресурс] – URL: http://dugward.ru/library/makariy_bulgakov/makariy_bulgakov_rech_na_pamyatnik_pushkinu.html (дата обращения: 14.03.2024).
5. Нифонтова О.И. «Место и значение догматики митрополита Макария (Булгакова) в «Догматическом богословии» протоиерея Олега Давыденкова» // Евангелие в контексте современной культуры: духовно-нравственные ценности и будущее человечества: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 26 апреля 2018 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 222-225.
6. Пушкин. А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962 [Электронный ресурс] – URL: <http://dslov.ru/txt/t392.htm> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Пушкин А.С. «Отцы пустыnnики и жены непорочны...» // Интернет Библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс] – URL: <https://ilibrary.ru/text/795/p.1/index.html?ysclid=ltrkpwdb5912859117> (дата обращения: 14.03.2024).
8. Пушкин А.С. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» // Интернет Библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс] – URL: <https://ilibrary.ru/text/797/p.1/index.html?ysclid=ltrka3ik70218978350> (дата обращения: 14.03.2024).
9. Сильвестр (Малеванский), еп, Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов; в 5 т. Т.1 // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. – 317 с.
10. Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов; в 5 т. Т.2 // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. – 643 с.
11. Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов; в 5 т. Т.3 // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. – 523 с.
12. Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов; в 5 т. Т.4 // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. – 583 с.

13. Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов; в 5 т. Т.5 // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. – 499 с.
14. Титов Ф. И. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: Историко-биографический очерк; в 3 т. Т. 1: Годы детства, образования и духовно-училищной службы митрополита Макария (1816 – 1857). Репр. Изд. с доп. К 200-летию со дня рождения митрополита Макария (Булгакова) / Публикация К.Г. Капкова. М.; Белянка: Летопись, 2015. – 459 с.
15. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии / И.А. Чистович. СПб.: в Тип. Якова Трея, 1857. - 458 с.

Н.Ю. Подгорная

**«ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»
(О ВЫМЫШЛЕННОМ И ПОДЛИННОМ В ЭЛЕГИИ А.С. ПУШКИНА)**

Аннотация. В статье представлены основные версии истории создания знаменитой пушкинской элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» в их культурно-историческом и биографическом контекстах. Многие годы историки русской литературы, увлеченные Пушкиным, пытаются разгадать тайну рождения данного произведения и выяснить, кто же является прообразом главной героини элегии. Но, как показывает анализ, труднее всего обстоит дело с присутствием в этом стихотворении самого Пушкина – его авторской вовлеченностью в образ той, которой он исповедуется в мечтательной ревности. Статья является попыткой контекстуальной герменевтики основных мотивов пушкинского участия в этом прообразе, сопоставления жизненных настроений поэта с историческими разысканиями подлинного прообраза.

Ключевые слова: контекстуальная герменевтика, А.С. Пушкин, А.Ризнич, К. Собаньская, элегия, прообраз.

N.Yu. Podgornaya

**“WILL YOU FORGIVE ME MY JEALOUS DREAMS...”
(ON THE FICTIONAL AND THE GENUINE IN A.S. PUSHKIN’S ELEGY)**

Abstract. The article presents the main genetic versions of the famous Pushkin elegy "Will You Forgive Me My Jealous Dreams..." in their cultural, historical and biographical contexts. Historians of Russian literature, fascinated by Pushkin, have been trying to unravel the mystery of the birth of this work and find out who is the prototype of the main character of the elegy for many years. But the most indeed difficult thing is with the author's involvement in the image of the one to whom he confesses his dreamy jealousy. The article results some of a contextual hermeneutics of the main motives of Pushkin's participation in this prototype, or the comparison of the poet's life moods with historical research into the true prototype.

Key words: contextual hermeneutics, A.S. Pushkin, A. Riznich, K. Sobanskaya, elegy, prototype.

Какова перспектива разграничения вымышленных и подлинных событий в стихотворении А.С. Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...», написанном в 1823 году, в Одессе? Эти границы не являются бесспорными для исследователей пушкинского творчества. Наибольшие разногласия вызывает образ той, к которой обращено пушкинское стихотворение. Сотворен ли он в воображении поэта, собирателен, или указывает на некую действительную пушкинскую собеседницу, побудившую его к поэтическому высказыванию? В поисках ответа на этот вопрос я обратилась к материалам исследователей, которые предложили историко-культурный и текстологический анализ стихотворения – работам Вадима Эразмовича Вацура, Константина Петровича Зеленского и Михаила Ивановича Яшина. Во всех этих работах предполагается реальность лица, к которому адресуется поэт.

Пожалуй, самой обстоятельной является статья В.Э. Вацура «К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...»» 1978 года (Вацура, 1981:5). В

ней приводятся различные версии образа той, которая могла так убедительно предстать в пушкинском стихотворении; однако сам он избегает склониться к одному-единственному ответу – замечая, что большинство биографов и исследователей творчества Пушкина, которые пытались понять преобразующую жизненную основу этого стихотворения, связывают ее с именем Амалии Ризнич. Однако, определение адресата элегии никогда не было безусловным. «Предметом сомнений были некоторые реалии, вкрапленные в стихотворение, обращенное к девушке, а не к замужней женщине, какою была Ризнич...» (Вацуρο, 1981:5) П.О. Морозов, комментатор стихотворения в дореволюционном академическом собрании сочинений Пушкина, писал в связи с этим: «Если ... читать элегию Пушкина без всякого предвзятого мнения, то, что мы в ней увидим? Поэт обращается, несомненно, к своей любовнице, которая наедине с ним очень нежна и награждает его «пламенными лобзаниями», а при других обнаруживает полное равнодушие, возбуждая муки ревности. У поэта есть «надменный» соперник, которого любимая женщина почему-то должна принимать в отсутствие своей матери (может быть, по ее приказанию?) в легком костюме... О муже – ни слова, потому что его, очевидно, и нет... Что же тут общего с Амалией Ризнич?» (Пушкин, 1912:311).

Константин Петрович Зеленецкий – автор статьи «Г-жа Ризнич и Пушкин» (Зеленецкий, 1856:203), которая была написана задолго до исследования В.Э. Вацуро (Вацуро, 1981:5). Несмотря на достаточно большой отрезок времени – 122 года, прошедших со времени публикации статьи К.П. Зеленецкого, – Вацуро считает необходимым учесть ее в своей работе как актуальную. Зеленецкий, основываясь главным образом на показаниях одесских старожилов, полагает, что стихотворение было посвящено Амалии Ризнич, жене одесского торговца Ивана Ризнича; создается такое впечатление, что Пушкин пишет элегию именно в тот период, когда его романтические чувства к Амалии достигли самой вершины. К.П. Зеленецкий обосновывает это тем, что задолго до того как Пушкина перевели на службу в Одессу, он познакомился с Ризничем, который в ту пору был еще не женат. В 1822 Ризнич уезжает в Вену и уже весной 1823 года возвращается из поездки со своей новоиспеченной супругой: «Особенно привлекательны были её пламенные очи, шея удивительной формы и белизны, и чёрная коса, более двух аршин длиною» (Зеленецкий, 1856:203). Пушкин в это время уже поступил на службу в Одессу и стал одним из первых людей, которые заинтересовались общением с Амалией Ризнич. Известно, что Амалию не приняли в высшем кругу одесского общества, центром которого был дом графа Воронцова. Однако многие молодые люди, относившиеся к этому кругу, были частыми гостями в доме Ризничей, в том числе А.С. Пушкин, В. Туманский и Исидор Собаньский. Зеленецкий в своей статье отмечает, что: «Пушкин и Собаньский всех более волочили за госпожкою Ризнич, всех более были близки к ней и всех более пользовались её вниманием и доверием. На стороне Пушкина была молодость и пыл страсти, на стороне его соперника – золото...» (Зеленецкий, 1856:203).

Михаил Иванович Яшин, автор еще одной значимой работы о пушкинском стихотворении «Итак, я жил тогда в Одессе... (К истории создания

элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...»», опубликованной за год до публикации В.Э. Вацура, в 1977 году (Яшин, 1977:111), утверждает, что оно посвящено Каролине Собаньской, являвшейся источником сильного и даже терзающего Пушкина чувства. Он обосновывает это сохранившимся до наших дней письмом Пушкина к Собаньской, которое рассматривается как своего рода вариант элегии или биографический комментарий к ней: «Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания ... В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние... Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении» (Пушкин, 1937:400). Яшин пишет, что «ироническая насмешливость, лукавое кокетство» Собаньской по отношению к Пушкину «явились причиной страданий, породивших элегию 1823 года» (Яшин, 1977:111).

Сопоставление событий жизни Пушкина с теми фактическими элементами, которые встречаются в стихотворении, на мой взгляд, позволяет утверждать, что наиболее основательной является точка зрения Михаила Ивановича Яшина.

К моменту написания стихотворения 11 ноября 1823 г. Амалия Ризнич ожидала появления на свет своего второго ребенка, о чем свидетельствует исследование Александра Александровича Сиверса: «...увлечение Пушкина Амалией Ризнич относится к первым месяцам пребывания его в Одессе, то есть к лету 1823 г. Оно было непродолжительно, так как очевидно совпадало по времени со второю беременностью Амалии Ризнич» (Сиверс, 1927:85). К ноябрю 1823 года Амалия находилась на 7-8 месяце беременности (1 января 1824 она стала матерью).

В самом тексте стихотворения есть такие строки:

«Но я любим... Наедине со мною

Ты так нежна! Лобзания твои

Так пламенны! Слова твоей любви

Так искренно полны твоей душою...» (Пушкин, 1977:146)

Мог ли Пушкин писать с такой лирической силой об Амалии Ризнич? Эти строки фактически противоречат воспоминаниям мужа Амалии, Ивана Степановича, которыми он поделился с сербским ученым П.Е. Сречковичем, а тот, в свою очередь, с харьковским профессором М.Г. Халанским. По словам Сречковича, «Ризнич внимательно следил за поведением своей жены, заботливо оберегая ее от падения. К ней был приставлен верный его слуга, который знал каждый шаг жены своего господина и обо всем доносил ему. Пушкин страстно привязался к г-же Ризнич. По образному выражению Ризнича, Пушкин «увивался за нею, как котенок, но взаимностью не пользовался: г-жа Ризнич была к нему равнодушна» (Халанский, 1892:247). Если согласиться с тем, что Ризнич – некое прообразующее условие пушкинского стихотворения, то тогда следует признать, как минимум, то, что это условие не было единственным.

Если же говорить о Каролине Собаньской как об адресате элегии, то здесь важным является письмо Пушкина, которое он пишет в ответ на записку

Собаньской. Поэт как бы снова создает элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...» но уже во французской прозе. Нетрудно проследить аналогию содержания стихотворения и письма. В элегии:

«...Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной...»

По прошествии семи лет в письме к К. Собаньской Александр Сергеевич будто бы комментирует этот отрывок:

«... [Было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня] вы знаете, ... я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, также как и все, что в нем есть самого ошеломляющего...» (Яшин, 1977:111).

Следует отметить сходство и других отрывков. В стихотворении Пушкин пишет:

«... Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю...» (Пушкин, 1977:146)

А в письме поэта к Собаньской можно найти такие строки:

«...Я прекрасно знаю, что вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете – как он неловок – он стыдится прошлого – вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним ...» (Яшин, 1977:112).

Обращаясь к статье М. И. Яшина можно заметить, что он указывает на то что, Каролина Собаньская с 1819 года являлась гражданской женой И.О. Витта. Эти отношения ни для кого не были секретом; Собаньская и Витт жили открыто, не утаивая от высшего света свои чувства. Исходя из этого, Михаил Иванович делает вывод, что у Пушкина в черновом варианте элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» есть стихи, которые непосредственно относятся к Витту:

А между тем соперник мой надменный
Всегда везде преследует меня –
Он вечно тут колена преклоня
Предательски тобою ободренный. (Яшин, 1977:125)

Очень важным фактом является то, что 11 ноября 1823 года Пушкин сопровождал Собаньскую на крестины сына графа Воронцова. Позже Пушкин в письме так вспоминает об этом событии: «... А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же как в день переправы, или же на крестинах, когда ваши [влажные] пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение чувствуется мною до сих пор, прохладное, влажное» (Яшин, 1977:112).

Михаил Иванович Яшин обращает внимание на то, что именно это, как он пишет, «ироничное» действие со стороны Собаньской могло усилить горечь ревности и неразделенной любви Пушкина и тем самым подтолкнуть легкоранимого поэта к созданию элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

Сорок лет прошло со времени публикации статьи М.И. Яшина и тридцать девять – после публикации В.Э. Вацура; сто двадцать два года со дня публикации статьи Зеленецкого. Однако до сих пор, перечитывая пушкинскую элегию, нас занимает давняя, так и не завершившаяся полемика. В пушкинской элегии мы замечаем ее особенную открытость и жизненную достоверность –

как будто переходим из одного пространства любви в другое, от любви, преодолевающей ревность, к любви огорченной, то уверенной в себе, то обнадеженной. В одном стихотворении сосредоточиваются будто бы разные истории одной любви, историографами которой становятся, каждый в свою меру, К.П. Зеленецкий, М.И. Яшин, В.Э. Вацуρο и другие исследователи.

Так в одной из частей стихотворения Пушкин пишет:

« ... Скажи ещё: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?...» (Пушкин, 1977:146)

Здесь возникает образ кокетки, которая стремится подогреть ревнивое чувство поэта и у нее это мастерски получается. Чувства накалены до предела; поэт, задавая вопросы, как представляется, стремится услышать опровержение своих досадных догадок.

В другой части элегии можно заметить, совершенно иной облик лирической визави:

« ...Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?...» (Пушкин, 1977:146)

Это написано о даме сердца, которая верна герою и равнодушна ко всем остальным мужчинам. Она испытывает сильные и искренние чувства, которые в свою очередь взаимны.

Ни одна из этих историй любви не завершена, каждую из них можно было бы подвергнуть особому расследованию. И как знать, не пополнится ли еще список тех, к кому могло быть обращено пушкинское чуткое и незавершенное слово о любви? Не выйдем ли мы таким образом на новое понимание вымышленного и подлинного в этом стихотворении? Пока что граница между ними открыта. Пушкиноведческие исследования не открывают всех тайн стихотворения, но дают возможность ограничить попытки придания вымыслу характер свершившихся событий в действительности пушкинской жизни, — позволяют уточнить атмосферу того особенного искреннего настроения любви, которое умел достигать поэт. На мой взгляд, именно это настроение можно считать наиболее точным в пушкинском стихотворении, очевидным и трудноуловимым в некие историографические концепции, — наиболее целостным и цельным.

Литература

1. Вацуро В.Э. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 5–21.
2. Зеленецкий К.П. Г-жа Ризнич и Пушкин // Русский Вестник. 1856. №6. С. 203–209.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Издательство Академии Наук СССР. Т. 2. 1937–1941. С. 400–401.
4. Пушкин А.С. "Простишь ли мне ревнивые мечты..." // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 2. Л., 1977. С. 146.

5. Пушкин А.С. Сочинения, изд. имп. Академии наук. СПб., 1912, т. III, С. 311–312.
6. Сиверс А.А. «Семья Ризнич. Новые материалы» // Пушкин и его современники. Л., 1927. С. 85–104.
7. Халанский М. Е. со слов проф. П. С. Стречковича. (Сборник Харьк. Истор. Филол. Общ-ва, Харьков, 1892, т. 4, с. 247–249) [Электронный ресурс] URL: <http://www.feb-web.ru> (дата обращения – 02. 04. 2017).
8. Яшин М.И. «Итак, я жил тогда в Одессе...». (К истории создания элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...») // Нева. 1977. №2. С. 111–125.

ОБ АВТОРЕ: *Подгорная Наталья Юрьевна*, магистрант кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; 1335705@bsu.edu.ru

«УРОКИ ЧИСТОГО АТЕИЗМА» В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА: БУНТАРСТВО ИЛИ ИРОНИЯ?

Аннотация. В статье актуализируется вопрос об атеизме А.С. Пушкина, решенный преимущественно положительно советским литературоведением. Рассмотрены основные «атеистические» стихи Пушкина и биографические контексты их создания, позволяющие усомниться в однозначной трактовке пушкинского атеизма. Некоторые поздние работы позволяют заключить о внутренней религиозности Пушкина. Проводится различие между его отношением к церкви как социальному институту и к христианской вере. Выявляется близость Пушкина к веселым началам русской народно-церковной культуры и романтико-ироническим настроениям мировой литературы его времени. Тем самым возникает возможность уточнить игровой характер пушкинских «атеистических» произведений.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, атеизм, русская народно-церковная культура, ирония, игра

E.Yu. Chistyakova

"ATHEISTIC" FORM IN PUSHKIN'S POETRY: REVOLT OR IRONY?

Abstract. The article brings up the issue of A.S. Pushkin's atheism, which was mostly resolved positively by Soviet literary criticism. The article examines Pushkin's main "atheistic" poems and its biographical contexts, which allow one to doubt the unambiguous interpretation of Pushkin's atheism. Some of Pushkin's later works allow one to conclude that was an internal religious person. A distinction is made between his attitude to the church as a social institution and to the Christian faith. Pushkin's closeness to the cheerful principles of Russian folk-church culture and the romantic-ironic moods of world literature of his time is revealed. Thus, it becomes possible to clarify the playful nature of Pushkin's "atheistic" works.

Keywords: A.S. Pushkin, atheism, Russian folk-church culture, irony, play

К 100-летней годовщине кончины поэта, в 1936 году Е.М. Ярославский, председатель «Союза воинствующих безбожников» и председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б) в журнале «Безбожник» №12, 1936 год в статье «Атеизм Пушкина» (7) дает вполне однозначную характеристику поэта, приводя его юмористические стихи о религии. Здесь берет начало миф той разновидности советской пушкинистики, которая позиционировала поэта в качестве сторонника секуляризации, разделявшего атеистические воззрения своих «прогрессивных» современников. Теперь, в постсоветской России, в канун 180-летия смерти А.С. Пушкина вопрос об атеизме поэта снова становится открытым.

Первым религиозно значимым произведением Александра Сергеевича стало «Безверие», прочитанное им на выпускном экзамене в Царскосельском Лицее в 1817 г. По мнению Пушкина, вера утешает человека:

«О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь

И ободренную с надеждой отпускаешь...»
Неверующий человек остается безутешен:
«Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Несчастливого влечет до холодных врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробовой –
Кто ведает? но там лишь видит он покой» (З: 423-425).

Все стихотворение пронизано экзистенциальными мотивами. Пушкин искренне жалеет неверующего (возможно и самого себя). Мы видим здесь трагическое мировосприятие раннего Пушкина в Лицее. Любопытно, что сторонники атеистической интерпретации гения Пушкина полагают, что оно было написано под давлением учителей.

Поэту тогда было 18 лет, и, как все юнцы, он был горяч и бескомпромиссен, вдохновлялся творчеством деятелей французского Просвещения, которые боролись за изменение социального и политического строя, устои которого исторически поддерживались Церковью. Его антимонархические воззрения, унаследованные от великих французов, получили отражение в некоторых стихах поэта, за которые Александр I ссылает его в 1820 г. на Юг (2).

В письме В.Л. Давыдову из Кишинева А.С. Пушкин пишет:

«На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю –
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи» (З: 144-145).

Стихотворение сатирично, оно высмеивает Церковь, но не является по своей сути атеистическим. Скорее озорная, нежели эпатажная поэма «Гавриилиада» и стихотворение «Христос Воскрес!» являются, скорее всего, выражением скептико-исторического отношения к церковной вере. В приведённом отрывке поэт намекает, что ему также приходится проявлять показную религиозность ввиду повышенного внимания окружающих к его персоне после довольно резких поступков и стихов. Пушкин вполне комиковал, когда «прикидывался буяном, развратником, каким-то яростным вольнодумцем» (6: 384). Биограф П.И. Бартенев обозначает это явление «юродством поэта» (5). Согласно точке зрения С.Л. Франка: «в нем был <...> какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомудрия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» (6: 385).

Если во время правления Александра I Пушкин выступает против показной религиозности, то при Николае I его сатирический «запал» значительно смягчается. Возможно, это связано с «милостью» нового Императора, отменившего ссылку с введением цензуры всего последующего творчества поэта. К примеру, иным по духу является стихотворение «Мирская Власть» написанное в 1836 году, в котором поэт более тонко иронизирует на тему земной церковной власти, противопоставляя ее небесной власти Христа:

«Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?» (4: 453).

Вопреки устойчивому мифу об атеизме А.С. Пушкина ирония автора была направлена исключительно против попыток Церкви безмерно утвердить свои властные, земные амбиции в обществе, т.е. носили антиклерикальный характер.

Стремление «подогнать» фигуру поэта под определенные идеологические рамки предпринималась неоднократно. В качестве аргумента, свидетельствующего об атеизме А.С. Пушкина, зачастую приводится письмо Вяземскому от 1824 года, в котором поэт признается в том, что берет «уроки чистого атеизма» (1: 845) – то самое письмо, из-за которого Пушкин был снят со службы у графа Воронцова и отправлен в Михайловское. Пушкин действительно интересовался трудами атеистов, но не принимал их рационализм, чуждый подлинной поэзии.

Дореволюционные исследователи творчества А.С. Пушкина признавали религиозность поэта. По мнению С.Л. Франка, для Пушкина характерны «склонность к трагическому жизнеощущению, религиозное восприятие красоты и художественного творчества, и стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудренности» (6: 387). Следует отметить следующие стихи, где религиозность поэта явлена им эксплицитно: «Пророк», «Подражание Корану», «Вечерня отошла давно», «На тихих берегах Москвы», «Заклинание», «Стансы митр. Филарету», «Монастырь на Казбеке» и др. Особенно отчётливо религиозность поэта обнаруживает себя в каменноостровском цикле стихов, написанных летом 1836 г. Например, в следующих строках из «Молитвы»:

«Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи» (4: 456).

Пушкин, воспитанный в дворянской семье французским гувернером, тем не менее, с ранних лет был знаком с народной верой через няню Арину Родионовну. Именно «внутренней», народной вере во Христа импонирует Пушкин, выступая против «внешней», показной церковной религиозности. Сам опыт творческого переживания мира роднит Пушкина именно с таким религиозным мировосприятием.

«Атеизм» А.С. Пушкина – выражение художественно-игровыми образами иронического отношения молодого свободолюбивого поэта к церковной вере, но никак не позиция убеждённого рационалиста-безбожника.

Литература

1. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников; Спутники Пушкина. М.: Астрель: АСТ, 2011. 1760 с.
2. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960 – 1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Вступ. ст. Б. Ф. Егорова. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 846 с.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 1. Стихотворения 1814–1822. 643 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 2. Стихотворения 1823–1836. 799 с.
5. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851-1860 годах / вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. М.-Л., 1925. 140 с
6. Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. С. 380-396.
7. Ярославский, Е.М. Атеизм Пушкина // О религии. М., 1958. С. 263-292.

ОБ АВТОРЕ: Чистякова Екатерина Юрьевна, к.филос.н., доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия, chistyakova_e@bsu.edu.ru

Е.В. Богатырёва

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье исследуется проблематика понимания особенностей русского менталитета в творчестве А. С. Пушкина. Путем анализа научных трудов деятелей русской культуры дается оценка литературному наследию А. С. Пушкина и его значению для формирования каноничных представлений о специфике русского психотипа. Творчество А.С. Пушкина рассмотрено как самодостаточное явление и одновременно как вектор, определивший дальнейшее развитие представлений о самобытности национальных русских черт.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, творчество, народ, русский национальный характер.

E.V. Bogatyreva

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE WORKS OF A.S. PUSHKIN

Abstract: The article examines the problems of understanding the peculiarities of the Russian mentality in the works of A. S. Pushkin. Russian cultural figures' scientific works are analyzed to assess the literary heritage of A. S. Pushkin and its significance for the formation of canonical ideas about the specifics of the Russian psychotype. The work of A. S. Pushkin is considered as a self-sufficient phenomenon and at the same time as a vector that determined the further development of ideas about the identity of national Russian traits.

Key words: A. S. Pushkin, the creativity, the people, the Russian national character.

В настоящее время во многих странах растет интерес к изучению особенностей национальной культуры. Это во многом обусловлено тем, что современный мир имеет тенденцию превращения в единую систему, что, в свою очередь, ведет к размыванию национального самосознания различных народов и обеднению мировой культуры.

В широком смысле национальный характер мы понимаем как нечто, связывающее человека с историческими и духовными корнями его страны. По мере взросления люди и на осознанном, и на безотчетном уровнях усваивают психологические особенности и систему ценностей, принятые в том обществе, где они живут. Для полноценного понимания как отдельно взятой личности, так и общества в целом очень важно постичь национальные черты народа – то есть те присущие ему качества, которые, несмотря ни на какие обстоятельства, остаются неизменными.

Одной из важнейших составляющих культуры является литература. Особенность ее в том, что, будучи частью духовной сферы жизни общества, она в то же время оказывает определяющее влияние на развитие этой сферы. Писатели, поэты и философы, усваивая взгляды, нормы и представления своей эпохи, в то же время сами формировали в дальнейшем эти взгляды и представления посредством собственного творчества. В этом отношении нельзя переоценить того значения, которое имеет для русской культуры наследие А.С. Пушкина – величайшего гения отечественной литературы.

«Пушкин был живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и его больных узлов», – писал философ

И.А. Ильин (Ильин, 1993: 49). Н. В. Гоголь еще при жизни великого поэта сказал: «Пушкин есть явление чрезвычайное... может быть, единственное явление русского духа» (Гоголь, 1952: 50-55). Несмотря на расхождения по многим вопросам, эти выдающиеся умы были едины в оценке творчества Пушкина: для русской литературы оно – основа основ, то, без чего невозможно понять русского человека, русскую историю и, в конечном счете, то, что и принято называть русским национальным характером.

По словам Ф. М. Достоевского, Пушкин был первым, кто отчетливо утвердил в литературе русскую тему. «Никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь» (Достоевский, 1987). Сам Пушкин говорил: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (Пушкин, 1959). Фактически оказавшись первым писателем-реалистом в отечественной литературе, Пушкин в своих произведениях стремится показать русский национальный характер всесторонне, без идеализации, приняв во внимание его многогранность и противоречивость.

Литературовед-пушкинист В. С. Непомнящий писал, что Пушкин – «это Россия, выраженная в слове» (Непомнящий, 2009). Ф. М. Достоевский полагал, что национальное самосознание России начало формироваться именно с Пушкина, в котором русский дух впервые осознал и осмыслил самого себя. Путешествуя по России, Пушкин проникался культурами разных народов и, выражая свое мнение о том общем, что объединяло его соотечественников, писал: «В характере народа – не бояться ни усталости, ни физических страданий; в характере этой нации наблюдается терпение и деятельность, веселость и грусть, в нем соединились самые резкие контрасты...» (Достоевский, 1987).

Для подлинного понимания основ национального характера необходимо обратиться к самым истокам зарождения этой нации, учесть все те условия, которые оказали влияние на ее формирование. Пушкин еще с детства живо интересовался историей своего Отечества, и со временем этот интерес оформился в жизненную позицию поэта. «Жалок народ, для коего прошедшее не существует» (Пушкин, 1959), – говорит Пушкин в одном из своих произведений. Объединяя древнее язычество с современной ему светской культурой и основами православия, Пушкин добился того, что так емко выразил философ И. А. Ильин, говоря: «Древнее освятилось, светское умудрилось» (Ильин, 1993: 68). Бессмертие в пушкинском понимании – это осознание своей связи с предками, с их культурой, с родной землей; вне этого осознания человек не может существовать полноценно.

Поэму «Руслан и Людмила» Пушкин создал, опираясь на основы отечественного фольклора, в котором берет начало сам русский дух. Человек дворянского происхождения, получивший европейское образование, обрел источник вдохновения в русском народном творчестве. Примечательно, что изначально при создании этого произведения Пушкин пытался опираться на европейскую «Песнь о Роланде» и «Орлеанскую деву» Вольтера, однако

впоследствии отошел от народной культуры, все больше погружаясь в богатство фольклора родной страны. Именно с «Руслана и Людмилы» и началась всероссийская слава поэта.

Пушкину принадлежит решающая роль в создании современного русского литературного языка. Умело сочетая устаревшие слова и выражения с простонародным говором и наречием своего времени, он привносит в литературу невиданное до него богатство образов и форм. Язык произведений Пушкина лучше всего раскрывает видение поэтом русского человека – того, кто является как порождением своего времени, так и носителем неизменных черт, присущих русскому народу в целом.

Как и любая составляющая часть реальной жизни, национальный характер противоречив, наделен как положительными, так и отрицательными чертами, исполнен переживаний и драматизма. Пушкин не рассматривает его как нечто абсолютно привлекательное. Его герои зачастую неоднозначны, но в них всегда прослеживаются черты, издавна присущие русским людям. И кровавый Пугачев, и любимая героиня Пушкина Татьяна Ларина, «русская душою», – оба носители черт национального характера.

Именно Пушкин в своем творчестве наделил соотечественников теми качествами, которые надолго станут для них определяющими в русской литературе. При очевидной противоречивости народный характер обладает несомненной цельностью. Русский человек у Пушкина зачастую милосерден даже в жестокости. Так, кузнец Архип в «Дубровском», заперев хозяйский дом и «со злобной усмешкою взирающий на пожар», тем не менее, бросается спасать из огня кошку, а предводитель «бессмысленного и беспощадного» бунта Емельян Пугачев в «Капитанской дочке» не раз поступает благородно и рассуждает по-житейски мудро.

Для Пушкина нет единого типа, олицетворяющего русский национальный характер, но есть его основа, нечто нерушимое, неподвластное времени. Эта основа не зависит ни от эпохи, ни от происхождения, ни от среды проживания. Пушкин первым в отечественной литературе по-настоящему поставил знак равенства между переживаниями дворянина и простолюдина, их пониманием добра и зла, лжи и истины, прекрасного и отталкивающего. Пушкин стремился понять и отобразить то, что объединяет беглого казака – с благовоспитанным дворянином, простую крестьянку – с девушкой из высшего сословия, помещика с его крепостным. У Пушкина и дворянин, и простолюдин имеют понятие о том, что такое честь, милосердие и достоинство. Одновременно и отрицательные черты характера также могут быть в равнозначной степени присущи представителю любого социального слоя: барин-самодур Кирила Петрович Троекуров в «Дубровском» до странного схож тяжелым нравом с представителями собственной челяди.

Историческая заслуга Пушкина прежде всего в том, что он, освободившись от подражания европейской культуре, вернул своему народу подлинное понимание самого себя. Национальный характер у Пушкина впервые становится самостоятельным предметом исследования автора, а не фоновой иллюстрацией его произведений. Для творчества Пушкина характерна

яркая национальная самобытность. Протоиерей Сергей Булгаков утверждал, что в Пушкине «говорит нам русская душа, русская природа, русская история, русское творчество, сама любовь наша и радость... Пушкин – чудесное явление России, ее апофеоз» (Булгаков, 1937).

Пушкин первым в русской литературе осознал необходимость понять и отобразить все явления жизни, проникнуть в самую суть русской души, выразить мысли, чувства, надежды своего народа. В творчестве Пушкина как в зеркале отразилось не только его время, но и вся непростая история его страны. Принимая во внимание традиции предшествовавшей ему отечественной литературы, Пушкин вместе с тем стал уникальным автором, привнесшим много принципиально нового в русскую культуру и понимание психологии русского человека.

Творчество было для Пушкина не просто деятельностью и даже не призванием – оно стало для него самой жизнью. Его посредством Пушкин проживал не только собственную судьбу, но и судьбу своего народа в целом, объединяя в своих произведениях личное, национальное и общечеловеческое. И. А. Ильин говорил, что «Пушкин... единственный по глубине, ширине, силе духа... дан был нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе все богатство русского духа и найти для него неумирающие слова. Его дух, как великий водоем, собрал в себя все подпочвенные воды русской истории, все живые струи русской души». (Ильин, 1993: 68). Вновь и вновь обращаясь к истории своего Отечества, обретая вдохновение в культурной самобытности России, исследуя образы и типажи своих предков и современников, именно в чертах русского национального характера Пушкин видел залог будущего своей страны.

Литература

1. Булгаков С.Н. Жребий Пушкина, 1937 // URL <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm> (дата обращения: 17.12.2016)
2. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. М-Л: Издательство АН СССР, 1952. Т.8. С. 50-55.
3. Ильин И. А. Одинокий художник (статьи, лекции, речи). М.: Искусство, 1993. – 348 с.
4. Непомнящий, В.С. Пушкин – Это Россия, выраженная в слове// «Слово», 27 ноября 2009 // URL: https://ryсарhipelag.ucoz.ru/publ/vs_nepomnjashhij_pushkin_ehto_rossija_vyrazhennaja_v_slove/9-1-0-2113 (дата обращения: 17.12.2016)
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 5. Романы, повести // URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/02misc/01misc/0874.htm> (дата обращения: 17.12.2016)
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 10. Письма 1831-1837 // URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1836/1928_740.htm (дата обращения: 17.12.2016).
7. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с. // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=113932&p=1> (дата обращения: 17.12.2016)

ОБ АВТОРЕ: *Богатырева Елена Викторовна*, научный сотрудник ГБУК «Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление»». elenne17@yandex.ru

Н.А. Рощупкина

**«СЕБЕ ЛИШЬ САМОМУ...» (ОПЫТ ПЕРЕПРОЧТЕНИЯ
«ИЗ ПИНДЕМОНТИ»)**

Аннотация. В статье излагаются результаты медленного аналитического перечтения позднего пушкинского стихотворения «Из Пиндемонти»: уточняются мотивационные, жизненные границы, в которых давало себя знать и за которые выходило, творчески преобразовывалось социальное «я» поэта. Показывается, что умное, веское пушкинское слово, отлитое с некоторым многомерным совершенством, отличается высокой открытостью – к тем смысловым пределам, которые несводимы к повседневным хлопотам, или социальной злобе дня. Медленное перечтение пушкинских текстов, как показывает анализ, не повторяет известное о поэте, но обновляет его, уточняя глубинное антропологическое постоянство его поэзии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, медленное чтение, пушкинская индивидуальность, социальное «я», угождение, служение

N.A. Roshchupkina

**"ONLY TO HIMSELF..."
(AN EXPERIENCE OF ANTHROPOLOGICAL COMMENTARY
TO THE POEM OF A.S. PUSHKIN "FROM PINDEMONTI")**

Abstract: The article presents the results of a slow analytical rereading of Pushkin's late poem "From Pindemonti": the motivational, vital boundaries within which the poet's social "I" made itself known and beyond which it creatively transformed are clarified. It is shown that Pushkin's intelligent, weighty word, cast with a certain multidimensional perfection, is distinguished by its high openness – to those semantic limits that are not reducible to everyday worries or the social anger of the day. A slow rereading of Pushkin's texts does not repeat what is known about the poet, but renews it, clarifying the deep anthropological constancies of his poetry.

Key words: A A.S. Pushkin, slow reading, Pushkin's individuality, social "Me", pleasing, service

У Александра Сергеевича Пушкина в его стихотворении, названном им «Из Пиндемонти», есть довольно трудные для понимания строки:

«...себе лишь самому

Служить и угождать...» (Пушкин, 2).

Доподлинно неизвестно о том, что хотел сказать Пушкин данной фразой. Если ее понимать *буквально*, то можно думать, что дело идет о некоем пушкинском *негодовании насчет власти* и тех, кто готов

«...для власти, для ливреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...» (Пушкин, 2)

Но так ли это? Похоже ли это на Пушкина, на *настоящего* Пушкина? Негодут насчет власти те, которые склонны её возвеличивать, – включая поклонение ей в свой символ веры и буквалистически исповедуя её как последнюю жизненную инстанцию. Даже совсем немного зная Пушкина, его трудно представить кумиротворцем.

В известном «предлинном» («une bien longue lettre») и весьма искреннем пушкинском письме к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., содержится эмоционально-поэтическое (смягчённое в переводе) утверждение о власти *предержащих* – в том мире *разговоров* о власти, в котором он находился сам: «Quoique personnellement attaché de coeur à l'empereur, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé – mais je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée» (Пушкин, 10: 308; курсив мой. – Н.Р.). Академически принятый русский перевод: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». (Пушкин, 10: 308; курсив мой. – Н.Р.). В русском переводе усилены политические смыслы, оппозиция поэта и власти; во французском оригинале поэт больше тревожится о себе и глубине своего и (адресуясь к собеседнику) нашего родства с миром, данного Богом. Это заметно уже в асимметрии между вполне спокойным французским наречием «personnellement» и эмфатичным русским «лично я», некотором лексически усиленном противопоставлении «лично себя» и «государя» (во французском оригинале – «à l'empereur», «императору»). Но и далее: «je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi», «я далек от восхищения...» (в переводе «я далеко не восторгаюсь»); «comme homme de lettre, je suis aigri», «как литератор» – по-русски неудобно сказать, «человек письма», но по-французски, буквально, именно так – «как литератор я озлоблен/огорчен/ворчлив» (в переводе – абстрактнее и оппозиционнее: «как литератора – меня раздражают»); «comme homme à préjugés, je suis froissé», буквально, «как человек, склонный к предубеждениям, я расстроен, измят» (в переводе: «как человек с предрассудками – я оскорблен») и т.д.

Чтя Россию и негодуя на *молву* и её *мнимую* власть, он был бесспорно поэтом, должно быть, творчески свободным от какого-то ни было поклонения или суда над тем, что в России было неотменимой действительностью. Но не была ли власть условием возможности творчески правдивых высказываний поэта о сущем, нежели предметом его хвалы или суда? Поэт почвенно-национального характера, Пушкин далек от политического радикализма; для того, чтобы трактовать его, казалось бы, *очень простые, ясные* слова, необходимы прежде всего антропологические уточнения – понимание особенностей его поэтико-социального поведения, тех творческих жизненных границ, пределов жизненной веры, в которых давало себя знать социальное «я» поэта. И, разумеется, вопрос вопросов: насколько постоянен был Пушкин в своем *поэтико-религиозном антропологизме*?

Достаточно перелистать страницы биографических книг П.В. Анненкова или В.В. Вересаева, чтобы заметить, насколько не склонен был поэт к угрюмому исповеданию власти, в положительной или отрицательной

умозрительной форме; прежде всего, далек от какого бы то ни было самолюбования или самовозвеличивания. Если же вчитываться в самого Пушкина, в звуковую семантику и стиль его поэтической речи, входить в мастерскую его живого поэтического слова, то и сомнений не останется: Пушкин дружелюбен; если и беспокоит его вопрос о власти, то – всерьёз – о дружеской власти Божества. В вопросе о власти Пушкин – христианин, причем совершенно искреннего, душевно-свободного типа, которому посвятили свои труды (не завершив их с некоторой теоретической окончательностью) крупнейшие русские мыслители П.Б. Струве, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, И.А. Ильин и др. (Пушкин в философской критике).

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс в своей обширной монографии о Пушкине – в главе «Простой Пушкин» – пишет о том, что в последние годы укрепляется религиозное начало в жизни Пушкина: он читает книги Священного писания, многие молитвы знает наизусть, анонимно сотрудничает в составлении «Словаря Святых» и, впрочем, очень ясен в переписке с «жёнкой», письма к которой часто заканчиваются словами «Христос с тобой», «Благословляю тебя и ребят», «Целую и крещу», «Господь с вами» и т.д. (Тыркова-Вильямс, 2004: 1). Стихотворение же «Из Пиндемонти» входит в «Каменноостровский» цикл, который был написан Пушкиным во время Страстной недели 1836 года и помечено римской цифрой – VI, шестым днем Страстной недели. Я думаю (хотя и нет тому прямых свидетельств), что именно этот день Пушкин написал «Из Пиндемонти»: он видел свободу души в ее освобождении от тела и от всего мирского. Не страшно ничего Пушкину; его религиозность светла; желанно освобождение от земного, наскучившего поэту, утомившего его.

«...Себе лишь самому

Служить и угождать...» (Пушкин, 2).

Кажется, в этих строках он не имел в виду свое «я»; напротив, он говорил о служении и угождении душе как Божией избраннице, призванной к свободному служению Богу; – это то, в чем он видел свое призвание, а выражение этого – в творчестве, искусстве. Исполняясь в пушкинской жизни, это призвание делало по-настоящему великим его искусство – в котором исчезают рамки, когда пушкинская душа парит и ее не ограничивает ни тело, ни все земное окружение, от которого она не отчуждена, в котором заключены радости ее существования, и которому она никогда не тождественна.

Во фразе «себе лишь самому» дает знать не некий временный душевный порыв, а – больше всего – глубинное духовное проникновение Пушкина в те жизненные тайны, которые становились яснее для него в последний год его жизни. Я думаю, что в этих строках он совсем не подразумевал свободу от земной власти и его окружения, так как по отношению к ним он был вполне лично свободен. Пушкин – настоящий художник, поэт-творец: через свое слово он нес нечто очень важное о жизненности власти. Понять философию власти Пушкина, вчитываясь в его умное, веское слово, означает – понять себя, рассуждая о власти как о жизненном событии, которому каждый оказывается причастен.

Литература

1. Анненков П.В. Жизнь и труды Пушкина. Лучшая биография поэта. М.: Эксмо, 2014. 493 с.
2. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: ПрозаиК, 2018. 782 с.
3. Пушкин А.С. Из Пиндемонти // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2 Стихотворения 1823-183. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1836/0614.htm (дата обращения: 17.12.2016).
4. Пушкин А.С. П.Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву
5. Собр. соч. в 10 тт. Т. 10 Письма 1831-1837. URL:
6. https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1836/1928_740.htm
7. (дата обращения: 17.12.2016).
8. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX века. М.: Книга, 1990. 527 с.
9. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. Т. 1. 1799-1824. М.: Молодая гвардия, 2004. 514 с.

ОБ АВТОРЕ: *Рощупкина Наталья Александровна*, студентка кафедры социологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия

В.С. Арефьева

ПУШКИНИАНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА М.Г. ХАЛАНСКОГО

Аннотация. Обращаясь к литературоведческому наследию профессора М.Г. Халанского, нельзя не признать высокий уровень научных изысканий, проводимых ученым в области пушкинистики. Остаётся проблемным тот факт, что многие труды филолога в большинстве своем не подвергались теоретическому осмыслению, за исключением отдельных узконаправленных статей, касающихся вопросов фольклористики. Из приведенной в статье краткой биографической справки следует, что около семи лет научной и преподавательской деятельности Халанского связано с Белгородом. Белгородский период жизни Халанского – важный этап биографии ученого, ведь именно на это время приходится обучение в Белгородской духовной семинарии, происходит становление личности, выбор профессионального пути и закладывается необходимая база для построения будущей научной карьеры профессора. С Белгородом связаны первые шаги молодого специалиста на преподавательском поприще, здесь Халанским написана диссертация на степень магистра русской словесности – «Великорусские былины Киевского цикла», позволившая впервые выдвинуть гипотезу о северорусском происхождении былин. В этой связи представляется актуальным исследование жизни и деятельности М.Г. Халанского в региональном аспекте, что заметно обогатит интеллектуальную историю Белгородского края вт. пол. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: Халанский; биография; литературоведение; Пушкин; поэзия; Ризнич; Руслан и Людмила; пушкинистика; литературная критика

V.S. Arefieva

PUSHKINIANA IN THE RESEARCHES OF PROFESSOR M.G. Khalansky

Abstract: Referring to the literary heritage of Professor M.G. Khalansky, one cannot but admit the high level of scientific research carried out by the scientist in the field of Pushkin studies. From the brief biographical information given in the article, it follows that about seven years of scientific and teaching activity of Khalansky is associated with Belgorod. Remains problematic is the fact that many of the works of the philologist, for the most part, were not subjected to theoretical comprehension, with the exception of certain narrowly focused articles on folklore issues. The Belgorod period of Khalansky's life is an important stage in the biography of the scientist, because it was at this time that he studied at the Belgorod Theological Seminary, a personality was formed, a professional path was chosen, and the necessary foundation was laid for building the future scientific career of a professor. The first steps of a young specialist in the teaching field are associated with Belgorod, here Khalansky wrote a dissertation for a master's degree in Russian literature – «Great Russian epics of the Kiev cycle», which allowed for the first time to put forward a hypothesis about the North Russian origin of epics. In this regard, it seems relevant to study the life and work of M.G. Khalansky in the regional aspect, which will significantly enrich the intellectual history of the Belgorod region of the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century.

Keywords: Khalansky; biography; literary criticism; Pushkin; poetry; Riznich; Ruslan and Ludmila; Pushkin studies

Михаил Георгиевич Халанский (1857-1910) – почти забытое имя в истории отечественной пушкинистики, и уж совсем мало упоминаемое в современном белгородском пушкиноведении. Между тем, его наследие – прежде всего, опыт рефлексии отечественной Пушкинианы, не утратил своей актуальности и теперь. Преемник выдающегося языковеда Александра Афанасьевича Потебни, талантливый филолог-славист, фольклорист и историк литературы М.Г. Халанский оставил драгоценный исследовательский материал, нуждающийся в специальном внимании.

Биографические приметы

Родился М.Г. Халанский 1 (13) ноября 1857 г. в селе Расховец Щигровского уезда Курской губернии (ныне – Советский р-н Курской области) в семье священника. В краткой автобиографии, опубликованной в университетском издании (Халанский, 1908: 112), Михаил Георгиевич писал о своих предках следующее: «из малороссийского рода, переселившегося из Заднепровья в XVII веке в Оскольский край и получившего от Московского правительства угодья по реке Халани (откуда происходит и самая фамилия)».

Отец Халанского, выходец из Малороссии, обеспечил сыну хорошее домашнее воспитание и обучение в соответствии с православными традициями. Для получения начального образования он определил сына в Курское уездное училище. После его окончания Михаил Георгиевич выехал в Белгород, где по рекомендации отца определился воспитанником в Духовную семинарию. На протяжении четырех лет (1873–1877 гг.) он проходил обучение в Белгородской духовной семинарии, однако карьера священнослужителя Халанского не привлекала. Высокий уровень преподавания и подготовки в семинарии позволял большинству воспитанников без труда поступать в высшие учебные заведения страны. Так, в 1877 году Халанский поступает в Харьковский университет на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. Его наставником становится известный филолог-славист А.А. Потебня. На студенческой скамье Михаил Георгиевич проявил незаурядные способности и усердие к научной работе. Он интересовался народным языком, песенным творчеством, выезжал в сёла, где записывал образцы говоров, русские народные песни. В первом томе «Русского филологического вестника» за 1879 год публикуется его первая научная статья – «Черты народного говора Щигровского уезда Курской губернии с приложением народных песен». Всего было издано около 160 народных песен, записанных Халанским на малой родине. Молодым ученым были посещены все населенные пункты уезда, выслушаны сотни человек – простые русские крестьяне, не умеющие писать и читать, но помнящие наизусть огромное количество обрядовых, лирических и хороводных песен.

Курс обучения в университете М.Г. Халанский окончил в 1881 г. со степенью кандидата за работу «О сербских народных песнях Косовского цикла». Замеченный руководством университета, преуспевающий студент был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Стипендиату при историко-филологическом факультете М.Г. Халанскому выплачивалась

солидная по тому времени стипендия в 400 рублей в год. Прервав магистерскую подготовку на почве конфликта с профессором П.А. Бессоновым, Халанский в 1883 году возвращается в Белгород. Здесь, в соответствии с направлением министерства народного просвещения, он устраивается преподавателем русского языка в Белгородскую мужскую гимназию и одновременно исполняет должность классного наставника. Позже преподает русскую литературу также и в Белгородской женской гимназии. Преподавал Халанский квалифицированно, в Белгороде он входил в состав училищного совета, осуществлявшего научное и методическое руководство народным образованием в уезде. Наряду с преподавательской деятельностью в Белгороде в 1883–1885 годы Халанский совмещает серьёзную научно-исследовательскую работу. В это время он активно работает над диссертацией «Великорусские былины Киевского цикла» и готовится к экзаменам на ученую степень магистра русской словесности, дававшую право занимать должность доцента.

В 1887 году Халанский успешно сдает экзамены и защищает диссертацию в Петербургском университете. Диссертация была опубликована в «Русском филологическом вестнике» и получила похвальный отзыв главного авторитета филологии – заведующего кафедрой русского языка и словесности Харьковского университета, профессора А.А. Потебни.

С сентября 1889 года Халанский начинает преподавательскую деятельность в статусе приват-доцента Харьковского университета, читает курсы по истории русского языка, древнерусской переводной литературе, славянскому героическому эпосу. Вскоре его командируют в Сербию, где он станет изучать материалы по истории южнославянского эпоса и примет участие в торжествах по случаю 500-летия Косовской битвы. После смерти в 1891 году А.А. Потебни, в 34 года Халанский возглавит кафедру русского языка и словесности в Харьковском университете. Здесь же в 1895 году он защитит диссертацию на степень доктора русской словесности. Уникальной и новаторской стала тема диссертации – «Южнославянские сказания о Крелевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса». Этот труд – результат двухлетней кропотливой собирательской работы в экспедициях по Сербии и славянским районам Австро-Венгрии.

С осени 1895 г. Халанский – экстраординарный (внештатный), а с мая 1899 г. – ординарный (штатный) профессор. В 1907 году он единогласно избран деканом историко-филологического факультета. В 1909 г. научная карьера М.Г. Халанского достигает своего апогея, его избирают членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. Однако в этом же году из-за болезни он подает в отставку и уезжает за границу на лечение. Болезнь неуклонно прогрессирует и вскоре 30 марта (12 апреля) 1910 года профессор Халанский умирает в возрасте 52 лет.

За 30 лет плодотворной педагогической деятельности Михаил Георгиевич Халанский выпустил в свет около 50 научных трудов. Его первые исследования посвящены изучению диалектов и говоров населения Курской и Харьковской губерний, в частности распространенного на этих территориях уникального языкового явления – «суржик». Благодаря публикациям ученого множество

образцов устного народного творчества, в том числе историко-археологического содержания, оказалось спасено от неминуемого забвения. Михаил Георгиевич записал великое множество песен, посетив все уезды Курской и близлежащих губерний, а также территорию современной Украины, Белоруссии, Сербии, Польши и бывшей Австро-Венгрии, став крупным специалистом восточного и южнославянского фольклора.

В своих трудах М.Г. Халанский стремился сочетать принципы «исторической школы» с «теорией заимствований». Михаил Георгиевич – первый отечественный ученый, который на основании изучения фольклорных параллелей выдвинул предположение о том, что первоосновой славянского эпоса является германский и скандинавский эпосы. С предположением М.Г. Халанского не согласились некоторые ученые, но оно стало положительным научным стимулом большого числа исследований, в результате которых были выявлены все фольклорные параллели этих эпосов.

Не менее значимой представляется литературоведческая деятельность профессора Халанского. Из-под пера ученого вышли научные статьи, посвященные истории русского литературного языка, русской поэзии, исследованиям поэтического творчества Александра Сергеевича и Василия Львовича Пушкиных, Николая Васильевича Гоголя, Якова Петровича Полонского.

Историзм А.С. Пушкина: особенный взгляд

Особый интерес представляют научные труды филолога, связанные с именем А.С. Пушкина. К ним относятся следующие статьи: «О влиянии В.Л. Пушкина на поэтическое творчество А.С. Пушкина» (Харьков, 1900 г.), «Пушкин и г-жа Ризнич» (Харьков, 1900 г.), «Руслан и Людмила» (Санкт-Петербург, 1907 г.). Остановимся подробнее на этих работах и рассмотрим основные идеи, выдвинутые автором.

Небольшая статья *«О влиянии В.Л. Пушкина на поэтическое творчество А.С. Пушкина»* представляет собой речь профессора Халанского, произнесенную на торжественном собрании Императорского Харьковского Университета 26 мая 1899 года, в год празднования столетия со дня рождения А.С. Пушкина. В центре внимания – актуальный в пушкиноведении вопрос: что более всего повлияло на формирование гения Пушкина? В поисках ответа он обращается к трудам биографов поэта, среди них П.В. Анненков, А.Н. Пыпин и выделяет такие факторы влияния на Пушкина, как культурный склад жизни родителей поэта, литературное общество «Арзамас», тайные общества русской молодежи XIX в. И Халанский противится безлично-факторным разъяснениям, некоторой абстрактной благожелательности объяснительных схем.

«Пушкин, – по словам Анненкова, – умел усвоить от этой эпохи лучшее её достояние – её пытливость к осмысленному, разумному существованию и её вражду ко всему злобному, низкому и раболепному. Она-то и образовала из Пушкина тип гениального человека с простой душой, насадителя благороднейших чувств и помыслов на Руси, радетеля и провозвестника всего,

что возвышает мысль и помогает ей переносить тяготы и противоречия жизни» (Халанский, 1900: 5). М.Г. Халанский полемизирует с Анненковым, задаваясь вопросом: почему в одну и ту же эпоху наряду с гением Пушкина существовали и другие посредственные литераторы, и каким образом талант М.Ю. Лермонтова не развился к 27 годам до таких же нравственно-литературных высот?

Халанский обращает внимание на проявившееся в раннем возрасте «влечение Пушкина к знакомству и беседам с серьезно-мыслящими людьми», которое «предполагает уже ранее существовавшую потребность в общении с людьми мысли, склонность к серьёзной мыслительной деятельности» (Халанский, 1900: 7). Он развивает позицию Анненкова относительно существенного влияния литературного общества «Арзамас» на формирование Пушкина-поэта. Вникая в историю возникновения общества в Санкт-Петербурге в 1815 году, Халанский сообщает о московских корнях литературного объединения и его связи с Московским Университетом. Дядя поэта Василий Львович Пушкин занимал пост старосты «Арзамаса», членами которого был дружеский круг литераторов, москвичей по своему воспитанию или связям. В их числе: Карамзин, Жуковский, Тургеневы, Блудов, Уваров, Вяземский, Жихарев, В. Л. и А. С. Пушкин, Батюшков. Халанский приходит к выводу: «...вопрос о влиянии Арзамаса на Пушкина сводится к вопросу об органическом продолжении развития его таланта в Петербурге среди одних и тех же лиц, бывших дружественных семье Пушкиных как в Москве, так и в Санкт-Петербурге, лиц, свято хранивших идеалы того тургеневского кружка в Москве, в котором по прекрасному выражению Тихонравова «воплотилось все, что оставалось чистого и праведного от екатерининского века»».

Отдельное внимание в статье уделяется вопросу двойственного отношения биографа Анненкова к семье Пушкина. Халанский настаивает на положительном характере влияния семьи поэта, признавая, скрытый за лёгкой и веселой жизнью, высокий ум отца и дяди Пушкина, чьи дома в Москве представляли собой центры сбора передовой интеллигенции того времени. Халанский отмечает общую семейную любовь к изящным удовольствиям: театру, наукам и литературе. Он полагает, что такая наследственная черта, как удаляться от светского шума в тишь кабинета к поэтическим трудам передалась от Василия Львовича к племяннику. В семье поддерживалась традиция чтения древнеримских авторов (Фукидид, Тацит, Плиний), французских и английских писателей, общая любовь к учению. Лицейские стихотворения Пушкина свидетельствуют о его подчинении влиянию дяди в ранние годы жизни. Халанский утверждает: «А. С. Пушкин ясно и сильно выразил, и так сказать пустил в литературный оборот идеи и идеалы своих ближайших учителей и руководителей, стал в начале своей деятельности эхом русских романтиков, сгруппировавшихся под знаменем Арзамаса» (Халанский, 1900: 13).

Поэтический дар А.С. Пушкина и творческий ежедневный труд определили его превосходство над наставниками и собратьями по перу. Василий Львович уступал по степени своего дарования многим друзьям (Карамзин, Батюшков, Жуковский, Вяземский), но сила его влияния на поэта-

племянника заключалась в том, что он горячо сочувствовал всему возвышенному, что давало его время... Он развивал и поддерживал в племяннике «священный сердца жар», «к высокому стремление», содействовал образованию в Александре Сергеевиче той важной черты его ума и воли, которую этот последний называл «сладострастьем высоких мыслей и стихов» (Халанский, 1900: 13).

Основная черта убеждений Василия Львовича, как сына своего времени – века просвещения, выражалась «в любви к словесности и наукам», в глубокой вере в живительные силы просвещения, науки, в торжество разума человека. Халанский обнаруживает параллели между мыслями, выраженными в стихотворениях и баснях Василия Львовича и пушкинскими поэтическими произведениями. Идеи о том, что истинная мудрость воссияет над тьмой невежества, признание необходимости образования и совершенствования в науках, темы религиозности, нравственности и патриотизма перекликаются в поэзии обоих авторов. С патриотизмом связан вопрос о свободе гражданской. В этом положении совпадают убеждения и воззрения поэта-племянника и поэта-дяди, являясь отражением их общеарзамасских «законно-свободных» идеалов. Поэзии В.Л. и А.С. Пушкиных присущи жизнелюбие и светлый оптимизм. Из столкновения жизнелюбия с тяжёлыми для сознания фактами жизни возникла захватывающая сердце трагедия духа нашего великого поэта. Возвышенный оптимистический взгляд на смерть как необходимый закон мировой жизни одинаково свойственен стихотворениям А.С. Пушкина («К друзьям», «Брожу ли я вдоль улиц шумных») и элегии В.Л. Пушкина «На кончину ***».

Научный метод Халанского строится на основе сопоставления стихотворных произведений двух поэтов из рода Пушкиных. Сходство поэтических образов и общность их воззрений прослеживается в стихотворениях, посвященных темам любви, доброты, милости и состраданию к павшим.

Изыщество слога, хороший литературный вкус, развитый влиянием французских классиков и среды сподвижников Карамзина отличает творчество Василия Львовича по словам его современников и критиков его произведений. А.С. и В.Л. Пушкины придерживались общих взглядов относительно качества литературного языка и задач литературной деятельности. Они возводят в закон требование простоты, естественности речи, изыщество её, обогащение литературного языка за счет русского народного творчества, принцип свободы, основанный на нравственном благородстве мыслей писателя (Халанский, 1900: 27) и при этом отмечается отсутствие партийности в воззрениях и критических приговорах А.С. Пушкина и его дяди, сторонников независимого подхода к анализу плодов литературного творчества.

Необыкновенное знание родного языка А.С. Пушкиным объясняется не только известным влиянием няни, бабушки Марии Алексеевны Ганнибал и законоучителя поэта, но также связано с идейной деятельностью Василия Львовича Пушкина – защитника прав народного языка в русской литературе против «раскольников-славян», писавших «варварским или варяжским слогом» и «неправильно» (Халанский, 1900: с. 27). Известно, что Василий Львович, пожелавший познакомить французских литераторов с «древней» поэзией Руси,

перевёл на французский язык несколько русских народных песен, а свой перевод поместил в одном из французских журналов (Archives litteraires или в Mercure de France). Халанский также указывает на русско-французское воспитание А.С. Пушкина, где наряду с прочным влиянием французского языка и литературы «в детской дома Пушкиных в Москве царила поэзия религиозного обряда и народной песни и сказки» (Халанский, 1900: 32). Интерес к немецкой, английской, итальянской и общемировой литературе формируется у А.С. Пушкина в арзамасской среде. Не последнюю роль в этом сыграл «Нестор Арзамаса» и «староста» этого «Иерусалима ума и вкуса», как гордо величал своего дядю-поэта Александр Сергеевич.

В завершении статьи автор выделяет неблагоприятные факторы, повлиявшие на развитие характера А.С. Пушкина. К ним Халанский относит «неудовлетворительное положение и состояние школы (Императорский Царскосельский лицей), в которой он (А.С. Пушкин) учился и в которой воспитание юношей шло не вполне нормально», а также «невысокий нравственный уровень того петербургского товарищеского круга, который втянул в себя пылкого-юношу поэта и увлёк его в «оргию шумной жизни»». Подводя общий итог, Халанский пишет: «Но начала добра, прочно заложенные в душу поэта семьёй, влиянием дяди Василий Львовича, московских друзей Пушкиных, впоследствии «их превосходительств, бессмертных гениев Арзамасского общества благородных людей» спасли поэта» (Халанский, 1900: 35).

Проведенная ученым обширная сравнительная характеристика поэтического наследия В.Л. и А.С. Пушкиных, глубокий анализ эпистолярных, исторических документов пушкинской эпохи, воспоминаний современников и сопоставление сведений пушкинистов, позволили в известной мере реабилитировать имя Василия Львовича Пушкина, возвысить и признать его роль в вопросе воспитания и формирования личности великого поэта. Впервые в пушкинистике исследован и обозначен русофильный вектор влияния В.Л. Пушкина. Кроме того, в статье приводятся данные, определившие новый взгляд на значение и характер деятельности Арзамасского литературного общества. С историко-литературной точки зрения доказывается влияние членов Арзамаса на выработку в Пушкине взглядов на поэта и поэзию. Личные замечания и соображения Халанского, выраженные в данной статье, представляются важным вкладом в отдельные отрасли пушкиноведения.

Вторая статья ученого, посвященная А.С. Пушкину, была напечатана в юбилейном университетском сборнике (1900 г., к столетию со дня рождения поэта). В статье «*Пушкин и г-жа Ризнич*» Халанский рассматривает одесский период жизни А.С. Пушкина, приходящийся на 1823-24 гг. В это время в жизни поэта появляется известная молодая особа «мадам Ризнич с римским носом» (Пушкин, 1947: 471). Автор приводит уникальные сведения, полученные из первых уст, от профессора П.С. Сречковича, находившегося в близких отношениях с Иваном Ризничем. Известный одесский негодичант И.С. Ризнич в силу своего происхождения поддерживал дружественные отношения с сербскими студентами, которые, обучаясь в Киеве, имели возможность посещать имение Ризнича в с. Гобчице. Особым расположением пользовался

студент Киевской Духовной Академии, а затем университета П.С. Сречкович. Халанский указывает на расхождение данных, приводимых профессором К.П. Зеленецким в статье «Г-жа Ризнич и Пушкин» (1856г.) относительно происхождения Амалии Ризнич. Автор со слов Сречковича указывает на итальянское происхождение красавицы. Дается яркий портрет этой удивительной женщины, составленный Зеленецким и объясняющий причину её популярности в мужском аристократическом обществе Одессы, среди которого выделялись такие её поклонники, как А.С. Пушкин и польский князь Яблоновский. Халанским приводятся биографические факты из жизни семейства Ризнич, не согласные с оценками образа жизни А. Ризнич, выведенные профессором Зеленецким. Установлены три пушкинских стихотворения, которые с большей степенью вероятности посвящены памяти Амалии Ризнич. К ним относятся поэтические произведения Пушкина: «Под небом голубым страны своей родной», «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней». В этих стихотворениях Пушкин создает «идеально чистый образ женщины» (Халанский, 1900, а: 78). Сведения П.С. Сречковича, приведенные в статье Халанского, помогают составить наиболее полную картину о характере личности Амалии Ризнич, в известной степени очерненной ранними сообщениями о ней в публицистике.

В числе работ Халанского, посвященных А.С. Пушкину, находится предисловие к поэме «Руслан и Людмила». Статья, носящая характер историко-литературного введения, была опубликована в первом томе Собрания сочинений А.С. Пушкина (в 6 т.), которое издавалось акционерным издательским обществом Брокгауза и Ефрона на протяжении долгого времени – с 1907 по 1915 годы. Сегодня это ценное дореволюционное издание, нередко именуемое «пушкинской энциклопедией», хранится в фонде редкой книги Пушкинской библиотеки-музея Белгорода и представляет существенный интерес для настоящего исследования.

Начало статьи отводится предыстории создания первой пушкинской поэмы, работа над которой заняла у поэта три года (1817-1820 гг.). Подробнее Халанский останавливается на литературной критике 1820 года, именно в этом году при содействии Н.И. Гнедича впервые публикуется поэма «Руслан и Людмила». Автор цитирует критические отзывы В.Г. Белинского, М.А. Дмитриева, П.А. Катенина, приводит фрагменты обстоятельной статьи А.Ф. Воейкова, содержащей детальный разбор поэмы, опубликованный на страницах журнала «Сын Отечества». Все негодование и несогласие Пушкина с замечаниями и сравнениями Воейкова выливается в письмо к Гнедичу, которое поэт напишет из с. Каменка (ныне Черкасская обл. Украины), находясь в положении ссыльного. Порицание и резкое неприятие пушкинская поэма нашла в лице редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского («Письмо к редактору», №11 «Вестник Европы» за 1820г.) и на страницах журнала «Невский Зритель». Как отмечает Халанский: «...нужно иметь ввиду, что поэма появилась в период борьбы последователей «старого слога» или ложноклассицизма с последователями «нового слога» или с представителями сентиментализма и романтизма в русской литературе...» (Халанский, 1907: 586).

Упоминаются выпущенные в защиту Пушкина письмо-опросник Д.П. Зыкова и ответное на его статью письмо г. К-ва, высоко оцененное поэтом. Ко второму изданию поэмы «Руслана и Людмилы» (1828 г.) А.С. Пушкин напишет предисловие, в котором разместит выдержки из критических отзывов разных авторов. Недостатки своей поэмы Пушкин объяснит молодостью и рассеянной жизнью автора. «Второе издание поэмы уже не вызвало таких ожесточённых нападков на поэта, какие сопровождали первое появление в свет его поэмы. Поэт становился кумиром русского общества; восторги и похвалы получали характер согласного, шумного хора. Но естественный рост гения поэта, проявлявшийся в создании более и более совершенных творений, вёл за собой и рост критической мысли» (Халанский, 1907: 577).

В более поздних критических статьях, посвящённых анализу поэзии А.С. Пушкина, говорится о цельности и законченности поэмы «Руслан и Людмила», которая не содержит ничего лишнего и неуместного («Московский Вестник», №6, 1828г.). К. А. Полевой в статье, опубликованной в журнале «Московский Телеграф» за 1829 г. ставит в вину поэта подражание Лудовико Ариосто, автору популярной рыцарской поэмы «Неистовый Роланд». Литературный критик видит «несообразность» русской поэмы со временем, в ней изображаемым. Образы русских витязей, воссозданные пером Пушкина, происходят, по мнению автора, не от русских богатырей, а сродни рыцарям средневековья. Поэма представляется ему переложением на русские нравы произведения итальянского поэта. Спустя четыре года Полевой в том же журнале признает достоинства «Руслана и Людмилы» в «стихах пленительных», отметит написанное ко второму изданию (1828г.) вступление как проявление самобытной народности.

Отдельное внимание в статье Халанского уделяется литературным взглядам В.Г. Белинского, П.В. Анненкова и немецкого критика Фарнгагена фан Энзе. «Причиною энтузиазма, возбужденного Русланом и Людмилой, – утверждает Белинский, – было, конечно, и предчувствие нового мира творчества, который открывал Пушкин всеми своими первыми произведениями; но ещё более это было просто обольщение невиданной дотоле новинкой... В этой поэме все было ново: и стихи, и поэт, и шутка, и сказочный характер с серьёзными картинами» (Халанский, 1907: 578). Известному критику принадлежат и более радикальные умозаключения: «Первые семнадцать стихов, которыми начинается «Руслан и Людмила», от стиха «Дела давно минувших дней» до стиха «Низко кланяюсь гостям» действительно пахнут Русью, но ими начинается и ими же оканчивается «Русский дух всей поэмы» (Халанский, 1907: 579).

Знаток русской литературы, немец по происхождению, Фарнгаген фан Энзе превозносит достоинства Пушкина-рассказчика, однако за занимательным рассказом и прелестью стихов критик не обнаруживает высшего содержания сказки, способного раскрыть в полной силе талант поэта. Один из первых биографов поэта П.В. Анненков находит в поэме зерно вражды, пошатнувшее границы дозволенного в области поэзии, будь то введение «сказочного русского мира», унижающего достоинства литературы, или игровая насмешка

«над чопорностью прежних так называемых русских песен и рассказов из народной жизни» (Халанский, 1907: 579), и ко всему этому прибавляется открытая пародия на «Двенадцать спящих дев» Жуковского, выдавшая дерзкий нрав автора поэмы.

М.Г. Халанский вынужден заметить, что только в последние двадцать лет изучение произведений А.С. Пушкина приобрело под собой строгую историко-литературную почву, не ограничиваясь как прежде общностью суждений, неподтвержденными догадками и предположениями. В частности, поэме «Руслан и Людмила» было посвящено несколько монографий и статей, представляющих интерес для современного исследователя. Это работы Л.И. Поливанова, А.И. Кирпичникова, Н.И. Черняева, П.Н. Шеффера, М.Г. Халанского, В.В. Сиповского. «При свете новых исследований, – пишет Халанский, – затрагивавшиеся предшествующей критикой историко-литературные вопросы, связанные с «Русланом и Людмилой», главным образом вопросы об отношениях Пушкина к русскому сказочному эпосу, к русскому народному творчеству, с одной стороны, к Ариосту, Виланду, Флориану, Вольтеру с другой – получают иное решение» (Халанский, 1907: 580).

На основании изучения произведений русской литературы сказочно-богатырского, героического и волшебного-фантастического содержания, написанных в кон. XVIII- нач. XX ст. – до выхода в свет «Руслана и Людмилы», исследователи обнаружили множественные параллели, касающиеся как собственных имён героев, так и отдельных сюжетов. Материалом для заимствований по мнению литературоведов послужили произведения Чулкова «Русские сказки...», Карамзина «Илья Муромец», «Раиса», Радищева «Алёша Попович» и «Чурила Пленкович», Жуковского «Вадим», баллада «Людмила», «Три пояса», Богдановича «Славяне», Нарезного «Славянские вечера», Батюшкова «Предслава и Добрыня» и многих других авторов, приводимых в данной статье. Столь разнообразная современная Пушкину русская литература наполняла библиотеки отца и дяди поэта и была им усвоена еще до поступления в Лицей.

Недостатки сравнительного литературно-исторического подхода в изучении творчества Пушкина становятся очевидны при рассмотрении позиции профессора В.В. Сиповского, отрицающего уникальность и значение поэмы «Руслан и Людмила» на том лишь основании, что в ней «нет ни одного эпизода, который не нашел бы себе несколько прототипов даже в одной русской волшебной романистике» (Халанский, 1907: 585). Новизна, чувство меры и изящного в подборе волшебного-сказочного содержания, серьезное внимание к историческому национальному преданию, принципы правды и народности литературы, провозглашенные в новой «романтической поэме», согласно Халанскому, ставят её в ряд значительных литературных произведений своего времени. «...поэма оказывается по своему составу произведением довольно сложным, можно сказать даже мозаичным. Но эта пестрота состава несколько не мешает её стройности, как художественного целого. В ней нет ненужных длиннот, излишних отступлений, все кстати, на своем месте. Заимствованные эпизоды изложены оригинальным языком, освещены одной общей идеей,

проникнуты светлым и жизнерадостным настроением молодого поэта, выступавшего на поэтическое поприще с определенным и ясно сложившимся кругом литературных воззрений» (Халанский, 1907: 586).

В завершении статьи М.Г. Халанский формулирует фундаментальное положение, проливающее свет на глубинную значимость пушкинской поэмы. Она выражается в следующих заключениях ученого: «Появление «Руслана и Людмилы» было триумфом для горсти передовых русских литераторов, видевших в сближении с немецким романтизмом средство дать толчок литературному движению на Руси...её появление действительно «сделало эпоху в истории русской литературы», как справедливо сказал Белинский. С её появлением началась переоценка русских литературных ценностей...Первый крупный труд поэтического Мессии русской литературы принес с собой осуждение всему напыщенному, неестественному, ходульному и надутому в русской литературе» (Халанский, 1907: с. 587).

Цитируя Зелинского, автор выделяет такие достоинства поэмы, как её язык, художественный стиль – «свободный, развязный, текучий, звонкий, гармонический», «чуждый неясности и неопределенности» и стихи, пленявшие «лёгкостью, свежестью, простотой и сладостью» и в особенности неподражаемые пушкинские сравнения, отличающиеся тонким художественным вкусом и чутьем. По вопросу изучения стиля и языка поэмы Халанский приводит положения Белинского, Анненкова, академика Корша и профессора Будде, но также отмечает малоизученность данного вопроса в области литературоведения. Колоссальную разработку в пушкинистике он получит только к середине XX ст. и ознаменуется выпуском «Словаря языка Пушкина» (1956-1961 гг).

В кратком предисловии к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» Халанскому удалось провести колоссальную научно-исследовательскую работу, позволившую вычленивать и систематизировать литературную критику пушкинского времени, дополнить и опровергнуть известные сведения современными литературоведческими изысканиями, яснее и определеннее оценить значение первой поэмы великого русского поэта.

На основании изученных материалов, становится очевидным заметный вклад М.Г. Халанского в дореволюционную пушкинистику. Научное наследие ученого до сегодняшнего дня остается малоизученным и требует дальнейшей разработки. Представляется актуальным исследование жизни и деятельности М.Г. Халанского в региональном аспекте, поскольку период пребывания ученого в Белгороде является важным этапом его профессионального и личностного становления.

Литература

1. Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. В 3-х т.: биобиблиографический словарь / М. Г. Булахов. Т. 3. Минск: Изд-во БелГУ, 1978. 384 с.
2. Ляпунов Б.М. Изучение восточнославянских говоров в трудах проф. М. Г. Халанского // Русские говоры на Украине / [АН УССР и др.; ред. О. Н. Тобилович]. Киев: Наукова думка, 1982. 231 с.

3. Парфиненко А.Ю., Посохов С.И. Страницы истории студенческой науки в Харьковском университете. Харьков: НМЦ «МД», 2002. 116 с.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / Т. 2, кн. 1. Стихотворения 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. С. 471.
5. Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиографический словарь / [редкол.: В. А. Дьяков (отв. ред.) и др.]. Москва: Наука, 1979. 429 с.
6. Халанский Михайло Георгійович // УРЕ. – 2-ге вид. Київ: Поліграфкнига, 1985. Т.12. С. 85
7. Халанский Михаил Георгиевич // Хранилище Горенка, раздел Курская быль. URL: <http://gorenka.org/index.php/zemlyaki/1365-khalanskiy-mikhail-georgievich> (дата обращения: 5.10.2020)
8. Халанский, 2008 г. // Всероссийское Генеалогическое Древо.
9. URL: <https://baza.vgd.ru/1/11988/> (дата обращения: 9.10.2020)
10. Халанский М.Г. Автобиография // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1908. С.112-116.
11. Халанский М.Г. О влиянии В.Л. Пушкина на поэтическое творчество А.С. Пушкина. Харьков: типолитография «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина, 1900. С. 1-35.
12. Халанский М.Г. Пушкин и г-жа Ризнич / М.Г. Халанский О влиянии В.Л. Пушкина на поэтическое творчество А.С. Пушкина. Харьков: типолитография «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина, 1900. С. 75-78.
13. Халанский М.Г. Руслан и Людмила / Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907-1915. Т.1, СПб, 1907. С. 572-590.

ОБ АВТОРЕ: *Арефьева Валерия Сергеевна*, Пушкинская библиотека-музей г. Белгорода, проспект Ватутина, д. 4, 308024, Россия; Apieshka@mail.ru

Коровина Ольга Вячеславовна

**ИХ ПОЗНАКОМИЛ ПУШКИН.
ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПУШКИНИСТА А.И. ГЕССЕНА И ХУДОЖНИЦЫ Н.Н. РУШЕВОЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА Н.К. РУШЕВА)**

Аннотация: в статье даётся попытка анализа влияния творческого замысла Арнольда Ильича Гессена на пушкинский цикл рисунков Надежды Рушевой на основе дневника отца Н. Рушевой, художника Николая Константиновича Рушева.

Ключевые слова: Арнольд Гессен; Надежда Рушева; пушкиниана; графика.

**CREATIVE MEETING: PUSHKIN STUDIES BY ARNOLD ILYICH HESSEN
AND DRAWINGS BY NADEZHDA RUSHEVA
(BASED ON THE DIARY OF N. RUSHEVA'S FATHER)**

Abstract: The article attempts to analyze the influence of the creative idea of Arnold Ilyich Hessen on the Pushkin cycle of drawings by Nadezhda Rusheva based on the diary of N. Rusheva's father, artist Nikolai Konstantinovich Rushev.

Keywords: Arnold Hessen; Nadezhda Rusheva; pushkiniana; graphics.

Исследовательский интерес к творчеству юной художницы 60-х годов XXвв. Надежды Рушевой не угасает. Непостижимая гениальность девочки, её уникальная творческая манера и способ создания художественного образа привлекает внимание к её наследию (как бы странно не звучало это слово применительно к девочке, не дожившей до 17 лет, но наследие Рушевой колоссально!). В попытках исследовать притягательное и неуловимое творчество художницы написаны десятки статей, авторы многих из них правомерно обращаются к исследованию графики Рушевой через творчество А.С. Пушкина, ведь пушкинский цикл занимает особое положение во всём многообразии рисунков Надежды (Иванова, 2013; Маслова, 2009; Нан-Хоо, 2019).

Мы постараемся развернуть исследование в другой ракурс, придав ему некоторый региональный характер. В центре нашего внимания также будет находиться пушкинская тема, мы сделаем акцент на взаимодействие художницы с белгородским пушкинистом Арнольдом Ильичом Гессеном.

Арнольд Ильич Гессен и Надежда Николаевна Рушева – имена на первый взгляд несопоставимые: известный журналист и художница, свидетель века XIX и юная советская девочка, уроженец г. Корочи и дочь тувинки, родившаяся в Моногории... А.С. Пушкин стал связующий нитью между этими двумя талантливейшими людьми, представителями разных поколений и творческих сфер.

Юная московская художница Надежда Рушева стала известной в 60-х годах прошлого столетия. Её первая выставка состоялась в 1964 году, когда Наде было 12 лет. Дальнейшие пять лет жизни художницы вместили пятнадцать персональных выставок в крупнейших музеях нашей страны, а

также в Варшаве, Польше, Чехословакии, Румынии, Индии. В 1969 году Надежда ушла из жизни в возрасте семнадцати лет.

С Пушкина началась творческая судьба Нади. Первые из известных рисунков – это иллюстрации к «Сказке о царе Салтане». Отец Нади, Николай Константинович Рушев читает дочери на ночь сказку Пушкина. Пятилетняя Надя во время этого чтения создаёт 36 рисунков – иллюстраций к сказке. Она не перерисовывает их с книги, все образы рождаются в её воображении тут же во время чтения, и она моментально переносит их на бумагу. Впоследствии, юная художница часто рисовала сразу по прочтении, пока образы не ушли. Это важно отметить, так как свежесть ее образов возникает именно из первого впечатления, а потом уже что-то прибавляется, персонаж становится более четким, продуманным, но остается «незамыленным». Надежда никогда не рисовала с натуры и не пользовалась ластиком, настолько точны были линии её графики.

Научившись читать, девочка иллюстрирует и другие Пушкинские произведения: «Медный всадник», «Повести Белкина», «Евгений Онегин», «Русалка». Эти рисунки высоко оценили в музее Пушкина на Мойке, 12 в Ленинграде: «Совсем новые, одухотворённые образы! Ничего не добавишь, не убавишь! Певучие линии! Убедила, убедила.... Сразила». Такие отзывы сотрудников музея записал Н.К. Рушев в своём дневнике. А в июне 1968г. состоялась выставка этих рисунков в музее Пушкина на Мойке, 12. Наде в то время уже 16 лет.

Публикация дневника отца Надежды Рушевой, Николая Константиновича открыла новые возможности для исследования творчества девочки. Именно из дневника мы узнаём, что 30 октября 1968 года Надя Рушева и её отец Николай Константинович знакомятся с нашим земляком, уроженцем города Короча известным журналистом и пушкинистом Арнольдом Ильичом Гессеном (1878-1976). Это случилось на открытии юбилейной выставки Народного художника СССР Н.Н. Жукова. Именно тогда Арнольд Ильич назначил Наде и её отцу встречу у себя в квартире.

Дневниковая запись Н.К. Рушева, описывающая визит к А.И. Гессену содержит довольно любопытные сведения о нашем земляке, о его личности, семье, обстановке, в которой он жил. Рушев отмечает, что Арнольд Ильич «не по годам деятелен», его письменный стол завален книгами и рукописями. Участвовать в беседе Гессен приглашает свою супругу и зятя.

Это знакомство сыграло немалую роль в творчестве Нади Рушевой. 3 ноября, просмотрев папку с сотней Надиных рисунков, которую отец и дочь принесли ему на показ, Гессен признаёт их безусловно талантливыми и рассказывает Рушевым о своём новом замысле. Арнольд Ильич работает над своей новой книгой «Жизнь поэта», которую он решил иллюстрировать лишь рисунками самого Пушкина. Но до 20 лет Александр Сергеевич не рисовал. Первые главы этой книги «Детство» и «Лицейский Парнас» Гессен предлагает проиллюстрировать Наде. Арнольд Ильич даже подсказывает Наде сюжеты будущих рисунков: «Дмитриев, Карамзин и другие литераторы собрались у родителей Пушкина встречать Новый 1800 год! В полночь их шум разбудил младенца Сашу. Он приковылял к гостинной и раскрыл дверь... Его мать – «Прекрасная креолка» – выбежала из-за стола, подхватила сына

и высоко вскинула над головой с весёлым и горделивым восклицанием: – Вот он – XIX век!».

После небольшого раздумья, Надя обещала попытаться это сделать. Арнольд Ильич дал Наде рукописи двух первых глав будущей книги и подарил недавно вышедшую в свет свою книгу «Москва, я думал о тебе!» с подписью «... Вам, Надя, всего 16 лет, мне – 90...». Ответным подарком Нади стал её рисунок «Кентаврица, везущая дитя Асклепия» (Рушев, 2012: 118).

Надя отнеслась к предложению Арнольда Ильича очень ответственно, она перечитала книги не только самого Гессена, но и других литературоведов (А.Л. Слонимского, В. Гроссмана), изучала рисунки самого Пушкина, консультировалась в фондах музея поэта.

После первого визита к Арнольду Ильичу в дневнике Н.К. Рушева 5 ноября 1968 года появляется такая запись: «В каникулы дочь вдоволь отсыпается, больше гуляет, чувствует себя раскованно, но время бережёт пуще прежнего. Рукопись А.И. Гессена (в 65 страниц) её захватила. Для пробы наострила гусиное перо и рисунки посыпались, как из рога изобилия, по-пушкински, со множеством вариантов» (Рушев, 2012: 124). Отец по просьбе Нади вслух читает рукопись Гессена, а Надя, стараясь приблизиться к пушкинской эпохе, рисует при свечах гусиными перьями множество рисунков на тему юных лет поэта, в своих сюжетах уходя за границы повествования Арнольда Ильича.

19 декабря 1968 года Надя и Николай Константинович Рушевы вновь посетили А.И. Гессена. Они принесли папку с семьюдесятью Надиными рисунками. Реакция Арнольда Ильича удивила Рушевых. «Это почему же у Вас всё получилось в стиле «рисунков на полях»? Такое позволительно лишь самому Пушкину. И закономерно: не предполагал он, что его наброски пойдут в печать. Нет, Вы уж, пожалуйста, делайте нормальные иллюстрации: полосные, полуполосные». Надя ничего не ответила на критику, но после визита к Арнольду Ильичу сказала отцу: «Нормальные» иллюстрации делать не буду!» (Рушев, 2012: 151). Николай Константинович поддержал дочь.

Своими впечатлениями о рисунках Нади Арнольд Ильич поделился и в интервью для документального фильма о Наде Рушевой сценариста и режиссёра Фахри Мустафаева. Это единственная видеозапись с Арнольдом Ильичом Гессеном, которую нам удалось найти. Не исключено, что в архиве Гостелерадиофонде могут обнаружиться и другие, ведь Гессен был известным писателем и неоднократно давал интервью. Однако, в настоящий момент зрителю доступен лишь фильм «Надя Рушева» (1972г.), где Арнольд Ильич предстал на киноплёнке. В этом же фильме мы слышим и голос Нади.

В интервью Гессен говорит об «изящном, глубоком чутье» художницы, «проникновении в настроение Пушкина и пушкинской эпохой». Однако, почему же всё-таки пушкиниана Надежды Рушевой так и не была опубликована в его Гессен не поясняет. Возможно, это случилось по желанию самого Арнольда Ильича, возможно потому, что девочка ушла из жизни, не успев закончить работу. Но пушкиниана Нади, насчитывавшая более 300 рисунков, уникальна. Рушева графически воссоздала жизнь поэта с его младенческих лет.

Эти рисунки завораживают своей лёгкостью, необычностью, точностью и глубиной образов. Справедливо отмечает Н.К. Рушев в своём дневнике «Такого в искусстве ещё не было...» (Рушев, 2012:127). Рисунки Надежды, посвящённые Пушкину очень личные. Изобразительное искусство знает мало «домашних» сцен из жизни поэта. Надя рисует маленького Сашу на руках у матери, будущего поэта рядом с сестрой Ольгой. «Есть даже совсем небывалый сюжет – «Надежда Осиповна наказывает сына!»».

Присутствует также сюжет, подсказанный Гессеном: в Летнем саду няня гуляла с полуторогодовалым Сашей. Стал накрапывать дождь, вдруг с ними поравнялся высокий офицер и вспылil, что перед ним не снимает картуз дворянский сын. Он заставил няню снять, няня поняла, что это перед ними был император Павел I. Впоследствии, Пушкин писал об этом в автобиографии.

Достаточно много рисунков рассказывают о Лицейском периоде Пушкина. Несколько рисунков посвящено супруге поэта. Наталья Гончарова всегда нравилась Наде, девочка считала её красавицей и относилась к ней с большим уважением. Впервые мы видим поэта в семейной обстановке, в окружении детей.

Рисунки на пушкинские темы сознательно сделаны с ориентацией на графику самого поэта. В них чувствуются та лёгкость, стремительность, краткость, которые делают рисунки Пушкина исключительным явлением графического искусства. Но Надя не стилизует свои рисунки «под Пушкина», но берёт тот беглый и вместе с тем предельно точный лаконизм, который связан в нашем представлении с поэзией и графикой А.С. Пушкина (Графика, 1976: 34).

Необыкновенная популярность творчества Нади Рушевой ещё при жизни вызывала обширные дискуссии среди искусствоведов, педагогов, творческой интеллигенции. После ухода Нади из жизни стала активно обсуждаться причина её неожиданной смерти. Вокруг семьи Рушевых ходили многочисленные слухи, причём не только по Москве. Белгород, принявший две выставки Нади в 70-х годах, был также погружён в переживания по поводу судьбы девочки. Наш земляк, Заслуженный художник России С.С. Косенков (1941-1993), с большим уважением относясь к таланту Нади, отмечал её неординарность, хороший вкус в выборе книг для чтения и иллюстрирования, говорил, что девочку не уберегли, что колоссальная её работа оказала роковое влияние на её здоровье. Косенков сожалел о том, что в российской глубинке много юных талантов, которые так и остаются неузнанными. А большая известность, выпавшая на долю Надежды Рушевой, привела девочку к гибели. Разговоры о том, что девочку перегрузили работой над рисунками и выставками, являются несостоятельными. Они обусловлены недостатком достоверной опубликованной информации о жизни Нади и семье Рушевых. Дневник отца Надежды проливает свет на многие спорные вопросы, касающиеся творческого процесса создания Надиных рисунков. При изучении дневника становится ясно, что рисовать – жизненная необходимость Надежды, и делала она это не ради выставок или известности, а просто потому, что не рисовать не могла.

В настоящее время большинство подлинных рисунков пушкинианы Рушевой находятся в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве, небольшое количество – в Музее А.С. Пушкина на мойке, 12 в Санкт-Петербурге и в Школьном Мемориальном музее Нади Рушевой в московской школе №1466, где училась Надя.

Графика Рушевой, как минимум три раза бывала на выставках в Белгороде. Первые две прошли в 1970-х годах. Одна из них состоялась в Белгородском краеведческом музее, тогда он находился в здании Преображенского собора, вторая – в выставочном зале, которого в Белгороде уже нет. Во время этих выставок краеведческий и художественный музеи Белгорода пополнились несколькими подлинными рисунками художницы (они и по сей день хранятся в фондах). Вероятно, рисунки были подарены Натальей Дойдаловоной Ажикмаа-Рушевой – матерью Нади. В 2016 году графика художницы из Мемориального музея Нади Рушевой московской школы №1466 была представлена на выставке в Пушкинской библиотеке-музее.

Результатом знакомства с А.И. Гессеном для Нади и для нас стал уникальный цикл пушкинианы, вышедшей из-под пера девочки. Чем было для А.И. Гессена, девяностолетнего маститого журналиста и пушкиноведа, знакомство с шестнадцатилетней художницей трудно сказать... Но благодаря этому знакомству и взаимодействию мы можем хотя бы чуть-чуть приблизиться к пониманию творческих замыслов художника слова и юной художницы-графика.

Литература

1. Графика Нади Рушевой: альбом. М.: Изобразительное искусство, 1976. 119с.
2. Иванова, Н.Н. Лирика А. С. Пушкина в графике Нади Рушевой // Пушкинские чтения. 2013. №XVIII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lirika-a-s-pushkina-v-grafike-nadi-rushevoy> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Маслова, Н.В. Пушкиниана Надежды Рушевой// Светлый дар Надежды. Исследование творческого наследия Надежды Рушевой. М.: Институт холододинамики, 2009. 142с.
4. Нан-Хоо, Я.А., Шойдук Л. Ш. Истоки творчества и наследие Нади Рушевой // Искусство Евразии. 2019. №3 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-tvorchestva-i-nasledie-nadi-rushevoy> (дата обращения: 20.12.2016).
5. Рушев, Н.К. Последний год Надежды: воспоминания о моей дочери. Минск: Сангита Строй, 2012. 240с.
6. Усенко, Н.В. Вступительная статья к комплекту открыток «Пушкиниана. Рисунки Нади Рушевой». Выпуск 3. – Москва: Школьный мемориальный музей Н. Рушевой, 2015

ОБ АВТОРЕ: *Коровина Ольга Вячеславовна*, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; заведующая музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея, пр-т Ватутина, 4, Белгород 308012;
olga-helga.1987@yandex.ru

Апатенко Диана Валерьевна

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА)

Аннотация. Статья посвящена изложению обзорных характеристик древнерусского правопонимания. Затрагивается вопрос о природе права, и описываются основные подходы по данному вопросу. Рассматривается понятие обычного права в контексте древнерусской правовой реальности. В статье особое внимание уделено так называемой двойственности древнерусского права, как на внутреннем уровне (анализ церковного и светского права, их сходств и различий, в том числе и на семантическом уровне), так и на внешнем уровне (вопрос о рецепциях из византийской культуры).

Ключевые слова: древнерусское право, природа права, правопонимание, обычное право, юридический дуализм, церковное и светское право, рецепции правовых норм.

Apatenko Diana Valerevna

OLD RUSSIAN LEGAL REALITY (EXPERIENCE OF CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Abstract

The article is devoted to the presentation of overview characteristics of the Old Russian legal understanding. The question of the nature of law is touched upon and the main approaches on this issue are described. The concept of customary law in the context of Old Russian legal reality is considered. The article pays special attention to the so-called duality of Old Russian law, both on the internal level (analysis of church and secular law, their similarities and differences, including on the semantic level) and the external level (the question of receptions from the Byzantine culture).

Keywords: Old Russian law, nature of law, legal understanding, customary law, legal dualism, church and secular law, recipes of legal norms.

Вопрос о древнерусской правовой реальности правомерен в общем контексте истории философии права и правовой культуры. История русской философии права является мало развитой областью философского знания и представлена некоторым не слишком многочисленным рядом мыслителей преимущественно XIX в. Еще менее исследованы основание и практики русского правопонимания в их культурно-исторических истоках и контекстах. Исследование истории русского права нуждается в некоторой антропологической локализации; право, которое предстает как предметная реальность философского исследования, является, прежде всего, определенной практикой человеческой жизни и мышления, в тесной связи с практиками этико-политического, эстетико-художественного и иного характера. Между тем, антропологический анализ в современной философии истории отечественного права еще только начинается (Исаев, Честнов, 2015).

В связи с этим видится целесообразным рассмотрение начального исторического периода формирования русской правовой традиции – древнерусской правовой реальности IX–XII вв. Тем самым открываются

различные проблемные области исследований, от систематической обработки фактического юридического материала до герменевтического анализа оснований правового мышления древнерусских людей.

Когда мы начинаем размышлять о явлении права, мы рано или поздно сталкиваемся с вопросом о его природе³⁸. Тем самым нам приходится начинать с наиболее доступного нашему исследованию, первоначального вида права – обычного права. Вопрос о происхождении права является достаточно спорным. Это следует, как минимум, из существования нескольких позиций, характеризующих обычное право.

Первая, по мнению многих исследователей, заключается в том, что «структурные элементы первобытной культуры – тотемы, табу, верования, заповеди, моральные нормы – требования обычного права – были прямо направлены на обуздание зоологических инстинктов членов первобытного стада. Они представляли собой культурные формы регулирования страстей, желаний, влечений вражды и т.п. Культура рождалась как способ ограничения природы, причём средствами весьма жёсткими, репрессивными» (Добренев, Кравченко, 2005:457). С одной стороны данная версия выглядит вполне правдоподобной, но с другой возникает вопрос, кем осуществлялись и применялись эти самые «жёсткие репрессивные средства», целью которых является ограничение человеческой природы? Самим человеком? Но не получается ли в таком случае весьма парадоксальная ситуация, в которой человек начинает насильно идти против собственной природы? Ситуация видится весьма противоестественной. Иная позиция, весьма отчётливо обозначенная в труде крупнейшего историка русского права М.Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права», гласит следующее «Первоисточник права есть природа человека (физическая и моральная), подчинённая таким же законам как и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является чувством (инстинктом); такова месть, защита детей родителями и обратно. Все поступают не по силе подражания одному, а одновременно и повсюду, по силе действия одинакового чувства...» (Владимирский-Буданов, 2005:112). Другими словами, эта позиция утверждает, что право не противостоит чувственной и инстинктивной природе человека, а исходит из неё. В пользу этой позиции может выступить факт того, что в различных уголках мира обычаи, традиции, нормы разных народов, которые не имели возможности пересекаться ввиду различных пространственных и временных причин имели много общего между собой, а в некоторых случаях и вовсе были тождественны. Проще говоря, нет ни одного народа, в котором бы возвеличивалось убийство, кража и пр. Существует и некоторая синтезированная позиция, говорящая о том, что «обычное право возникает благодаря действию двух сил. Под влиянием индивидуального сознания насущных интересов человека определяется способ его поведения.

³⁸ Природа в данном случае понимается в аристотелевском смысле *physis*, а именно как некоторая естественность, свойство, характер, вид причинности, которая характеризуется как то «ради, чего». Толкование понятие «природа» дано на основе «Физики» Аристотеля (книга вторая, глава 1). См.: Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. Т. 3. М., Изд-во «Мысль» 1981, С. 82- 85.

Иными словами, в основе самоопределения (автономии) человека лежит его личный интерес, личное усмотрение о том, как следует поступать в конкретных условиях. Конечно, данное самоопределение само по себе не создаёт обычая, из него возникают только определённые действия, практика поведения. Но если действия разных лиц будут одинаковыми в одинаковых ситуациях и накопится их значительная масса, то появится вторая сила, побуждающая всех знающих о существовании известной практики действовать таким же образом. В чём и проявляется инертная сила сложившегося образа поведения» (Зумбулидзе, 2004: 101-102).

Предпринимая собственную попытку примирить две крайние позиции, можно предположить, что право тесно связано именно с чувственной природой человека, а положение «право представляется как нечто, направленное на обуздание и ограничение природных инстинктов» (Добреньков, Кравченко, 2005:457) появляется тогда, когда право из позиции «что есть», то есть позиции онтологической, переходит в позицию «что должно быть», что является позицией этической, и приобретает интегральную, регулятивную функцию, становится не только внутренним, но и внешним. Этот переход позиций может быть связан, по-видимому, с развитием общества и становлением новых видов и форм общественных отношений. Но, несмотря на становление общества на новые ступени развития, и появление в дальнейшем письменно зафиксированных юридических норм, обычное право вовсе не становится некоторым архаизмом, и не исчезает. Оно начинает приобретать и носить контекстуальный характер и как бы вплетается в закрепляемые письменно нормы права, становится своего рода базой для формирования уже более развитых правовых систем, хотя постепенно оно начинает утрачивать свою силу именно как источник права.

Обычное право представляет собой феномен, регулятор, который действует как изнутри, так и извне. Мы не можем назвать обычное право исключительно чем-то внутренним, моральным. Право, постольку, поскольку оно выделилось как нечто отдельное, весьма специфическое, имеет нечто отличное от моральных норм, хотя определённым образом базируется на них, и при этом, будучи чем-то внешним, оно не исходит из первоначала принуждения, которому сопротивляется естественная природа человека.

Рассмотрение соотношения природы права с природой человека и выявление различных позиций по этому вопросу подтверждает сложность и неоднозначность проблемы происхождения права. Поэтому видится целесообразным перейти к рассмотрению обычного права Древней Руси с целью выявления установок правового мышления древнерусских людей.

Достаточно ярко можно обнаружить следы юридического опыта и практики в народном творчестве, а именно пословицах и поговорках. Вероятнее всего, они не воспринимались именно как юридические нормы прямого действия, но они представляли собой своего рода принципы, и задавали определённый вектор для конкретных юридических действий. Вот некоторые из них. «На одном вече, да не одни речи» (Владимирский Буданов, 2005:113), «Молодой на битву, а старый – на думу» (Владимирский Буданов, 2005:113),

«Железа и змея боится» (Владимирский Буданов, 2005:113). В первом случае речь идёт о необходимости давать слово каждому, для того, чтобы высказаться, во втором – раскрывается определённый принцип организации распределения полномочий или обязанностей, который связывался с возрастом, если понимать буквально, а вообще, скорее с опытом человека. В третьем случае речь идёт об ордалиях (Владимирский Буданов, 2005:113), т.е. о достаточно суровых испытаниях, с помощью которых по результату их прохождения устанавливалась виновность или невиновность того или иного человека. Данные пословицы и поговорки являются выражением фольклора – народного творчества. Большое место при рассмотрении Древней Руси и в том числе, древнерусского правосознания отводят исследованиям мифологии древних славян. Что, впрочем, неудивительно. Мифам предписывается особое значение в познании культуры древних народов. Мифологию признают как специфическую форму сохранения и передачи знания, мировоззренческих установок, заповедей, традиций. Ростки правосознания можно усмотреть и в мифологическом мышлении. А.Ф. Лосев в мифологии усматривал способ постижения абсолютного бытия, выражавшийся в ведении, которое являлось и знанием, и верой (Лосев, 1991:173). Значение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определённый момент времени, существуют вне времени³⁹. Мифологические материалы контекстуально применимы и при рассмотрении проблемы древнерусского правосознания, уточнении его образно-сюжетных форм.

Скажем, древнерусское самосознание оперирует мифом о Перуне, который считался покровителем военной княжеской дружины и самого князя. Он хранит государственные устои, следит за порядком во Вселенной, даёт победу в битвах. Иными словами, Перун – олицетворение верховной власти, главы государства. Зачастую в мифах предстаёт как сражающийся и побеждающий, имеющий главное слово. «Перун приказал рекам расступиться – и они расступились»⁴⁰, «Перун не испугался птицу Магур, он снял с плеча лук, пустил стрелу и прострелил птице правое крыло. Тотчас птица выпала из гнезда и убралась с дороги Перуна»⁴¹ – встречаем мы в мифе о Перуне и Скипер-звере. Другой бог, который может быть интересен в рамках темы – Пров, считавшийся богом плодородия и правосудия. Дочерью Прова была Правда. Изображался Пров с куском камня как символом преступления в одной руке, и

³⁹ К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» пишет о том, что миф есть одновременно и внутриязыковое и внеязыковое явление. Здесь можно усмотреть некоторое подобие с особенностью права, которое было выявлено чуть ранее. А именно, речь шла о том, что обычное право представляет собой феномен, интегральный регулятор, который действует как изнутри, так и извне. Иными словами, мы и там и там усматриваем двойственную природу, что обостряет интерес в дальнейшем рассмотрении проблемы. К. Леви-Стросс так же пишет «миф также использует третью временную систему, которая сочетает в себе свойства обеих названных временных систем. Миф всегда относится к событиям прошлого: «до сотворения мира» или «в начале времен» – во всяком случае, «давным-давно».

⁴⁰ Миф о Перуне и Скипер-звере. [Электронный ресурс]. URL: <https://wisdomlib.ru/story/2573>. (Дата обращения 20.01.2019)

⁴¹ См. там же.

с копьём, как символом необратимого наказания, в другой ⁴². На груди Прова располагаются множество цепей, что символизируют, с одной стороны, причинно-следственные связи и «кармические» последствия поступков, а с другой – процесс расследования с его последовательностью в распутывании деяний. Древности уже было известно понимание справедливости, правосудия, преступления, наказания, главенства верховной власти. Подводя некоторый промежуточный итог можно отметить, что явление права, вплетено в цельность понимания человека окружающей действительности. Это объясняется тем, что ростки правосознания мы можем найти в сферах человеческой жизни, на первый взгляд весьма далёких от юриспруденции в современном, дисциплинарном понимании этого слова. Одними из таких сфер были рассмотрены мифология, фольклор, литература. В данном случае они послужили именно контекстами, из которых могут быть извлечены принципы, послужившие базой, на основе которой рождалось формально закреплённое, письменное право.

Не стоит забывать о том, что право-не застывшее явление. Оно постоянно находится в динамике и претерпевает различные преобразования. Поэтому стоит обратиться к рассмотрению древнерусского права в зеркале византийской культуры. Русско-византийские договоры- источник, на основе которого можно проследить взаимодействие русской и византийской правовых систем. Например, в договоре 911 года примечательным является то, что статьи, затронутые в договоре, начиная с третьей, относятся к уголовному праву. В договоре 907 года были решены некоторые базовые экономические вопросы, а именно вопросы дани и корма, но содержание договора было несколько бедно (Владимирский-Буданов, 2005:115). Тем не менее, в последующем договоре развитие получило не продолжение уточнения экономических вопросов, а постановка проблем уголовного правового регулирования. Основное содержание договора посвящено уточнениям юридических ситуаций, которые попадают в область уголовного права и общим вопросам, касающихся военно-дипломатической сферы. Однако большинство статей посвящено именно вопросам уголовного правового регулирования. Внимание уделено таким правонарушениям как убийство, кража, насилие, нанесение побоев. В основном речь идёт о той категории преступлений, которые в современном мире относят (за исключением кражи) к тяжким и особо тяжким преступлениям. Рассмотренные аспекты призваны регулировать отношения между греками и русскими. Можно предположить, что если договор был заключён, то его условия в той или иной мере устраивали обе стороны. Таким образом, мы подошли к открывшемуся изнутри вопросу юридической двойственности. Необходимо было согласовать правовые системы, для того чтобы добиться договорённости по изложенным вопросам. Стоит заметить, что положения, изложенные в договоре, несколько напоминают положения, изложенные в Русской Правде. Например, возможность материального возмещения за нанесённый ущерб, в то время как в Византии за указанные выше преступления

предусматривалась смертная казнь⁴³. Возникает предположение, что система штрафного взыскания была весьма развита, поскольку достаточно чётко обозначены размеры или параметры, от которых необходимо отталкиваться при назначении штрафа.

Договоры были неким синтезом двух разных культур и двух разных правовых систем. За одной культурой стоит христианское начало, за другой – языческое. Право, представленное в договорах, не есть ни чисто русское право, ни чисто византийское (Владимирский-Буданов, 2005:116). Это можно увидеть в том, что как мерой наказания, к примеру, за убийство может быть как смертная казнь, что есть отражение византийской правовой системы, так и штраф, что есть отражение правовой системы Руси. Так же, важным моментов является то, что в договорах преобладают некие следы правовой системы Руси, наличие которых преимущественно гипотезируется. Точные причины этого так же названы быть не могут. Возможные причины, предполагаемые исследователями, вступают в некоторое несогласие между собой, поскольку одни «возвышают» Русь над Византией в военно-политическом смысле, а другие «унижают» Русь в некотором плане уровня культурного развития. В-третьих, нельзя не отметить особое обращение к вопросам уголовного права, которые были более-менее подробно раскрыты в договоре 911 года.

Важно отметить, что в заключённых договорах, давал себя знать некий «внешний дуализм», поскольку речь шла об интересах двух государств, столкнувшихся и помещённых в необходимость найти точки соприкосновения с целью установления мира. Каждая правовая система сохраняла, так или иначе, саму себя в рамках договоров.

Однако стоит обратить внимание и на «внутренний дуализм», который можно наблюдать уже в рамках Древнерусского государства. Двойственность, которая порождает более частную оппозицию, а именно оппозицию церковное – светское. Она представляет собой те же культурные системы – византийскую и русскую, но уже проявляется в рамках одного государства – Руси, и в рамках русских юридических документов. В.М. Живов и другие исследователи связывают такую специфическую ситуацию с Крещением Руси (Живов, 2002:192). И так, немало различий обнаруживается на самом базовом – терминологическом уровне. Например, само понятие права или юридической нормы в русских юридических текстах обозначается терминами «правда», «уставная грамота», «судебник», «уложение». В церковнославянских юридических текстах эти же понятия выражены терминами «закон», «законоположение», «заповедь». Противопоставления можно обнаружить и в выражениях понятия преступления. В русских юридических текстах мы видим: «обида» (иногда кривда), в церковнославянских текстах используется термин «проказа». Для обозначения свидетеля в русских текстах используется слово

⁴³ Например, в тексте византийского права Эклоге Титула 7 главы 45 указано, что «совершивший преднамеренное убийство независимо от возраста карается мечом». В свою очередь, в Русской Правде (краткая редакция) не предусмотрена конкретная мера как казнь. Допускается кровная месть со стороны родственников убитого, но если она не будет совершена, то как основная мера предусмотрен штраф 40 гривен за убитого.

«видок», в церковнославянских документах используется термин «свидетель». Существует и общий как для русского, так и для церковнославянского языка термин «послух», но используется он достаточно редко (Живов, 2002:196). Древнерусским терминам «дом», «живот», обозначающим имущество, соответствовало церковнославянский термин «имение» (Живов, 2002:197). Для обозначения понятия «убийство» в русских текстах использовался термин «головщина», в церковнославянских- «убийство». В документах на русском языке для обозначения субъекта права используется слово «человек», в документах на церковнославянском «лице» (или лицо). Можно продолжить сопоставления, но приведённых примеров уже достаточно, для того, чтобы наглядно продемонстрировать различия в терминах русского и церковнославянского языков, которые использовались в юридических документах одного и того же государства. Данные примеры показывают, что оппозиция в том числе и на терминологическом уровне русского и церковнославянского распространяется на разные области права и охватывает базовые юридические понятия (Живов, 2002:201-202). В.М. Живовым отмечается необычный характер взаимодействия византийской и русской правовых систем, они не конкурируют, одна не стремится поглотить другую, но в то же время, они не сливаются во что-то единое и новое. Несмотря на то, что сейчас речь мы ведём уже о «внутреннем дуализме», так же как и во «внешнем» каждая правовая система старается сохранить саму себя.

Уточнение некоторых аспектов, связанных с юридической жизнью древнерусского государства предполагает обращение к конкретным, частным отраслям права.

Государством, оказавшим достаточно сильное влияние на русскую культуру, в том числе и правосознание, как уже отмечалось ранее, справедливо признаётся Византийская Империя. Византийскую правовую традицию можно назвать достаточно развитой, устойчивой, в некотором смысле даже системной. Об этом свидетельствует содержание источников права Византийской Империи, например Эклоги, законодательном памятнике, который был создан на основе юстиниановых сборников. Эклога, разумеется, не единственный законодательный памятник Византийской Империи, однако можно попытаться допустить рассмотрение только этого памятника для прослеживания связей византийского права с древнерусским по следующим причинам. Во-первых, Эклога базируется на юстиниановом законодательстве, которое являлось основополагающим. Во-вторых, Эклога представляет собой пример постклассического римского права (Живов, 2002:201-202), которое и позиционировалось не как римское, а как именно византийское. Данный документ охватывает весьма широкий спектр регулируемых правовых отношений. Например, семейные отношения, а именно порядок обручения, заключения и расторжения брака, а так же сопряжённые с этим имущественные отношения супругов (вопросы наследования и т.д.). Уже этим документом запрещались союзы между родственниками вплоть до 5-й степени родства (статья 2 Титула II Эклоги) (Живов, 2002:45). Так же, затрагивается ряд вопросов, связанных с родительскими правами. Например, запрет оставлять своих детей, и продолжать «нести заботу о них и распоряжаться

ими до достижения совершеннолетнего возраста» (статья 8 Титула II Эклоги) (Живов, 2002:47).

Можно сказать, что семейные отношения представляют собой одну из доминант византийского права. В подтверждение этому может выступить первостепенное положение статей, касающихся семейного права в Эклоге и подробное рассмотрение вопросов, сопряжённых с семейными отношениями, таких как, вопросы имущественного характера, вопросы наследования и пр. Особую значимость семейному вопросу придаёт и институт Церкви. Брак считался заключённым только после венчания в церкви. Определённые ограничения в семейное законодательство были внесены церковью, например, запрет на брак между людьми, имеющими «духовное родство», то есть между крёстными родителями и крестными детьми (статья 2 Титула II Эклоги) (Липшиц, 1965:45). До определённого времени, а именно до IX века был возможен брак без церковного обручения, однако после в 893 г. Лев VI издал Новеллу, согласно которой было необходимо «утверждать браки свидетельством священного благословения, так что где не усмотрится... такого соединения, таковое сожителство изначала не будет именоваться супружеством и не доставит возникающих из оного прав». Мы видим, что в Византийской Империи институт Церкви был очень плотно соединён с институтом брака, не только на религиозных, но и на правовых основаниях. Однако, вероятно, что данное разделение уместно лишь со стороны взгляда извне, поскольку в условиях византийской правовой реальности такие чёткие границы между правовым и религиозным, скорее всего, не проводились.

Обратимся к древнерусскому государству и посмотрим на состояние семейного права в его условиях. Семейное право не регулировалось общеизвестными источниками права Древней Руси, такими как русско-византийские договоры или Русская Правда, то есть источниками, имеющими светский характер. При рассмотрении вышеуказанных документов, обнаруживается, что в них оговариваются лишь вопросы, касающиеся уголовного правового регулирования. При этом, несправедливо полагать, что никак не регулировались вопросы, связанные с институтом семьи и брака. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что брак в христианскую эпоху Древней Руси представлял собой смешанный результат действия русского обычного права, византийских светских законов и церковного права (Владимирский-Буданов, 2005:484). Так же стоит обратить внимание на то, что вопросы регулирования брачных отношений имели очень плотную причастность к институту церкви. Церковь при решении тех или иных вопросов пользовалась византийскими источниками права: Эклогой, Прохироном, Номоканон. Иными словами, именно церковь регулировала правовые вопросы, касающиеся института семьи и брака. Это видится весьма органичным, поскольку Церковь ответственна и за определённые моральные аспекты, касающиеся института семьи. Определённые наставления можно обнаружить в древнерусской церковной литературе, например в «Молении Даниила Заточника», «Повести о Петре и Февронии» и др. Возможно, данным фактом и объясняется некоторая «несамостоятельность» отрасли семейного права в условиях Древней Руси. Во-первых сыграла роль практически

полная рецепция византийских законов в области семейного права. Так же можно выдвинуть гипотезу о том, что византийские правовые нормы не становились в полное несоответствие с обычаями Руси, иначе бы они, скорее всего, не смогли «прижиться» в древнерусском государстве. Во-вторых, мы уже говорили о том, что Церкви был отдан ряд определённых полномочий в регулировании жизни человека. И поскольку церковь представляет собой институт, ответственный за определённый моральный или этический аспект жизни общества, а семья является некоторой первичной ячейкой общества, то, казалось весьма органичным доверить церкви и ведение правовых вопросов, касающихся семьи и брака.

Возвращаясь к первоначальному рассмотрению, стоит отметить, что Эклога затрагивает и другие вопросы, например, займа, долга, мировых сделок, найма, одним словом, мелких вопросов, касающихся частных взаимоотношений людей. Последнюю, самую объёмную часть Эклоги составляет раздел уголовного права, дословно «Наказания за преступления». Данный Титул представляет наибольший интерес в рамках данной работы. Отличительной чертой считается достаточно большой объём VII Титула в сравнении с остальными, Титул составляют 53 параграфа. Рассмотрению и регулированию подлежит вполне привычный список преступлений, таких как, преступление против государства и государя, преступления против личности, включающие в себя убийство, нанесение вреда здоровью; преступления против имущества, включающие в себя кражу, порчу имущества. Частные вопросы, относящиеся в современном правовом мире к области семейного права, да и в древнерусском праве отделившиеся в отдельную отрасль, в Византии тесно вплетаются в область уголовного права. В византийской правовой традиции категории «семья» и «преступление» вполне могут взаимодействовать в рамках одного и того же правового поля, как бы демонстрируя совместность данных отраслей. Согласно Эклоге, преступлениями признаются следующие деяния: вступление в брак с крестниками, вступление мужчины, имеющего жену в связь с другими женщинами, вступление в связь с замужней женщиной, вступление в связь со своими крестниками, допущение мужем прелюбодеяний со стороны своей жены, двоежёнство, вступления в брак кровнородственных людей (Липшиц, 1965:45-49). И уже здесь можно выделить отличительную черту древнерусского права от византийского. Несмотря на то, что многие нормы семейного права Византии были переняты практически полностью древнерусским государством, семейное право в контексте Древней Руси стало отдельной отраслью, в то время как в Византии семейное право очень плотно было сплетено с уголовным. Это подтверждается и тем, что в памятниках уголовного права древнерусского государства мы не обнаруживаем статей с похожим содержанием. Разумеется, большинство запретов Эклоги в части семейного права действовали и на Руси, однако, деяния, подлежащие запрету в Эклоге, вероятно, не вписывались в категорию «преступление».

Если вернуться к рассмотрению собственно уголовного права, можно указать на следующее. Некоторые исследователи отмечают значительные сходства Эклоги с Краткой редакцией Русской Правды (Липшиц, 1965:128), что, впрочем, не кажется удивительным. Не стоит надеяться на то, чтобы найти

какие-то кардинальные отличия в категориях преступлений, подлежащих уголовному правовому регулированию в византийских и древнерусских правовых памятниках. Отличия могут касаться лишь частных, возможно процессуальных аспектов, и обусловлены они «реализацией» правовых норм в действующей правовой традиции каждого государства, которая в свою очередь продиктована различными, порой не явными факторами.

Таким образом, наиболее доступны для рассмотрения две области правового регулирования – семейное право и уголовное право, их действие в византийской и древнерусской правовой традиции. Исследовательски пока что неясно, как те или иные византийские нормы подстраивались под культурно-политическое устройство Руси и находили там своё место. Так было выявлено, что в условиях древнерусского государства семейное право, которое в Византии было тесно сплетено с уголовным, выделилось в отдельную отрасль. Что касается уголовного права, несмотря на то или иное взаимодействие с Эклогой, на Руси выработалась более мягкая система наказаний за преступления, сведённая в большей степени к штрафным санкциям. Можно предположить, что восприятие византийского права происходило в основном в отношении «внешних» правовых ситуаций, то есть в вопросах формального закрепления правовых норм, формировании системы санкций, распределения полномочий между теми или иными институтами (к примеру, светской и церковной власти). Византийская правовая традиция оказала влияние на Руси, но, вероятнее всего, в плане совершенствования, систематизации русского права, её упорядоченности и стройности.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
2. Георгиевский Э.В. Церковно-уголовное право Древней Руси (общая характеристика подсистемы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-2 (14). С. 64-67.
3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. М., 2005. 688 с.
4. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема / В. М. Живов // Из истории русской культуры. – Т. II. – Кн. 1. Киевская и Московская Русь / сост. А.Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Языки славянской культуры, 2002. С 187-С 238.
5. Зумбулидзе Р.З. Обычное право как источник гражданского права// Обычай в праве. СПб., 2004. С.101-102.
6. Памятники русского права. М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X- XII вв. / Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. 288 с.
7. Социокультурная антропология права. Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 840 с
8. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды М., 1953. 192 с.
9. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Пер. Е.Э. Липшиц. Изд «Наука» главная редакция восточной литературы:. М., 1965. 228 с.

ОБ АВТОРЕ: *Апатенко Диана Валерьевна*, студентка кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; 1252750@bsu.edu.ru

**К ДОБРУ ИЛИ К ХУДУ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ?». ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ
А.П. СУМАРОКОВА**

Аннотация: Александр Петрович Сумароков – деятель русского Просвещения, основатель первого государственного театра в России, поэт, драматург и крайне неоднозначная личность истории русской культуры. Его произведения, прогремевшие славой, еще при жизни автора перестали быть для современников актуальными. Философские размышления Сумарокова и вовсе игнорировались исследователями отечественной мысли, а меж тем в них мы можем увидеть целый корпус этических установок. В статье представляется анализ литературно-философского творчества А.П. Сумарокова, а также контекста деятельности автора.

В ходе исследования мы рассматривали следующие статьи: «Некоторые статьи о добродетели», «К добру или к худу человек рождается», «Слово XVII. О любви ко ближнему». Были рассмотрены нравственные идеи, волновавшие умы современников поэта и определена традиция этической мысли в России XVIII в. Также мы выявили основных собеседников поэта – тех, на кого в своих философских воззрениях опирается Александр Петрович и тех, с кем он категорически не согласен. Ориентиры автора мы можем проследить в статьях «О новой философической секте», «О несправедливых основаниях», «О разумении человека, по мнению Локка». Для более полного составления мировоззренческого портрета была совершена попытка уточнения характера говорящего и его окружения, определение предпосылок жизненных ситуаций Сумарокова.

Ключевые слова: *А. П. Сумароков, XVIII век, этические максимы, отечественная философия, Вольтер, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Шарль де Монтескье.*

Nefedova Valeria

**«IS A MAN BORN TO GOOD OR TO BAD? » - A.P. SUMAROKOV'S
ETHICAL-ANTHROPOLOGICAL ALTERNATIVES**

Abstract: Alexander Petrovich Sumarokov is a figure of Russian Pro-education, the founder of the first state theatre in Russia, poet, playwright and an extremely controversial personality in the history of Russian culture. His works, which became famous, were no longer relevant for his contemporaries even during the author's lifetime. Sumarokov's philosophical reflections were completely ignored by researchers of Russian thought, and meanwhile we can see in them a whole body of ethical attitudes. The article presents the analysis of literary and philosophical works of A.P. Sumarokov, as well as the context of the author's activity.

In the course of the research we have considered the following articles: "Some articles about virtue", "To good or to bad a man is born", "Word XVII. About love to one's neighbour". We considered the moral ideas that excited the minds of the poet's contemporaries and defined the tradition of ethical thought in Russia of the XVIII century. We also identified the main interlocutors of the poet – those on whom Alexander Petrovich relies in his philosophical views and those with whom he categorically disagrees. We can follow the author's orientations in his articles "On a New Philosophical Sect", "On Unjust Innovations", "On Human Understanding, in Locke's Opinion". For a more complete portrait of the worldview, an attempt was made to clarify the character of the speaker and his surroundings, to determine the prerequisites for Sumarokov's life situations. For a more complete worldview portrait, an attempt was made to clarify the character of the speaker and his surroundings, to determine the prerequisites for Sumarokov's life situations.

Keywords: A.P. Sumarokov, XVIII century, ethical maxims, Russian philosophy, Voltaire, John Locke, Jean-Jacques Rousseau, Charles de Montesquieu.

Разумное и нравственное начало в творческих практиках и диалогах Просвещения

XVIII в. вошел в историю как век Просвещения. Для этой эпохи были характерны великие научные открытия, революционно-новые общественные идеи и философские мысли. Лейтмотив XVIII в. – пролить свет на углы незнания; отыскать, будто с помощью фонарика, некую истину; попытаться рационализировать все имеющееся знание, систематизировать его и прийти к какой-то определенной концепции. Но эта рационализация гармонично уживалась со свободомыслием, которое, как мне кажется, и сыграло немаловажную роль в запуске механизма перестроения общественной мысли.

В статье С.С. Аверинцева «Два рождения европейского рационализма» отмечено, что рациональность присуща и античным мыслителям, и схоластам. Почему же тогда XVIII в. называют веком Рационализма? Сергей Сергеевич связывает это отчасти с появлением четкой философской терминологии, отчасти с отказом от «требования, чтобы картина мира была бы чувственно наглядна, поэтически убедительна» (Аверинцев, 1989: 336).

Сначала мы разберем в каком состоянии находилась этика в России до XVIII в. и, разумеется, в нем. Об этике, а точнее об «Ифике», можно найти упоминание еще в XV веке. Андрей Курбский, познакомившись с текстами Аристотеля, пишет: «Прочитах, рассмотрях физические и обучахся и навыков еттических» (Архангельский, 1888: 10). В XVI веке, Федор Карпов в Послании митрополиту Даниилу тоже упоминает Аристотеля, называя его «философом нравоучительным» и приводит цитату из «Никомаховой этики» (Дружинин, 1909: 24). Аристотель был популярен уже в эти древнерусские времена, и связать это можно, прежде всего, с европеизацией России: польская интервенция во времена Смуты и после нее, присоединение левобережной Украины при Алексее Михайловиче; далее это будет «великое посольство» Петра I и т.д. Связь распространения Аристотеля и европеизации означает проникновение в умы русской “интеллигенции” схоластических идей, поскольку Аристотель приходит в Россию в христианизированном виде.

Видным деятелем эпохи Просвещения в России был Г.Н. Теплов. Григорий Николаевич был необычайно талантлив, он «соединял в себе качества государственного деятеля, философа, музыканта, моралиста, экономиста» (Артемьева, 2010: 656). В главной философской работе Теплова – «Знания касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» затрагивается много проблемных тем, и в том числе – проблема человека, его свободного, осмысленного поведения. «Человек имеет разум свой так как полномочного судию, к которому во всяком случае убегает.» (Теплов, 2010: 52) – привычная для эпохи установка на рационализацию человека, на его разумное начало. «От разума цветут все художества, от разума все бывают изобретения ко всякому состоянию рода человеческого полезные. Все разумом живет и все разумом обращается.» (Теплов, 2010: 54).

Г.Н. Теплов полагает, что «разум человека, по-человечески говоря, совершенный, есть прямой руководитель к нашему благополучию, но когда не на истинной дороге поставлен, то всему злословию бывает виновник» (Теплов, 2010: 54). Такая позиция автора говорит нам о том, что спасение человеческое заключается как раз-таки в его рациональной природе, потому что разум дает человеку способности к философской науке, а та в свою очередь является тем, «что человека делает Богу угодным, монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным.» (Теплов, 2010: 54).

В 1777 г., в году, в котором умирает Сумароков, в журнале «Утренний свет» печатается статья Н.И. Новикова «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру». Новиков размышляет в привычных для эпохи Просвещения категориях – он рассматривает интеллектуальную и нравственную природу человека (Артемьева, 2010: 688). Задаемся вопросом – какой же смысл человеческого существования? «Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны, оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что Бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе» (Новиков, 210: 251). Миссия человека, по Новикову, ставшего выразителем философского сознания целого поколения русской мысли, заключается в рефлексии над миром, в некой созерцательности его явлений, в способности рассуждать и анализировать происходящее. Человек создан Богом для того, чтобы «мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать» (Новиков, 210: 249).

А.П. Сумароков как собеседник: диалогические предпочтения и культурно-исторические контексты

Александр Петрович Сумароков является персоной необычной, он харизматичен, импульсивен, ярок, в наше время его могли бы назвать даже эксцентричным. «Это был человек крайне нервный, остро реагировавший на окружающую его дикость нравов, на торжествующее варварство в его собственном классе» (Гуковский, 1941: 353). В литературных делах у Александра Петровича имелись разногласия как с отечественными деятелями, его учителями – В.А. Тредиаковским и М.В. Ломоносовым, так и с иностранными. Скажем, А.П. Сумароков в ответ на труд Н. Буало «Две эпистолы Буало» написал свой труд «Две эпистолы (В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве)», в котором изложил свое видение литературы, предпочтения в русской среде литературных жанров.

Александр Петрович пишет о том, что они с Ломоносовым «были приятели и ежедневные собеседники, и друг от друга здравые принимали советы» (Сумароков, 2002), что «мы прежде наших участных ссор и распрей всегда согласны бывали» (Сумароков, 1781). Однако, через некоторое время, Сумарокову «прилюбиваются» некоторые жанры, отличные от представлений Ломоносова о высокой литературе (сатира, любовные песни, эклоги). Писателю становятся предпочтительнее интимно-лирические, комические, сатирические жанры. Позднее, касательно од, сторонником и творцом которых был Ломоносов, Сумароков напишет следующее: «Слово – громкая ода, к чести

автора, служить не может: да сие же изъяснение значит галиматию, а не великолепии» (Сумароков, 1774: 3).

Неявными собеседниками А.П. Сумарокова были французские просветители. Мысли этих людей были широко распространены среди дворянства, сама Екатерина II вела переписку с Вольтером. И неудивительно, что подданные императрицы пытались вникнуть в идеи тех мыслителей, которые привлекали их государыню. У Екатерины с Вольтером была огромная дружба, их общение было теплым. Они обсуждали различные философские идеи, размышляли над политикой, взаимно просвещали друг друга. По смерти Вольтера была отлита скульптура философа, которую установили в зале Эрмитажа.

В одном из писем императрице Екатерине II, Сумароков пишет: «Вот письмо г. Вольтера. Его письмо и память о том, какой успех имела эта трагедия с самого начала, заставляют меня плакать. В парижской критике, говоря об этой пьесе, превознесли меня до небес. Там сказано, что она – памятник славного царствования императрицы Елизаветы». К сожалению, в доступном варианте переписку я не нашла. Может быть она была утеряна, но благодаря письму, отрывок из которого приведен выше, можно говорить о том, что переписка состоялась.

А.П. Сумароков, оглядываясь на Локка, Вольтера, Вольфа тоже пытается проявлять себя в качестве общественного деятеля – социального критика политических деятелей и исторических событий, придерживаясь популярных для XVIII в. идей «естественного права» и «общественного договора», установку нравственной философии.⁴⁴

Стоит отметить, что идеи масонства тоже оказали на становление взглядов Сумарокова определенное влияние. Так, сообразуясь с идеей устройства Царствия Божия на земле, Александр Петрович видит один путь к достижению этого высшего блага в самосовершенствовании личности и улучшения общества.

Александр Петрович был сторонником философских взглядов Шарля Луи де Монтескьё. Г.А. Гуковский свидетельствует о том, что Сумароков внимательно читал Монтескьё и предполагает, что отчасти политические взгляды сформированы под влиянием данного мыслителя. В «Некоторых статьях о добродетели» Сумароков пишет: «Монархическое правление, я не говорю деспотическое – есть лучшее» (Сумароков, 2010: 13) – это может нам говорить о том, что русский писатель знаком с теорией различения трех видов государств французского философа. В труде «О духе законов» (1748), Монтескьё выделяет три вида государств: республика, деспотия, монархия. Поддерживая взгляды французского писателя, Сумароков видит идеал русского общества в монархии, однако сам считает, что в России государство скорее деспотично.

⁴⁴ Философский анализ исторических событий и политические взгляды А.П. Сумарокова можно подробнее рассмотреть на примере некоторых его публицистических произведений, а именно: «Сон – счастливое общество», «Некоторые статьи о добродетели», «О разумении по мнению Локка», «О несправедливых основаниях». Также можно обратиться к драматическим произведениям Сумарокова, его басням, стихотворениям, притчам.

Почему русское государство деспотично? «Не в титуле – в действии быть должно дворянином» (Сумароков, 2010: 7)– пишет Александр Петрович. Дворянство на Руси представлялось Сумарокову не в лучшем свете, в своих стихотворениях он высмеивает нравы людей, которые его окружают. Дворянин должен быть как бы примером для крестьянства, ибо:

«Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот – земли одушевленный ком.
А если не ясный ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.» (Сумароков, 1957: 189)

«Представитель первого сословия» должен быть добродетелен и в первую очередь проявлять свою добродетельность на подчиненных. Знаменитое сумароковское «Ах, должно ли людьми скотине обладать?» (Сумароков, 1957: 189)- весь крестьянский вопрос, а точнее ответ на него, вмещается в этой коротенькой, но меткой фразе. Александр Петрович понимает, что с крестьянами нужно обращаться, как с людьми и об их жизни нужно заботиться.

По Монтескьё «Честь не может быть принципом деспотических государств: там все люди равны и потому не могут превозноситься друг над другом; там все люди рабы и потому не могут превозноситься ни над чем» (Монтескье, 1999: 26). Александр Петрович был человеком чести и призывал «сословчан» тоже следовать ее голосу. Сумароков много размышлял о чести, многие его статьи так или иначе связаны с данной проблемой. В одной из статей он пишет: «Снискание добродетели труднее, нежели снискание почтения» (Сумароков, 2010: 7). «Чины суть утверждение нашего достоинства и заслуг отечеству; ибо не действующий к пользе общества разум и не приносящая миру плода честность суетны; но всегда ли чины получаются по достоинству? А когда их и без достоинства получить удастся, а по ним люди почитаются, так редкий станет обуздывать страсти свои, когда ему обуздание не очень полезно; и вместо сей неверной и трудной дороги изберет себе верную и легкую дорогу ко принятию во храм своего блаженства»(Сумароков, 2010: 7). «Не добродетель делает нас во народе отличными; но получаемые нами чины, богатство и сила; кто же им, кроме немногих, предпочтет добродетель?» (Сумароков, 2010: 7) – в этом парадоксальном, по видимости рассуждении, подразумевается, что главное для людей то, чтобы их почитали в обществе, они склонны к жадности и к накоплению ведь – «жадность наша редко изобилием утешается». Подтверждает эта максима не добродетель. И, далее, «род человеческий по большей части судит поверхностно, ибо невежества более, нежели просвещения; пристрастия более, нежели чистосердечия» (Сумароков, 2010: 7).

Может показаться странным то, что А.П.Сумароков, принадлежавший к дворянскому сословию, критикует и высмеивает пороки своих “сословчан” и сочувствует положению обыкновенного крестьянина на Руси – не потому ли, что писатель, наоборот, слишком близок к бюрократии, от чего и случаются сатирические нападки? Александр Петрович был приближен ко двору, большую часть сознательной жизни занимал место адъютанта фаворита

императрицы, в эпоху дворцовых переворотов, борьбы фаворитов за особую расположенность к ним императрицы и т.д.

Александр Петрович Сумароков был знаком и с идеями Жан-Жака Руссо. В статье «О новой философической секте» неоднократно упоминается имя французского просветителя. Данная работа представляет собой памфлет на малообразованное общество, увлекающееся «новейшими» учениями и внешними признаками просвещения. Александр Петрович описывает общество, в котором нет рефлексивности. Это общество, в котором люди «слепо утверждают чужие основания» и «говорят наизусть то, что выучено» (Сумароков, 2010: 30) Сумароков называет это общество «новой философской сектой», и в своей своенравной манере смеется над ним: «а в тихое время читают они книгу Жака Руссо, которого они не понимают, об алмазном веке, в котором люди крайним невежеством украшались» (Сумароков, 2010: 30).

«Надобно учиться, а науки не надобны. Учиться надобно ради того, что здравое рассуждение и опыты доказывают то, что они человека просвещают, а не надобны науки ради того, что сказал Жак Руссо, что науки вредны, а кто де ему не верит, тот да будет проклят» (Сумароков, 2010: 30) – это очень похоже на критику естественного воспитания, идеи которого заключаются в том, человека нужно воспитывать согласно природе и возрасту, развивать его физически и всеми способами отгораживать от тех понятий, которые ребенку будут непонятны, например моральные нормы и разного рода искусства.

Жан-Жак Руссо и другие личности, поддерживающие теорию «дикаря», полагают, что общество со своими условностями вводит человека в заблуждение и кормит его разного рода предрассудками. Сумароков же считает, что «не предрассуждением мы снискиваем добродетель, но здравым рассуждением, которое только некую часть от воспитания заемлет, ежели воспитание хорошо, и то ради того только, что оно рассуждением удостоивается, и чтобы и рассуждением сыскано быть могло» (Сумароков, 2010: 30).

В другой своей статье, «К добру или к худу человек рождается», Сумароков рассматривает вопрос об изначальной нравственной направленности человека. Философская концепция Руссо насыщена размышлениями по данной тематике. Французский философ полагает, что от рождения все люди добры, а дурными становятся в следствие влияния на личность общества. «Зло человек получил не от природы, а сам его себе создал: отбросьте пагубный прогресс, отбросьте наши страсти и пороки, отбросьте дело человека – и все будет хорошо» (Руссо, 2013). Сумароков же в своей статье анализирует возможна ли нравственная направленность, а если возможна, то к чему же рождается человек – к добру (человек по своей природе добр), или к худу (человек по своей природе зол). Автор уверен, что середины между этими двумя крайностями нет: «Добро и худо толико друг другу противны, что хотя они и смешиваются, но никогда соединиться не могут, и середины между добра и худа нет, ибо добро бесстепенно, а худо бесконечно» (Сумароков, 2010: 31).

Также, А.П. Сумароков был знаком с идеями сенсуалистов, а именно с идеями Джона Локка. Он активно поддерживал теорию чувственного познания,

и в статье «О разумении человека, по мнению Локка» А.П. Сумароков рассуждает о врожденных понятиях, разбирая сенсуализм Джона Локка: «Разум – не что иное, как только действия души, в движение чувствами приведенные» (Сумароков, 2010: 19). Сумароков полагает, что основу познания составляет чувственный опыт: «Разумение просвещается чувствами, и что больше они укрепляются, то больше оно просвещается. Все то, что мы не понимаем, выясняется в разум чувствами. Рассуждение кроме данных ему чувствами никаких оснований не имеет. Рассуждение без помощи чувств ни малейшего движения в исследовании сделать не может» (Сумароков, 2010: 19).

В статье «О несправедливых основаниях» А.П. Сумароков рассуждает об отличии истинного знания от исторически обусловленных мнений. Статья содержит в себе анализ философских систем ранних греческих философов. «Все новые умствования основываются на знаниях древних. Мода переменяется всегда, а природа никогда» (Сумароков, 2010: 21). В «Переводе письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке», Александр Петрович онтологически рассуждает об основах бытия. «Как чаяти, чтобы из четырех элементов несколько сот тысяч субъектов формироваться могло? Легче сделать из многих элементов многие субъекты, нежели из немногих элементов немногие субъекты» (Сумароков, 2010: 24) – здесь можно заметить рефлексии А.П. Сумарокова над философскими представлениями древнегреческих натурфилософов.

Несмотря на то, что Сумароков так много размышляет над сложившимся нравственным настроем общества, он не назидает и не учит своих соотечественников – он мыслитель и критик, который пытается разобраться в настроениях своего общества, понять мотивы, которые движут людьми. Однако, Г.А. Гуковский полагает, что Сумароков «выступает как дворянский просветитель, исходя из утопического, чтобы не сказать фантастического, идеала мудрых, благородных, культурных дворян, якобы преданных интересам государства и народа» (Гуковский, 1941: 362). Григорий Александрович, рисуя образ Сумаркова, исходит из того, что считает писателя ревностным блюстителем чести, долга; человеком, который желает научить всех, как надо жить – таким ли был Александр Петрович? Г.А. Гуковский, на мой взгляд, слишком сильный интерпретатор. На одной из страниц своей работы «Сумароков и его литературно-общественное окружение», Григорий Александрович пишет о Сумарове: «Тех же, кто не хотел и не мог уложиться в его социальную схему, он хотел просто уничтожить». Перед нами встает образ какого-то зверя, дикого и безжалостного. Но таков ли был А.П. Сумароков?

Познавательное и жизненное беспокойство А.П. Сумарокова

В каждой эпохе есть человек своего времени. Александр Петрович Сумароков является типичной для эпохи Просвещения личностью или же он выбивается из общепринятых рамок? Современники А.П. Сумарокова нередко рифмовали его фамилию со словом «порок»: Константин Батюшков⁴⁵, 1809 г.:

⁴⁵ Константин Николаевич Батюшков (1787 – 1855) – поэт, имевший тесное общение с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, Н.М. Карамзиным.

«Насмешник, грозный бич пороков, / Замысловатый Сумароков.» (Батюшков, 1934: 173), Василий Майков⁴⁶, 1776 г.: «Изобличитель злых пороков, / Расин полночный, Сумароков!» (Майков, 1966: 253), Иван Елагин⁴⁷, 1753 г.: «Защитник истины, гонитель злых пороков, / Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!» (Елагин, 1972: 372-373). В литературных кругах существует множество мнений о нашем литераторе.

Почему имя Сумарокова, когда-то гремящее славой, стало забыто или вспоминалось в качестве «холодного» автора и «завистливого гордеца»? Не говоря уже о его литературном наследии, неприятие личности Александра Петровича эхом раскатилось по векам, а современники о нем говорили, что «без драки» с писателем «знаться не можно» (Письмо неизвестного к А.П. Сумарокову. 1769 г.).

Нам известно некое «Письмо неизвестного к А.П. Сумарокову 1769 г.», в котором автор порицает Сумарокова. Он приводит примеры из разных жизненных ситуаций, в которых Александр Петрович оказывается.

«Но рассудите сами: можно ли почесть такого стихотворца за полезного обществу, который и за то, что сочинил несколько хороших трагедий, ненавидит весь человеческой род? стихотворца, в котором правды и справедливости никогда не бывало; который всю свою жизнь препровел в бешенстве, беспрестанно других клеветает и старается о повреждении их чести; которой бранит тех, кои ему даровали жизнь; которой с женою и с детьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство свое удовольствовать с презренною своею рабою; которой и теперь сей несчастной жене не дает жить спокойно и в чужом доме: проезжая мимо ея окошек, кричит во все горло, бранит ее бесчестными словами, посылает к ней в дом своих служителей, чтобы ее бранили и, написав к ней ругательством наполненное письмо, принуждает своих дочерей, чтоб на оном подписались» (Тихонравова, 1884: 611)– в этой цитате, мне кажется, заключена вся суть письма. Крайняя неодобрительность, в тоне которой написано все письмо; главные порицаемые эпизоды жизни писателя – плохое отношение к бывшей жене, крупные ссоры с отчим домом, осуждение за любовь с крепостной женщиной – за всем этим как бы стоит вопрос: а кто ты такой, Сумароков, чтобы рассуждать об этике?

«Вы всегда привыкли говорить о чести, думая, что человека почитают по речам, а не по его делам. Но, скажите мне, можно ли дать имя честности следующим обстоятельствам?» (Тихонравова, 1884: 613). Далее, неизвестный будет рассказывать нам о том, что доктор, который безвозмездно, по дружбе, лечил всю семью Сумароковых, от главы семейства «получил в награждение брань и ругательство» (Тихонравова, 1884: 613). Также приведены слова матери Александра Петровича, Прасковьи Ивановны: «Недостойный сын мой Александр, еще при жизни покойного мужа моего, неоднократно достоверными о непослушании своем знаками доказывал свою развратность во нраве и

⁴⁶ Василий Иванович Майков (1728 – 1778) – драматург, мастер ироикомической поэмы, с Сумарковым общался лично и тот оказал на него большое влияние.

⁴⁷ Иван Перфильевич Елагин (1725 – 1794) – государственный деятель, поэт, руководитель театрами после Сумарокова, учился с А.П. в Шляхетском корпусе и имел с ним дружбу.

неистовство, а напоследок по несносным его нас оскорблениям и личными против нас с умыслу чинимыми досадами до того, как отца своего, так и меня довел, что мы принуждены были, потеряв уже к нему всю родительскую любовь и милость, предать его проклятию и на двор к себе ни под каким видом не пускать» (Тихонравова, 1884: 616)

После чтения таких фрагментов действительно встает вопрос – как такое возможно, чтобы человек, который так обращается со своими близкими людьми, мог так ладно рассуждать об этических проблемах общества, государства, какого-либо конкретно взятого человека? «Вольтер знает ваши стихи и по ним вас хвалит; но есть ли бы ему известна была ваша совесть, то он бы не только вас, но и того, что вас хвалит, ужаснулся» (Тихонравова, 1884: 617).

Действительно ли Александр Петрович был такого «беспокойного духа» (Тихонравова, 1884: 610) и дурного нрава? Рассмотрим работу П.Н. Беркова «Несколько справок для биографии А.П. Сумарокова», в которой уточняются неясные моменты жизни писателя, разоблачаются мифы и проясняются мотивы. Павел Наумович в самом начале статьи оговаривается, что большинство известных всем сведений о Сумарокове – выдумка.

Беспокойный нрав Сумарокова можно объяснить тем, что он на самом деле имел некоторые неврологические проблемы со здоровьем. В одной обращенной против него эпиграмме о нем говорилось: «Который рыж, заика и "мигун", т. е. больной тиком».⁴⁸ К сожалению, других докторских сведений не сохранилось, но сохранились воспоминания о родственниках. О племяннике Александра Петровича, Платоне Васильевиче Сумарокове известно, что он сошел с ума.

Психоневрологическая проблема привела к тому, что Александр Петрович пристрастился к алкоголю. Последние годы жизни Сумароков провел в Москве, распродав все свое имущество и оставшись в нищете. В последнем письме за три недели до смерти, он пишет С. Г. Домашневу⁴⁹: «Я к вашему высокородию пишу для того связно, что я очень болен и сам ни читать, ни писать не могу, а особливо как умерла моя жена, так я плакал непрестанно двенадцать недель» (Семенников, 1914: 107).

Есть свидетельства, что на похороны к Александру Петровичу почти никто не пришел: не было семьи, не было знакомых, лишь актеры театра, в котором директорствовал Сумароков пришли, они же несли его гроб. Источником этой версии являются стихи некоего Дружерукова в брошюре «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым». В этом стихотворении Сумароков как будто говорит:

«Лежащего меня без чувства во гробе
Никто не восхотел в последний раз узреть.
Ни жалости о мне естественной иметь

⁴⁸Некоторые справки для биографии А.П. Сумарокова // XVIII век. Сборник 5. АН СССР. М.,: Л., 1962. С.5.

⁴⁹Сергей Герасимович Домашев (1743 – 1795) – поэт, писатель, директор Петербургской академии наук (1775–1783).

Архаров с Юшковым лишь только то явили,
По смерти что они ко мне любовь хранили.
В актерах я нашел чувствительны сердца:
Узнавши смерть они Семирина творца,
Стеная горестно потоки слез пролили,
Со жалостью мой прах в земной утробе скрыли»

(Берков, 1962: 374).

Однако, такая ситуация подлежит сомнению. Как минимум, на похоронах присутствовали поклонники творчества Александра Петровича, и о выше названных Архарове и Юшкове не нужно забывать.

Этико-антропологические интуиции и суждения А.П. Сумарокова

Сумароков относился к числу тех русских писателей и поэтов XVIII века, в трудах которых дает себе знать не систематическая философская позиция, а, скорее, установки практической философии – некоторые максимы человеческого поведения. В литературно-философском наследии Александра Петровича есть ряд эссе, изданных под одним названием «Некоторые статьи о добродетели». Их всего 28 и каждая из них посвящена конкретным вопросам этической направленности.

В 5 эссе из сборника Сумароков пишет: «Не делать худа, не есть добродетель: добродетель есть делати людям добро, коли можно; похвально и то, что я могу и не делать людям худа; но то еще не добродетель» (Сумароков, 2010: 12). Это очень напоминает этику Аристотеля, в которой главной для высшего блага является деятельность. Бездеятельность не может проявить добродетель, т.к. она мертва.

Во всех эссе обсуждаются этически сложные моменты, и для их прояснения используется все те же мотивы поучений и наставлений. Сумароков размышляет о лихоимстве: «Лихоимство есть из первых статей беззакония. Не оправдится и тот, который записывает деревни, или подобное тому делает, думая, что он законов не преступил; законы ради порядка в таковом случае, а бесчестного человека нимало не извиняют» (Сумароков, 2010: 16); об отношении к своим рабочим крестьянам⁵⁰; «Кто с подчиненными строго поступает, тот порочен, а кто слабо поступает, тот презрителен. От излишния упускливости рождается своеволие и разрушение общего покоя, а от излишния строгости страдают наказуемые. Но от строгости страдают некоторые немногие, а от излишния кротости многие не только страдают, но и гибнут.» (Сумароков, 2010: 16); о чувстве собственного достоинства: «Счастлив тот, который не имеет нужды ползати перед сильными людьми, и презрен тот, который ползает, хотя бы и нужда того требовала, а кто им ласкает, тот копает им ров погибели.» (Сумароков, 2010: 17); «Подло, говорят некоторые, просити у обиженного прощения; подло обижати, а не прощения просити. Кто человека

⁵⁰ Крестьянский вопрос для Сумарокова очень актуален и затрагивается не только в «Некоторых статьях о добродетели», но и в стихотворениях, баснях, трагедиях. Александр Петрович даже писал в «Вольное экономическое общество» с эссе-рассуждением о крепостных. Хорошее отношение к своим крестьянам – проявление добродетели дворянской.

изобидит и постыдится просить прощения, тот устыжается предпочтительнее беззаконию добродетель и бесчестие – чести» (Сумароков, 2010: 17); о бездельничестве, лени и нравственной деградации: «И сколько почтенны нужные государства члены, столько презренны тунеядцы, в которых числе полагаю я и дворян, не помышляющих более ни о чем, как только о их собственном изобилии и возносящихся своим маловажным титулом» (Сумароков, 2010: 17).

Добродетель А.П. Сумароков определяет как «душу нашего общего блаженства». «Добродетель предпочитает тот, кто сам презренен», (Сумароков, 2010: 7) – с этой максимы писатель начинает обрисовывать сложившуюся этическую ситуацию в русском обществе XVIII в. «Снискание добродетели труднее, нежели снискание почтения», (Сумароков, 2010: 7) – еще одна максима Сумарокова. «Чины суть утверждение нашего достоинства и заслуг отечеству; ибо не действующий к пользе общества разум и не приносящая миру плода честность суетны; но всегда ли чины получаются по достоинству? А когда их и без достоинства получить удастся, а по ним люди почитаются, так редкий станет обуздывать страсти свои, когда ему обуздание не очень полезно; и вместо сей неверной и трудной дороги изберет себе верную и легкую дорогу ко принятию во храм своего блаженства» (Сумароков, 2010: 7). «Не добродетель делает нас во народе отличными; но получаемые нами чины, богатство и сила; кто же им, кроме немногих, предпочтет добродетель?» (Сумароков, 2010: 7) – в этом парадоксальном, по видимости суждении, подразумевается, что главное для людей то, чтобы их почитали в обществе, они склонны к жадности и к накоплению ведь – «жадность наша редко изобилием утешается» (Сумароков, 2010: 7). Подтверждает эта максима не добродетель. И, далее, «род человеческий по большей части судит поверхностно, ибо невежества более, нежели просвещения; пристрастия более, нежели чистосердечия» (Сумароков, 2010: 7).

Может показаться странным то, что А.П. Сумароков, принадлежавший к дворянскому сословию, критикует и высмеивает пороки своих «сословчан» и сочувствует положению обыкновенного крестьянина на Руси – не потому ли, что писатель, наоборот, слишком близок к бюрократии, от чего и случаются сатирические нападки? Александр Петрович был приближен ко двору, большую часть сознательной жизни занимал место адъютанта фаворита императрицы. Это эпоха дворцовых переворотов, борьбы фаворитов за особую расположенность к ним императрицы – во всем этом принимал участие А.П. Сумароков.

Александр Петрович к порокам общества также относит и невежество: «Невежество есть дорога к неумеренному самолюбию, ко гордости и ко закрытию истины и добродетели» (Сумароков, 2010: 15). Сумароков обвиняет людей в невежестве и, вкупе с невежеством, – в стремлении к власти, желании славы. Эта позиция прослеживается у писателя не только в упомянутом сборнике статей и содержащихся в них максимах, но и в других его публицистических произведениях. «Большой части людей думается, что свет час от часу разумнее становится; другим думается, что он час от часу становится глупее; а я такое имею мнение, что самая малая часть рода

человеческого час от часу разумнее становится, а остаток час от часу дале и дале в невежество заходит, и сколько становится глупее, столько умножается его высокомерие» (Сумароков, 2010: 21).

Человек должен бороться с собственным тщеславием и гордыней: «Гордость есть непростительная порча добродетели, тщеславие — порок великий. Низость и подлость суть малодушия, разрушающие благопристойность; трусость [не] есть природная слабость, но малость души, могущая подати повод ко разрушению добродетели» (Сумароков, 2010: 15).

Может показаться, что Сумароков держится некоторого пессимистичного взгляда на нравственную жизнь общества, фаталистичен в этическом отношении, однако сам Александр Петрович в своей статье «О несправедливых основаниях» пишет: «”Это хорошо” и “это худо” говорится очень часто, однако чаще “худо”, нежели “хорошо”; и подлинно, что худого на свете делается больше, нежели хорошего; однако не ради того чаще говорится, “это худо”, но ради того, что человеческое невычищенное, или, лучше сказать, испорченное естество больше к похудению, нежели к похвалению, склонно» (Сумароков, 2010: 21). На мой взгляд, писатель говорит о безнравственности и бесчестии так, чтобы образ нравственной чистоты и добропорядочности выявлялся самопроизвольно, как бы между строк.

«Делай то другому, чего ты себе желаешь» (Сумароков, 2010: 10) — ключевая максима всех этических сочинений Александра Петровича. Поэт говорит об необходимости поступать по совести и с любовью к своему ближнему. «Человеколюбие есть первая статья добродетели и источник всякого блага» (Сумароков, 2010: 11) — в этой максиме, которая является очевидной констатацией золотого правила нравственности есть, на мой взгляд, некоторый личностный, проективный смысл. Зная вспыльчивый и беспокойный характер Сумарокова, его отношения с семьей, сумасбродные выходки при дворе, сложно представить, чтобы писатель поступал так, как пишет в своих сочинениях. В письме неизвестного к Сумарокову 1769 г. написано: «нравоучительны вашими сочинения, которых очень немного, вы могли бы сделать народу немалую пользу, есть ли бы пример вашей жизни мог оным соответствовать» (Тихонравова, 1884: 618).

Подробно природу нравственного поступка А.П. Сумароков разбирает в статье «Слово VII. О любви ко ближнему». «Похвально не желати ближнему несчастья; но еще похвальнеежелати ему счастья: а еще похвальнее быти руководцем щастия ближнему» (Сумароков, 2010: 40). То есть автор уже другими словами повторяет «золотое правило морали», в котором опять таки есть немного от Аристотеля — не совершение зла еще не есть совершение блага, благо можно проявить только через деятельность.

Также в этой работе вспоминается важное для этики понятие — совесть. «Сия влиянная в нас Богом искра, которую мы совестию называем, всегда злодеянию прекословит: и сей дарованный нам от Бога ко управлению жития нашего талант купно доказывает и то, что есть и Бог, и то, что должна быти добродетель, и что есть и воздаяние по смерти» (Сумароков, 2010: 42). Здесь

совесть – Божья искра, мне представляется как неумышленная отсылка к даймониону Сократа.⁵¹

В этой же статье Александр Петрович рассматривает нравственность как средство связи с Богом-“Создателем”. Насколько бы эгоистичные желания в человеке не были сильны, его ограничивает Бог, поскольку «ничего лучше него нет, ибо совершенства лучше быть не может» (Сумароков, 2010: 32). Бог, о котором говорит Сумароков, учил тому, что человек должен служить другим людям, помогать, причем не от страха Страшного суда и наказания, а от любви к Богу и к людям: «Сверх того, не возможно ради единого страха исполнять волю Божию: и ежели кто сим страхом не будет участником злодеяния; так будет участником зломышления, что хотя и меньше злодеяния, на добродетелию никогда не наречется: такой человек подобен окованному зверю не вредящему препятствием оков. И тако должны мы не делати ближнему зла, не для того, что за то вечная мука предписана, но для того, что мы повинuemся, очистив сердца наши, добродетели и любя Бога, любим и ближняго, приучив душу свою к жалости и человеколюбию» (Сумароков, 2010: 42).

Сумароков использует понятие «Мораль» чтобы подчеркнуть некую «общественность», «социальность» понятия; это слово наиболее точно описывает отношение писателя к этическим аспектам жизни – у тебя есть долг перед другими людьми, ближнему необходимо помогать. Писатель заставляет нас переменить позицию заикленности на себе, на своих хотениях и предлагает вместо этого: «Творите благо ближнему: а сим благом соделаете благо Богу: а инаго блага мы ему учинить не можем» (Сумароков, 2010: 42).

Мораль у Сумарокова – один из способов «воспитания к добродетели» людей. В статье «К добру или худу человек рождается», автор пишет: «А добродетелью должны мы не естеству нашему, но сей искре Божества, которую мы моралью именуем, и на ней основанной политике. Мораль и политика делают нас по размеру просвещения разума и очищения сердец полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили» (Сумароков, 2010: 32-33) – как видно, Александр Петрович полагал, что Мораль и Политика возвращают в нас семена нравственной зрелости и добродетели, воспитывают нашу душу: «Истинная политика научает нас быти счастливыми без повреждения честности; развращенная политика научает нас быти счастливыми и несчастными и очень часто повергает нас во жесточайшее бедствие; а мораль научает нас быти и счастливыми и добродетельными» (Сумароков, 2010: 32-33).

В другом эссе, которое так и именуется «О слове «Мораль», Сумароков размышляет над функциями морали – достаточно ли чтобы “едина мораль была миру потребна”? Здесь же он сам отвечает на свой вопрос – «Ежели весь род человеческий честен будет и все ссоры, раздоры, брани, драки, войны и все то, что противу Божества и человечества вооружается, пресечется, и только благополучия увидим на свете, что мы все честные будем, мало еще для общей пользы сие благополучие. Потребны другие знания, без которых общества устоять не могут» (Сумароков, 2010: 34). Далее можно заметить, что автор

⁵¹Известно, что А.П. Сумароков знал историю античной культуры.

снова критикует философские взгляды Жан Жака Руссо, ведь французский философ, наоборот, полагает, что науки и искусства вредны для человека. «Общества разрушатся, люди рассеются и настанет небывалый век, Жаком Руссом похвальный, человеки странствовать будут по пустыням, и без вспоможения друг другу, будучи малосильны, предадутся на снадение зверям и все напоследок исчезнут» (Сумароков, 2010: 34).

«Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого другого животного к худу» (Сумароков, 2010: 32) – к такой мысли приходит Сумароков в разбираемой нами статье. «Каждое дышущее вредоносно другому дышущему, и во своем и в чужом роде; ибо не только твари тварей чужеродных, но и своеродных погубляют, и что все твари друг другу, и во своем и чужом роде к худу рождаются, в том нас ежедневные уверяют опыты. Общая польза не ослабляет сего доказательства; в ней имеет каждый свой собственный прибыток. Во всех сообществах, как у человеков, так и у других тварей, согласие от собственного и участного своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя, ненавидим, ненавидя его.» (Сумароков, 2010: 32) – эти строки еще раз подчеркивают пессимистичную позицию Сумарокова: людьми движет желание славы, богатств, желание заполучить чин повыше, да выглядеть в глазах людей и в своих собственных немногим меньше, чем император, ведь – «Слава влечет нас: но многие ли к ней способны? Многие ли имеют открытое к ней поле? Многим ли она удастся? Сверх того, какое множество препятствователей мы в ней имеем? Тщеславие легче истинный славы, и пути к нему глаже. Знатная порода, также по большей части добродетели вредна» (Сумароков, 2010: 7).

Как же все-таки соотносится необузданная страсть и взбалмошный характер А.П. Сумарокова с его этическими воззрениями? Мне кажется, что здесь будет к месту ответ самого Сумарокова: «И можно ли озираться, когда я пишу о добродетели, нет ли какого из могущих соделати мне худо недобродетельного господина, упражняющегося единственно в маловажнейших забавах? Когда писать о истине и добродетели, так бояться не надобно, по пословице: когда кто боится дрязгу, тому не надобно и в лес ходить. Трусливый моралист есть трусливый воин: трус военный не принимайся за шпагу и не дерись за отечество; а трусливый моралист не принимайся за перо и не защищай добродетели» (Сумароков, 2010: 11).

Литература

1. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Человек в системе наук. М., 1989. С. 332-342.
2. Архангельский А.С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI – XVII вв // М., 1888. Кн. 1 (Приложение). С.10.
3. Батюшков К. Н. Видение на берегах Леты ("Вчера Бобровым утомленный...") // Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: 1934. С. 173–181.
4. Берков П.Н. Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова // XVIII век. Т. 5. М., 1962. С. 364 – 375.
5. Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: в 10 т. Т. 3 М.; Л., 1941. С. 349–420.

6. Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. СПб., 1909. 117 с.
7. Екатерине П. 25 февраля 1770. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0260.shtml (дата обращения 10.04.2019).
8. Елагин И.П. Эпистола г.Елагина к г.Сумарокову // Поэты XVIII века. Л., 1972. С. 372–373.
9. Майков В.И. Ода о вкусе // Майков В. И. Ода о вкусе Избранные произведения. М.Л., 1966. 504 с.
10. Монтескье Ш. О духе законов / Пер. А. Матешука М., 1999. 674 с.
11. Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2 М., 2010. С.247-253.
12. Переписка российской Императрицы Екатерины Второя с г. Волтером, с 1763 по 1778 год. Ч-І. СПб., 1802. С. 218.
13. Письмо неизвестного к А. П. Сумарокову. 1769 г. / Публ. и коммент. Н.С. Тихонравова // Русская старина, 1884. Т.41.№3.С.618.
14. Руссо Ж.-Ж. Новая Элоиза [Электронный ресурс] URL: http://librebook.me/iuliia__ili_novaia_eloiza (дата обращения 10.04.2019).
15. Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины П. //Русский библиофил, 1914, №№ 5-8, приложение, отд. СПб., 1914. С. 107.
16. Сумароков А. П. Некоторые строфы двух авторов. СПб., 1774 С. [3]. См. также: Сумароков А. Полн. собр. всех сочинений. М., 1782 Т. .9. С. 248.
17. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 189.
18. Сумароков А.П. К добру или к худу человек рождается // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 31-33.
19. Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 7-18.
20. Сумароков А.П. О несправедливых основаниях // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 21-23.
21. Сумароков А.П. О новой философической секте // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 29-30
22. Сумароков А.П. О правописании // Лингвистические сочинения А.П.Сумарокова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0280oldorfo.shtml (дата обращения 10.04.2019).
23. Сумароков А.П. О разумении человека, по мнению Локка // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 19-20.
24. Сумароков А.П. О слове мораль // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 34.
25. Сумароков А.П. О стопосложении // Критика XVIII века. М., 2002. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0580oldorfo.shtml (дата обращения 10.04.2019).
26. Сумароков А.П. Перевод письма г. Сумарокова, писанное им же на немецком языке к приятелю // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С.19. С. 24-25.
27. Сумароков А.П. Письма. Екатерине 2 23 сентября 1770. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0260.shtml (дата обращения 10.04.2019).
28. Сумароков А.П. Слово XVII. О любви ко ближнему // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 40-44.
29. Теплов Г.Н. Знания, касающиеся до философии вообще // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С.51-163.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нефёдова Валерия Алексеевна*, студентка направления 47.03.01 Философия Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; kallerooya@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

Аннотация: Статья рассматривает интерес к персоне архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) и на основании его трудов, а в частности опубликованных церковных проповедей делается попытка понять его отношение к теме создания семьи и любви между супругами. Важной темой в мировоззрении мыслителя является тема рождения и воспитания, подрастающего поколения, особенно учитывая контекст послевоенного времени в котором он жил в Сибирском, Центральном и Южном регионах СССР. Важной темой является сопоставление мыслей и слов автора с его собственным биографическим материалом, а в частности в вопросах брака и воспитания четырех собственных детей.

Ключевые слова: В.Ф. Войно-Ясенецкий, семья, воспитание, знание, вера, дети, мировоззрение.

Litvinenko Aleksandr Sergee

ARCHBISHOP LUKE (VOINO-YASENETSKY) ATTITUDE TO FAMILY LIFE AND RAISING CHILDREN

Abstract: The article examines the interest in the person of the Archbishop of Simferopol and Crimean Luka (Voino-Yasenetsky) and on the basis of his works, and in particular published church sermons, an attempt is made to understand his attitude to the topic of creating a family and love between spouses. An important theme in the worldview of the thinker is the theme of the birth and upbringing of the younger generation, especially considering the context of the post-war period in which he lived in the Siberian, Central and Southern regions of the USSR. An important topic is the comparison of the author's thoughts and words with his own biographical material, and in particular in matters of marriage and raising four of his own children.

Keywords: V.F. Voino-Yasenetsky, family, education, knowledge, faith, children, worldview.

Фигура архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) в современном постсоветском пространстве, пожалуй, в представлении не нуждается, однако многие аскеты в его творчестве не получили должного осмысления. Одной из таких тем можно выделить отношение этого ученого с мировым именем и христианского мыслителя к вопросам семейной жизни и не менее важному, воспитания детей.

Изучая наследие мыслителя, можно сделать вывод, что эти вопросы были близки ему, не только как отцу четырех детей, но и коррелировали с его просветительской деятельностью. Основными источниками для изучения данного вопроса для исследователей являются сборники проповедей епископа Луки, сказанные преимущественно в Симферополе во время богослужения и впоследствии записанные, и изданные уже в наши дни.

Главной темой этих, волнующих большинство людей, вопросов архиепископ Лука ставит вопрос любви, помещая его во главу всей семейной жизни. Виды любви различны, говорит он: «есть любовь мужа к жене, жены к мужу, любовь родителей к детям, любовь детей к родителям. Есть и более

высокая форма любви – ко всем людям, ведь во всяком человеке мы должны видеть образ Божий» (Войно-Ясенецкий, 2010: 5). Но самой высшей формой проявления любви в мире, по его мнению, считается самая высшая и совершенная любовь – к Богу.

И именно брак, как процесс, в котором супруги признаны путем восхождения от простого к сложному, есть постепенное научение этой возвышенной форме любви. К тому же, человек призван научиться любить не только тело, но и доброе сердце и чистую душу возлюбленного. «В браке мужчина находит великое восполнение своей сущности, сокровищ духа своего из сокровищ души своей жены» (Войно-Ясенецкий, 2010: 6), которая благотворным образом влияет на мужчину, делая его мягче. Но при этом любовь супругов легкая, «она поддерживается сильным непрерывным стремлением одной плоти к другой, она укрепляется разрывной телесной связью. Тела мужчины и женщины взаимно дополняют друг друга, и через это происходит зарождение нового человека в мир» (Войно-Ясенецкий, 2010: 6). Именно рождение, а точнее воспитание детей, епископ Лука видит одной из главных целей брачного союза: «на родителях, и прежде всего на матери, лежит святейшая обязанность – вырастить ребенка и дать ему воспитание. Эта обязанность – тяжелейший долг женщины» (Войно-Ясенецкий, 2010: 6)., подчеркивает он. В жизни матери воспитание детей – это первостепенная задача, не только перед обществом и государством, но и перед Богом, ведь все занятия, включая научную деятельность, женщина может делать наравне с мужчинами, но если при этом она забудет свое главное предназначение, она совершит тяжкий грех.

Лука с горечью констатирует, что его современники мало внимания уделяют воспитанию своих детей, считая, что семейное воспитание находится в плачевном состоянии в большинстве случаев и никакое школьное образование не способно заменить его в полной мере. Если мать и отец, при условии, что он есть, занимают ответственные должности и много времени проводят на работе, их детей не воспитывает никто. Он с сожалением, вспоминает «старые добрые времена», когда воспитательницей в семье была няня, будучи благочестивой женщиной, она могла дать воспитанникам крепкий нравственный фундамент для последующей жизни. Семья же, которая не может выполнить своей главной задачи, не может быть благополучна ни в общественной жизни ни в государстве, которое благополучно, только при наличии крепких и нравственно здоровых семей.

Еще одним отрицательным фактором в семейной жизни архиепископ, как управляющий епархией, видит отсутствие у большинства его соотечественников желания вступать в церковный брак, считая его делом необязательным. В этом он видит и основную причину супружеских измен, особенно со стороны мужчин, «которые, чтобы удовлетворять свою похоть с другой нечистой женщиной, бросают своих жен с детьми на произвол судьбы» (Войно-Ясенецкий, 2010: 18). Это самое страшное мужское беззаконие, не только по отношению к несчастной жене, сердце которой обливается кровью, ведь она отдала мужу все самое чистое и ценное что у неё было, но и по

отношению собственным детям. «Неужели вы сами не видите мрачно потупленных в землю детских глаз, не видите страданий детского сердца: «Как это может быть, чтобы отец оставил мою мать!?»» (Войно-Ясенецкий, 2010: 20). И во многом благодаря дурному примеру со стороны родного отца, дети идут на улицу и черпают все злое, что там есть, погибают не только нравственно, но часто и физически.

Важным в деле воспитания, и об этом он часто говорит в своих наставлениях, архиепископ видит христианское воспитание, считая, что именно при таком воспитании сыновья и дочери с большой вероятностью смогут создать крепкую семью в будущем. К основным нормам такого воспитания, относятся привычка к домашней и церковной молитве, участие в таинствах, а также изучение Священного Писания. «Научая детей своих, они руководствовались глубоким, святым правилом: того почитали несчастным, кто знает все и не знает Бога, того блаженным, кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого» (Войно-Ясенецкий, б.м. и г.: 16). Притом, по его мнению, христианское воспитание, совершенно не мешает детям постигать науки и участвовать в культурной жизни. Архиепископ приводит в пример образованнейших людей своего времени, которые усердно предавались изучению философии и других наук: святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златауста, которые стали великими учителями церкви. По примеру этих образцов нравственной жизни детям стоит посеять семена не только христианского поведения, но и обучить их наукам и каждодневному труду.

Примером же такой жизни в глазах детей, следует, прежде всего, считать родителей, потому что, «всякое словесное поучение, всякое педагогическое искусство – ничто, пустота, по сравнению с тем примером, который видят дети» (Войно-Ясенецкий, 2010: 32). Смогут ли дочери вырасти целомудренными, а сыновья честными, когда часто в собственной семье они видят обратную модель поведения, когда в семье дети становятся свидетелями ссор, ругательств, пустословия, драк и других пороков.

Не лишним будет напомнить и отношение мыслителя к т.н. телесным наказаниям. В его трудах можно найти упоминание и об этом. «Должны вы помнить о том, что величайшую ошибку делают те родители, которые влюблены в своих маленьких детей, любят их, все прощают, никогда не наказывают. О таких сказал премудрый Соломон: *Лелей дитя, и оно устрашит тебя* (Сир. 30, 9)» (Войно-Ясенецкий, б.м.и г.: 22). Но в то же время он признает, что нужна и умеренность в этом деликатном вопросе «Нельзя наказывать детей с раздражением, со злобой, с ненавистью. Нужно наказывать спокойно, любя; тогда дети почувствуют эту любовь, они почувствуют, что заслуживают этого наказания, и тогда наказание будет с пользой и их исправит» (Войно-Ясенецкий, б.м.и г.: 22).

Возможно, внимательный читатель задаст себе вопрос, а были ли дети у самого проповедника, были ли они сами воспитаны по тем принципам, к которым он стремился, и как сложилась их жизнь в будущем? К сожалению

всеобъемлющего ответа, на эти вопросы у автора нет, но исследуя различные источники и сопоставляя факты, ответить на эти вопросы необходимо.

Известно, что Валентин Феликсович, именно так звали до принятия монашеского пострига архиепископа Луку, был один раз женат на Ланской Анне Васильевне, которая родила троих сыновей и одну дочь. Смерть супруги, коренным образом изменила не только его судьбу, но и жизни детей, из которых старшему было двенадцать, а младшему – шесть лет.

Валентин Феликсович тяжело переживал кончину супруги, что повлияло на укрепление его религиозных взглядов. Он стал регулярно посещать воскресные и праздничные богослужения и стал активным мирянином и даже стал выступать с лекциями на тему Священного Писания. Так же в это время он принимает для себя решение больше не вступать в брак и отдать на воспитание своих детей одной бездетной вдове, которая согласилась принять на себя этот труд. Имя этой женщины Софья Сергеевна Белецкая, которая и стала второй матерью для детей. Вначале она проживала в отдельной комнате большой квартиры (подобная ситуация показана в романе М. А. Булгакова «Собачье сердце» в образе проф. Преображенского, который тоже был блестящим хирургом), а после ареста и уголовного преследования отца, стала жить с детьми отдельно. Однако общение, преимущественно в письмах, не прекращалось, а также, будучи не самым обеспеченным человеком, он регулярно финансово поддерживал Софью Сергеевну и своих детей, а также, минимум раз в год, они могли видеться, когда приезжали к отцу на каникулы в Крым. Известно, что все четверо детей В.Ф. Войно-Ясенецкого: трое сыновей – Михаил, Алексей, Валентин и дочь Елена, в те тяжелые годы сумели получить высшее медицинское образование и стали учеными медиками. Старший сын Михаил – выдающийся патологоанатом-инфекционист, доктор медицинских наук, профессор. Дочь Елена – кандидат медицинских наук, врач-эпидемиолог. Сын Алексей – доктор биологических наук, профессор. А младший сын Валентин – выдающийся отечественный патологоанатом, доктор медицинских наук, профессор, руководитель лаборатории офтальмологии НИИ им. В.П. Филатова. Обращаясь к родословной Михаила старшего сына Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, надо отметить, что потомки этой ветви родословной продолжили медицинскую династию.

Ставя вопрос в религиозной составляющей в жизни детей епископа Луки, ссылаясь на слова его внука, можно сделать вывод, что «три сына Святителя Луки были практически атеистами» (Ахундова, Лисичкин, 2016), что скорее всего было его личной болью.

Вполне возможно, описанные методы современному читателю могут показаться банальными: о них все читали, они у всех на слуху. Но если перенестись в тот контекст, когда эти простые слова были сказаны, то становится понятно, что раз они сохранили актуальность спустя без малого столетие, это доказывает их ценность и для современной семьи. Ведь многие проблемы так до сих пор в обществе не преодолены.

Литература

1. Ахундова И., Лисичкин В. «Сказы дедушки Луки» [Электронный ресурс] https://ruskline.ru/analitika/2013/06/14/skazy_dedushki_luki (Дата обращения: 20.09.2020).
2. Войно-Ясенецкий, В.Ф., архиеп. О семье и воспитании детей. М., Сибирская Благозвонница, 2010. С.44.
3. Войно-Ясенецкий, В.Ф., архиеп. Проповеди в Тамбове 1944-1946 гг. Том I. Машинопись. Московская Духовная Академия. б.м.и г. С.332.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Литвиненко Александр Сергеевич*, протоиерей. Настоятель храма святого великомученика Георгия Победоносца с. Толоконное, Белгородского района, Белгородской области. las2000@ya.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ А.А. ПОТЕБНИ

Аннотация. В статье рассматриваются истоки проблемы соотношения языка и мышления в русской философии. Определяется специфика философских взглядов А.А. Потебни, а также рассматривается его деятельность в историко-культурном контексте России XIX века. Значительное внимание уделяется взгляду мыслителя на развивающийся характер языка, на особенности внутренней формы слова, связывающей язык с мышлением. В заключение исследуется проявление взаимосвязи языка и мышления.

Ключевые слова: язык, мышление, взаимосвязь, внутренняя форма слова, чувственный образ.

Myhortova Milena

THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF THE LANGUAGE AND THINKING OF A.A. POTEBNIA'S LINGUAPHILOSOPHY

Abstract: The article focuses on the problem of sources of correlation between language and thinking in Russian philosophy. Specifics of A.A. Potebnia's philosophical views are revealed and his activities in the historical and cultural context of Russia in the 19th century are considered. The significant attention is paid to thinker's view on the evolution of language and on specificity of the inner form of the word, which connecting language and thinking. In the conclusion this relationship between language and thinking is manifested.

Keywords: language, thinking, interrelation, the inner form of the word, perceptive image.

Философию языка в России можно назвать самостоятельной областью. Слово признается базовым элементом русской философии и играет определённую роль на разных этапах истории. Например, влияние слова отмечается на Руси в период введения богослужения на славянском языке, что свидетельствовало о возвышении слова до божественного уровня, а затем, отмечается огромное значение слова в распространении просвещения, а также в раскрытии национального самосознания (Безлепкин, 2002: 2). Однако язык выражает не только культуру народа, но также влияет и на философию, придает, как выражался Ю. Степанов, своеобразный «изгиб» ее развитию. (Безлепкин, 2002: 2).

Размышления о сущности языка и его значения для мышления можно обнаружить у Симеона Полоцкого, который в «Книжице вопросов и ответов» приводит рассуждение Григория Нисского о том, что «ум рождает слово и слово же подвизает ум. Ничто же ум есть без слова, ничто же слово без ума». А.Д. Кантемир считал, что слово – форма существования логически стройной, ученой мысли (Безлепкин, 2002: 6).

Обращался к проблеме соотношения языка и мышления М.В. Ломоносов. Он рассуждал об особенном положении языка в жизни людей, рассматривал его как одно из условий культурного и социального развития человека. Взаимосвязь слова и мысли становится исходным пунктом построения грамматики. Это

доказывает глубокое понимание ученым значения философского рассуждения о слове. В своем труде «Российская грамматика», в «Наставлении первом» Ломоносов пишет, что «По благодороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правитель наших действий разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей» (Ломоносов, 1755: 11). В другом месте работы он вновь повторяет эту мысль: «Обращение мыслей человеческих, для которых взаимного сообщения служит слово, произвели в нем разные преношения» (Ломоносов, 1755: 25).

М.В. Ломоносов в самом начале своего исследования показывает важность взаимосвязи мысли и языка, что впоследствии помогает решить другие вопросы, относящиеся к природе языка, его свойств. Ученый обращался к устному народному творчеству, которое и привело его к размышлению о начале слова, о том, как оно соотносится с мышлением.

Вопросом о языке и мышлении занимался А.С. Шишков. Он показал, что язык выступает органом мысли, обратил внимание на связь слов и понятий. Шишков разрабатывает понятие, которое выражается с помощью таких терминов: разум слова, умствование, заложенное в корне слова, понятие, заключающееся в корне слова, сила слова, причем всегда под этим понимается способ понимания и осмысления вещи. Позднее А.А. Потебня будет называть это понятие внутренней формой.

В 1837 году В.Г. Белинский выступает со своей работой «Основания русской грамматики для первоначального обучения». В первой главе он отмечает: «Человек одарен способностью мыслить и выражать свои мысли посредством слова, или языка, другими словами, человек *мыслит* и *говорит*» (Белинский, 1953: 3). Мышление, по его мнению, есть действие разума, плод действия – суждение, а способность выражать суждения ума, или мыслить вслух, называется словом, или языком. Отношение мысли к слову Белинский сравнивает с отношением души к телу, а слово к мысли, как тело к душе, причем слово может приниматься за покров, одежду, форму выражения мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слова. Происхождение слова он связывает с рождением мысли, совершенствование слова и мысли происходит одновременно.

Последователем В. Г. Белинского в плане развития лингвофилософских идей можно назвать Ф. И. Буслаева. Фёдор Иванович сосредоточил внимание в своем учении на истории языка в связи с народом, в сопоставлении с духовной жизнью и развитием мышления. Язык стал для него средством, которое позволяет заглянуть в далекие эпохи жизни народа. Буслаев исследует противоречивый характер взаимоотношений между языком и мышлением. Язык признается выражением мысли с помощью членораздельных звуков, поэтому подчиняется, с одной стороны, законам логики, с другой – законам самого выражения. В понимании Ф.И. Буслаева, начало творчества человеческого коренится в происхождении языка, поэтому «творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии». Ученый отмечает что язык – древнейший памятник доисторической жизни народа, основной его «духовный деятель», в его строении отображается не мышление одного человека, а творчество целого народа.

Славянофилы, размышляя над работой по возрождению национального самосознания, признали важность создания философского учения о языке. А.С. Хомяков полагает, что диалектика взаимоотношений мышления и слова заключается в том, что слово, во-первых, выступает «орудием мысли», и, во-вторых, оказывает сильное воздействие на развитие мысли. Особенность взглядов Хомякова состоит в том, что важность языка зависит не от мысленного содержания, а от того, что в нем воплощается народный дух. И.В. Киреевский был убежден, что «в языке мысль обретает свой голос, глубину выражения, те формы, благодаря которым она становится доступной для понимания всеми слоями общества, приобретая осознание величия разума и собственных нравственных сил» (Безлепкин, 2002: 3).

Своеобразное понимание отношений языка и слова можно обнаружить у В.Д. Кудрявцева-Платонова. Он обосновывает независимость развития мышления. Мысль, по его мнению, зародилась и развивалась в людях прежде имеющих обозначение ее словами и независимо от них. Слова представляются внешними чувственными знаками, не имеющими существенной связи с мыслью, поэтому не тождественны ей. Слова на разных ступенях развития человеческого мышления выполняют различные функции. В начале слово выступает как образ, представление, на более высокой стадии – как наименование, слово. С развитием мышления развивается и слово, вместе с этим образ становится менее ярким, и больше превращается в знак, то есть слово становится отвлеченным. Свобода в употреблении знаков является признаком самостоятельности мышления, считает Кудрявцев-Платонов.

Предшественники Потебни задали благоприятный фон для создания его теории. Исследователи реконструировали народную мифологию, культуру, быт, народную мысль на основе сохранившихся в XIX веке языковых данных.

Если рассматривать научную деятельность А.А. Потебни на фоне XIX века, то можно убедиться, что фигура Александра Афанасьевича заметно выделяется. Мыслитель обладал существенными особенностями личности этого периода. Как и большинство крупных ученых, исследователь был склонен к постановке основных, принципиальных вопросов науки. Так, С.М. Соловьев пишет в этот период 29 томов по истории России, Д.И. Менделеев создает «Основы химии», в которой представляет систему элементов, И.М. Сеченов разрабатывает рефлекс головного мозга, на свет появляется толковый словарь В.И. Даля. Потебня также ставит широкую задачу – рассмотреть эволюцию мысли. А. Белый оценивает Потебню как величайшего русского исследователя: «И если гордостью русской науки считаем мы Менделеевых, Лобачевских, Мечниковых, Пироговых, то отныне к славному ряду имен должны мы присоединить и имя А. А. Потебни» (Белый, 1910: 224).

Концепция Потебни выделяется на фоне других концепций истории языка, а основной принцип, применяющийся им – всепроникающая семантичность. Этот принцип также является существенной чертой эпохи. Объединяя факты, Потебня стремится открыть за ними новые. Языковед выявляет эволюцию значений. Грамматические категории становятся у него основными категориями мышления, а структура предложения аналогична структуре мысли. С помощью этих

категорий и предложений, получается, можно выявить историческую типологию мышления. Эпоха 60-70 –х годов XIX века знаменует собой период, когда происходят открытия, теоретические искания. В каждой области знания имеются яркие выразители. По убеждению Ф. Филина, в языкознании таким представителем стал А.А. Потебня. Он подтверждает это тем, что Александр Афанасьевич впервые в истории изучения русского языка поставил проблему изменчивости языка и мышления, наметил стадиальность в их развитии. Как никто из русских индоевропейцев, он широко использовал в своей языковедческой работе философию (Филин, 1935: 122).

Ученый был тесно связан с основными особенностями русского научного движения 60-70-х годов. Атмосфера общества того периода характеризовалась успешным развитием материалистической философии и достижениями естественных наук. Он убежден, что существует единство человека и природы. Следует отметить, что в XIX веке было доказано, что природа в ходе изменения образует более сложные организованные уровни, то есть признавалось развитие от низшего к высшему, что называлось прогрессом. У Потебни эта идея прогресса занимает особое место, а основа прогресса – творческое начало в человеке и в языке.

Вторая половина XIX века характеризуется развитием психологического направления, взаимодействие с которым видно во взглядах А. Потебни. Деятельность живых существ, убежден он, подчинена принципу рефлексии, при которой посредником выступает чувственный образ.

Все творчество Александра Афанасьевича связано также с филологией XIX века. В своей теории Потебня опирается на фактологическую (языковую) основу. Он исторически исследует мысль, воплощенную в словесных текстах. А. Байбурин отмечает, что в нем рано проснулся фольклорист-собирающий, тонко чувствующий живую ткань народного слова (Потебня, 1989: 4).

А. Потебня, наряду с А.Х. Востоковым, Ф.И. Буслаевым мыслил в духе характерного для того времени синтезирующего взгляда на знание, которое находит выражение в языке, а последний становится отдельным объектом изучения. Потебня формирует принцип рассмотрения явлений бытия и искусства сквозь призму языка.

К проблеме соотношения языка и мышления, лежащей в основе его творчества, Александр Афанасьевич приходит вследствие заинтересованности еще в юном возрасте фольклорным творчеством, словом. Студенты-слушатели отмечали его прекрасную эрудицию, умение приводить целые морфологические и логические исследования, при этом, не обходя стороной психологические и философские вопросы, обращаясь к истории, к данным опыта, то есть, не упуская из виду ни одну область знания.

Философские взгляды языковеда образовывались под влиянием немецкой философской мысли (В. фон Гумбольдт, И.Ф. Гербарт, Р.Г. Лотце, М. Лацарус и Х. Штейнталь). Стоит отметить, что Потебня интерпретировал, перерабатывал идеи западных мыслителей, а в некоторых моментах и не соглашался с ними, поэтому нельзя заключить, что Александр Афанасьевич является их прямым последователем. Его также нельзя назвать собирателем

этих идей, поскольку его мировоззрение отличалось самостоятельностью и цельностью.

Мировоззрение А. Потебни основывается на том, что мир, который мыслится человеком, строится в процессе познания, а познание есть мысленная переработка данных наших чувств. Получается, что мир создан самим человеком.

Ученый активно работал в сравнительно-историческом направлении. Благодаря сравнительной истории языка можно изучить изменения языка, оценить их, что позволит узнать об эволюции человеческой мысли. Это можно увидеть, исследуя части речи и предложения. Обнаруживается, что Потебня как философ проявляет свою способность к обобщению и анализу. Это объясняется тем, что мыслитель поэзию, прозу, науку признает явлениями языка, тем самым, соединяет их воедино.

Эволюция языка, как убежден русский мыслитель, начинает свой путь с чувственных восприятий. В самом начале существует понятие общего чувства, которое является субъективным. В него входят данные о состоянии организма, причем органом является все пространство тела – внутреннего и внешнего. Существуют также и объективные чувства – это впечатления, которые мы получаем посредством органов чувств от окружающей нас среды и от собственного тела. Чувства становятся первичными явлениями душевной жизни. Процесс апперцепирования заставляет человека выражать чувства в звуковой форме. Таким образом, звук становится орудием мысли. Поэтому во главе его учения стоит экспрессивная функция языка.

Первичное чувство вызывает в человеке образ, который впоследствии закрепляется в сознании с помощью слова. На следующем этапе, когда звук получает значение, появляется *внутренняя форма* слова, которая рождается вместе с пониманием. Внутренняя форма, по мнению Потебни, есть общее между звуком и содержанием. Это центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть *представление*» (Потебня, 1989: 131). По мнению исследователя, чувственный образ сгущается посредством внутренней формы, расширяется сознание – это обеспечивает движение большим мысленным потокам. «Внутренняя форма» как объективное содержание слова, является условием взаимопонимания между людьми. Помимо этого, обеспечивает единство образа.

Обращаясь к фактологической основе, языковед устанавливает движение исторической мысли, форма которой выражается в грамматических категориях. Грамматические категории, в свою очередь, сосредотачиваются в предложении, структура которого становится аналогичной структуре, сформулированной в нем мысли. Части речи становятся определенными актами мысли. Отсюда следует, по мысли Александра Афанасьевича, что, выявляя эволюцию типов предложения, можно одновременно узнать и об исторической типологии мышления.

Первой грамматической формой, считал философ, было первообразное причастие. Оно имело больше сходств с существительным, а не глаголом.

«Похожее скорее на имя, чем на глагол, оно и выделило из себя, прежде всего, имя» (Райнов, 1924: 85). На начальных ступенях развития в мышлении в основном наличествует категория существительного, причем «мир представляется совокупностью самостоятельных и, по нашему личному образу, одушевленных существей, внутренне неизменных, но действующих и тем вызывающих изменения во-вне» (Райнов, 1924: 86).

Когда мысль удерживает свойство предмета, с помощью которого он обозначается, причем независимо, есть ли внутренняя форма или нет (слово «медведь» означает ест мед, но в слове «дом» отсутствует внутренняя форма), появляется существительное. Можно отметить, что существительное ближе к чувственному восприятию, соответственно, к конкретности мысли.

Если сначала человек смотрел на предметы и видел в них сущности, то впоследствии он начинает обозначать содержание предмета через признак. Это приводит к появлению прилагательного. Прилагательное обладает уже большей отвлеченностью мысли, в отличие от существительного, а также атрибутивно. Наряду с этим происходят изменения и в самом существительном – оно формализуется. «Существительное есть акт мысли, которым мы апперцепируем субстанциональность вещей, при чем мы можем ее апперцепировать как там, где она находит свое оправдание в действительности, так и там, где она такого оправдания не находит» (Овсяннико-Куликовский, 1893: 24). Например, «теплота» не имеет свойств субстанции, но появляется, когда общий признак выделяется из огня, солнца. Этот признак закрепляется в слове, тем самым давая «теплоте» существование.

Таким образом, взгляд на мир через категорию субстанции постепенно сменялся другим взглядом, который отличался отвлеченностью. Это готовило к повелению новой категории – глагола. Поскольку глагол обозначает действие или процесс, то он не связывается с чувственными восприятиями. Вначале глагол имел форму инфинитива, который сближался с существительным. «Дальнейшая форма глагола – история вытеснения им существительного из тех мест, где его мог заменить глагол» (Райнов, 1924: 89).

Вначале предложения строились из существительных, поэтому были лишены связности и единства, поскольку каждое существительное выражало отдельную сущность, а значит, было самостоятельным. Появление глагола выполняет роль объединения, принадлежности к одному процессу.

У языка, получается, есть история, которая отражает его развитие, а вместе с ним, и развитие мысли. Мысль человека сначала выражала предметы как субстанции, а со временем покинула эту категорию и начала выражаться в формах признака и процесса. Одновременно происходило и ее отвлечение. «Эта эволюция мысли, открытая Потебнею, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умов, которая явно, исторически-документально обнаруживается в смене мирозерцаний» (Овсяннико-Куликовский, 1893: 54). В языке восхождение от низшего к высшему выражает прогресс, в котором убежден А.А. Потебня.

А.А. Потебня первым признает нетождественность мысли и слова, разводит область мысли и область языка, устраняет их неразрывность, но при

этом отмечает их тесную связь. К такому выводу его натолкнули размышления Гумбольдта о том, что в начале человеческого развития мысль еще не доросла до слова, в середине развития мысль может быть связана со словом, а на высокой степени отвлеченности покидает его. «Дитя в известном возрасте не говорит, но думает; глухонемой не говорит вовсе; в математике ученый отказывается от слова» (Белый, 1910: 246). Потебня подчеркивает важность нахождения того момента, при котором умственной деятельности необходимо слово, и отвечает, что оно должно появляться тогда, когда в душе есть материалы, предполагаемые этим преобразованием.

Потебня убежден, что мышление и язык имеют историческое развитие, совершенствование. На начальном этапе развития человек сливался с объектами действительности. Но человек взаимодействовал с действительностью, внешние влияния которой побуждали человека издавать звук, междометие, отличающийся напряженностью чувства. Чувство, лежащее в его основе, не воспроизводится так, как мысль, по мнению Потебни. Междометие есть «отголосок мгновенного состояния души, и каждый раз создается сызнова и не имеет объективной жизни, свойственной слову». Мысль же содержит восприятия, какие находились в нас, потому может стариться (Потебня, 1989: 90). Междометие есть рефлексия волнений души, но остается ей незаметной. Междометие, убежден Потебня, изменяется в слово, когда мысль обращает на него внимание. Поначалу было пассивно-хаотическое состояние восприятий. Однако впоследствии повторяющиеся восприятия изменяются в конкретный *чувственный образ*, который становится исходной формой мышления и проецируется душою.

Междометие при определенных условиях изменяется в слово:

- 1) Происходит ослабление чувства.
- 2) Увеличивается ясность содержания.
- 3) Создавая слово, человек рефлексировал, происходит самонаблюдение.

Возникает вопрос о выявлении причин, по которым звук имеет в слове определенное значение. Выясняется, что имеет место найти соответствия между звуком и восприятием, которое принимается за самый предмет. мыслитель предполагает, что звук осмысливается не сразу, а только по мере того, как он сживается с известным значением слова, человек открывает необходимость его единения с такою, а не другою мыслью. Для названия предмета определенным звуковым комплексом имелись основания: по сходству, по ассоциации, по различным предикатам определенного слова, которые являлись вещественной базой представления.

В начале развития мысли, отмечает А.А. Потебня, слово не имеет еще для мысли значения качества и может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, но все это в нераздельном единстве. «...Мы назвали слово средством единства чувственного образа» (Потебня, 1989: 138). Нельзя видеть движения, покоя или белизны самих по себе, поскольку они представляются только в предметах: в птице, в белом камне (Потебня 1989: 135). «Слово нужно душевной деятельности для того, чтобы она могла стать сознательною, и появляется как дополнение тогда, когда

есть уже все прочие условия перехода к сознательности» (Потебня, 1989: 52). Под сознательной умственной деятельностью, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мыслитель понимает дух. Без языка дух не возможен, поскольку сам образуется при его помощи, и язык в нем есть первое по времени событие. «Язык и дух, взятые в смысле последовательных проявлений душевной жизни, мы можем вместе выводить из «глубины индивидуальности», то есть из души как начала, производящего эти явления и обуславливающие их своею сокровенною сущностью» (Потебня, 1989: 52). За пределами сознания, полагает мыслитель, нет действительной мысли, а только стремление к ней. В слове впервые человек осознает свою мысль. Поэтому язык – переход от бессознательности к сознанию. А.М. Камчатов видит неразрешимое противоречие: с одной стороны, сама мысль становится сознательной при посредстве слова, а с другой стороны, слово возникает из междометий при посредстве обращенной на него, то есть вполне сознательной мысли (Камчатов, 1989).

Слово – не только средство для выражения готовой мысли: оно – способ, прием ее создания и разработки. Язык – это сама мысль, поставленная перед собой же, сделавшаяся своим предметом, объектом. Мысль понимает только то, что находится перед нею именно в качестве предмета. Она была бы не в состоянии понять саму себя, если бы не поставила себя перед собой в качестве определенного предмета. Т. Райнов акцентирует внимание на том, что Потебня блестяще разъясняет, каким способом достигает этого мысль, становясь словом, и показывает, что, благодаря слову, мысль впервые приобретает сознательность, то есть ту черту, без которой мысль не была бы мыслью. Можно сказать, что «само рождение мысли обнаруживает ее органическую связь с языком» (Райнов, 1924: 71).

Потебня пишет, что интеллектуальная деятельность сама по себе включает в себе необходимость соединения со звуком: без этого мысль не может достигнуть ясности, чувственный образ не может стать понятием. Признается тождественность ясности мысли и понятия, поскольку образ уясняется по мере того, как происходит его раздробление, превращение посредством слова и суждения, совокупность чего представляет понятие. Переходя в понятие, слово теряет образность, а мысль становится отвлеченной, идеализированной, а также независимой от чувственных восприятий. Происходит так называемая конденсация мысли.

Александр Афанасьевич подчеркивает, что «не следует, однако, забывать, что уметь думать по-человечески, но без слов, дается только словом и что глухонемой без говорящих или выученных говорящими учителями век оставался бы почти животным» (Потебня, 1989: 146).

Слово выражает отношение к действительности. Оно может быть мифическим, поэтическим и прозаическим. Потебня выделяет, таким образом, три стадии мышления:

1. Мифическое мышление. Характеризуется тем, в нем мысль меньше способна к отвлечению. В нем образ вещи не отделяется от самой вещи. По мнению Потебни, «миф рождается как результат двойной мыслительной

процедуры: сначала земные предметы и явления послужили ответом на вопрос об устройстве небесного мира, и лишь потом после этого возник вопрос о самих земных объектах. Ответом на него служат представления о небесном мире» (Потебня, 1989: 11). Получается, что сначала человек конструирует небесный мир, и с помощью этой созданной конструкции объясняет земной.

2. Поэтическое мышление. Образ становится здесь выражением формы мысли. Однако образу свойственно единство. Чтобы разобраться со связью языка и поэзии, Александр Афанасьевич отмечает, что поэзия – вид искусства, поэтому пытается найти общее между языком и искусством. Как в слове мы обнаруживаем внешнюю и внутреннюю форму, содержание, так и в искусстве. Мраморная статуя будет воплощением внешней формы, а то, что это мраморная статуя женщины с мечом – внутренняя форма, а содержание – идея правосудия. Внутренняя форма становится важным элементом поэтического мышления. Она придает символическое значение. Слово имеет в этот период все свойства художественного произведения.

3. Прозаическое мышление. Форма мысли – понятие. Когда на смену приходит прозаическое мышление, слово теряет свою конкретность и образность. Сущность прозы – в усложнении и отвлечении мысли. «Пока человек живо и наглядно представлял себе черты, подсказываемые грамматическою формою слова, он тратил на один акт мысли гораздо больше умственной энергии и времени, чем теперь, когда он их не мыслит в их отдельности, а только пассивно воспринимает их как знаки, как фикцию» (Овсяннико-Куликовский, 1893: 22). Можно сказать, что устанавливается чисто-формальное значение грамматической формы взамен значения живого представления. Это благотворно сказывается на мышлении, поскольку появляется возможность вырабатывать новые приемы мышления, происходит систематизация мысли.

Необходимо подчеркнуть, что между сменами стадий мышлений нет резких скачков, между ними постепенные, взаимообусловленные переходы. С эволюцией определённый тип мышления начинает преобладать, и, в конечном счете, сменяет предыдущий, при этом может не исключать последний полностью. Согласно мнению Потебни, закономерным ходом развития является увеличение количества прозаических стихий в языке.

Таким образом, взаимосвязь языка и мышления начинается с этапа дословесного мышления образами через образное мышление, ассоциированное со словом, до мышления понятиями с помощью слов.

Литература

1. Безлепкина, Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии / Н.И. Безлепкина. – СПб.: «Искусство-СПб», 2002. – 390 с.
2. Белинский, В.Г. Основания русской грамматики/ В.Г. Белинский. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 164 с.
3. Белый, А. Мысль и язык (философия языка А.А. Потебни) / А. Белый// Логос.– 1910. – Кн. 2. – С. 240-258.
4. Камчатнов, А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова / А.М. Камчатнов // Русский филологический вестник. – 1998. – № 1/2.

5. Ломоносов, М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов.- Спб: Тип. Императорской Академии Наук Росс., 1755.- 214 с.
6. Овсяннико-Куликовский, Д. А.А. Потебня, / Д. Овсяннико-Куликовский // «Киевская старина», 1893. – 61 с.
7. Потебня, А.А. Мысль и язык /А.А. Потебня // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 203 с.
8. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
9. Райнов, Т. Александр Афанасьевич Потебня / Т. Райнов. – Пг.: Колос, 1924. – 109 с.
10. Филин, Ф.П. Методология лингвистических исследований А.А.Потебни / Ф.П. Филин // Язык и мышление, т. 3-4.– М.–Л.: АН СССР, 1935.– С. 121-160.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мухортова Милена Александровна*, студентка направления 47.03.01 Философия Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, Белгород 308000, Россия; milena.muhortova@mail.ru

М.В. Новак

ПЕРФОРМАНС КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: статья посвящена изучению социального перформанса, представленного в пространстве массовой культуры. Существует несколько мнений, относительно того, что представляет собой такой перформанс. Автор, используя метод наблюдения и эмпирическую базу YouTube, находит особенности современного видеоперформанса и указывает на его типы.

Ключевые слова: перформанс; бытийные практики; повседневность; современная массовая культура

M. V. Novak

PERFORMANCE AS A PHENOMENON OF MODERN CULTURE

Abstract: The article is devoted to the study of social performance presented in the space of mass culture. There are several opinions regarding what such a performance is. Using the method of observation and the empirical base of YouTube, the author finds the features of modern video performance and points out its types.

Keywords: performance; everyday life; existential practices; modern mass culture.

Перформанс – новое понятие в научном дискурсе, начавшее использоваться со второй половины XX века. Под этим понятием понимают несколько явлений, но чаще всего так называют новый вид искусства. Некоторые источники указывают, что это искусство предполагает, что автор сам является произведением, пытающимся вступить во взаимодействие со зрителем. Однако определение перформанса только как направления искусства на этом не исчерпывается. Перформанс стоит на грани искусства и бытовых повседневных практик, поскольку и в зрелищном искусстве, и в обычной повседневности есть место импровизации, место каким-либо действиям, которые могут представлять собой интересное зрелище. Часть исследователей предпочитает изучать именно повседневный перформанс как способ «производство бытия», «производство присутствия» человека. Выбранная нами тематика исследования достаточно проблематична: что из перечисленного называть перформансом, а от каких определений отказаться; какие виды перформанса бывают, как изучать повседневный перформанс и т.д., а также что нам представляет современный перформанс, демонстрируемый в Интернет-пространстве с приходом новых возможностей и технологий, доступных теперь большинству людей. Таким образом, осознавая, что искусство перформанса достаточно хорошо изучено на Западе (performing studies), мы хотим посвятить исследование перформансу как культурной практике обывателя (не профессионала в области искусства), который сейчас массово представлен в виртуальном пространстве и в массовой культуре, которая хотя и предполагает, чаще всего авторство, но не всегда твориться профессионалами. Именно Интернет открывает возможность представить перед человечеством как вполне обыденные, повседневные вещи, так и редкие, уникальные явления, возможно

существующие лишь мгновения и никогда не повторяющиеся. Возможность «явить себя миру», открывающаяся любому субъекту, является вдохновляющим фактором создания всё нового и нового перформанса.

Для того, чтобы подчеркнуть, насколько это распространённое явление, следует сказать, что по статистике 2019 г. одна только популярная платформа размещения видео YouTube насчитывает 1,9 млрд. пользователей по всему миру. Из всей массы пользователей Интернета 79% зарегистрированы на этой платформе и являются если не производителями видео – перформанса, то зрителями и комментаторами самых разных роликов. Ежедневно просматривается 1 млрд. часов видео, а 500 часов видео загружается за минуту. На YouTube приходится 37% всего мирового Интернет-трафика⁵². Данную статистику дополняют другие платформы и социальные сети, в которых просмотры самого разного видео не менее популярны. Это огромные цифры, подтверждающие, что демонстрация событий, явлений, людей, а также самих себя пользователями имеет огромное значение в жизни многих и многих людей.

Изучение перформанса начиналось на Западе – в США и Великобритании, там же были и широко представлены результаты «performing study». Именно там перформанс был «объявлен» своеобразным инструментом или, лучше сказать – объективом для изучения культурных явлений в мире. Со временем развития этой области изучения, под перформансом стали понимать очень широкий круг явлений, куда попадали даже спортивные состязания, социальные, политические и религиозные события и т.д. Поэтому такие изыскания были признаны междисциплинарными, но в то же время сразу подверглись критике, поскольку понятийный аппарат не отличался стабильностью использования, природа явления не была достаточно и аргументировано объяснена, происходила путаница понятий, а также возникал вопрос: не слишком ли неограничен поток различных «перформансов», не слишком ли абсурдно «раздут» объект исследований.

Один из первых создателей данной области изучения – это американский профессор Ричард Шехнер, который разделял перформансы на две категории: художественные и культурные. Нам интересны именно вторые: культурная деятельность включает события, происходящие в повседневной жизни, в которых ценности культуры отображаются для их увековечивания: ритуалы, церемонии, фестивали, демонстрация социальных, гендерных, профессиональных, классовых ролей и т.д. Ещё одним создателем направления является британский антрополог Виктор Тёрнер. В разное время ту или иную область исследования разрабатывали Д. Конкервуд, Б. Киршенблатт-Гимблетт, Дж. Кейс, Д. Тейлор, Л. Фредерик, Р. Голдберг (в области антропологии театра), У. Бэкон, Б. Браунинг (в области литературы), Дж.С. Мэдисон, Дж. Хамер, Г. Кляйн, Ш. Джексон, Н. Штаки, С. Виммер, П.М. Фитц, М.И. Познер, Р. Бауман. М. Карлсон писал о социальном перформансе. К. Крац разработала анализа перформанса, который использует мультимедиа. Теория

⁵² Статистика YouTube 2019. Инфографика [Электронный ресурс] URL: <https://exlibris.ru/news/statistika-youtube-2019-infografika/> (дата обращения 13.06.2019).

речевых актов Дж.Л. Остина и Д. Баттлер также отразилась на исследовании перформанса. Кроме этого, исследования перформанса также тесно связаны с феминизмом, психоанализом, в этой области исследования известны такие теоретики, как П. Фелан, Х.Э. Муньос, Э.П. Джонсон, Р. Шнайдер, А. Лепецки. Л. Кулл является основателем Центра философии перформанса. Необходимо отметить, что на Западе широко развито образование в области производства перформанса, которым занимаются уже десятки университетов по всему миру.

Исследованием перформанса в России только начинают заниматься, и можно отметить таких исследователей, как К. Чухров (Чухрукидзе) (исследовательница упоминает, что существует множество теорий перформативности, например таких исследователей, как Р. Вагнера, Ф. Ницше, Ж. Дерриды, Ф. Лаку-Лабарта, Дж. Агамбена, П. Слотердайка, М. Хайдеггера, Ф. Лиотара, В. Подороги), А. Тарасов (арт-практики постмодернизма), Д.Е. Байдина, И.М.Лисовец (город-завод: перформанс-трансформации), Т.А. Шаповалова, М.Н.Кокаревич («городские сумасшедшие» и их перформанс), С.В. Ерпылева, Е.С. Федорова, М.А. Гусаковский (коллективная деятельность как перформанс), Д.О. Демехина, Н.В.Бараниченко, в своих работах используют перформативный подход О.А. Шнырева, Л.О. Терновая, С. Диксон и др.

Поскольку наша работа была посвящена современному перформансу, представленному в пространстве массовой культуры, общества потребления, мы не могли обойтись без изучения научных работ, посвященных и этому явлению. Одним из первых, кто связал представление (в нашем случае это почти синоним понятию «перформанс») и общество потребления (как тяготеющее к зрелищу) был французский философ Ги Дебор, написавший в 1967 г. книгу «Общество спектакля», в которой критиковал капиталистическое общество как анархист-марксист. По его мнению, все, что раньше проживалось непосредственно, ныне оттеснено в представление. Спектаклем он считает «самостоятельное движение неживого» или «общественные отношения, опосредованные образами». Важную роль в становлении общества спектакля сыграли средства массовой информации. В нашем случае мы соглашаемся с последним тезисом и, изучая перформанс, обращаемся к пространству массовой коммуникации – сайтам, содержащим любительское и профессиональное видео.

Анализу общества потребления, его проблемам и особенностям, посвящены работы Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Т. Веблена, Д. Гэлбрейта, Ф. Джеймисона, Г. Зеттерберга, Э. Фромма, С. Липсета, Г. Маркузе, Л. Склэира, С. Ушакина, В.Г. Федотовой, В.И. Ильина, А.А. Овсянникова, М.Б. Ракитных и других авторов. К списку подобных работ, отчасти, можно причислить и работы, посвящённые анализу капиталистического общества. Так, Т. Веблен впервые обратил внимание на зарождение нового, буржуазного («праздного») класса, демонстративно потребляющего объекты действительности, в том числе культурные продукты. Впоследствии, на работы Т. Веблена опирался Ж. Бодрийяр, который наиболее ярко описал окончательно сформировавшееся во второй половине XX века на Западе общество

потребления и его культуру. В то же время, Э. Фромм впервые поставил вопрос о потреблении в психологическом ключе.

Необходимо отметить, что тема потребления и связанных с ним культурных процессов всё больше интересует отечественных исследователей, которые осознают интенсивность процессов образования общества потребления в России. Мы обращаемся к работам таких современных авторов, как К.Ю. Баннов, М.В. Иванова, Б.А. и И.Г. Дорошины, М.Е. Вейц.

Российские исследователи (С.В. Борzych, В.Л. Иноземцев, Е.И. Сапожников, В.Г. Федотова, Ж.В. Чернова и др.) обращают своё внимание также и на отличительные черты западного общества потребления, постиндустриального общества, а также особенности репрезентации консюмеризма на Западе.

Под перформансом следует понимать символично-игровую, а также творческо-зрелищную деятельность субъекта, направленную на других с целью выполнения различных функций – коммуникативной, функции меморизации прожитого, защитной, репрезентативной, эстетической, демаркационной, функцию конструирования реальности и др. и служащую преобразованию действительности, зачастую в символическом аспекте, при непосредственном участии самого субъекта. Несмотря на разделение в научном дискурсе перформанса как социокультурной практики и перформанса как творческой (театрализованной, зрелищной) деятельности, жанра театрального искусства, следует признать, что антропологические основания, генезис, эволюция у того и другого перформанса одинаковые, а функции и символично-содержательное составляющее практически совпадают. В пространстве современной культуры существует различные типы перформансов, в то же время их философско-культурологический и семиотический анализ позволяет утверждать об одинаковых чертах и тенденциях, рождённых современной культурой, а также репрезентациях смыслов и концептов, характерных для общества потребления, современной и постмодерновой идеологии.

Как пишет Д.О. Демехина, «Перформативные исследования в качестве новой парадигмы знания возникают в контексте гуманитарных практик в США (в 1960-70-х гг.) на фоне исследований, которые можно именовать – вслед за британским исследователем театра и драмы Саймоном Шепедом «перформативной теорией» («Performance Theory»), новым гуманитарным знанием» – вслед за историком Евой Доманска (Доманска, 2011). Можно выделить два основных контекста, внутри которых формируются перформативные исследования: контекст театральной антропологии, социологии и культурной антропологии, где метафора исполнения рассматривается как модель интересубъективности, и контекст постструктурализма, гендерных и квир-исследований.

Двумя ключевыми центрами развития перформативных исследований становятся университет Нью-Йорка (школа искусств Тиш) и Северо-Западный университет (Bial, 2011). В рамках университета Нью-Йорка начинают развиваться перформативные исследования под эгидой идей Ричарда Шехнера. Точкой отсчета для исследователя становятся социально-антропологические

исследования таких практик повседневности, как карнавалы, шествия, протесты, ритуалы. Шехнер рассматривает эти практики с методологической позиции интеркультурализма, что делает его точку зрения близкой к взглядам театральных антропологов (Ежи Гротовского, Эудженио Барбы). Отличительной особенностью исследований в рамках университета Нью-Йорка является их изначально междисциплинарный характер» (Демехина, 2017).

«Как перформанс может быть задокументирован в современной культуре? «Соотношение перформанса и документа стоит рассматривать не по модели «подлинник / копия», а скорее как два типа репрезентации, динамично влияющие друг на друга. Филип Ауслендер, профессор Технологического института Джорджии, рассматривает проблему документации в более широком контексте медиализации культуры. Опираясь на лингвистическую теорию Джона Остина и введенное им понятие перформативного акта, Ауслендер предлагает концепцию перформативности документации <...>. Он полагает, что документированный перформанс можно разделить на собственно «документальный» и «театральный». «Первое предполагает онтологическую связь с событием перформанса и соотносится с ним как свидетельство (того, что перформанс действительно имел место) и запись (позволяющая его реконструировать). <...> критично Ауслендер относится к возможности реконструировать перформанс через его документацию. К «театральной» категории документации Ауслендер относит случаи, когда перформансы создаются исключительно для того, чтобы быть так или иначе задокументированными, без предшествования автономного события перформанса «Пространство документа <...> таким образом становится единственным пространством, в котором происходит перформанс. Однако, по его мнению, событие перформанса всегда стремится быть задокументированным (а значит, художник в процессе перформанса учитывает то, как он будет представлен в документации). Так что границы между «документальной» и «театральной» категориями перформанса не настолько непреодолимы, как кажется на первый взгляд. Цитируя американского арт-критика, искусствоведа Кэти О'Делл, Ауслендер соглашается с тем, что «перформанс – это виртуальный эквивалент собственной репрезентации. <...> В некоторых случаях для зрителя вообще не важно, имело ли место событие, запечатленное документом, на самом деле (Ауслендер приводит в качестве примера «Прыжок в пустоту» Ива Кляйна, 1960). Пространство документа (фотографии, фильма) может быть не менее реальным, чем пространство реальности. Таким образом, перформанс как событие может произойти как в одном, так и в другом пространстве: с точки зрения Ауслендера, они эквивалентны друг другу» (Вуянович).

Зарубежные источники предлагают следующее определение: «Перформанс – это эстетические практики – модели поведения, способы речи, манеры телесного – чьи повторения располагают действующих лиц во времени и пространстве, структурируя индивидуальность и групповые идентичности» (Karshan, 1995).

Зачастую, исследователи исходят также из четырёхкомпонентной структуры перформанса: время, место, субъект и объект действия. Эта структура «генетически» восходит к классическому правилу драматургии,

выведенным Аристотелем. Этого правила придерживалось театральное искусство на протяжении длительного времени, особенно в период классицизма расцвета французского театра эпохи Просвещения. Впервые предпосылки правила триединства появились в сочинении Аристотеля «Поэтика», и его сочинение предполагало только обоснование цельного и единственного сюжета, одной событийной канвы в произведении. В классическом театре правило предполагает наличие места, времени и действия.

А. Прошутинская указывает, почему так органична четырёхчастная структура перформанса как вида искусства: «Временной отрезок перформанса <...> может быть задан как время полного самоисчерпания действия. «Делать, пока не доделаешь» – в этой формуле длительность нивелируется, впитываясь в само действие. <...> Пространство перформанса локализует действие, а выбор места включается в смысловую структуру самого перформанса. Действие часто совершается без значительных перемещений или даже вовсе в одной и той же позиции, стоя, сидя или лежа на одном и том же месте – таким образом, усиливается его объектность, своеобразная скульптурность. При этом, если перформанс предполагает движение, то оно происходит в однородной среде. Так, работа «Преследование» (1969) Вито Аккончи, в которой он шел за случайно выбранным прохожим, пока тот не заходил в приватное помещение, занимала все без исключения общественное пространство Нью-Йорка» (Прошутинская).

Исследователи выделяют такие виды перформанса, как: экзистенциальный (показ боли, человеческих эмоций и реакций), концептуальный (классический, который как бы пародирует действительность; отличается бессодержательностью), соц-арт перформанс,

Ю. Гниренко в работе «Перформанс как явление современного отечественного искусства» выделяет минималистический концептуальный перформанс, постминималистический, провокативный (перформанс постмодернистического неobarocco), соц-арт перформанс. В целом, уже в 1970-е годы в Россию стал приходить культурный эксперимент с перформансом (Гниренко).

Всё вышесказанное подчёркивает тот факт, что перформанс, каким бы целям он не служил, в своей основе является единым явлением, и хотя в научном дискурсе различается театральный и социальный перформанс, суть их происхождения также одинакова, что мы продемонстрируем во втором параграфе первой главы.

В современных социально-гуманитарных дисциплинах признаётся, что все социальное поведение человека, в определенной степени «выполняется», а каждый из людей наделён десятками социальных ролей. В двадцатом веке появились исследования перформанса – «выполняющего» действия, возможно направленного на создание творческого продукта, а возможно – на социальные цели и устремления (исследователями используется выражение – «исполнение идентичности»). Рассмотрим, каковы взгляды современных исследователей на перформанс и что понимается под этим явлением, а также как он родился в качестве, прежде всего, социальной практики.

Ещё одним исследователем, начавшим приближаться к теме перформанса, прежде всего как социальной культурной практики, был английский и американский антрополог Виктор Уиттер Тёрнер (1920-1983). Он раскрывал сущность символических систем, объединяющих человеческие сообщества в различные более или менее устойчивые формы (а перформанс связан с символическим). «Символы и системы символов, символические классификации для Тёрнера не статичны: они включены в действие (обычай, ритуал, церемониал, социальный конфликт, социальное движение) и в этом смысле должны быть поняты в их реальной работе, в «исполнении», в конкретности и динамике, как «ритуальный процесс» (название одной из главных книг Тёрнера). Отсюда интерес Тёрнера к феноменам игры, драматическому представлению и, среди прочего, к современным театральным экспериментам (хеппенинг, перформанс и др.)» (Тёрнер). Следуя такой логике, перформанс – это некий символический ритуал, как мы уже сказали – возможно, ритуал «присутствия в бытии», «проживания» самой жизни в её многообразии, непредсказуемости, или, наоборот – в возможности влияния на неё человеком, в неповторимости каждого момента, который требует если не фиксации, то зрителя, который фиксировал бы её в памяти.

Также на развитие концепции перформанса повлияли не только исследования культуры ритуалов, но и исследование бытования символического в разных культурах. Предтечей исследований перформанса можно назвать игровую концепцию культуры, над которой, в разное время, работали Й. Хейзинга и Р. Кайуа. С точки зрения Й. Хейзинги, игра это доступ к свободе, практически обычная или реальная жизнь (с небольшими оговорками в отношении разной продолжительности жизни и игры и места), фиктивная реальность со специфическим сознанием, установление порядка и даже «вторая природа человека», иррациональное в поведении человека. Игра часто характеризуется непредсказуемостью. Все эти характеристики сущности игры подходят и для определения перформанса. С другой стороны, такие характеристики игры, как повторяемость, произвольность, не создающая особых благ и подчинение ряду конвенций, приостанавливающих действие обычных законов – не всегда можно причислить перформансу. Таким образом, игру нельзя свести к перформансу, а перформанс – к игре. Но это не мешает определить в некоторых перформансах игровую сущность.

Исследователи К. Вульф и Е. Цирфас заявили о перформансе как о «феноменальном событии» (совершением чего-либо)», процессом и «созданием действительности»; они считают что перформанс подразумевает «исполнителя» и «зрителя» – это наиболее простая характеристика, рождающая действие – т.е. перформанс. Исследователи указывают основания считать перформанс не только творческой практикой, но и социальной.

Другие исследователи остановились подробнее на деталях изучения перформанса на представлении его видов и особенностей.

В работе О.А. Шнырёвой связываются культура перформанса и визуальное, поскольку, культуры не то чтобы стремятся к сближению, сколько осуществляется поиск зрелища, ведь современный мир поликультурен,

полиэтничен и полирегиожен, а следовательно – стремится преодолеть языковые барьеры (Шнырёва, 2005). Таким образом, можно объяснить превосходство визуального в пространстве современной культуры, которая к тому же ещё обладает практически совершенными техническими возможностями – передачей качественного изображения на расстоянии, фиксацией в самых разных сложных средах видео и фото изображения, качественное хранение видео- фото- банков данных и т.д.

Х.В. Джеймисон предложила термин киберперформанс (Cvetić, 268), однако это понятие охватывает, всё же практики, близкие театрализованным представлениям, а не какие-то спонтанные творческие самовыражения пользователей Интернета. Киберперформанс можно также называть онлайн-перформансом, сетевым перформансом, телематическим перформансом и цифровым театром и его, скорее всего, будут делать профессионалы – свободные художники, актёры, режиссёры, выступающие на он-лайн площадке. Таким термином мы не будем пользоваться в данной работе, чтобы не впасть в путаницу, однако возьмём в качестве эмпирической базы схожие объекты – видеозаписи, размещённые в пространстве Интернета.

Изучив работы многих авторов, занимающихся проблемой перформанса, мы должны снова обратить внимание, прежде всего, на работы «первопроходца» исследований в этой области Р. Шехнера и использовать его понимание и определение перформанса. Р. Шехнер определяет «перформанс – в искусстве, ритуале или в обыденной жизни, как *«реконструированные действия»*, «*дважды сыгранный поступок*», исполненные действия, которые люди тренируют и репетируют» (Schechner, 2013). *Быть перформативным – значит совершать действие, оказывать влияние, являться событием. Перформативность – это характеристика события социальной или любой иной реальностей, которое оказывает на нее влияния*. «Шехнер предлагает концепцию широкого спектра (broad spectrum), где помещает различные перформативные практики – как художественные, так и социальные – на одну плоскость. <...> Эта парадигма (широкого спектра) основывается на ключевом понятии «перформанс – в искусстве, ритуалах или в обыденной жизни как «восстановленных схем поведения» (Демехина, 2017).

Типологизация перформанса в Интернет-пространстве.

Перформансы Сети можно разделить по содержанию, по наличию заданного сценария, режиссуры / импровизации (не постановочный перформанс); по целям (развлечение, обучение и т.д.). Остановимся на рассмотрении основного содержания, которые люди вкладывают в сделанные видеоролики и публикуют в Интернете. Даже если видеоролик сложен из фрагментов видеозаписей других авторов, нежели того человека, который опубликовал, то всё же нужно признать, что авторское творчество в этом случае присутствует: в виде произвольной компоновки, смысловой, контекстной подачи, комментариев, возможно – титров, интерпретации и т.п.

Перформанс умения и опыта. Демонстрируются различные навыки – от кулинарных, различные работы по ремонту дома, до умения что-то делать в

профессиональном отношении. Это различные ролики с лайфхаками, опыты, поделки, сделанные на камеру и т.д.

Примеры: «Шикарная идея из старого огнетушителя! 100% пользы от ненужных вещей!» (Workshop Diy); «Как Шпаклевать Стены (ЛЕГКО и БЫСТРО)» (У ТЕБЯ ПОЛУЧИТСЯ); «Как сделать мужскую стрижку дома только машинкой – мастер класс» (LadyS Oks).

Перформанс удивительного. Редкие съёмки, в том числе – явлений природы, каких-то значимых или необычных событий, ролики о «непознанном», о «чудесах».

Примеры: «7 невероятных событий снятых на видео!» (С миру по факту); «Если вы не верите в чудеса, посмотрите это видео» (Удивительные Факты); «Самые Удивительные Уличные Артисты в Мире» (Мастерская Настроения).

Перформанс экстрима. Съёмки в экстремальных условиях (под водой, на высоте, в экстремальных погодных условиях или в экстремальной ситуации), демонстрация трюков из экстремальных видов спорта.

Примеры: «МЕГА Круто, классно, красиво! Удивительные люди, 100% экстрим» (Тарасов Максим); «Невозможно поверить если бы это не сняли на камеру – Самые БЕЗУМНЫЕ прыжки» (Удивительные Факты); «ЭКСТРИМ С GOPRO. Удивительные Люди» (Удивительные Люди).

Перформанс жестокого. Съёмки и комментарии различных аварий, катастроф, травматических ситуаций, насилия (иногда игрового, шуточного) над людьми и животными, драматических и даже трагических случаев.

Примеры: «Шокирующие и ужасные моменты, снятые на видео. Страшные моменты» (ИНВЕЙДЕР); «ДА ЭТО ЖЁСТКО | 2018 | ПОДБОРКА ЖЕСТКИХ ВИДЕО» (REDMEDVED); «Слабонервный? Не смотри! ПОДБОРКА САМЫХ ЖЕСТОКИХ ВИДЕО» (Видео нарезки).

Перформанс ностальгии. Съёмки с рассказом об историческом прошлом (особенно часто тематика посвящена культуре и истории СССР), демонстрация сохранившихся артефактов прошлого, рассказ о них.

Примеры: «Я хочу назад в СССР (Клип)» (Ностальгия); «Эти звуки помнят все дети 2000-х | Ностальгия | Лучшие песни, мелодии и заставки нулевых» (Patrick Music); «Ностальгия по детству в 90-е. Быт 90-х» (Иван Орлов); реклама 90-х. ностальгия. жарнама 90-х. advertising of the 90s. Nostalgia (ALEXEY IVANOV).

Перформанс путешествия. Видеозаписи различных путешествий, возможно – с комментариями и объяснениями что зритель может видеть на экране, демонстрация экзотической культуры.

Примеры: «10 лучших мест России для путешествий! Или что будет с путешествиями в этом году?» (elivosc); «Алтайский край, Путешествие 2015, Часть 03» (Здравомыслие); «РОССИЯ/БАРНАУЛ/ АЛТАЙСКИЙ КРАЙ/ПУТЕШЕСТВИЕ/TRAVELING TO THE ALTAI TERRITORIES/RUSSIAN FEDERATION» (Персия/ Persia).

Перформанс потребления. Видеозаписи с рассказом о купленной вещи, о её качестве, о возможности её использовать. Возможно – поедание на камеру каких-то продуктов питания или блюд (в т.ч. в кафе или ресторане).

Примеры: «Продолжение эпопеи с Термомиксом. Моя новая покупка» (Julia KievPoland); Моя новая покупка. Парковая роза «Louise Odier» (Елена Бодрова. Посадите розы в саду); «Покупка новой коровы. Выбор, перевозка, погрузка-выгрузка и т.д.» (ДЕРЕВЕНСКИЙ ДНЕВНИК ОЧЕНЬ МНОГОДЕТНОЙ МАМЫ).

Перформанс юмора. Видеозаписи забавных животных, детей, смешных ситуаций, озвученные шутки, анекдоты, переозвучка фрагментов известных фильмов и т.д.

Примеры: «ПРИКОЛЫ ИЗ ЖИЗНИ 2018 АВТО ПРИКОЛ РЖАКА ЮМОР СУПЕР ПРО ДО СЛЕЗ #2» (Смешные Будни); «Очень смешные испуги людей и животных 2020 \ Юмор \ Розыгрыши \ Пранки» (Komik Zone); Смешные испуги людей, юмор, пранки, розыгрыши!!! #01 1219 SCARE PRANK COMPILATION (Веселый Енот).

Далее мы остановимся на типичных чертах перформанса современности. Перформанс эпохи массового потребления является высоко тиражным. Видео, содержащее некий перформанс может выпускаться на DVD-дисках десятками тысяч экземпляров, демонстрироваться на сотнях сайтов и даже выходить в эфир ТВ в специальных программах, построенных по принципу соревнования видеороликов. Это такие передачи, как «Сам себе режиссёр» (просуществовала не один десяток лет, от начала российского телевидения 90-х годов и первых массовых экспериментов с любительской видеосъемкой), «Видели видео?» «+100500», «Самое смешное видео», «Смотреть всем» и т.д. Тот или иной проект может даже получить PR-поддержку в СМИ, что превращает его в маленькое событие для всей страны. Такая тиражность может быть как реальной так и, возможно, вымышленной, процент высоких оценок, т.н. «лайков» может быть сильно накручен.

Ценностью перформанса является новизна, а лучше сказать – «свежесть» – проект должен отвечать времени и очень скоро может терять свою значимость, устаревать, перестать вызывать интерес у зрителей.

Глобальную современную культуру отличает заведомо положительное восприятие реальности (позитивная установка на происходящее), и смысловая доступность видеотекстов. Перформанс, представленный в Сети, обычно имеет положительный финал, но может быть окрашен и другими эмоциями – страхом (экстремальное видео). Тем не менее, зачастую присутствует значительная доля юмора или «обыденной» философии, возможно – некоторого хвастовства, «примитивной» или «сложной» эстетики. «Вечный позитив», как одна из ценностей массовой культуры, символизирует лёгкость бытия, которая делает возможным лёгкое потребление собственной жизни.

В российских и зарубежных перформансах широко эксплуатируется идея освоения нового пространства, экспансии человека в «новые миры»: это сталкер-путешествия в запретные зоны, вроде Чернобыля, красивые туристические прогулки, даже шопинг-походы, снятые на камеру мобильного телефона, показ экстремальных видов спорта вроде вингсьюта, фридайвинга или бейсджампинга. Человеку покоряются любые стихии и пространства. Перформанс может подменять реальность. Репрезентация реального события становится важнее самого события – общество платит за показ, а не за реальные факты, поэтому последние могут подтасовываться.

В целом, на наш взгляд, к специфическим факторам, влияющим на характерные черты видео – перформансов в России, можно отнести следующие: большое количество и разнообразие зарубежного аналогичного культурного продукта (как известно, канал YouTube предлагает огромное количество зарубежного видео самых разных лет, что не может не находить выражение в попытках подражать такому видео); американская и европейская модель массовой культуры, которой подражают отечественные авторы и которая накладывается на стремление сохранить не только прежние культурные традиции, но и сохранить национальную «индивидуальность» культуры (отсюда появление большого количества видео, когда иностранцев знакомят с русской культурой, кухней, бытовыми привычками – это например, проект «Kuzno», созданный для итальянцев и русских). Западная культура даёт ощущение свободы самовыражения для авторов, которая обретает форму чрезмерного использования такой возможности в выборе тем перформанса.

Видео-перформанс воспроизводит «идеологическую логику» общества потребления. Перформанс современной культуры прежде всего – развлекательное явление, даже если он чему-нибудь обучает. Он доступен круглосуточно, вне географических границ и если не отменяет такие онтологические составляющие как время и пространство, то заставляет не привязываться к ним в познании действительности и даже заставляет отказаться определять эту действительность в рамках оппозиции «истинное-ложное». Человек, живущий в скромной панельной квартире может «попасть» с помощью видеоизображения во дворец нувориша или на другой конец мира, в затерянную экзотическую деревню. При этом перформанс может отличать отказ от нравственного и эстетического. В эфире появляются видеоролики с элементами реального насилия, нецензурная речь и т.п. В Интернет-пространстве происходит парадоксальное преодоление этических, моральных и нравственных границ, устанавливаемых в повседневной социокультурной жизни, при этом парадоксальность связывается с неоднозначным онтологическим статусом самого пространства («зеркало» социокультурной действительности или игровое виртуальное поле?), в котором одни и те же фрагменты реальности могут быть оцениваться либо с позиции социальной критики и получать аксиологические интерпретации, либо с позиции постмодернистского морально-нравственного «игрового» нивелирования – в зависимости от прагматических установок автора видеопродукта. Высоко цениться реализм происходящего на экране, изображённый подчёркнуто-детально, документалистика. Это свидетельствует о глобальном характере таких культурных «стандартов», как ориентация на потребление информации ради развлечения (т.н. феномен «infotainment») и игровой подход к познанию.

Перформанс эпохи потребления создаётся не только для того, чтобы автор выразил сам себя и реализовал свои творческие идеи, но и для стимулирования определенной реакции аудитории (допустимо, что автор не разделяет идеи, представленные им самим в видеотексте). В свою очередь, реакция аудитории может принести автору как реальный коммерческий заработок, так и нематериальную «прибыль» – славу, известность и иные

формы социального капитала, диктуемые идеологией информационного общества.

В научных кругах нет до сих пор единого устоявшегося мнения, следует ли разделять парадигмы изучения перформанса как вида сценического искусства и парадигму изучения перформанса как социальной практики (производства социального бытия). Однако заметно, что перформанс набирает популярность и стремительные темпы развития, распространения в комфортных, для него, условиях существования массовой культуры. Существует большое количество фиксированных, документированных перформансов, которые, как правило, размещаются на Интернет-страницах, личных сайтах, социальных сетях, подписных видеоканалах. Стремительное развитие перформансов в Сети (чаще всего – в формате любительского видео) мы связали со спецификой массовой культуры и принципами организации общества потребления. Мы убедились в том, что перформанс следует изучать как несомненную данность современной повседневной и массовой культуры, затрагивающую любого человека, осознающего себя в пространстве культуры постмодерна. Изучение содержания перформанса позволило нам выделить следующие его типы: перформанс умения и опыта, удивительного, экстрима, жестокого, ностальгии, путешествия, потребления, юмора.

Существование перформанса в современной культуре приобретает вид конструирования нового образа жизни, новых культурных практик, «жизни у всех на виду». Перформанс – это и есть само бытие, выставлено на показ ради запечатления как техническими средствами, так и памятью очевидцев. Следовательно – его основная функция – это меморизация прожитого или проживаемого. Он становится ещё одним способом сохранения культурной повседневности, конструирования и раскрытия индивидуальности каждого субъекта массовой культуры. Перформанс в своей репрезентации смыслов использует разные культурные коды, принадлежащие прошлому, но может становиться резко контрастирующим, новым, неожиданным для разных социальных групп и классов открытием реальности, представленной, возможно в игровом формате. Именно поэтому, перформанс является привлекательным для самых разных групп.

Литература:

1. Гниренко, Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства [Электронный ресурс] URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1020016/Gnireenko_-_Performans_kak_yavlenie_sovremennogo_otchestvennogo_iskusstva..html (дата обращения: 13.06.2019).
2. Демехина, Д.О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера / Д.О. Демехина // Артикульт. 2017. 28(4). С. 144-152.
3. Демехина, Д.О. Концепция перформативности Р. Шехнера в контексте театральной теории В. Тернера. Ежегодная конференция школы Философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ФЯК-2015: тезисы докладов [Электронный ресурс] URL: <http://phil.hse.ru/plc/abstracts2015> (дата обращения: 13.06.2019).

4. Доманска Э., Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки. – Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226
5. Лекция Аны Вуянович «Перформанс и перформативность». [Электронный ресурс] URL: <http://ziernie-performa.net/blog/2013/10/03/lekcija-any-vuyanovich-performans-i-performativnost/> (дата обращения: 13.06.2019).
6. Мироненко, С.А. Определение понятий «перформативность» и «перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // Вестник АГУ. 2014. №1 (134). С. 72-73.
7. Прошутинская, А. Перформанс как художественный объект. [Электронный ресурс] URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/64/article/1348> (дата обращения: 13.06.2019).
8. Тёрнер Виктор [Электронный ресурс] URL: <https://www.koob.ru/turner/> (дата обращения: 13.06.2019).
9. Шнырёва, О.А. Феномен маски в социальной коммуникации (философский аспект). Автор. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. Ижевск. 2005. С. 15.
10. Bia, H. Today I Am a Field: Performance Studies Comes of Age // Harding J., Rosenthal, C. (Ed.) The Rise of Performance Studies. Rethinking Richard Schechner's Broad Spectrum, Palgrave Macmillan, 2011, Pp. 85-97.
11. Cvetić, L. Сажбер перформанс као новомедијска уметност: пракса и онтологијас. Р. 268.
12. Kapchan, D.A. Performance // The Journal of American Folklore Vol. 108, No. 430, Common Ground: Keywords for the Study of Expressive Culture (Autumn, 1995), Pp. 479-508
13. Schechner, Richard, Performance Studies: An Introduction. London: Routledge, 2013, P. 13

ОБ АВТОРЕ: *Новак Маргарита Владимировна*, ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры, доцент кафедры философии, культурологии и науковедения, кандидат философских наук; novakmargarita@yandex.ru

Е.И. Шило

**ДИССЕРТАЦИЯ Н.Н. СТРАХОВА
В АКТУАЛЬНОМ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

свободный исследователь, ул. Победы, д. 15, пгт Октябрьский, Белгородский район, Белгородская обл, 308590, Россия; *shi-e@yandex.ru*

Аннотация. В статье предложено историко-научное освещение основных положений магистерской диссертации Н.Н. Страхова. Становление его как ученого-морфолога происходило на фоне широкого и противоречивого взаимодействия социокультурного и научного знания. В своей диссертации Н.Н. Страхов прямо указывал на связь гомологии органов с систематикой животных, и этот типологический подход впоследствии получил свое развитие в современной теории классификации организмов. Исследования Н.Н. Страхова во многом предвосхитили дальнейшую разработку принципов гомологии в эволюционной морфологии немецкого биолога Адольфа Ремане, номогенетической таксономии А.А. Любищева, идеях мерономии С.В. Мейена.

Ключевые слова: Россия; Н.Н. Страхов; морфология животных; гомология; типология; классификация; тип; Р. Оуэн; А. Ремане

E. I. Shilo

**N.N. STRAKHOV'S DISSERTATION
IN THE CURRENT SCIENTIFIC AND HISTORICAL CONTEXT**

Abstract. The article offers historical and scientific coverage of the main provisions of the master's thesis of N.N. Strakhov. His development as a morphologist took place against the background of a wide and contradictory interaction of socio-cultural and scientific knowledge. In his dissertation, N.N. Strakhov directly pointed out the connection between organ homology and animal taxonomy, and this typological approach was later developed in the modern theory of classification of organisms. N.N. Strakhov's researches by in many ways, anticipated the further development of the principles of homology in the evolutionary morphology of the German biologist Adolf Remane, the nomogenetic taxonomy of A.A. Lyubishchev, and the ideas of meronomy of S.V. Meyen.

Keywords: Russia; N.N. Strakhov; animal morphology; homology; typology; classification; type; R. Owen; A. Remane

Диссертация Н.Н. Страхова, его научное наследие в целом, долгое время не привлекали внимание исследователей, вероятно, из-за исторически сложившегося мнения о нем как о философе, переводчике, литературном критике, сотруднике и затем редакторе литературных журналов. Защита диссертации Страхова стала завершением многолетних сравнительно-анатомических исследований, она же стала тем рубежом, после которого он становится литературным критиком, русским просветителем и философом, оставаясь при этом и зоологом, и морфологом.

Современное прочтение диссертации требует определенной научной и методологической подготовки – реконструкции научно-исторического

контекста, которым определялись теоретические положения диссертации. Диссертация освещает малоизученный аспект сравнительной анатомии кисти млекопитающих, ее содержательный анализ требует от исследователя не только соответствующей сравнительно–анатомической (остеологической) и зоологической подготовки, но и знания специфики анатомической терминологии середины XIX века, морфологических методик, принятых в научной среде того времени. Первые попытки оценить диссертацию Н.Н. Страхова были предприняты автором настоящей статьи (Шило, 2014) и А.А. Поздняковым (Поздняков, 2017).

Появление разностороннего, логически тонкого, глубоко образованного и оригинально мыслящего философа Н.Н. Страхова обусловлено несколькими причинами, одна из которых – академическое естественнонаучное образование, полученное в стенах Петербургского университета и Главного педагогического института, который Н.Н. Страхов окончил с серебряной медалью в 1851 г. Жизненные обстоятельства не позволили ему остаться в Петербурге и несколько лет отсрочили защиту магистерской диссертации. Отработав год старшим учителем математики и физики во II одесской гимназии, Н.Н. Страхов смог добиться перевода во II Петербургскую гимназию, где стал преподавать естественную историю (ботанику, зоологию, минералогию, анатомию и физиологию человека). Выпускники гимназии отмечали, что Н.Н. Страхов отлично знал свой предмет и мог сжато и рельефно раскрыть суть изучаемого вопроса (Шило, 2014). Для получения степени магистра, которая давала право преподавать в университете и заведовать кафедрой, Н.Н. Страхов продолжил сравнительно–анатомические (остеологические) исследования в Зоологическом музее под руководством Ф.Ф. Брандта (1802–1809), директора и одновременно профессора зоологии и сравнительной анатомии Петербургского университета и Главного педагогического института. Содержание диссертации Н.Н. Страхова и ее значимость для отечественной науки могут быть поняты с учетом сложного, противоречивого характер формирования представлений о виде и классификации организмов в первой половине XIX века.

Уже общее, поверхностное знакомство с текстом диссертации позволяет обозначить круг значимых для Н.Н. Страхова понятий: система природы, классификация организмов, зоологические системы, классификация органов, строение организмов, взаимосвязь расположения и формы частей организма, сходство и различие, гомология, тип, архетип, типология, корреляция, метаморфоз и др.

В сущности, анализируя в диссертации собранный конкретный сравнительно – анатомический материал (запястья млекопитающих), Н.Н. Страхов решал методологические вопросы естествознания того времени: Обладает ли Природа системой? Развивается ли она? Существует ли единый план строения как Системы природы в целом, так и организма? Может ли установление критериев гомологии решать вопросы родства организмов и содействовать созданию объективной классификации организмов?

Структура самой диссертации не соответствует современным критериям, так в ней практически отсутствует введение – обоснование выбранной темы и

методики исследования очень сжато, нет первоначального обсуждения литературных источников по теме исследования, но содержательная часть убедительно показывает, что Н.Н. Страхов хорошо понимал, о чем он пишет, отлично владел методикой исследования и всегда следовал логике. В тексте диссертации встречается много критических замечаний в адрес тех или иных положений западноевропейских ученых, таких как Кювье, Меккель, Бленвиль, Оуэн, при этом обстоятельные внутритекстовые ссылки и комментарии не оставляют сомнения в том, что объем изученного теоретического материала был огромен.

Н.Н. Страхов выбрал предметом своего исследования кисть (кости запястья и заплюсны) млекопитающих, не получивших, по его мнению, должного сравнительно – анатомического анализа. Остеологические и эмбриологические исследования решали две важные теоретические задачи. Первая из них – «развенчание теории конечностей» (Страхов, 1857: 1) (теории архетипа) Р. Оуэна. Вторая – выявление особенностей соединения костей запястья копытных позволяющее понять, как происходит их редукция у предков современных лошадей и тем самым уточнить филогенетический ряд лошади.

В качестве метода исследования Н.Н. Страхов выбирает принцип гомологии, основанный на типологии, общенаучном методе, позволяющем на основе множества дискретных объектов решить задачу упорядоченного их описания и объяснения с помощью определенной модели (типа): «От частного идти к общему, сравнивать частные формы и соединять их в группы по сходству. Частные группы переводить под более общие» (Поздняков, 2017).

Изучение костей запястья решало ряд конкретных морфологических задач и рассматривалось Н.Н. Страховым одновременно в рамках таксономии и систематики: классификация запястий млекопитающих, определение одноименных костей в них, выявление гомологического сходства путем анализа их формы, положения в системе конечности («изучение их взаимного расположения и соединения с костями членов» (Страхов, 1857: 8). Это необходимо, по его мнению, для определения родства организмов с целью создания их естественной системы, и позволяет «найти тот порядок (ту последовательность и те разветвления), в котором идут органические формы от самого простого организма до разнообразнейших сложных организмов, и доходят до самого высшего. По мере того, как нам становилась бы яснее и яснее эта картина, можно было бы надеяться уловить смысл и закон того жизненного творчества, которое ее создает» (Страхов, 1857).

«Изучение костей важно для теории конечностей, появившейся в последние годы...главный узел задачи представляют кости запястья и заплюсны. Очевидно вся теория рушится, если можно доказать, что типичное число костей не есть пять... Точно также теория рушится, если эти кости не однородны с другими костями или же не однородны между собой (не суть гомотипические по Оуэну» (Страхов, 1857: 3).

Необходимо понимать, чем вызвана такая категоричность Н.Н. Страхова. Типологические взгляды формируются в начале XIX века одновременно по двум направлениям: классификационном (таксономия), представителем

которой был Жорж Кювье (1769–1832) и организменном (морфология) – И. Гёте (1749–1832).

Ж. Кювье в царстве животных выделяет четыре основные ветви, разбивая их на классы и более мелкие таксоны, каждый со своим общим планом. *Планы строения* постоянны, что подтверждается, по мнению Кювье, принципом корреляций частей организма, предложенному Вик д'Азиром (1748–1794).

Согласно И.В. Гёте (1749 – 1832), центральную идею классификации организмов составляют *архетипы и трансформации*. Природа ведет себя как сверхорганизм, разные части которого претерпевают метаморфозы и этим дают начало всему разнообразию форм. Каждый метаморфоз и есть архетип – идеальный закон взаимопревращения форм, он не может быть представлен определенной формой. Классы, роды и виды – суть проявления этого закона. В этом же русле К. Карус (1789–1869), воспринявший у Гёте представление об органичности природы и ее метаморфозов, в своём «Учебнике зоотомии» (1818 г.) придаёт взглядам Гёте об одушевленности природы новый смысл, считая, что в природе все отражается во всем, в ней постоянно происходят взаимопревращения одних элементов единого плана строения в другие.

В это же время Э. Жоффруа Сент-Илер (1772–1844) развивал свои идеи единства плана животного мира, его «Философия анатомии» (1818) содержала многочисленные сравнительно-анатомические доказательства явления гомологии органов, при этом основным критерием общности организмов он считал общность индивидуального развития. В 1830 г. в течение 11 заседаний французской Академии наук между Ж. Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илером состоялась публичная дискуссия по основным проблемам естествознания, в результате которой Кювье получил поддержку европейских научных кругов. Этот спор, отразивший методологические противоречия эпохи 20–30-х г. XIX века, характеризуемой сменой понятийного и терминологического аппарата, побудил многих ученых высказаться по сути полемики. Идея Сент-Илера была поддержана Р. Оуэном (1771–1858), который применил ее для обоснования общего плана развития тетрапод и своей концепции гомологии – представления о том, что организм (и Природа в целом) структурированы единственным образом – в виде обобщенного архетипа, в скелете кисти такого идеального архетипа число костей равно пяти.

Н.Н. Страхову было понятно, что представление об архетипе Оуэна носит спорный характер и нуждается в уточнении. В работе «Об архетипе и гомологиях» (1848) Оуэн различает общую (соответствие строения тела или отдельной его части обобщенному идеальному архетипу); сериальную (соответствие нескольких частей организма, расположенных вдоль туловища архетипу) и специальную гомологию – соответствие частей или органов разных организмов, реализующих архетип по другому пути. Н.Н. Страхов доказал несостоятельность теории Оуэна и внес в понятие гомологии эволюционный аспект. Гомологичными он называл органы, имеющие единую топографию, структуру, развитие из общих эмбриональных зачатков, наличие между ними переходных форм. Выявление гомологичности органов, специфика их онтогенеза позволяла, по его мнению, создать их собственную естественную систему.

Н.Н. Страхов обращал внимание на мельчайшие особенности формы костей и их взаимного расположения, как на плоскости, так и в пространстве: «изучение формы костей и постепенное ее изменение есть единственный вполне надежный руководитель к открытию гомологии» (Страхов, 1857: 10). Н.Н. Страхов использует данные по морфологии запястий для обоснования подразделения запястий на три группы: А) Запястья с преобладающим развитием ладьевидной кости. Сюда относят высшие отряды (человекообразные обезьяны, хищные); В) Запястья с преобладанием трехгранной и крючковатой кости (насекомоядные, грызуны, травоядные киты, слоны); С) Запястья, в которых все кости развиваются одинаково (копытные животные) (Страхов, 1857: 11). Н.Н. Страхов отмечает, «чем общее группы, тем труднее их сравнивать и определять их сродство, то в этих случаях должно искать переходных форм» (Страхов, 1857: 9). Это позволило ему заметить неявное сходство между разными животными «Замечательно в этом делении сближение таких отделов млекопитающих, которые в зоологических системах обыкновенно не стоят рядом. Сближение это совершается согласно со многими другими чертами сходства, уже замеченных знаменитыми учеными» (Страхов, 1857: 12). В частности, Н.Н. Страхов отмечает сходство строения запястий ластоногих и хищных: «запястье ластоногих имеет весьма редкие особенности, хотя очевидно оно есть только видоизмененное запястье хищных» (Страхов, 1857: 22), «запястье ламантина и дамана (жиряка) несколько напоминает слона» (Страхов, 1857: 33), наряду с другими, эти факты позволили впоследствии сделать вывод о происхождении ластоногих от наземных хищных и отдаленное родство даманов и слонов. Запястье грызунов вовсе не указывает на промежуточное положение между хищными и обезьянами, как утверждал Кювье, но «грызуны несомненно более сходные между собой, чем с хищниками или обезьянами» (Страхов, 1857: 25). По поводу редукции пальцев у копытных, Н.Н. Страхов пишет: «только зная одноименные кости запястья, можно найти, как пальцы пропадают и как число их доходит до одного» (Страхов, 1857: 39). Критикуя Ж. Кювье, Н.Н. Страхов пишет: «можно прямо сказать, что только одно изучение формы костей может вполне устранить ту шаткость, которая всегда остается в определении их (гомологичности) только по одному положению. Изучение формы костей и постепенного ее изменения есть единственный и вполне надежный руководитель к открытию гомологии» (Страхов, 1857). По Н.Н. Страхову, основными критериями гомологии необходимо считать единство структуры и положения органов, развитие их из одинаковых эмбриональных зачатков, наличие переходных форм между гомологами. Российская наука может гордиться таким ученым, как Н.Н. Страхов, так как он на сто лет ранее, чем немецкий зоолог и сравнительный анатом А. Ремане (1898–1976) разработал аналогичные критерии гомологии, и одним из первых отечественных ученых обратил внимание на особенности структуры и развития конечностей для построения филогенетических связей (Шило, 2014).

Защита диссертации состоялась в 1857 г. в стенах Санкт-Петербургского университета. Н.Н. Страхову пришлось отвечать на замечания и вопросы

оппонента профессора Л.С. Ценковского, который подверг критике диссертацию сразу по нескольким параметрам: методологии, методике исследования, выводам.

Л.С. Ценковский был молодым, но уже известным ученым, защитившим в 1846 г. магистерскую диссертацию на тему «Несколько фактов из истории развития хвойных растений» и в 1856 г. докторскую на тему «О низших водорослях и инфузориях» и получивший ученую степень доктора Естественных Наук. В 1856-1857 гг. Л.С. Ценковский посещает ряд университетов в Западной Европе и по возвращении читает в Петербургском университете «Органографию Растений», «Систему растительного царства», «Физиологию растений», «Ботанику в применении к Сельскому Хозяйству», проводит со студентами занятия по микроскопии.

Представление об аспектах критики диссертации Л.С. Ценковским можно получить при анализе другой работы Н.Н. Страхова, написанной вдогонку, уже в конце 1857 г. «О методе наук наблюдательных» (Страхов, 1858) – своеобразном ответе Н.Н. Страхова на критику его оппонента, в котором диссертация стала объектом исследования и рефлексии для ее автора. Эта новая работа не только позволяет понять суть диссертации неискушенному читателю, но сам автор ее раскрывается с новой стороны: язык статьи более образный, сочный, иногда метафоричный, но всегда очень убедительный, а Н.Н. Страхов – уже не диссертант, а бесстрашный ученый, представляющий всю сложность взаимоотношений структуры организма и его отдельных органов в связи с их функциями, способный к обобщениям в общем контексте морфологии животных. Именно эта работа, как более информативная, легла в основу историко-научной реконструкции А.А. Поздняковым ранних типологических представлений Н.Н. Страхова. Эпистемологический подход к изучаемой проблеме позволяет прояснить историко–культурный и научный фон, в котором осуществлялась жизнь Н.Н. Страхова–его учительская служба, кропотливые остеологические исследования, научные традиции, принятые в университете.

Н.Н. Страхов, тонко намекая на проявленную на защите зоологическую некомпетентность Л.С. Ценковского, пишет: «Возражения, сделанные мне г. профессором Ценковским при защите моей диссертации «О костях запястья млекопитающих», подали мне мысль – составить настоящую статью. Я взялся за этот предмет тем с большим удовольствием, что мне представлялся случай выразить мысли, уже давно возбужденные во мне размышлением о предмете моих занятий. Хотя в моем рассуждении, о котором я упомянул, я строго следовал этим самым мыслям, применяя на деле общие взгляды к частному случаю, но, разумеется, я не мог выразить их вполне, и их трудно видеть среди бесчисленных подробностей, непонятных без особого знакомства с предметом» (Страхов, 1858: 12).

А.А. Поздняков отмечает, что в контексте естественной истории важное место отводилось таксономии, как науке о естественном порядке, в основе которой лежал принцип дискретности. Типология, одной из проявлений которой является таксономия, уже имела в середине XIX века строгий логико–понятийный

аппарат, который был использован для обоснования двух различных взглядов в науке о живом, двух структур мышления – Ж. Кювье и Ж. Сент–Илера. Н.Н. Страхову для обоснования своих выводов пришлось на страницах диссертации дискутировать с мнением их обоих, а также многих других.

Как ботаник, Л.С. Ценковский был хорошо знаком с работами К. Линнея и знал, что тот признавал свою систему искусственной, но при этом отрицал саму возможность создания естественной системы, объясняя это тем, что все растения проявляют родство друг к другу и «природа не делает скачков» (Страхов, 1857). Представления же Н.Н. Страхова о реальности классификации растений и животных, напротив, основывались на принципе дискретности, что противоречило взглядам оппонента (Поздняков, 2017). Не мог оценить Л.С. Ценковский и метод установления гомологии в строении органов, предложенный Н.Н. Страховым и связь гомологии с классификацией органов. Аналогичные представления были высказаны в 1977 г. отечественным палеоботаником, систематиком растений С.В. Мейеном (1935–1987) (Поздняков).

Н.Н. Страхов не видел противоречия в том, что его методика классификации частей связана с концепцией гомологии и основана на принципе непрерывности, а реальность классификации организмов подтверждает принцип прерывности. С.Ю. Мейен написал по этому поводу: «Только исследователь может решить, какую систему он полагает самостоятельным объектом, а какую – частью объекта. Устанавливая взаимоотношения целых, мы создаем таксономию, а устанавливая взаимоотношения частей – мерономию» (Мейен).

Н.Н. Страхов понимал, что его диссертационная работа носит частный научный характер, но вписывается в рамки органографии – классификации различных форм органов и создание их естественной системы. Классификация запястий млекопитающих не нашла последователей во времена Н.Н. Страхова, но ему самому позволила разработать принципы гомологии конечностей и обосновать связь их с классификацией животных.

После защиты диссертации Н.Н. Страхов не получил должность преподавателя университета, на которую обоснованно претендовал, не захотел покидать Петербург и до 1861 года оставался служить учителем гимназии, посвящая все больше и больше времени литературной критике, переводам, естественнонаучным статьям, философии и редакционной работе.

В лице Н.Н. Страхова Петербургский университет и российская наука потеряли ценного ученого, а мир приобрел философа, способного видеть мир как целое.

Литература

1. Мейен, С.Ю. Основные аспекты типологии организмов // Журн. общ. биологии. 1978. Т. 39. № 4. С. 495-508.
2. Поздняков, А.А. Типологические представления Н.Н. Страхова // *Lethaea rossica*. 2017. Т. 15. С. 47-55
3. Страхов, Н.Н. О костях запястья млекопитающих // Журнал Министерства народного Просвещения. СПб., 1857. № 9. С. 274-332.

4. Страхов, Н.Н. О методе наук наблюдательных. // Журнал Министерства народного Просвещения. СПб., 1858. № 1–12.
5. Шило, Е.И. О первом научно–мировоззренческом опыте Н.Н. Страхова // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. Т. 1. № 2. С. 71–77.

ОБ АВТОРЕ: *Шило Елена Ивановна*, кандидат биологических наук, свободный исследователь, Белгородская обл., Белгородский район, п. Октябрьский, ул. Победы, д. 15, 308590, Россия; shi-e@yandex.ru

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

**ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ**

Сборник материалов международной
научно-практической конференции молодых ученых

Белгород, 18–20 апреля 2024 года

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 21.04.2025.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 7,1 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48